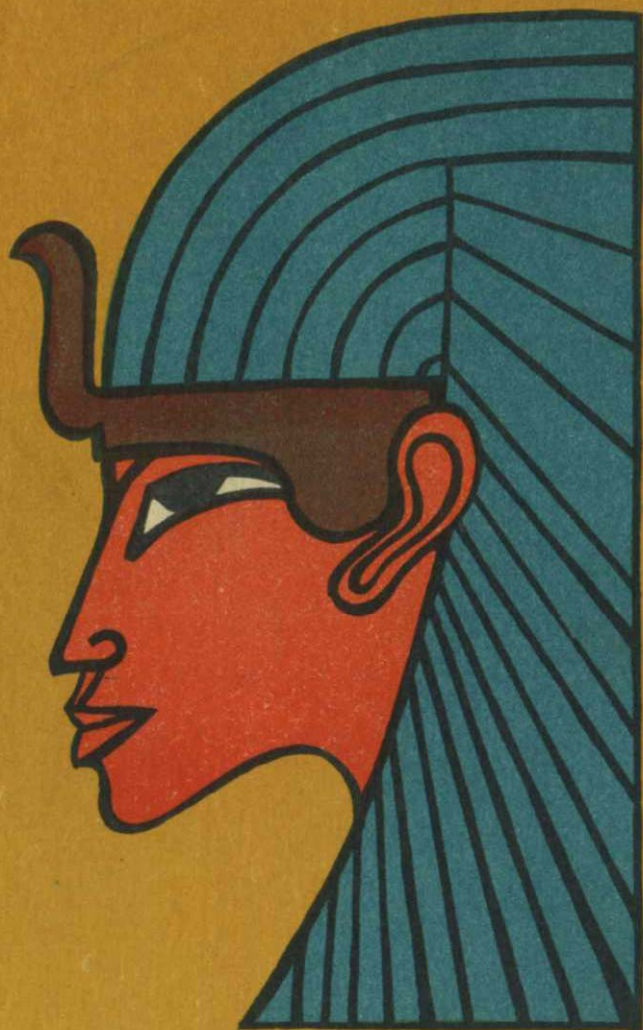

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

Каир

ДЖЕЙМС
ОЛДРИДЖ

Каир

БИОГРАФИЯ
ГОРОДА

перевод с английского
О. ОРЕСТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
МОСКВА

1970

JAMES
ALDRIDGE

CAIRO

BIOGRAPHY OF CITY

Английский писатель Джеймс Олдридж хорошо известен советским читателям. Дж. Олдридж много путешествовал. Он автор нескольких переведенных на многие языки романов: «Подписано их честью», «Морской орел», «О многих людях», «Дипломат», «Охотник» и «Мой брат Том».

Долгое время Дж. Олдридж жил в Каире. Он исходил вдоль и поперек его улицы, понял и полюбил этот город.

«Каир» Д. Олдриджа – повесть о жизни этого города с начала его шеститысячелетнего существования и до наших дней, когда его народ живет под угрозой израильских бомб. Это его история с первобытных времен до современности; от Каира фараонов до Каира Насера; от Каира Моисея до Каира римлян и всех его последующих, жаждавших крови завоевателей – арабов, сельджуков, мамлюков, французов при Наполеоне, Мухаммеде Али и его династии, а с 1882 года англичан; и наконец с 1952 года Каира революционного правительства Насера, Каира нынешней столицы Объединенной Арабской Республики.

Научный редактор
доктор экономических наук И. БЕЛЯЕВ

Художник Г. ПОНДОПУЛО

Предисловие

Когда мой американский издатель спросил, не соглашусь ли я написать биографию Каира, я с готовностью принял его предложение. Я был уверен, что на это понадобится ну год или в крайнем случае полтора. На самом деле мне потребовалось три года. Два года ушли на исследования, один – на работу над книгой. Сейчас идет четвертый год, а я все еще вношу в книгу дополнения и поправки.

Подлинным источником вдохновения для биографии Каира была моя горячая любовь к этому городу – не только к живому, современному, но ко всему сложному историческому процессу, в ходе которого он родился и созрел, став в конце концов настоящей столицей независимого государства.

Работа над книгой заняла так много времени потому, что с каждым шагом я все больше углублялся в отдельные периоды фантастической истории города, заглянув даже в доисторическую эпоху. Так постоянно передо мной развертывалась история Египта, словно драматический детективный рассказ. Я употребляю термин «детективный рассказ», ибо мне пришлось искать концы нити в гигантском клубке исторических материалов, которые содержали массу фактов, но не могли подсказать мне научного объяснения сотен чудесных превращений, составляющих историю Каира. Я раскопал много интересных документов в Британском музее, а затем перебрался в Каир, чтобы на месте установить связь исторического материала с тем, что еще сохранилось в городе от романтического прошлого.

Основная трудность заключалась в

том, что приходилось искать совершенно новое толкование событий каждого периода. Факты сами по себе ничего не говорят вам – их необходимо правильно понять. И только с помощью марксистского анализа материала мне удавалось восстанавливать те изумительные черты развития Каира, которые нельзя было бы распознать методом формальной истории. Так, исследование раннего, коптского периода истории Каира проливает свет на примитивное христианство и на то, как египтяне использовали его в революционных целях (не говоря уже о его корнях в древней египетской религии). По-моему, какому-нибудь историку стоило посвятить жизнь изучению и объяснению языческого и мятежного характера древних коптов.

Современный Каир нельзя рассматривать только как материальный памятник его замечательного прошлого. В течение двух тысяч лет в Каире хозяйничали то те, то другие чужеземцы. Борьба каирцев против угнетателей была повседневным явлением в городе с самого момента его рождения. Но не все оккупанты были дурными. Некоторые принесли культуру, богатство и способствовали процветанию города. Арабы основали в Каире феодальное королевство, которое чрезвычайно обогатило средневековую культуру. Каирские ученые, художники и мыслители сделали очень многое, чтобы сохранить для Запада бесценные источники его собственной культуры – труды великих философов, математиков и ученых Древней Греции.

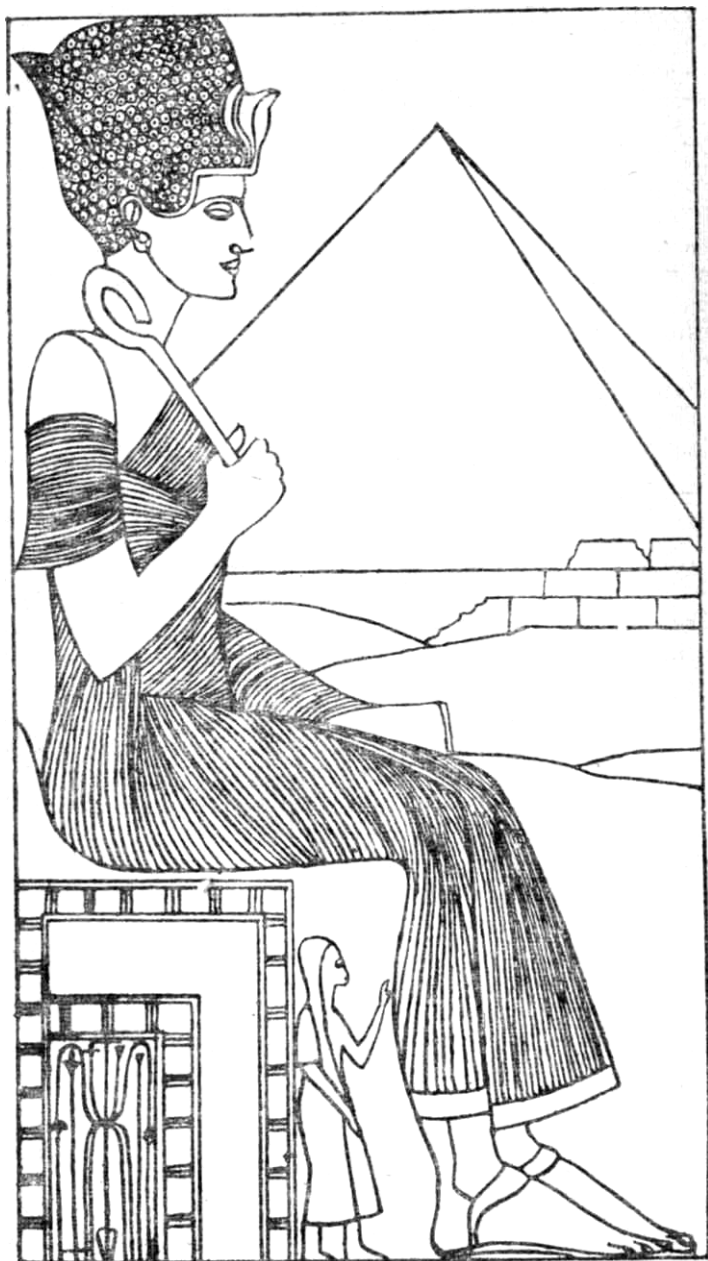
И все же улицы города слишком часто обгадряла кровь. Слишком часто фанатики навязывали городу свои экзотические причуды. Слишком часто на воротах аль-Кахиры*, построенных тысячу лет назад, появлялись отрублен-

* Аль-Кахира – арабское название Каира (*Прим. ред.*)

ные головы бесчисленных жертв. Горели библиотеки, уничтожались великолепные сады, жителей города обрекали на нищету, а иногда доводили и до каннибализма.

Но всегда каирцы выходили победителями из испытаний. Чем глубже проникал я в Каир, чем больше читал о нем, тем больше восхищался я каирцами. Их терпение, их жизнерадостность, их неизменный юмор, их упрямая решимость пережить своих угнетателей и оккупантов, их мятежный дух и революционная борьба в итоге обеспечили им то будущее, которое они могут наконец назвать своим собственным.

Джеймс **ОЛДРИДЖ**

1 Фундамент

Европейцу сейчас, пожалуй, легче восстановить картину зарождения Каира, чем египтянину, ибо в его истории слишком много неегипетских влияний. До 1952 года город строил кто угодно, только не египтяне. Современные кварталы Каира явно европейские, но и старый средневековый город построили чужеземцы, завоеватели, иногда еретики, наемники и пара сумасшедших. Самые прекрасные памятники исламу зачастую возводили правители, которых нынешние египтяне вряд ли сочли правоверными мусульманами. И даже теперь, когда впервые за свою историю город стал египетским, архитектурные коробки больших отелей и претенциозные новые пригороды скорее напоминают о спекулятивных строительных лихорадках Парижа или Рима.

Хотя сами египтяне мало участвовали в создании города, они постоянно были его лавочниками, лодочниками, каменщиками, плотниками, врачами, слугами, художниками, историками, время от времени – его аристократией, а чаще его рабами. Почти два тысячелетия население Каира с кем-то боролось за обладание своим городом. Он всегда был ценной добычей – не сам по себе, а в силу огромных богатств, накопленных в этом торговом городе. Возможно, Каир остался бы ничтожной деревней, если бы Греция и Рим не использовали его как важный порт для перевозок зерна из Верхнего Египта к Средиземному морю. Позднее, в средние века, он превратился в коммерческий банк, товарный и таможенный склад на мировых торговых путях между Западом и Востоком. Они проходили через Египет и, конечно, обогащали Каир, благодаря чему именно он, а не Багдад (как некоторые полагают) стал сказочным городом «Тысячи и одной ночи».

Существовало семь Каиров. Точнее, девять, если считать, что во времена строительства пирамид район Каира представлял собой королевскую ферму, и если добавить древний город Гелиополис, где в течение многих веков находился самый передовой в мире университет и центр доклассических знаний и наук. Оба района – пригороды современного Каира. Точное расположение семи (или девяти) Каиров хорошо известно, но обнаружить их и проследить, где один переходит в другой, все равно что решать головоломку. Беда в том, что никого больше не интересуют поиски Каира: ни ученых, ни археологов, ни даже туристов, ибо их внимание привлекают обильно лежащие на поверхности экзотические останки древности. В этом отношении большой вред приносят проклятые пирамиды!

Во всяком случае, для розысков Каира быть археологом не так уж нужно. Куда полезнее знакомство с мелодрамой. События, составившие семь актов сотворения города, зачастую настолько фантастичны и неправдоподобны, что документальное изложение их ничего бы не доказало, кроме того, что в Каире не прекращалась жестокость, а граждане его непокоримы. Подлинный же характер города всегда был чрезмерно экзотическим.

Не поддаться насилию и жестокости обитателям города помогла их способность быстро восстанавливать бодрость духа и удивительное чувство юмора, с которым не мог совладать ни один завоеватель. К несчастью, всякий раз, как они, пострадавшие от угнетателя, в конце концов обезоруживали его, неизбежно появлялся новый монстр (прежде, чем они могли воспользоваться плодами своей победы). Моральный подъем в Каире обычно длился недостаточно долго, чтобы город мог предотвратить очередное нашествие и справиться с ним.

Но все это уже в прошлом. Каир сегодня – высококонрастный, почти пуританский город. Может мелькнуть мысль, что он стал очень скучным. Пока это не так. Сочетание принципов новой морали с еще живой старой системой коррупции приводит иногда к удивительным результатам.

Чтобы взглянуть на Каир, лучше всего подняться на вершину горы Мукатта, откуда открывается панорама столицы. Там находится ночной клуб «Казино де Монте Белла» (азартные игры в Каире запрещены, если не считать специального казино для иностранцев). Днем и ночью невидимая рука набрасывает на город легкую, непрерывно меняющую тона волшебную вуаль.

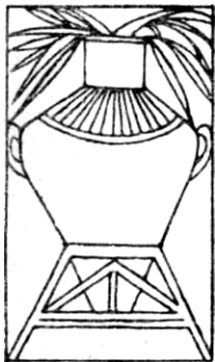
Горная терраса удобна и тем, что с нее вы можете охватить взором долину, пустыню и реку, и, увидев Каир в этом обрамлении, вы поймете, почему он возник именно здесь. С юга из глубины Африки течет плоская бесконечная река. На западе – первые протоки богатой дельты. На севере Нил целеустремленно несет свои воды к Средиземному морю и к Европе.

Мукатта же на востоке; вы находитесь на самом краю Аравии, так как эта гряда завершает собой Аравийские горы – известняковый хребет, протянувшийся через всю Азию до самого Китая. Каир построен там, где встречаются с Европой Африканский Египет и Азиатская Аравия.

Город вырос в долине, некогда лежавшей на 250 метров ниже уровня моря; она дважды поднималась и опускалась, пока не успокоилась в нынешнем ложе. Бурные ливни размыли длинный аллювиальный бассейн, и когда человек начал спускаться сюда с гор на охоту, перед ним открылась такой ширины река, что геологи именуют ее «безбрежным Нилом» (вероятно, ширина достигала тогда 30-40 миль). Постепенно огромная река высыхала, и равнины, которые видны теперь из «Казино де Монте Белла», зарастали густыми лесами, где обитали газели, дикие быки, бабуны, антилопы, слоны, гиппопотамы и другие животные, ныне встречающиеся только в Центральной Африке. Дикари, убивавшие гиппопотамов кремневыми дубинами и копья-

ми, наверное, принадлежали к самым процветающим охотничьим племенам той эпохи. Не потому ли именно здесь так рано появился высокоразвитый человек? Археологи все еще спорят о происхождении земледелия на Ниле. Большинство полагает, что в каменном веке вдоль Нила жили охотничьи племена, которые были покорены воинственной расой с более высокой культурой. Ученые – сторонники этой теории именуют завоевателей «династической расой», ибо предполагают, что с них берет начало великая династическая история Египта. Их противники утверждают, что исключительно благоприятные природные условия сами по себе способствовали процветанию людей с берегов Нила и в ходе естественного процесса развития повышался и уровень их культуры. Таково, по мнению этих ученых, было зарождение династической эры.

В истории этих равнин, очевидно, был период, когда все мужчины охотились, а женщины занимались земледелием. На ранних ступенях общественного развития земледелие всегда было уделом женщин. Они же контролировали производство, а следовательно, и общество в целом. Половая жизнь женщины диктовала содержание всех магических обрядов, связанных с культом плодородия, в которых мужчина символизировал лишь оплодотворение. И только когда войны за захват новых территорий стали необходимостью, женщины Нила потеряли свою власть. Война была естественным спутником охотника, что позволило в конце концов именно мужчине, а не женщине взять в руки контроль над всеми богатствами.

Даже в магических и религиозных культах произошли чисто социальные изменения – от божественной матери к божественному сыну.

На более поздней стадии перехода от матриархата к патриархату и возник древний организованный Египет. Приходится сожалеть о том, что материальные свидетельства его зарождения погребены под толстыми слоями нильского ила, который заполнил дельту и похоронил исторические памятники. Все, что нам досталось в камне, – это великие пирамиды, У их подножия и начинается драма.

2 Династический Каир

Когда я впервые прочитал в известном «Руководстве» по египетской религии Адольфа Эрмана, что периметр самой большой из трех пирамид равен лондонской площади Линкольнс-инн-Филдс, я не поверил. Придя на это место, я убедился в правильности его утверждения. Он не ошибся. Пирамида точно заняла бы эту площадь.

Позднее я стал у подножия большой пирамиды (Хуфу) и пытался представить ее окруженной конторами лондонских адвокатов и нотариусов, но ничего не получилось – уж слишком различны и масштабы и вся обстановка. Пирамида не терпит сравнений, она уникальна и поражает воображение. Когда Наполеон увидел великую пирамиду, он сразу же в уме подсчитал, что из двух с половиной миллионов ее каменных глыб можно было бы построить стену вокруг Франции высотой в три метра. Из множества надписей, покрывавших тогда пирамиды, Геродот приводит одну, которая упоминала огромные суммы денег, истраченных на лук и чеснок для рабочих. Вся серьезная литература о пирамидах изобилует такими примерами: каждому хочется почему-то приблизить эти пирамиды к обычным земным масштабам.

Но если вы захотите обнаружить древнюю связь пирамид с Каиром, вы невольно сделаете иные выводы.

В ноябре 1966 года я стоял у подножия второй пирамиды (Хефрена) с д-ром Ахмадом ас-Санадилли, египтологом из Каирского университета. Мы размышляли о том, как выглядел Каир и его окрестности пять тысяч лет назад. Ас-Санадилли сказал, что, по его мнению, он был таким же, как и сейчас.

– Уберите телеграфные столбы и многоэтажные здания, а все остальное: пашни, пальмовые рощи, каналы, птицы и люди выглядело так же и в те времена, когда Хуфу приезжал сюда из Мемфиса проверить, как идет строительство его пирамиды.

Не нужно обладать богатым воображением, чтобы, сидя на каменном выступе пирамиды № 2, мысленно населить район Каира крестьянами, лодочниками (с их лодками длиной в 50 метров), поварами, ремесленниками, каменщиками, знатью, жрецами, а также быками, собаками и кошками, существовавшими здесь пять с половиной тысяч лет назад. Каир представлял собой большое земледельческое хозяйство, которое снабжало строительство пирамид овощами. Лук, чеснок

и редиска – это все, что правительство давало за свой счет строителям пирамид.

Можно предположить (с этим согласен ас-Санадили, хотя определенных доказательств нет), что район Каира был тогда королевским поместьем, за счет доходов которого фараон содержал храмы своей пирамиды. Вся земля Египта принадлежала фараону, и его поместье поставляло в основном продовольствие для строителей пирамид и королевских амбаров. Что выращивали на этих полях до возникновения Каира? Древние египтяне, как и современные, ели много овощей (и употребляли большое количество слабительных средств!), но главными культурами были: горох, бобы, огурцы, дыни, лук порей, финики и редиска. Были еще два продукта (возможно, они первыми появились в долине Нила), которые на протяжении десятков тысячелетий составляли основу пищи бедного крестьянина, – это корни лотоса и папируса. Свитки папируса были когда-то главной статьей египетского экспорта. Благодаря наличию дешевого папируса античному миру удалось сохранить письменные памятники своей истории, деловых связей, дипломатии, искусства и литературы. Когда появилась бумага, позднее попавшая также в Египет, Грецию и Рим, папирус исчез. Его, как и лотос, больше не выращивали и не ели. Сейчас бедный египтянин питается особым видом фасоли, именуемой «фуль».

На полях у Нила все растет необыкновенно быстро и пышно. Но земледелец работал на поле всю жизнь, изо дня в день, с зари до темна, и все же оставался полуголодным. За тысячи лет до возникновения пирамид и в последующие века нильский ил позволял зажиточным фермерам собирать ежегодно по два и даже три обильных урожая. Нил так же плодороден и ныне, но крестьянин по-прежнему беден, хотя сейчас и не так, как в древности.

Рядом с королевским поместьем вблизи пирамид существовал сравнительно большой временного типа город. В течение 25 или 30 лет сотни тысяч людей тесали и шлифовали здесь огромные каменные глыбы, а затем укладывали их одну на другую. На холме у пирамид есть невзрачный танцевальный клуб «Стереоклаб», а рядом с ним руины жилых домов строителей пирамид. Сидя как-то ночью на этом песчаном холме, я гадал, зачем понадобилось фараону строить крепость для своей души на таком сухом и пустынном плато. Почему бы было не построить ее к северу, в дельте, или к югу, где долина расширяется?

Ответ имеет даже теперь большое значение для Каира. У Хуфу было два королевства – Красное королевство на севере и Белое королевство на юге, причем он, как «господин двух земель», олицетворял их единство. Именно поэтому он хотел замуровать свою душу на вечные времена где-нибудь на линии, разделявшей два королевства. Эта линия проходила здесь на плато.

Сегодняшний Каир стоит на той же границе двух королевств, ныне именуемых Верхним и Нижним Египтом. Так же, как Хуфу в древнем

королевстве, Каир, столица двух столь несходных частей Египта, сегодня олицетворяет государственное единство.

И все же, почему именно здесь? Почему не ближе к реке? Небольшое сухое плато и есть ответ на этот вопрос: потому что оно сухое и на нем находится неограниченный запас строительного камня. Кроме того, плато расположено к западу от реки, а запад принадлежал мертвым – здесь и полагалось хоронить королей. Почти все камни для внутренней части пирамид добыты на песчаном плато, а камни для полированной поверхности пирамид доставляли во время разлива Нила из каменоломен в местечке Тура, находящемся на другом берегу реки, к югу от Каира. Несколько таких камней лежат на вершине пирамиды Хефрена. Теперь желтые от времени, они когда-то сверкали белизной.

В конце 1966 года я навестил д-ра Али Хасана, когда он раскапывал могилы за пирамидой Хефрена. Он только что отбросил кучу мусора, сотни лет лежавшего у основания пирамиды. Под ним он обнаружил много полированных каменных глыб из Туры, прекрасно сохранивших свой первоначальный цвет и совсем не пострадавших от времени. Глядя на эти белоснежные камни, понимаешь, как должны были ослепительно блистать эти белые чудовища!

Высокие белые скалы Туры (ныне пригорода Каира) используются сегодня как каменоломни для национализированной цементной промышленности Египта. Ежегодно здесь добывают тысячи тонн камня, дробят его и превращают в один из лучших цементов мира. Современный Каир, по сути дела, построен из этого замечательного материала, а улицы Туры, автобусы, дома, лодки и ослов покрывает тонкий слой белой пыли.

Строителей Каира всегда привлекало наличие хорошего камня. Но тончайшими знатоками этого камня были скульпторы и архитекторы Хуфу. Они не только шлифовали его до толщины оптического стекла и создавали из него каменных колоссов, но и с удивительной изобретательностью использовали камень прямо на месте. Сейчас полагают, что фундамент пирамиды № 2 представляет собой находившуюся здесь каменную скалу, а Сфинкс (вероятно, идеализированный портрет Хефрена) не что иное, как обработанный мягкий камень, оставшийся на поверхности после того, как строители использовали имевшийся тут камень твердый. Скала сама по себе напоминала крадущегося льва, и, как пишет д-р Ахмад Фахри в книге «Пирамиды», архитекторам Хуфу она представилась в виде великолепного Сфинкса. Они превратили мозоливший глаза уродливый камень в блистательный памятник своим царям.

К сожалению, камень, из которого выбит Сфинкс, очень мягок и сильно пострадал от эрозии, но еще больше от рук уродовавших его сотен поколений визитеров. Нос Сфинкса отломал не Наполеон, а религиозный шейх, пытавшийся уничтожить его в 1496 году. А любители надписей приступили к «работе» чуть ли не в день его создания. Самая знаменитая надпись на классическом греческом языке сделана на лапе Сфинкса во времена Птолемея. Писавший поясняет в стихах,

что он, подобно Сфинксу, предпочитает веселье и танцы «перерезанным глоткам людей»:

...они тоже разрушены,

Эти стены Фив, что построили Музы;

Но стена, принадлежащая мне, не знает страха

перед войной,

Она не знает ни разрушений войны, ни стенаний.

Она наслаждается пирами и празднествами.

Хорами юношей, собранных со всех сторон.

Мы слышим флейты, а не трубы войны,

И кровь, что заливает землю, — это кровь жертвенных

быков,

А не из перерезанных глоток людей...

Я помнил эти греческие стихи по книге покойного д-ра Селима Хасана «Великий Сфинкс и его тайны» и попросил его племянника д-ра Али Хасана оторваться от раскопок и пойти со мной к Сфинксу, чтобы найти эту жемчужину классического вандализма. Мы так и не нашли ее – стихи исчезли! Каким образом?

– Не знаю, – сказал в отчаянии Али Хасан после того, как мы осмотрели Сфинкс с ног до головы, – ума не приложу!

Либо мы просто не заметили стихи (что маловероятно), либо же они исчезли раз и навсегда, что тоже сомнительно. Во всяком случае, это была одна из немногих надписей, которую следовало сохранить.

Надписи и туризм всегда сопутствуют друг другу, и с тех пор, как пирамиды перестали быть заповедником, люди стремились взглянуть на них.

Всерьез туристы потянулись сюда примерно с 700 года до н. э., и с тех пор столько тысяч людей забирались на вершину большой пирамиды и писали там свои имена, что я спросил крестьянского парня, который за деньги поднимается на пирамиду и спускается с нее за семь минут, сколько имен нацарапано на ее вершине.

– Около миллиона, – ответил он, не задумываясь. Из миллиона он запомнил только два имени: Эдуарда VII и короля Фарука. Самый известный вандал современности – Белцони, цирковой силач XIX века, грабитель могил и археолог-самоучка. В 1818 году он пробрался внутрь второй пирамиды и не только выбил на камне у пролома свое имя, но и вывел большими черными буквами прямо на могиле: «Scoperta da G. Belzoni. 1818».

До того как Белцони и подобные ему создали вокруг пирамид сенсацию и европейская публика хлынула к памятникам, их посещали (довольно ограниченно) путешественники, военные, политические деятели, исследователи и философы, то есть лица, приезжавшие в Каир по делам. Некоторые изучали пирамиды, но в большинстве своем были простыми туристами. Вероятно, пирамиды посетили Цезарь и Клеопатра, когда они поднимались по Нилу на роскошной барке Клеопатры. Геродот приходил сюда в сопровождении жреца из Гелиополиса, наверно, здесь побывал и Платон, изучавший науки в соседнем

Гелиополисе. Посмотрели пирамиды Страбон, Диодор и почти все, кто путешествовал по Египту за две тысячи лет нашей эры. Лишь редкие гости Каира избегали взглянуть на них.

Из значительных лиц, которые отказались ехать к пирамидам, стоит упомянуть Шатобриана. Но он все же послал слугу, чтобы тот поднялся на вершину большой пирамиды и выпарапал имя своего хозяина – в знак того, что Шатобриан знал о существовании древнего памятника.

Сейчас «организованные» туристы могут увидеть и услышать все о пирамидах за один час, ибо система осмотра пирамид достигла совершенства. Польза от этого Каиру неоценима, и хотя международные и местные войны часто прерывали поток туристов, он рано или поздно возобновлялся в прежних масштабах. Продолжают поездки и ученые, так как с археологической точки зрения пирамиды еще далеко не исследованы.

Война 1967 года помешала одному интереснейшему событию в области пирамидологии. Д-р Луис Альварез из Калифорнийского университета собирался с помощью электронного прибора сделать «рентгеновское просвечивание» пирамиды № 2, с тем чтобы установить, есть ли внутри еще гробницы.

Вполне естественно, что Каир богатеет на пирамидах, теперь неотделимых от него, как и сам Каир неотделим от пирамид.

Однако из сотен тысяч людей, побывавших здесь за последние две тысячи лет, только немногие обращают внимание на самую интересную пирамиду – четвертую. Сама по себе маленькая пирамида ничем не примечательна, ее с трудом можно найти. Но она является краеугольным камнем сложной исторической неразберихи, унаследованной нами от создателей пирамид.

Первая и самая большая пирамида (Хуфу, или Хеопса) была построена в разгар процесса концентрации экономической власти, символом которой был «один царь и один бог». Колоссальные материальные излишки находились в руках правящего класса, нуждавшегося в крепкой организации для сохранения своего господства. Так зародилась абсолютная власть фараона. Только ему в Египте дозволялось обращаться к богу, а поэтому вся экономика страны была подчинена его нуждам и интересам. Хуфу торжественно захоронили в пирамиде № 1, но в последующие шестьдесят лет жрецы, управлявшие хозяйством Египта в интересах фараона, стали выражать недовольство абсолютизмом, ибо он лишал их богатств.

Они жили в соседнем Гелиополисе и боролись за подлинную власть в стране, так как фактически являлись лишь ее администраторами. По мере обострения конфликта пирамиды, построенные приемниками Хуфу, становились все меньше и дешевле.

Когда Менкаура возводил третью пирамиду, конфликт между фараоном и жрецами достиг такого накала, что следующий фараон, Шепсескаф, был вынужден покинуть этот район и вовсе отказаться от мысли быть погребенным в пирамиде. Поступая подобным образом, он, очевидно, сделал попытку сломить власть жрецов, контролировав-

ших храмы у пирамид, а может быть, жрецы заставили его отказаться от создания колоссальных памятников для увековечивания королевской мощи и расточительности. Так или иначе Шепсескаф построил в пустыне Мастабат Фарун не пирамиду, а «маста-ба» (надгробие – *арабск. яз.*).

Последнюю главу в эту историю вписала сестра Шепсескафа – Кенткоус. При ней «божественное государство» рухнуло и жрецы захватили власть. Кенткоус вышла замуж за жреца из Гелиополиса, и переход власти к жрецам был завершен. С ее сыновей начинается пятая династия, которая была скорее феодальным царством, нежели «божественным государством» фараонов. Фараона стянули с небес и превратили в земного человека. Ра, абстрактный бог Солнца, стал могущественней фараона, и вполне понятно, что богом Ра ведали жрецы Гелиополиса. Фараон еще оставался в представлении общества полубогом, сыном бога, но абсолютизм, возникший в доисторические времена, исчез навсегда. Кенткоус сыграла важную роль в этой исторической революции, и возникшая здесь ранняя форма феодализма была своего рода предвестником исторического развития Европы.

Если бы прекрасная царица (известно, что она была очень красива) захотела, ее могли бы захоронить вместе с братом в Мастабате Фаруне, но она предпочла плато со старыми пирамидами, где покоился прах ее предков. Заброшенная четвертая пирамида и есть ее могила. Это небольшое сооружение позади Сфинкса, похожее на часовню в скале, с огромным погребальным отверстием и нишами, идущими вокруг стен. Перед входом – черная песчаная терраса: превратившиеся в пыль остатки глиняных жилищ рабочих, строивших могилу.

Ученые долго спорили на тему: могила это или пирамида? Д-р Селим Хасан, один из ведущих египтологов, настаивает, что это пирамида. Но его преемник в Управлении по охране древних памятников д-р Ахмад Фахми не согласен с ним.

По сути дела, оба они правы. Снаружи это пирамида, внутри – просто могила. С археологической точки зрения это не пирамида, но у памятника явно выраженные внешние признаки пирамиды. Исторически она является и тем и другим, что важнее всего. Кенткоус не могла полностью отрешиться от прошлого, но она уже осознала будущее. И эта маленькая женственная пирамида для человека, разбирающегося в истории, куда ценнее трех ее гигантов братьев, возвышающихся на холме. Так завершилась эпоха влияния пирамид на раннюю историю Каира, ибо после того, как была захоронена в часовне Кенткоус и навеки замурована тяжелая каменная дверь, господство живых и власть мертвых переместились на другой берег реки – в древний Гелиополис. Сейчас это беднейший район Каира, но во времена Кенткоус он был центром науки и знаний античного мира и подлинной столицей Египта.

3 Гелиополис

Если вы сегодня попросите каирца довести вас до Гелиополиса, то окажетесь в процветающем пригороде, построенном англичанами и бельгийцами и ничего общего не имеющем с древним городом. Египтяне не помнят о существовании античного Гелиополиса. Чтобы попасть туда на такси, нужно сначала поехать в предместье Матария, а затем сказать по-арабски водителю: «К упаковочной игле!» На бедных окраинах Матарии стоит одинокая заброшенная каменная колонна – все, что осталось от великолепного храма Ра. Здесь было сердце древнего Гелиополиса, а под соседней деревней Хосн аль-Араб похоронен остальной город.

Гелиополис – греческое название местности, которую древние египтяне именовали «эй-н-ре» (Обитель Солнца), а евреи, сказав эти слова, окрестили: «Он». С Каиром это место связано не камнями и развалинами, а особой для Египта трагедией – иностранной оккупацией. Персы, завоевавшие Египет в 525 году до н. э., считали, что, прежде чем подчинить весь Египет, им необходимо сломить влияние на жизнь египтян этого религиозного и административного центра. Камбис, сын Кира, сровнял Гелиополис с землей, – тем самым положив начало оккупации Египта, которая продолжалась непрерывно до 1952 года, с постоянно сменяющимися друг друга завоевателями.

Камбис поступал вполне продуманно, ибо связь Гелиополиса с жизнью египтян носила не только религиозный характер. Она отражала всю социальную структуру страны, со времени ее зарождения и до последнего периода декаданса. Таким образом, Камбис уничтожил не религию Гелиополиса, а *авторитет* религии, восстановить который полностью уже никогда не удалось. Правда, египетская религия пережила персидскую и греческую оккупацию и даже римскую. Она просуществовала до V века н. э. и тогда, наконец, слилась с коптским христианством, которое впитало в себя многие ее древние представления, упорно сохранявшиеся с доисторических, дорелигиозных и даже домагических времен.

До сих пор в повседневной жизни египетского крестьянина сохранились древние ритуалы. Когда я в последний раз бродил с д-ром Али Хасаном и другими египтологами по скопищу древнего мусора, на котором стоит Хосн аль-Араб, мы неожиданно оказались в хвосте деревенской свадебной процессии. Впереди шли два огромных быка с

разукрашенными рогами, за ними танцевавшие крестьяне. Вся процессия носила столь древний и языческий характер и в то же время так походила на обряды, вероятно совершавшиеся в древнем городе, лежавшем под нашими ногами, что мы все остановились. Наконец кто-то сказал:

– Привидения!

Подлинное привидение – сам древний город, духовный прародитель большинства «цивилизованных» религий. Когда поклонение Солнцу в Гелиополисе достигло своего расцвета (примерно в 2500 году до н. э.), в нем можно было различить черты не только будущего мессианского бога евреев, но и пречистого сына божьего, святой троицы. Эволюция религии Гелиополиса от раннего тотемизма до утонченной идеи абстрактного бога и есть социальная история примитивного и династического Египта.

Примитивные кланы всегда избирали своими магическими символами изображения животных и птиц, и из этого родилась целая мифологическая система. Но главное место в ней постоянно сохраняли два культа: бога Солнца Ра и бога реки Осириса. Осирис изображался как «мумия с длинным фаллосом... отец и мать людей, они живут твоим дыханием, они едят плоть твоего тела. Первоначало – их имя». Переплетающиеся мифы о двух главных божествах – какие бы варианты их ни появлялись позднее – легли в основу египетской религии. Однако в конечном итоге бог Солнца взял верх, ибо его культ был орудием власти жрецов и знати Гелиополиса. Они могли контролировать сложное сельскохозяйственное производство, так как культ Солнца был связан со знанием движения звезд. Астрономия позволяла им не только предсказывать приближение разлива Нила, от которого зависело египетское земледелие, но и давала им знание геометрии и тригонометрии, столь необходимых для размежевания полей после разлива.

Жрец Гелиополиса – благодаря науке, а не религии – стал вершителем судеб Египта, его судьей, землемером, архитектором, планировщиком, инженером и счетоводом. Все египтяне зависели от него, и в конечном итоге его власть превысила власть фараона. Поэтому значение Гелиополиса, города религии и науки, для Египта куда больше, чем любого города в любой стране.

Стоя посреди поля, заросшего фасолью, там, где когда-то был храм, и слыша за спиной шум современного Каира, трудно представить себе, каким был этот древний город. И все же сознание, что под четырьмя метрами нильского ила наверняка лежат редкие руины, неумолимо влечет на это место.

В 1966 году, 50 лет спустя после последних раскопок английского археолога В. М. Флиндерса Петри, египтяне снова приступили к работам. Петри приехал в 1912 году и сделал несколько траншей на илистых полях, рассчитывая определить периметр городских стен и найти второй обелиск, который, по его мнению, обязательно должен был составлять пару с сохранившейся до нашего времени колонной. Он нашел и стены и обелиск. А его отчет о раскопках не менее увлекателен, чем приключения Шерлока Холмса, тем более что он пользовался

дедуктивным методом знаменитого сыщика. Он брал сначала очевидные факты и, если они ничего не давали, искал ответ в том, что оставалось за пределами этих фактов.

Если посмотреть внимательнее, можно различить и остатки городских стен вокруг обелиска, которые обнаружил Петри. Справа стены проходят по склонам холма, на котором стоит деревня Хосн аль-Араб. Впереди находится возвышение с деревьями и кладбищем – здесь был угол одной из стен. Там же видна насыпь – по ней идет другая стена. Слева и позади лежит грунтовая проселочная дорога (она привела нас сюда) – это также стена старого города.

Сохранившийся обелиск стоял в открытом дворе храма. Когда-то этот двор считался святой святых, и на пирамидальной вершине камня, именовавшегося «бен-бен», возвышалась фигура крылатого Феникса. По словам Адольфа Эрмана, богу Солнца обычно поклонялись на открытом воздухе.

Гелиополис не был большим городом, и персам не составило труда сравнить его с землей. По мнению Петри, персы уничтожили его не только потому, что он был средоточием религиозной власти, но и потому, что они хотели помешать египтянам использовать его как военный форпост на восточной дороге, ведущей к Мемфису. Если это так, то, значит, Гелиополис играл в древнем мире ту же роль, что и Каир в средние века: он был оборонительным укреплением, которое должны были захватить пришельцы с востока, рвавшие в глубь Египта, к его сокровищам. Старый канал от Нила до Красного моря, проходивший за стенами Гелиополиса, также был важной артерией, соединявшей внутренние районы Египта с Красным морем. Понятно, что наступавшие с востока завоеватели придавали большое значение Гелиополису. К несчастью для города, он находился далеко от реки и не мог служить портом, поэтому проще всего было уничтожить его как помеху.

Гелиополис восстанавливали много раз. Рамсес II и Сесострис I, два выдающихся фараона в истории Египта, вели обширное строительство в Гелиополисе. Именно Сесострис I и возвел сохранившийся до наших дней обелиск три тысячи лет назад в честь основания нового храма. Четыре других обелиска, находящихся сейчас в Париже, Нью-Йорке, Лондоне и Стамбуле, были установлены Тутмосом III по случаю празднования его военной победы в 1450 году до н. э. – «перехода великой дуги реки Евфрат».

Достаточно остановиться у обелиска в Гелиополисе, и воображение поможет нарисовать картины далекого прошлого. Нужно только ознакомиться с той небогатой информацией, какую оставили нам современники этого памятника. Геродот бродил по Гелиополису и вокруг пирамид и восхищался всем, что он видел. По словам Генри Роулинсона, переведившего труды Геродота, старый грек был склонен «преувеличивать чудеса, иногда жертвуя истиной».

Судя по всему, Геродота (он был одним из первых туристов), пришедшего в Египет с персами, пытались ввести в заблуждение его проводники – жрецы Гелиополиса, но его не могли обмануть собствен-

ные глаза. «Страна кишит врачами...» — пишет он, добавляя, что они специализируются в различных областях медицины. Он рассказывает нам, как египтяне пекли корни папируса, мазали тело маслом кики, спали на болотах под сетками, чтобы спастись от москитов. Он восхищается уважением молодых египтян к старшим — юноши встают, когда в комнату входит взрослый. В его наивных, полных восхищения описаниях постоянно видишь горожанина из Гелиополиса.

Александр, который прибыл в Египет в 331 году до н. э., испытывал благоговейный трепет перед этой древней цивилизацией. Греки вообще с уважением относились к египетской культуре, к Гелиополису. И все же они перевезли всех богов и ученых Египта в новую столицу Александрию, которая была расположена поближе к их родине. Греки тем самым как бы изъяли Египет из Африки и навсегда сделали его средиземноморским государством. Один из генералов Александра, Птолемей Лаг, основал новую династию будущих фараонов, и, как ни сопротивлялся Гелиополис, город пришел в полный упадок.

Геродот был свидетелем первого проникновения греческой мысли и культуры в Египет (еще с персами), а Диодор Сицилийский наблюдал закат греческого влияния. Трудно сказать, что из написанного Диодором является наблюдениями очевидца, но известно, что он был в Александрии между 75 и 60 гг. до н. э., когда туда прибыла римская миссия, чтобы прибрать к рукам все, что осталось от эллинизированного Египта. Он даже рассказывает, как египтяне в клочья разорвали одного римского эмиссара за то, что он нечаянно убил на улице кошку. Через несколько лет прибыл Помпей, затем Цезарь и Марк Антоний, но они уже не испытывали, как греки, трепета перед египетской культурой и название Гелиополиса было для них пустым звуком.

Эпитафию старому городу написал греческий географ Страбон, посетивший руины Гелиополиса в 25 году до н. э. «В Гелиополисе, — пишет он, — я тоже видел большие дома, где жили жрецы; говорят, что в древние времена это место было поселением жрецов, изучавших философию и астрономию; но от их деятельности не осталось и следа... Нам показали дома жрецов и школы Платона и Эвдокса, так как Эвдокс приезжал сюда с Платоном (примерно в 380 г. до н. э.) и, как утверждают некоторые писатели, они прожили здесь 13 лет в обществе жрецов». По-видимому, утверждение Страбона, что Платон пробыл 13 лет в Гелиополисе, является преувеличением. В «Эпитомии» говорится о трех годах, а у Диогена Лаэртия — о 16 месяцах. Сам Платон даже не упоминает, когда он посетил Гелиополис. Наверное, мы так и не узнаем, чему он учился у жрецов.

По-видимому, Эвдокс (он был не только учеником Платона, но и видным астрономом) привез из Гелиополиса в Афины более точные измерения делений суток, чем имевшиеся у греков, и точное понятие о длине года, которое было им неизвестно. Вполне возможно, что именно Эвдокс после пребывания в Гелиополисе изобрел солнечные часы.

Бродя вдоль земляных стен Гелиополиса, невольно строишь догадки о том, в каком же месте этого поля, заросшего фасолью, жил Платон. Таким мыслям я и предавался, когда мое внимание привлекло

ветхое старое здание, напоминавшее изможденного старика – одни кости да кожа, гофрированное железо и выбитые окна. Оно шипело, кашляло и урчало. Оно стоит одиноко на поле, метрах в ста от обелиска. Что за чертовщина? – подумал я.

Объяснение оказалось очень простым, без всяких чудес. Это была все еще действующая старая текстильная фабрика. Здесь для нее самое подходящее место, ибо бритоголовые жрецы Гелиополиса тоже в свое время развернули широкое производство льняных тканей.

Я не успел закончить паломничества к Платону, так как в это время друзья-египтологи потащили меня через ухабы и холмы Хосн аль-Араба, чтобы показать только что раскопанный ими храм. Холм сухого ила был разрезан, словно торт, и в траншее виднелись руины небольшого храма, построенного Рамсесом II. Пришлось стать на четвереньки, чтобы взглянуть на прекрасно окрашенный фриз, который Рамсес беззастенчиво взял из здания, построенного Сесострисом, и уложил в фундамент своего храма.

Фриз очень красив, и мои египетские друзья уже оживленно спорили о смысле покрывавшего его орнамента. Меня же больше привлекали двое голых мальчишек, которые сидели на краю траншеи и усиленно тынули за хвост жалобно блявшего козла. В отчаянии козел воспользовался своим единственным «оружием» и пустил сильную струю на ноги ребятишек, что вызвало веселый смех у собравшихся жителей деревни. Храмы, грязь и веселье – примерно все, что сохранилось от Древнего Египта в этой деревушке, уже находящейся в пределах современного Каира. Она построена на руинах одного из самых блистательных городов истории. Здесь вы можете, как на ладони, увидеть все печальное наследие, оставленное Египту античным прошлым.

Египтяне – многострадальный народ, но даже в своей нищете, навязанной извне, они радуются всякой мелочи, никогда не чувствуют себя несчастными и не теряют способности смеяться. Они пережили гибель собственной культуры, своих городов и унаследовали только грязь и труд.

Руины Гелиополиса, как и вся деревушка Хосн аль-Араб, связаны и сейчас с Каиром только узами земли. Когда-то жрецы плыли по Красноморскому каналу к реке и пересекали ее, чтобы взглянуть, как идут работы у пирамид. Они отправлялись из Гелиополиса также для инспекции королевских поместий, на территории которых теперь стоит Каир. Здесь они разбирали крестьянские тяжбы, определяли, как должна распределяться вода для орошения, выдавали семена. Их власть носила экономический и социальный характер. После того как ее отняли у жрецов, осталась религия; пришла в упадок религия – не осталось ничего.

Пришедшие позднее римляне захватили все. За триста лет грекам так и не удалось покорить народы южного Египта, а римским легионам понадобилось на это пятнадцать дней. В том месте, где горы Мукаттам подходят к Нилу, римлянам был нужен военный форт, но они даже не взглянули на жалкие руины Гелиополиса и построили

крепость к югу от них, на берегу реки. Там разместились три легиона, и с этого, собственно, начинается история Каира, который мог родиться только в конце длительного процесса созревания античной цивилизации, в эпоху ее упадка.

4 Вавилон

Еще несколько лет назад можно было сесть в трамвай в центре Каира и подъехать почти вплотную к той самой римской крепости, с которой началась история города. За исключением специалистов, мало кто в Каире имеет представление о старом форте, а многие образованные каирцы даже не слышали о нем. Египетские христиане знают о нем больше, чем мусульмане, так как в его стенах встроены древнейшие коптские церкви. Египтяне называют этот любопытный уголок столицы Миср аль-Атика, то есть старый Каир. Здесь арабы отняли Каир у римлян, и здесь зародилась та своеобразная египетская форма христианства, которая пережила гонения Рима и Византии.

Первый форт на скалистом уступе над рекой построили персы в VI веке до н. э. И сейчас видно место, где он возвышался над старым Каиром. Некоторое время персидским фортом пользовались римляне, но им показалось, что он слишком уязвим. Воду в форт поднимали с помощью совершенно незащищенной системы блоков и ведер, которую постоянно приводили в движение сто пятьдесят человек. Именно поэтому римляне покинули скалы и спустились к реке, где римский император Траян построил новый форт. Но за последние 600 лет Нил изменил русло и оставил крепость на возвышенном и сухом месте.

Римляне выбрали этот прибрежный участок из военных соображений, но там уже находилось старое поселение времен фараонов, и порт, куда прибывали из Верхнего Египта зерно и тропические продукты. Это поселение называлось Вавилон. Название сохранилось до арабского вторжения, и даже после него европейцы долгое время продолжали именовать Каир Вавилоном. Ученые до сих пор спорят, почему поселению дали такое название. Почти определенно известно, что это искаженное древнеегипетское *пер-хати-н-Он*, что означает «Дом на Ниле по дороге в Он» – так египтяне называли близлежащий остров Рода. Но, как пишет Диодор Сицилийский, военнопленные, привезенные Рамсесом II из месопотамского Вавилона, восстали в знак протеста против невыносимого рабского труда, от которого свободомыслящие вавилонцы отказывались и у себя на родине. В Египте они, вероятно, работали в каменоломнях в Туре. Восстание перепугало фараона, и он отдал пленным участок около реки, где они создали колонию свободных людей, назвав ее в честь родного города – Вавилон.

Рим нуждался в Вавилоне. Траян разрыл старый канал времен фараонов, который существовал с 2000 года до н. э. и соединял Красное море с Нилом. Он вывел канал к Нилу вблизи крепости и открыл тем самым водную связь между Средиземноморьем и Аравией, между Римом и Индией. Вавилон превратился в крупный порт. Канал, именованный Амнис Траянас, можно считать своего рода первым Суэцким каналом, так как суда, приходившие в Красное море из Адена, Аравии, Индии и Африки, могли вступать в канал у Кулзума (ныне Суэц), плыть через пустыню к Вавилону на Ниле, а затем вниз по течению в Александрию, в Средиземное море и Рим.

Поездка в трамвае № 1 до Вавилона была раньше приятна еще и потому, что рельсы проходили прямо по засыпанному каналу Амнис Траянас, в котором была вода еще в 1899 году. Сейчас вдоль шари аль-Халиг (Улица канала) можно проехать только в автобусе или такси. Конечно, это совсем не то, ибо каирские трамвайные вагоны были построены в виде старинных галер, они ныряли и падали, перекатывались с боку на бок и трещали, словно преодолевая шторм. «Плавание» в трамвае вдоль Амнис Траянас было как бы частью древних морских традиций города.

Вавилон никогда не был греческой или римской столицей Египта. Пока Египет находился под оккупацией средиземноморских держав, столицей, естественно, оставалась Александрия. Она связывала Египет с европейской культурой оккупантов, с их европейским морем. Все греческие и римские дороги в Египте вели в Александрию, там сосредоточивались власть, искусство, политика, торговля, пшеница и деньги, религия и коррупция, удовольствия и развлечения. А в районе Вавилона происходили непрерывные восстания египетских крестьян и ремесленников, чем отчасти объясняется выбор этого места для военного форта. Рим нуждался в египетской пшенице, и были периоды в его истории, когда без нее он погиб бы от голода.

От Вавилона остался только форт, а на запущенных улицах старого Каира не сохранилось ничего от древнего города. Если вы войдете в небольшие ворота форта, то на самом деле окажетесь на его стенах, а не у их подножия. Сами стены похоронены под толстым слоем песка, ила и мусора, на котором и построены дома и улицы старого Каира. Внутри форта вы не увидите ничего римского или арабского. Но если у вас есть хоть капля воображения, вы поймете, что в каждой песчинке, каждом цветке в садах и в каждом кирпиче старых коптских церквей заложена ненависть Египта к его угнетателям.

Коптское христианство появилось в Египте нелегально во времена римской оккупации, когда Рим сломил хребет старой египетской религии, толкавшей народ на сопротивление завоевателям. По одному из первых римских декретов в Египте все имущество храмов было конфисковано и передано государству. Тем самым из рук египетских языческих жрецов вырвали основу их фактической власти. Рим подчинил всю жизнь египтян своим законам, и легионы, отправленные в крепости вроде Вавилона, должны были следить за выполнением законов, ибо Рим остро нуждался во всех продуктах, которые производил

Египет. Вполне понятно, что восстания египтян доставляли римлянам много неприятностей. Египетское движение сопротивления воодушевлялось своей собственной религиозной идеологией, которая и привела его к стенам вавилонской крепости.

Но это была не старая туземная религия, а ее новый, египетский вариант – подпольный христианский культ.

Под властью языческого Рима тайный культ Христа был культом голодного колониального ремесленника, восставшего раба, мятежного крестьянина и жестоко угнетенных меньшинств. В доплатоновском христианстве они нашли очень простую веру, которая якобы могла поддержать их в страданиях и сплотить для сопротивления. Но как религия христианство было не совсем новым для Египта. В V томе «Истории Египта» (1898) Дж. Милн писал: «Вполне возможно, что понятие Троицы, существовавшее в раннем еврейском христианстве, можно проследить до его египетских истоков. Вся старая египетская теология была пронизана идеей тройственного божества...» Не только Троица, но и старые египетские представления о воскресении из мертвых, судном дне, искуплении грехов, аде и рае, загробной жизни, кресте (по-египетски: анх), об Исиде с ее ребенком Осирисом, о Горе, побеждающем крокодила (дракона), – все они корнями уходят так глубоко в эпоху фараонов, что почти невозможно докопаться до их происхождения. Поэтому христианство чувствовало себя в Египте как дома.

Примерно в 323 году н. э. Рим, переживавший эпоху упадка, принял христианство, и в Египте неожиданно появились две христианские религии: коптское христианство угнетенных египтян и мельхитское (православное) христианство угнетавших их римских правителей. В этих условиях раскол между христианством господ и более старым христианством поработенных был неизбежен, тем более что египтяне ненавидели Рим. Внешним проявлением раскола явился спор о природе Христа. Копты утверждали, что у Христа была «одна природа», и только одна – божественная, «особая, но неделимая». По утверждению их православных противников – мельхитов, Христос обладал двойственной природой – божественной и человеческой. Казалось бы, речь шла о незначительном расхождении в доктринах, но римская православная церковь воспользовалась им, чтобы приняться за уничтожение египетских коптов. Формально коптское христианство считалось теперь легальным, но римляне продолжали казнить коптов – отныне во имя христианских догматов.

На протяжении трехсот лет римская и византийская церковь старались подавить дух народа и сопротивление египетских крестьян, но египтяне продолжали бороться, пользуясь коптской догмой как своей национальной идеологией. Район старой крепости Вавилона был ареной наиболее острых конфликтов – римляне старались сохранить Вавилон как свой главный военный оплот в центральном и южном Египте. Старый канал был заброшен, но город оставался важным портом для перевозок вниз по течению зерна в Рим и Константинополь. Здесь всегда было много египетских торговцев, ремесленников, крестьян и лодочников, и все они участвовали в сопротивлении Риму.

Конфликту с Римом пришел конец, лишь когда северные границы Египта пересекли арабские всадники с развевающимися на копьях зелеными вымпелами их новой религии. Силы арабов, направившихся прямо к Вавилону, насчитывали не более 3 500 всадников, тогда как только в районе Вавилона находилось больше 20 тысяч римских солдат. 640 год н. э. ознаменовался битвами вокруг Вавилона и Гелиополиса, но в конце концов арабы окружили вавилонский форт и потребовали капитуляции.

В форту находился римский вице-король Египта, мельхитский епископ Кир, который последние десять лет особо жестоко преследовал египетских коптов. Во имя византийской церкви он подвергал тысячи людей поркам, сжигал их на кострах, топил в реке и предавал пыткам. За эти десять лет он закрыл все коптские церкви, сослал священников и загнал религию в подполье. Последователей коптской идеологии, бросавших вызов Риму, убивали на месте. Именно Киру и предстояло защищать Вавилон.

С историей захвата форта арабами всегда связывают какую-то таинственную фигуру «Макокуса», которого считали коптским предателем, способствовавшим капитуляции Вавилона. Однако английский ученый А. Батлер, ставший в 1880-х годах наставником сыновей хедива, блестяще доказал, что таинственным «Макокусом» был не кто иной, как сам епископ Кир, который искал компромисса с арабами, чтобы избежать унижительной капитуляции и потери награбленного добра.

Арабский военачальник Амр ибн аль-Ас предложил Киру классический мусульманский выбор: или прими ислам, или плати выкуп, или бейся насмерть. Кира не устраивал ни один из вариантов, но положение становилось безвыходным. Одним из парламентариев Амра был негр по имени Убада ибн ас-Самит, и христианский епископ Кир был так шокирован, что заявил эмиссарам: «Уберите этого чернокожего, я не намерен вести с ним переговоры». Арабы пояснили ему, что Убада (он принадлежал, кстати, к избранной группе лиц, именовавшейся «Спутники пророка») назначен самим Амром и что в глазах мусульман черные и белые равны. А Убада добавил: «Среди наших спутников тысяча таких же черных людей, как и я...» – и подтвердил свою горячую веру в бога и учение ислама. Кир был совершенно потрясен и обратился к одному из своих соратников: «Ты слышал? Боюсь, что бог послал этих людей, чтобы они погубили мир».

В конечном итоге епископ Кир согласился выплатить дань, и Амр разрешил ему плыть через Александрию в Константинополь, где он должен был получить деньги от римского императора Ираклия. Император отказался платить, сослал Кира и приказал находившимся в Вавилоне легионам сопротивляться. Битвы продолжались до апреля 641 года, когда арабы под предводительством романтического героя Зубайра штурмом взяли форт. Зубайр первым взобрался на неприступные стены Вавилона. С криком «аллах велик!» он бросился в атаку, но увидел, что с обеих сторон стену преграждали кирпичные барьеры и добраться до лестницы, ведущей во двор форта, невозможно. Пока

Зубайр в бешенстве метался на площадке стены, римский командующий спокойно вышел из ворот и сдал крепость Амру. Зубайр был вне себя от гнева и позднее говорил Амру: «Если бы ты подождал немного, я бы спустился в форт и заставил их капитулировать».

Падение Вавилона связано с тяжелой трагедией для коптов. Перед тем как сдать крепость, римляне-мельхиты вытащили из тюрем всех коптских узников, долгие годы бывших в темнице. Их жестоко избили, отрезали им руки, а затем выпустили из форта. Коптский историк Иоанн из Никеи описывает стоны, крики и плач изуродованных коптов, которые, выйдя из стен форта, оказались прямо лицом к лицу со своими мусульманскими освободителями. Не удивительно, что копты горячо приветствовали появление арабских мусульман в Египте, и Амр с его 3 500 всадниками не смог бы действовать так успешно в Египте, если бы ему не оказывали поддержку коптские крестьяне и горожане.

5 Фостат

Если вы пройдетесь от Вавилона к мечети Амра, расположенной у стен форта, то окажетесь не в Египте, а в Аравии. Вавилон еще похож на небольшую египетскую деревню, но мечеть Амра – это голый пустырь, окруженный глинобитными стенами, где перед вами откроется пейзаж знойной аравийской пустыни: шатры, всадники на конях с брэнчащей сбруей, бесцветная пыль; вдали слышен смех ребятишек-бедуинов.

Арабы правили Египтом немногим больше двухсот лет, и в Каире нет следа их вторжения, кроме этой глиняной мечети. Город, построенный арабами вокруг нее, теперь пустыня, усыпанная разбитыми черепками и неразрытыми руинами. Прямо на поверхности лежат бесчисленные обломки старинных предметов, и можно неделями копать на пустыре в поисках доказательств существования исчезнувшего города. Вот все, что осталось от Фостата.

Название «Фостат», очевидно, происходит от римского слова «фоссатум», что означает «лагерь», хотя арабский путешественник X века Ибн-Хаукаль утверждает, что это название одного из арабских племен. Наиболее распространенный арабский рассказ о происхождении города гласит, что во время осады Вавилона арабский военачальник Амр ибн аль-Ас разбил свой шатер на том месте, где сейчас стоит мечеть. В это время на шатер сел голубь и снес яйцо. Амр был в восторге.

– Он ищет нашего покровительства, – сказал он, – пусть шатер останется здесь, пока вылупятся и улетят птенцы.

Шатер остался на месте, а когда арабы изгнали римлян, они заложили здесь свой первый город в Египте.

В основе этой легенды лежит священный закон аравийской пустыни: будь то враг или друг – всякому, кто ищет убежища и покровительства в шатре, оно должно быть оказано. Вместе с этим законом, возможно, арабы занесли в Египет новый моральный кодекс, которого не знала страна. Героическая фигура самого Амр ибн аль-Аса – образец того человека нового типа, каким представлял его Мухаммед, провозглашая свой практический и в то же время идеалистический пророческий теизм.

Религию ислама на Западе до сих пор представляют в довольно искаженном виде, и, если не считать ученых исследователей или противников религии, мало кто изучал ислам в исторической перспективе.

Как и все религии, она до неузнаваемости извращена, но при зарождении была очень простой. Сам Мухаммед родился в незначительном аристократическом арабском клане курешитов. Его семья занималась торговлей, жила в пустыне и составляла часть широко разросшегося торгового общества, в основном языческого (хотя в арабских городах уже жили христианские и еврейские меньшинства). Аравия находилась в окружении крупных держав – Византийской империи и Персии, воевавших друг против друга. Римский император Ираклий старался спасти христианский мир от персов, но все здание Византийской империи прогнило, и дни его были сочтены.

Мухаммед был ровесником Ираклия – он провозгласил свою религию в возрасте 40 лет. Он не выдавал себя за бога или даже божественное существо, но считал себя просто посланником бога. Его доктрина единого бога должна была объединить народ, который разделяли мелкие племенные споры и десятки соперничавших языческих культов. В «Истории арабов» Хитти писал, что «Аллах был высшим выражением верховной власти государства». Мухаммед хотел, чтобы именно в таком могучем государстве с централизованной властью существовали всеобщие братские отношения, исчезла иерархия и жрецы и не было бы бога, кроме бога. Он стремился избежать также пороков и слабостей христианства. Так, например, запрещалось отпущение грехов за деньги, а правдивость и честность легли в основу учения ислама. Новый мусульманский кодекс соответствовал потребностям купцов, совершавших далекие путешествия по пустыням, во время которых они полагались на доверие человека к человеку. Строгие законы о честности в торговле, о внимании ко всем путешественникам и предоставлении им убежища отражали интересы торговцев, караваны которых бродили далеко от родных мест. Успех торговли часто зависел от взаимных джентльменских соглашений. Законы Мухаммеда о женщинах требовали, чтобы никто не смел оскорблять или касаться женщин, оставшихся дома во время путешествий мужей. Он искусственно изолировал женщин, чтобы уберечь их от сластолюбия, характерного для языческой Аравии.

Таким образом, первоначальная религия ислама была довольно простой и прагматическим учением, и даже сейчас в мусульманской мечети не только молятся богу, но живут и совершают деловые сделки. Если мусульманин приезжает в египетскую деревню или город и не находит жилья, он может переночевать в мечети. В любой каирской мечети – а их в городе сотни – можно всегда увидеть днем двух-трех спящих на циновках людей, а также купцов или просто знакомых, которые, сняв обувь и поджав под себя ноги, сидят и болтают о делах. Мечеть и впрямь принадлежит как богатым, так и бедным прихожанам, и этот факт (помимо двух особо важных характерных черт мусульманской религии) частично объясняет, почему ислам привлек к себе египтян, ранее находившихся под бременем христианских догм и ритуалов, требовавших от них самосовершенствования.

Одна из упомянутых выше характерных черт ислама – вера в то, что человек рождается не порочным, а только слабым, и если он

продолжает грешить, то это потому, что он упрям. Другая черта – признание мусульманами идеи, что бог может менять свое мнение. Есть еще один пункт, а именно, что Мухаммед сам никогда не считал себя совершенным. Даже высоко почитающие его биографы признают недостатки Мухаммеда, которые и служат доказательством его человечности.

Такова была религия, которую Амр ибн аль-Ас принес в Египет девять лет спустя после смерти Мухаммеда. Власть в Медине и Мекке находилась тогда в руках выборного халифа Омара. Он запретил Амру делать своей столицей Александрию, стяжавшую дурную славу рассадника распутства. Помимо того, она находилась далеко от путей, соединявших Египет через пустыню с Мединой. Поэтому Амр решил построить город у стен Вавилона. Прежде всего предстояло разделить землю между многочисленными племенами, составлявшими его армию. Арабам не разрешалось владеть землей, и поэтому он отвел каждому племени определенный участок вокруг Вавилона и своего шатра. Такой участок назывался «киттаа», что примерно означает «проведение пограничной линии». Между отдельными киттаа оставалось свободное пространство, так как, по мнению Амра, племена не должны были смешиваться и терять свои отличительные черты.

Можно только догадываться, где находились все эти киттаа. Известно достоверно, что Амр построил для себя дом на месте шатра или там, где он водрузил свой штандарт, то есть в периметре нынешней мечети. Профессор К. Кресвелл, один из выдающихся специалистов по мусульманской архитектуре, рассказывал мне в Каире в 1966 году, что дом Амра, несомненно, стоял в том углу, где сейчас находится могила его сына Абдуллы.

Остальные арабские военачальники строили в своих киттаа или глинобитные дома, или здания без стен, только с навесом. Земля принадлежала им лишь до тех пор, пока они на ней жили, и, хотя между ними происходили споры о земле, первоначальное размежевание участков сохранялось до пожара Фостата в 1168 году.

Первоначально мечеть была небольшой – 27 метров на 17 метров. Она была без крыши, со стенами из глины и стволов пальм, даже без штукатурки. В ней находился «минбар» (кафедра), но не было никакой мебели, причем мечеть не ориентирована на Мекку, как полагается по религиозным законам. Когда халиф Омар узнал, что в маленькой мечети есть минбар, с которого Амр читает проповеди, он послал гонца к Амру, упрекнув его в том, что тот пытается возвыситься над своими товарищами, и потребовал снести минбар. Нынешняя мечеть не имеет ничего общего с той хижинкой без крыши, которую построил Амр. В течение первых пятидесяти лет она перестраивалась и расширялась, и мечеть, сохранившаяся до наших дней, по сути дела, построена и обнесена стеной халифом Абд аль-Маликом примерно в 711 году.

Когда ходишь внутри старых стен мечети, испытываешь глубокое удовлетворение, что она уцелела. Не столько из-за ее интересной примитивной архитектуры, но и потому, что Амр ибн аль-Ас заслуживает памятника. Амр – один из тех немногих героев истории, у которого

трудно найти какие-либо отрицательные черты. Он был замечательным полководцем и благожелательно относился к египтянам. Он был непримирим к врагам, но и простил им (например, Киру и римлянам) несколько попыток обмануть его. Он не был мстителем, вернул коптам и евреям все имущество, которое отняли у них мелхиты, освободил от налогов стариков, детей, женщин, рабов, сумасшедших и нищих. Он даже поссорился с халифом Омаром, который требовал больше налогов, чем Амр считал возможным собрать с народа. Он был поэтом и философом, и, когда Омар попросил прислать ему описание Египта, он ответил:

– Знай, о повелитель правоверных, что Египет – это пыльный город и зеленые деревья. Его длина равна месяцу, а ширина – десяти дням... Благословенны поездки по нему ранним утром и путешествия в вечернюю пору... Египет – то белая жемчужина, то золотой янтарь, то зеленый изумруд, то вышитый яркими красками орнамент...

Амра можно упрекнуть только в том, что в конце жизни (он умер в возрасте 90 лет и похоронен где-то у подножия горы Мукатта) он стал таким богатым человеком, что его сыновья отказались от части наследства. Но поскольку ислам считал правом и даже долгом каждого мусульманина увеличивать свое состояние, этот факт не бросает тени на его репутацию. Стяжательство было свойственно халифу Омару, который нуждался в деньгах для непрерывных войн. Но в целом, конечно, надо согласиться, что как Амр, так и Омар преследовали в Египте только одну цель – выкачать из него как можно больше богатств.

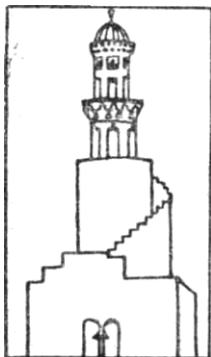
Во время строительства Фостата арабы беспощадно сносили старые дома, используя их в качестве строительного материала. Они не только изуродовали памятники фараонов (которые, правда, пострадали и в последующее тысячелетие), но и снесли многие церкви и монастыри. На строительство домов в Фостате пошла богатейшая коллекция чужих дверей, окон и портиков. Самым большим спросом пользовались колонны, и почти все 200 колонн в мечети Амра имеют различную высоту, толщину, стиль и возраст. Такой сумбур оказался весьма привлекательным. Когда вы бродите по мечети, каждая колонна сулит вам сюрприз: кое-где своды арок опущены, ибо они опираются на невысокие колонны, в других местах колонны выше и свод поднят над ними. Нет никакого единства стиля (некоторые колонны установлены даже вверх ногами), но общее впечатление просто изумительно.

Мусульмане, по-видимому, наделяли колонны магическими свойствами. В мечети Амра, около могилы Абдуллы, находится гранитная колонна, и в ее средней части видна глубокая зияющая рана, буквально окрашенная кровью. Углубление появилось потому, что на протяжении тысячелетия люди лизали языком это место колонны. Суверенные мусульмане считали, что тот, кто лижет камень языком, пока из него не потечет кровь, исцелится от всех болезней.

У главного входа расположены две колонны, отстоящие друг от друга на 15 сантиметров, – они служили в мечети Амра своеобразным «детектором лжи». В случае тяжбы спорящие стороны приходили к

колоннам, и тот, кто мог протиснуться между ними, признавался честным человеком. Вполне очевидно, что только худые и голодные люди могли выиграть тяжбу в подобном суде.

К сожалению, большинство колонн мечети Амра следовало бы переставить, так как проходы между ними направлены не в ту сторону, как полагается. Проходы во всякой мечети должны быть ориентированы на Мекку, но в мечети Амра это правило нарушено. Виновен в этом турецкий губернатор Мурад-бей, пытавшийся в припадке благочестия перестроить мечеть накануне вторжения в Египет Наполеона. Правда, египтяне и ныне утверждают, что он просто перерывал здесь землю в поисках клада.

Этот замечательный памятник раннего ислама сильно пострадал от рук мусульманских правителей Египта. Одно время мечеть стала убежищем воров. Когда сюда приехал Ибн-Саид (в XIII веке), мечеть была полна музыкантов, нищих и танцовщиц. И чудо не в том, что мечеть пережила пожар Фостата, а что она выстояла все попытки ее реставрации, которые причинили ей больше вреда, чем огонь.

Фостат с его глинобитными хижинами постепенно превращался в богатый город.

6 Фостат – Миср

Фостат процветал и богател. Это вполне объяснимо. В глазах всех честолюбивых завоевателей Египет, одна из богатейших провинций мусульманских империй, был ценнейшим трофеем, за который стоило сражаться. В Аравии и Ираке то и дело возникали новые халифаты, и каждая династия направляла своего генерала на завоевание Египта. Но победоносный военачальник, губернатор или зазнавшийся выскочка неизбежно приходил к убеждению, что нет никакого смысла делиться с халифом прибылями от богатой провинции, и попросту прибирал Египет к рукам.

В наш век циничной борьбы крупных монополий за прибыли невольно напрашивается сравнение с Египтом эпохи различных мусульманских халифатов. Египет превратился в своего рода огромную акционерную компанию, которая выплачивала фантастические дивиденды по вложенным в нее капиталам и обладала прочным и безграничным рынком для ее товаров. Один за другим иностранные монополисты того времени старались овладеть «компанией» и попасть в число ее директоров, владеющих контрольным пакетом акций. Но, как правило, сколачивалась новая клика «магнатов», которая ловкими маневрами отнимала у них контроль и прибыли. Или же появлялся грубый и беспощадный гений, который захватывал богатства Египта, отказываясь делиться с другими. Тем временем «акционерная компания» продолжала производить ценные товары и накапливать колоссальные богатства, за которые дрались крупные «монополисты».

Фостат и был тем местом, где концентрировались огромные барыши, которые приносил Египет. Читая анекдоты о причудах его правителей, забываешь, что Фостат построили как порт, от которого и зависело существование города. Сюда поступали товары из далеких провинций, и отсюда они отправлялись дальше, по старому Красноморскому каналу. Значительную часть наличных средств Фостат получал от портовых сборов и пошлин, которыми он облагал каждого человека и все транзитные товары. Для всех правителей Египта Фостат служил важнейшим пунктом сбора налогов, казначейством и частным банком, Налоги шли королю, а купцы наживали миллионы.

Как и раньше, главным источником обогащения Египта были его плодородная земля, дававшая три урожая в год, его бедное крестьянство, ремесленники, клерки, докеры и лодочники. Если не считать периодов неурожая и голода, все, что давала египетская земля, стоило гроши. И не только потому, что дешевым было само сельскохозяйственное производство, но и потому, что очень дешево обходились перевозки продуктов по могучей реке. Цены на зерно, овощи, фрукты, финики и мясо, прибывавшие в порт Фостата, были очень невысокими, но после того, как товары покидали Фостат, их цена возрастала иногда на тысячу процентов.

По мере того как Фостат рос, богател и обзаводился городами-«спутниками» вроде аль-Катаи и аль-Аскара, происходили трансформации с его названием. Иногда его именовали Миср. путая с городом, находившимся на противоположном берегу Нила. Как доказал А. Батлер, в эпоху фараонов Миср был расположен на западном берегу реки, где сейчас находится Гиза. Происхождение названия Миср неизвестно, но оно упоминается в документах эпохи фараонов. Древний город являлся как бы продолжением Мемфиса, и тогда здесь находились docks для строительства лодок, верфи, зернохранилища, рынки, дома.

Остров Рода на Ниле, близ Вавилона, очевидно, составлял часть города Мисра и имел важное значение для всего района. Издавна остров отличался красотой, да и сейчас это одно из самых привлекательных мест Каира. По-видимому, его конфигурация мало изменилась за два тысячелетия. Со стороны Каира река напоминает узкую канаву, но между островом и Гизой она широка и полноводна. Хотя остров считали частью Мисра, Вавилона и Фостата, он жил своей самостоятельной жизнью. Временами он выполнял роль крупного порта, центра судостроения, арсенала, крепости; в другие эпохи на нем размещались королевские дворцы с пышными садами. На южном конце острова находится одно из старейших зданий исламского Египта – ниломер. Подъем и падение уровня воды в Ниле всегда определяли жизненные циклы Египта, и сельскохозяйственное производство зависело от точного прогноза – когда и насколько поднимется или опустится вода. Именно в этом здании и проводились измерения уровня воды в Ниле. Ниломер – это просто яма, облицованная внутри камнем, в которой установлена восьмигранная колонна с цифровыми пометками и делениями. Профессор Кресвелл после длительных и сложных исследований установил, что ниломер был построен в 847 году, причем именно здесь архитекторы впервые создали остроконечную арку, которую можно сейчас увидеть на внутренней каменной стене ямы.

Когда арабы пришли в Вавилон, они окрестили древним названием Миср находившийся там речной порт. С течением времени порт и город стали именовать то Фостат, то Миср, тем более что порт Миср являлся конечным и исходным пунктом всех торговых перевозок Египта. Вполне логично, что в конце концов город получил название Фостат – Миср (так его именовал и Макризи), а затем Миср. Сейчас египтяне именуют и свою страну и Каир просто Миср.

После многих лет непрерывной борьбы за сокровища Фостата–Мисра багдадский турок Мухаммед ибн Тугидж приплыл по Нилу и в 935 году захватил остров Рода. По понтонному мосту он перешел через реку в Фостат–Миср, не встретил никакого сопротивления, два дня и две ночи грабил город, а затем провозгласил себя его правителем. Халиф даровал ему титул аль-Ихшид, и снова человек, занимавший формально лишь пост губернатора Египта, превратился в его абсолютного властителя и получил возможность присваивать львиную долю доходов страны.

Характер аль-Ихшида был таким же противоречивым, как и у многих деятелей эпохи мусульманских халифатов. Он был своенравным и капризным правителем, но в то же время меценатом, покровителем искусства; оставаясь формально религиозным мусульманином, он разрешал во время диспутов и споров в мечетях защиту самых крамольных и еретических идей. Он восстановил мечеть Амр ибн аль-Аса и сам молился в ней. Он направлялся туда в белых одеяниях в последнюю ночь месяца рамадан – мусульманского великого поста. Даже сейчас мусульмане Каира нередко идут молиться в мечеть Амра в конце рамадана, ибо это «принесит счастье».

Ихшид не построил каких-либо крупных сооружений в Фостате–Мисре, так как он больше увлекался организацией празднеств и парадов. Во время одного из парадов по улицам Фостата маршировали 400 тысяч солдат и 8 тысяч мамлюков (рабов-воинов) в блестящих доспехах. По праздникам его дворец на острове Рода был открыт для публики, и арабский путешественник и историк Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди в своей книге «Золотые поля» упоминает, что в 941 году он тоже посетил дворец в один из праздников.

По приказу Ихшида вдоль берегов острова около Фостата–Мисра устанавливались две тысячи факелов. Сотни тысяч людей с лодок и с противоположного берега любовались иллюминацией. Жители старались перешеголять друг друга угощением, одеждой, драгоценностями. На берегах реки звучала музыка, все пели и танцевали, ворота были открыты, и многие купались в водах Нила, чтобы исцелиться от болезней.

Богатой была и духовная жизнь города. В мусульманской религии существовали четыре ортодоксальные секты: малакитов, ханбалитов, шафиитов и ханафитов – по имени известных ученых, которым разрешалось по-своему толковать исламские традиции в области юриспруденции. Традиции ислама — ключ к пониманию тех общественных законов, которые все еще действуют в мусульманских странах. Поэтому споры между четырьмя соперничавшими юридическими школами имели большое практическое значение и для простых людей. Во времена Ихшида представители этих школ вели диспуты день и ночь во дворе и у колонн мечети Амра.

Мусульманские мечети часто становились местом подобных споров и дискуссий. Они одновременно служили и академиями, и нередко в их стенах звучали еретические и нерелигиозные речи. Так же проходили литературные и поэтические дискуссии. Обычно поэт

читал свое произведение на площади, у фонтана, или во дворе; присутствовавшие слушали его, делали комментарии, спорили, и поэт – если ему это удавалось – мог защищать свои взгляды. Ихшид наслаждался подобными спорами и разногласиями, причем он особенно любил литературу и поэзию. Понятно, что Фостат–Миср привлекал к себе писателей и мыслителей – нередко еретиков.

Преемником Ихшида стал черный евнух Кафур. При Кафуре пожар уничтожил большую часть Фостата–Мисра. В то время как он предавался неприличному обжорству, в Египте не раз случались недороды из-за капризов Нила. Оплачивать разгул во дворце Кафура приходилось, конечно, крестьянству, на плечи которого было возложено все бремя расходов. Город Фостат–Миср, вероятно, даже наживался на самодурстве таких правителей, как Ихшид и Кафур, но остальному населению приходилось гнуть спину и нередко голодать. Однако было бы неверно думать, что каирцы смиренно и покорно относились к тому, что происходило при дворе. Масуди цитирует писателя того времени, который говорил о Египте: «Народ, населяющий его, непокорный и подчиняется только в том случае, когда его заставляют трепетать. Чтобы подчинить его, приходится вносить в его среду раскол, а когда начинается мятеж, то это борьба не на жизнь, а на смерть».

Кафура низложили не египтяне, но их восстания немало способствовали гибели династии ишкидов. Поэтому генералам нового фатимидского халифата удалось без особого труда захватить Египет, хотя египтяне и считали их еретиками и сомнительными мусульманами, так как они принадлежали к соперничавшей мусульманской секте шиитов.

В 969 году фатимиды основали новый королевский город к северу от Фостата–Мисра – аль-Кахиру (крепость – *арабск. яз.*) – ныне центр современного Каира.

Вряд ли какой-либо иной город X века, за исключением Багдада, мог равняться с Фостатом–Мисром. Его слава привлекала многих путешественников, оставивших нам интересные заметки. Судя по их рассказам, это был высокообразованный город с хорошей коммунальной службой и многочисленными местами общественного пользования. Мы привыкли приписывать эти черты древнему Риму или современным городам, но никак не арабскому миру. Однако здесь существовала канализация, дренаж, водоснабжение, общественные парки, уличное освещение, школы, очистка улиц и строгие правила для торговцев и домовладельцев, и за порядком в городе следила администрация.

Внешне город напоминал паутину улиц, переулков, переходов и тупиков. Некоторые улицы были шириной в полтора метра; они извивались и изгибались, соединялись с другими улицами, проходили через дворы и сады, мимо открытых площадей и шумных базаров. Одним из первых город описал арабский путешественник X века Ибн-Хаукаль, по словам которого, Фостат–Миср был густо населен, очень богат и хотя был меньше Багдада, имел 6-7-этажные кирпичные дома,

огромные рынки и славился садами, дворцами и ярмарочными площадями.

Персидский путешественник Наср ибн Хасроу прибыл в Миср в 1047 году, примерно сто лет спустя после пожара, уничтожившего город, и в своей книге «Сафар-наме» писал, что издали Фостат–Миср благодаря высоким зданиям, среди которых были и 14-этажные, походил на гору. По его словам, на крыше одного из семизэтажных зданий размещался сад. Вола, крутившего колесо для подачи воды, подняли на крышу, когда он был еще теленком. Купцы рассказывали ему, что во многих домах Фостата–Мисра сдавались комнаты и что некоторые здания могли вместить до 300 человек. Узкие улицы покрывали брезентовыми навесами от солнца, и здесь день и ночь горели тысячи ламп. В городе было тогда семь мечетей, и, как замечает Хасроу, мечеть Амра находилась в «центре базара Мисра». На белом мраморе кафедры мечети был написан весь текст корана. Двор мечети служил местом сборищ жителей города. Как правило, здесь собиралось не меньше 5 тысяч человек, которые слушали профессоров или спорили с ними.

Ибн-Хасроу пишет, что тогдашний губернатор Каира Хаким только что купил мечеть Амра у его потомков. Они пришли к нему, жалуются на бедность, и просили помочь им.

– Эту мечеть построил наш предок, – говорили они, – и если позволит султан, мы разрушим ее и продадим камни.

Хаким, вероятно, понял, что они просто выпрашивают милостыню, купил мечеть за сто тысяч динаров. Он повесил в ней громадную серебряную люстру с 700 лампами; она была так велика, что пришлось ломать дверь, чтобы внести ее в мечеть. Маркизи подтверждает это и добавляет, что при этом присутствовала большая толпа зевак. И, как всегда, собравшиеся, наверно, отпускали шуточки и давали бесплатные советы.

В Фостате–Мисре находилась фаянсовая фабрика, производившая разнообразные кувшины, блюда и чаши, иногда из такого нежного фаянса, что они были совершенно прозрачными. Эти блюда, чаши, бокалы и другая утварь продавались в городе, и Хасроу особенно восторгается их яркими красками. «Иногда стекло, – пишет он, – так прозрачно, что напоминает изумруд». Он встретил женщину, у которой было пять тысяч ваз из дамасской меди, сверкавшей как золото. Она ежедневно сдавала их напрокат для переноски воды. Товары на рынке продавались по твердой цене, и уличенного в мошенничестве купца сажали на верблюда, возили по улицам и заставляли кричать под звук колокольчика: «Я мошенник и несу наказание!»

Хасроу перечисляет десятки товаров, которые он видел на рынке: лекарства, железные изделия, масло для ламп, оливковое масло, фисташки и т. п. Он упоминает, что только солдатам разрешалось ездить верхом. Купцам, крестьянам, ремесленникам и писцам полагалось ездить на ослах, большей частью пегих. «Магазины тканей, лавки менял и других купцов, – пишет он — так переполнены золотом, драгоценностями и богатой парчой, что негде даже сесть». По его

словам, Фостат–Миср был настолько богат и изумителен, что, когда он приехал на родину (в Персию), никто не верил его рассказам. Христиане пользовались в Фостате–Мисре теми же правами, что и мусульмане, и один из них сказал губернатору в год засухи, что в его амбарах достаточно зерна, чтобы прокормить население города в течение шести лет.

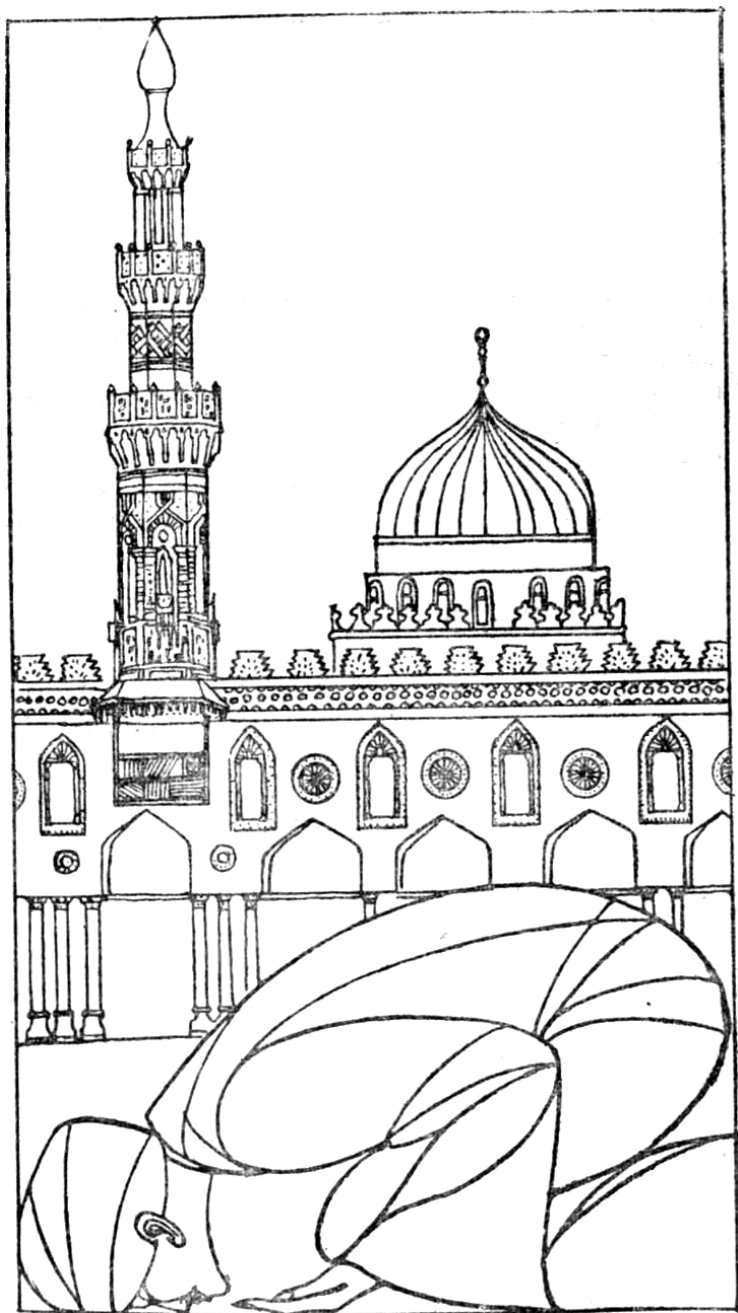
Но у города были и свои пороки. Ибн-Ридуан, занимавший пост придворного врача халифа Хакима, посетил Фостат–Миср за пятнадцать лет до его разрушения и писал, что город грязен. Вонь от тухлой рыбы у берега реки была невыносимой. Жители также бросали в Нил внутренности убитых животных, выливали нечистоты из уборных и, как саркастически замечает Ибн-Ридуан, «пили воду вместе с этой гадостью».

Возможно, что Ибн-Ридуан со своими медицинскими представлениями о санитарии предъявлял слишком завышенные требования, но действительно, к середине XII века, когда он посетил Фостат–Миср, город начал приходить в упадок. В это время уже росла и процветала новая столица, находившаяся в нескольких сотнях метров к северу, – аль-Кахира.

Фостат–Миср переживал судьбу многих городов. По мере роста и благоустройства аль-Кахиры богатые и средние классы переселялись в новый город, оставляя старый ремесленникам и бедноте и сохраняя его как центр доков и складов. Отцы города больше не интересовались состоянием старого Фостата–Мисра, так как они в нем не жили, и город постепенно угасал.

Фостат–Миср мог бы процветать и сохранить независимость, если бы у него оставался порт, который был узловым центром торговли Египта с Востоком. Новые хозяева Египта – фатимиды – хотели создать собственную торговую монополию, свои таможенные пункты и свой центр власти и средоточия богатств. Поэтому аль-Кахиру нельзя считать естественным продолжением Фостата–Мисра. Нет, ее умышленно строили так, чтобы она заняла место старого города. Замысел удался: это видно по пыльным гектарам, покрытым глиняными черепками, которые похоронили под собой старый город, рядом с которым сверкает и празднует победу новый Каир.

5 августа 969 года, за двести лет до пожара в Фостате–Мисре и через два года после смерти Кафура, бывший раб по имени Гаухар вел фатимидскую армию за таинственной черной собакой, показывавшей ему дорогу через реку к Фостату–Мисру. Два года фатимиды готовились к нападению на Египет и сейчас не встречали почти никакого сопротивления, если не считать небольшого сражения у Фостата–Мисра. Так Египет, «частная» вотчина династии Ихшид-Кафура, перешел в руки халифов династии фатимидов. Гаухар был генералом в армии халифа Муиза.

Как и другие завоеватели, Гаухар не хотел создавать свою столицу там, где уже существовал могущественный город с установившимися традициями. В первую же ночь его армия расположилась лагерем на пыльной равнине к северу от Фостата–Мисра, где было решено строить столицу. Современный Каир вырос вокруг города Гаухара, находящегося в самом его центре. К городу Гаухара нет нужды ехать на трамвае или такси, можно легко дойти до него пешком, и вы увидите улицы, стены, памятники и мечети, которые вырастали вокруг первоначальной столицы фатимидского завоевателя.

Макризи приводит типично арабский рассказ о том, как Гаухар основал аль-Кахиру. Гаухар, пишет он, сам разметил участок, по углам его установили столбы, между ними натянули канаты, определявшие периметр будущих стен. Вдоль всех канатов расставили сотни рабочих, готовых по особому сигналу начать копать землю. Сигналом должен был послужить звон крошечных колокольчиков, развешанных на канатах, но для этого требовалось определенное благоприятное сочетание планет и звезд, за которыми следили астрологи.

В момент, когда все в напряжении ожидали приказа астрологов, колокольчики вдруг зазвонили сами: оказалось, на канат уселся ворон. И рабочие бросились лопатами копать землю. Так фундамент города был заложен до наступления благодатного момента, что привело в ужас астрологов.

– Аль-Кахира (Марс) восходит! – кричали астрологи. Они утверждали, что это зловещее предзнаменование, что, вероятно, турки нападут и захватят город. Но исправить положение уже было нельзя, и в результате этого инцидента город назвали аль-Кахира, а не аль-Мансур (Победоносный), как намечалось ранее.

Это история, которую приняли на веру многие ученые. Масуди приводил этот рассказ задолго до строительства аль-Кахиры, только он связывал его с основанием Александрии. По-видимому, стены аль-Кахиры и впрямь начали строить по ошибке в неблагоприятный, с точки зрения астрологов, момент, а фатимиды не решились даже вздохнуть без указания звездочета. Во всяком случае, город сначала называли аль-Мансурия, но прибывший в Каир халиф Муиз переименовал его в аль-Кахиру, что, по сути дела, тоже означает «победоносный»*.

Выбор местности для города, безусловно, диктовался военными соображениями. Он был расположен удобнее Фостата–Мисра, так как находился ближе к Мукаттамским горам и на возвышенности. Кроме того, здесь, на изгибе Красноморского канала, был расположен порт. Он назывался аль-Макс и служил таможенным пунктом для Фостата–Мисра (сейчас здесь находится привокзальная площадь Каира).

Правоверных религиозных патриотов всегда печалил тот факт, что аль-Кахиру основал не ортодоксальный мусульманин, а шиит, то есть приверженец секты, которую сунниты-египтяне считают еретической. Раздоры между суннитами и шиитами имели большое значение для последующих двухсот лет истории Каира.

Ортодоксальные сунниты верят в авторитет «сунны» (буквально «предание»), как они называют всю совокупность традиций и толкований законов, установленных кораном. Сунна считается не менее важной, чем сам коран. Принятый суннитами метод буквального толкования доктрины применялся и в вопросе о том, кто должен был стать руководителем правоверных после смерти Мухаммеда. Поскольку Мухаммед не сказал ни слова о своем преемнике, сунниты полагали, что им должен быть изображенный халиф исламского мира, в руках которого в дальнейшем находилась бы и законная светская власть.

С другой стороны, шииты («шиа» – «раскол» – *арабск. яз.*) утверждали, что слово корана абсолютно и священо и что светская власть в мире ислама должна оставаться в руках семьи Мухаммеда, то есть потомков двух сыновей дочери пророка – аль-Хасана и аль-Хусейна. По имени дочери Мухаммеда Фатимы была названа и шиитская династия – фатимиды. Первоначально фанатические, склонные к мистицизму шииты были небольшим мусульманским меньшинством, рвавшимся к власти и считавшим, что любые средства оправдывают цель. Так, например, они без зазрения совести выдавали себя за суннитов, чтобы проникнуть в их среду и бороться с ними изнутри, или делали вид, что отрекаются от своей веры. Шииты верили в продолжение жизни после смерти и неизбежность прихода «махди», который не умирает. К шиитам принадлежала секта «ассасинов» (убийц), а также современные дервиши и исмаилиты.

* В арабском языке часто одно слово имеет несколько значений. Аль-Кахира обычно означает «крепость», «непреодолимая». В то же время слово «аль-кахир» означает «победитель», «побеждающий». (*Прим. ред.*)

Фатимидский халиф Муиз, пославший в Египет Гаухара, обосновался в новом королевском городе аль-Кахире в 973 году. После этого фатимиды-шииты правила Египтом двести лет, несмотря на жестокое сопротивление суннитских халифов Багдада. Фатимиды восстановили против себя население Египта больше всего проповедью своей доктрины с помощью хитрых и лживых приемов. Они предлагали народу показную религию, а на самом деле исповедовали другую, настоящую. Им так и не удалось обратить в шиитскую веру практически мыслящих египтян, которые еще не забыли тех же лицемерных методов византийского христианства. Из этого понятно, почему фатимидам для управления Египтом приходилось пользоваться услугами христиан и евреев, особенно христиан, с которыми они заключили прочный союз. У них было много общего с христианами, ибо они тоже верили в приход мессии, которому суждено спасти мир благодаря его божественной сути, исключающей возможность ошибок и грехов.

Аль-Кахира не предназначалась для простого народа. Город представлял собой частное, укрепленное королевское поместье, и Ибн-Дукмук писал, что Гаухар «построил для своего хозяина дворцы, чтобы он, его друзья и армия были изолированы от народа...». Простому человеку, если только в его услугах не нуждались, был закрыт доступ в аль-Кахиру. Даже послов встречали за пределами города и вели через предназначенные для них ворота. Лишь лет двести спустя жители Фостата–Мисра взяли город в свои руки, построили мечети и жилые дома. Но во времена Муиза население города, достигавшее 20–30 тысяч человек, состояло из дворцовых служащих, солдат, слуг и рабов.

Одновременно со строительством городских стен Гаухар начал возводить дворец для халифа и заложил фундамент великой мечети аль-Азхар, нынешний двор которой находится на том же месте, что и при Гаухаре, хотя сама мечеть не раз перестраивалась.

Строительство города шло полным ходом, когда в Египет прибыл халиф Муиз, чтобы принять власть над завоеванной страной (975 г.). Фостат–Миср по этому случаю был украшен, но в новой столице аль-Кахире не было никаких признаков подготовки к приему высокого гостя. Никто не ожидал, что халиф поселится в этом городе. Муиз даже не взглянул на Фостат–Миср и направился прямо в аль-Кахиру; впереди несли гробы с прахом его великих предков-фатимидов, которых он хотел похоронить в новой столице в знак того, что аль-Кахира навсегда останется под властью фатимидов.

План аль-Кахиры, разработанный Гаухаром, был очень прост. Площадь города составляла почти правильный квадрат: 1100 на 1500 метров, окруженный толстой стеной с пятью воротами (по данным Макризи, восемью). Стены были такой ширины, что по ним могли ехать бок о бок два всадника. Это диктовалось необходимостью быстро перебросить солдат в случае нападения к тому участку, где атакующие силы пользовались большими машинами с перекидными мостами. Место расположения города также было выбрано очень удачно. Одна сторона его (западная) проходила вдоль старого Красноморского

канала, что представляло большое удобство для обороны города. Это тот самый канал, который засыпали в 1899 году. По нему теперь проложены трамвайные рельсы, и, пересекая трамвайный путь на улице аль-Халиг (Улица канала), вы переходите из европеизированного Каира в старый город Гаухара.

Наши сведения о городе Гаухара почерпнуты из трудов Ибн-Дукмука и особенно Макризи, который писал в 1420-х годах (много лет спустя после основания аль-Кахиры). Его описание каждого квартала города так же красочно и сочно, как и рассказ о Фостате–Мисре. Единственный отчет очевидца оставил нам Наср ибн Хасроу, описавший Фостат–Миср и посетивший аль-Кахиру 79 лет спустя после ее основания. Французский ученый Поль Равесс собрал всю имевшуюся информацию и составил на основе точного описания Макризи прекрасный план города.

Каждому энтузиасту Каира следует иметь в руках этот план, когда он пересекает трамвайные пути, чтобы взглянуть на остатки стен, ворот и улиц города Гаухара. Новый план составил профессор К. Кресвелл, но и он положил в основу план Равесса. Кресвелл вел раскопки в этом районе и уточнил расположение ворот. Изучение старого города продолжается, но, чтобы понять основные черты аль-Кахиры, вполне достаточно плана Равесса, который показывает, где внутри квадратного периметра размещались кварталы различных групп населения: военный квартал (Харат аль-Аскар), греческий квартал (Харат ар-Рум) и др. Греки (христиане) и африканцы составляли большую часть административного персонала города.

Весь город, по-видимому, строили вокруг двух огромных дворцов. Оба они имели особые ворота и фактически служили укрепленными фортами внутри укрепленного города. В центре города был построен Великий Восточный дворец, а позднее Малый Западный дворец. Между ними расположен двор – Бейн аль-Касрейн («Между двумя дворцами»), который сохранил это название до наших дней. К югу от Великого дворца стояла мечеть аль-Азхар, на западе находился канал и сад Кафура с павильоном, именовавшимся «Лули», то есть «Жемчужный».

Халиф Муиз (его имя означает «горячо любимый») израсходовал на завоевание Египта все свое огромное личное состояние и, вполне естественно, хотел вернуть вложенные богатства с лихвой. Источником доходов снова должен был стать Красноморский канал. Неподдалеку находился таможенный порт аль-Макс (что означает «таможенная пошлина»), расположенный в изгибе Нила – река протекала почти у самых стен аль-Кахиры. Муиз немедленно захватил аль-Макс и, сохранив за ним функции таможенного надзора, начал расширять его, и превратил в крупнейший порт, который лишил Фостат–Миср былых прибылей.

Муиз построил здесь 600 кораблей, и 77 лет спустя, когда Наср ибн Хасроу приехал в Каир, семь кораблей все еще лежали на берегу реки. «Я, автор этого рассказа, – писал ибн-Хасроу, – сам видел их».

Размеры кораблей достигали 30 на 60 ареч, то есть 275 футов в длину и 110 в ширину. Корабли такого размера были новинкой и

могли перевозить огромное количество товаров, подобно нынешним чудовищным танкерам. Муиз любимыми путями выжимал деньги: он реорганизовал всю систему сбора налогов, создав центральное налоговое управление, и ликвидировал должность местных сборщиков налогов, которые присваивали значительную часть доходов.

Муиз умер через два года после прибытия в Египет, так что ему не удалось сделать многого, но он заложил прочный фундамент богатого государства, которое унаследовали его преемники. О его личном состоянии можно судить только по завещаниям, оставленным его дочерьми. Когда умерла первая дочь, она оставила, помимо прочего, 2 миллиона 600 тысяч динаров, а после второй осталось 5 мешков изумрудов, 3 тысячи серебряных изделий и 30 тысяч кусков замечательных сицилийских вышивок.

Из описания Насра ибн Хасроу, сделанного через 77 лет после смерти Муиза, видно, что аль-Кахира выросла на пустом месте буквально за несколько лет и что Муиз щедро расходовал накопленные богатства на строительство города. Ибн-Хасроу пишет, что вблизи дворца не разрешалось строить дома, и тысяча солдат охраняла дворец. Когда путешественник приближался к городу, ему казалось, что перед ним вырастает гора, ибо в аль-Кахире было много очень высоких зданий. Однако внутри города все заслоняли высокие стены. 12 тысяч слуг ухаживали за халифом во дворце, и, по словам Ибн-Хасроу, никто не знал, сколько женщин было заключено за стенами дворца.

Дворец имел 12 павильонов и десять ворот. Ибн-Хасроу перечисляет названия некоторых: «Золотые ворота», «Масляные ворота», «Ворота, где пахнет мясом», «Изумрудные ворота», «Ворота со скользкой мостовой». Имелись также особые подземные ворота, открывавшиеся в туннель, через который султан ездил верхом в сопровождении рабынь в свой гарем. Второй дворец с гаремом был построен из каменных блоков, пригнанных так искусно, что создавалось впечатление, будто здание вырублено из целого камня.

В город вели пять ворот, хотя, как писал Хасроу, укрепленные стены окружали аль-Кахиру не полностью. Это писалось в 1047 году. Вероятно, старые стены рухнули, а новые еще не построили. Но каждый дом и дворец сами по себе походили на крепости. Свежую воду доставляли в город (включая Фостат–Миср) на 52 тысячах верблюдов, но Макризи писал, что аль-Кахира была очень засушливым местом. Между домами в аль-Кахире были разбиты сады и цветочные клумбы, но особенно славились красотой, по словам Макризи, сады султанского дворца, где деревья и цветы росли террасами, как в Фостате–Мисре. Большинство зданий, писал Макризи, отличалось такой роскошью, что казалось, они сложены из драгоценных камней.

Фатимиды были сибаритами и, поощряя искусства и науку (особенно астрономию), делали это ради собственного удовольствия. Художники и писатели стекались в аль-Кахиру, и нередко городские сады заполняли поэты, которые тем не менее напоминали певчих птиц в золотой клетке. Здания, строившиеся в эпоху фатимидов, становились все красивее и величественнее, а библиотеке аль-Кахиры не было

в то время равных. Но, изучая историю Египта X и XI веков, не находишь никаких следов благотворного влияния фатимидского меценатства за пределами Кахиры.

Муиз умер в возрасте 45 лет, и его сын аль-Азиз правил Египтом 21 год и пять с половиной месяцев. Именно аль-Азиз, продолжая традиции отца, создал хорошо продуманную и эффективную систему управления финансовыми делами Египта, которая сохранялась долгие годы. Его талантливым главным министром был обращенный в мусульманство еврей по имени Ибн-Киллис, державший у себя в гареме 800 женщин. Именно он и был инициатором совершенно новых методов ведения финансового хозяйства.

На государственную жизнь оказывали влияние и другие силы. Жена аль-Азиза была христианкой, а ее два брата – православными мельхитскими священниками, точнее патриархами. По словам Хитти, она была русской, но нет сомнения, что ее семья пользовалась сильным влиянием в аль-Кахире, причем не всегда в интересах государства. Как и все завоеватели, аль-Азиз нуждался в поддержке меньшинств и наемников и поэтому не только пользовался услугами христиан, но – по примеру абассидов – снова начал ввозить турецких и суданских солдат. Постоянные распри между турками и суданцами были мрачной прелюдией эпохе мамлюков.

Аль-Кахира при аль-Азизе процветала и богатела. Он построил дворцы, мосты, мечети и новый канал. При нем же появился Малый Западный дворец, павильон «Лули» («Жемчужный») и был перестроен Великий Восточный дворец, от которого до наших дней ничего не сохранилось. Он приступил к строительству мечети, которое завершил его сын Хаким. Ее руины – один из самых романтических памятников Каира. Аль-Азиз был настолько уверен в силе своего халифата, что даже построил золотую клетку, в которой он намеревался держать соперничавших суннитских багдадских халифов, когда они попадут к нему в плен (этого так и не случилось).

Очень хотелось бы знать, как жила аль-Кахира в первые годы ее существования. И хотя Ибн-Хасроу многое нам сказал, к его описаниям надо относиться с осторожностью, потому что он был шиитом (как и фатимиды), очень гордился их достижениями и рисовал довольно пристрастную картину. Вовсе нет данных об отношениях между населением ранней аль-Кахиры и Фостата–Мисра. Аль-Кахира являлась чисто административным центром вроде Вашингтона, с тем различием, что она была прочно заперта на все замки. Вероятно, сначала в аль-Кахире не было ни купцов, ни сапожников, ни булочников, ни лавочников, но, по мере того как солдат, рабов, слуг, администраторов и писцов (в городе были тысячи мелких служащих) селили в отведенных для них районах, менялся и характер жизни города. Нет сомнения, что постепенно в город стали пускать купцов, а затем ремесленников, лавочников и сапожников.

Хотя фатимиды были ревностными миссионерами, им не удалось обратить народ в шиитскую веру. К тому времени, как умер аль-Азиз и власть перешла к его 11-летнему сыну Хакиму, изоляция и эгоцент-

ризм аль-Кахиры подготовили ее к «божественной благодати» – новый халиф Хаким провозгласил себя богом.

Хаким играл в саду и только что взобрался на ветви большой сикоморы, когда явился запыхавшийся чернокожий наставник Баргаван и сказал:

– Спустись, мой мальчик. Да защитит бог тебя и всех нас.

В устах мусульманина это могло иметь одно значение: мальчик стал халифом. Ночью Хаким вступил в аль-Кахиру. Он шел за телом отца, которое несли на носилках, и смотрел на торчавшие из-под покрывала ноги покойника.

Евнух Баргаван прозвал Хакима «ящеркой», вероятно, потому, что он внешностью и повадками напоминал ящерицу. Все, кто видел его, пугались. У него, как и у отца, были большие голубые глаза. Он был безобразным и страшным, избегал дневного света и появлялся в городе по ночам, обычно верхом на ослике. Он приказал, чтобы все лавки торговали ночью и закрывались на день, но, когда люди приспособились к этому странному порядку и стали веселиться по ночам, он их наказывал. В возрасте пятнадцати лет он велел слуге, носившему над ним большой зонтик, убить Баргавана. Слуга убил наставника ударом ножа в живот. Через два года Хаким приказал умертвить убийцу Баргавана. Министерские обязанности Баргавана он передал сыну великого Гаухара – аль-Хасану, которого через несколько лет он тоже предал смерти.

Утверждая столь страшными методами свою власть, Хаким, по видимому, вышел за рамки нормального, реального существования. В 1004 году он приказал перебить всех собак в аль-Кахире, запретил продажу пива, вина, винограда, «мулокхии» (шарики из молотого гороха и рыбы – национальное кушанье египтян) и рыбы без чешуи, причем нарушителям безжалостно отрубали головы. По его приказу сжигались фрукты, срубили все виноградные лозы, а весь мед (излюбленная сладость египтян), имевшийся в Фостате-Мисре, – около 5 тысяч банок – вылили в Нил. Затем он запретил женщинам выходить на улицу. Этот запрет длился семь лет и семь месяцев. По распоряжению Хакима сапожники не изготавливали женскую обувь, с общественных бань сняли вывески, показывавшие, какие из них предназначены для женщин.

Из сотен рассказов о жестокости Хакима самый страшный связан с именем храброго генерала Фадла, который спас Хакима и его режим от восставших племен. Случайно Фадл застал Хакима за страшным занятием: он резал на куски тело купленного за 100 золотых красивого ребенка, с которым сперва забавлялся, а затем убил. Фадл понял, что Хаким не простит ему несвоевременного появления. Придя домой, он написал завещание. Через час солдаты Хакима арестовали Фадла и обезглавили.

Шиитский халиф Хаким мнил себя мистическим перевоплощением Махди (мессии). Это можно было бы расценить как обычное религиозное тщеславие, если бы Хаким не был одержим опасной идеей, что наделен правом отнимать жизнь и даровать смерть. Церемонию его

«обожествления» совершил перс по имени Дарази, который провозгласил, что Хаким унаследовал душу Адама и поистине является Создателем вселенной. Дарази сколотил новую секту – друзов, к которой и ныне принадлежит 200 тысяч мусульман в Ливане и Сирии.

Хаким, опьяненный мистическим самообожествлением, любил ездить один по ночам на своем сером осле по кличке аль-Кама (луна – *арабск. яз.*) и бродить по Мукаттамам горам. Иногда он уезжал на несколько дней. 13 февраля 1021 года он оседлал аль-Кама и всю ночь пробыл на Мукаттаме; на следующий день халифа видели в горах около Хелуана, после чего след его исчез. Вскоре офицеры обнаружили на дне колодца одежду Хакима со следами ножевых ударов. Ибн-Халикан заключает свой рассказ притчей о «некоторых глупцах», все еще верящих, что Хаким снова появится в мире. В это верят друзья Сирии и Ливана.

Историки склонны перечислять жестокие деяния Хакима, но надо сказать, что у него был вкус к литературе и поэзии, а великий арабский астроном аль-Юнус составил именно для него знаменитые Хакимитские астрономические таблицы. Хаким построил при дворце замечательный зал для изучения шиитской доктрины, точных наук и астрономии, и ученые съезжались сюда со всего мусульманского мира, так как здесь можно было вести свободные дискуссии и споры.

Но население Фостата–Мисра ненавидело Хакима. Убийство евнуха Баргавана вызвало такое сильное возмущение, что халифу пришлось несколько дней прятаться во дворце. В 1004 году Хаким приказал написать на всех мечетях Фостата–Мисра слова проклятия «спутникам пророка», чтобы досадить своим соперникам суннитам, которые считали, что «спутники» куда ближе к богу, чем фатимиды. Волна народного гнева вынудила Хакима отменить приказ, стереть оскорбительные надписи и даже издать распоряжение, предусматривавшее порку для всякого, кто посмел бы оскорбить «спутников пророка». Это была очевидная победа египтян.

В конце концов «обожествление» Хакима вызвало гражданскую войну, и снова войска были брошены на подавление восстания в Фостате–Мисре, где они безжалостно убивали, грабили и насиловали. Однако у черных солдат (суданцев) Хакима во дворце появились непримиримые соперники – турки и берберы. Между ними началась жестокая борьба за власть, и сражения происходили на улицах обоих городов. Вероятно, именно эта анархия, представлявшая опасность для фатимидов, и привела к убийству Хакима.

Аль-Кахира достигла подлинного расцвета при аль-Мустансире, наследнике Захира. Он был младенцем, когда умер Захир. Временно Египтом правила его мать, бывшая суданская рабыня, делившая власть с рабовладельцем, который когда-то продал ее в рабство. Аль-Мустансир правил Египтом 58 лет и был халифом в те времена, когда Вильям завоевал Англию. Было бы любопытно в деталях сравнить земельный феодализм Вильяма с денежно-торговой феодальной системой аль-Мустансира. Так, Вильям собирал со своей земли и ферм феодальную ренту натурой, тогда как аль-Мустансир получал наличными деньгами

поборы с 20 тысяч лавок и 20 тысяч домов, принадлежавших ему в Кахире и Фостате–Мисре. Однако, как и Вильям, Мустансир был владельцем всех земель и городов страны, и только на берегах Красноморского канала (теперь его именовали: «Канал властителя правоверных») ему принадлежали 369 деревень.

Трудно сказать, какова была бы судьба Средиземноморья, если бы аль-Мустансир пользовался своими денежными накоплениями для той же цели, что и Вильям, который расходовал доходы от земли на создание могучей армии с целью завоеваний. Вильям ездил из одного города Нормандии в другой, собирая военную контрибуцию для вторжения в Англию, а аль-Мустансир тратил личные средства, полученные от военных завоеваний, на церемонию открытия нового канала в Фостате–Мисре. Это был традиционный египетский праздник, сохранявшийся с тех времен, когда самые ранние обитатели Египта тысячи лет назад прорывали первые ирригационные каналы. Он ехал по городу во главе 10 тысяч всадников, и каждая лошадь была одета в броню, украшенную золотом и драгоценными камнями. За ними следовали верблюды и мулы со сбруей из золота, и Ибн-Хасроу перечисляет других участников процессии: 20 тысяч берберов из племени кентани, 50 тысяч марокканцев, 20 тысяч масмудов, 10 тысяч восточных турок и персов (в основном родившихся в Египте), 30 тысяч рабов (купленных за деньги), 15 тысяч бедуинов племени хаджа, 30 тысяч белых и черных рабов, 30 тысяч негров с саблями и, наконец, дворцовые слуги, врачи, чиновники, писцы и т. д. Но это была не национальная армия феодальных сеньоров, направлявшаяся на завоевание, а частная оккупационная армия, которая должна была поразить пышностью и богатством местное население. Большинство солдаты и челядь жили на положении нахлебников халифа в его закрытом городе аль-Кахире.

С изумлением читаешь приведенную Макризи опись коллекции драгоценностей аль-Мустансира, но надо учесть, что это были своего рода денежные резервы халифа, которыми он мог пользоваться по своему усмотрению. Так, он израсходовал эти резервы до последней жемчужины, когда в Египте начался голод и страна находилась на грани катастрофы. В денежном выражении десять фунтов изумрудов составляли целое состояние, такой же капитал представляли собой 250 тысяч чистых жемчужин, рубинов и другие драгоценности. У него хранились бесценные хрустальные вазы, покрытые глазурью золотые блюда, матрацы из золота, 4 тысячи золотых ваз для нарциссов, 2 тысячи ваз для фиалок, фрукты, сделанные из янтаря, тюрбан с драгоценными камнями, стоивший 130 тысяч динаров, золотой павлин с глазами из рубинов, статуэтка газели, покрытая жемчугом, серебряная лодка, принадлежавшая его чернокожей матери, пальмовое дерево с финиками из драгоценных камней, петух с гребешком из рубинов, множество изделий из дамасской стали, ковры, огромная вышитая карта мира, усыпанная драгоценными камнями, кинжалы, мечи, копыя и щиты, палатка из золотой парчи с серебряными кольями. Одну такую палатку в 65 футов высотой создавали девять лет пятьдесят художников и ремесленников; для перевозки ее потребовалось

десять верблюдов. Другая палатка была соткана из золотых нитей. Ее называли «убийцей», потому что при разбивке палатки, как правило, кто-нибудь погибал под тяжестью золотой ткани.

Эти богатства свидетельствовали о пресыщенности и излишестве, но аль-Мустансир мало чем отличался от коллекционеров нашей эпохи, вкладывающих капиталы в произведения искусства не только из любви к красивому, но и к надежде на финансовую прибыль. Во время неурожая аль-Мустансир потерял все состояние за несколько дней. Из этого видно, насколько неустойчива была система экономики, зависевшая от продажи урожая, по сравнению с земельной феодальной системой Вильяма. При совпадении неурожая, малого разлива Нила, крестьянского восстания и нехватки продовольствия население аль-Кахиры и Фостата–Мисра голодало.

В эти тяжелые дни Мустансир сильно зависел от первого министра аль-Язури, которому удалось сохранить низкие цены на зерно и поддержать снабжение столицы. Именно аль-Язури построил в Фостате знаменитые зернохранилища Иосифа. Он запретил купцам (хотя эта практика продолжалась вплоть до 1952 года) скупать по низкой цене урожай на корню, на что – под угрозой насилия или из-за боязни неурожая – часто соглашались бедные крестьяне. Так удалось предотвратить надвигавшийся кризис. Но в 1058 году аль-Язури был убит, и власть халифа в столице была подорвана, чему немало способствовали купцы, возмущавшиеся строгими мерами Язури. Они были главной силой в экономике страны, и им было безразлично, голодает ли население и что произойдет с халифатом.

Скорее всего купцы и убедили турецких и берберских солдат поднять восстание в аль-Кахире и изгнать оттуда пятьдесят тысяч черных суданских солдат, которых поддерживала мать Мустансира. Тогда суданцы создали в Верхнем Египте нечто вроде разбойничьего королевства, откуда они совершали набеги на деревни и уничтожали крестьянские посевы. Турки изгнали из аль-Кахиры и берберов, которые бежали в дельту Нила, занялись тем; же разбоем, что суданцы на юге страны, и даже разрушили ирригационную систему дельты. Столице грозила катастрофа, урожай в Верхнем и Нижнем Египте были уничтожены, а имевшееся продовольствие не достигало портов Фостата–Мисра и аль-Кахиры. Экономика была полностью подорвана.

Захватив контроль над королевской столицей, турки пришли в неистовство. Они ворвались во дворцы аль-Кахиры, уничтожили прекрасные сады и разграбили баснословные сокровища и коллекции аль-Мустансира. Наконец, они варварски разделались с самой богатой библиотекой той эпохи. Сотни тысяч томов были свалены в кучу на холме, и долгие годы его именовали «книжным холмом». До этого в библиотеке царил порядок и все книги были занесены в каталоги. Большая часть книг была посвящена проблемам религии, точным наукам, искусству и поэзии. Кожаные переплеты многих книг пошли на сапоги для турецких солдат. Лейн Пул писал, что среди книг находились труды, которые до сих пор разыскивают востоковеды.

В результате анархии в столице, упадка земледелия и прекращения нормального снабжения зерном разразился голод, длившийся семь лет. В городе вспыхнула эпидемия чумы: мясо кошек и собак ценилось выше жемчуга; дворцовые чиновники нанимались прислужниками в бани, надеясь заработать несколько динаров на хлеб. Аль-Мустансир не только отослал свою семью в Багдад, но и продал все оставшееся у него имущество, чтобы пережить голод. Бесценная коллекция произведений искусства исчезла. Канныализм стал обычным явлением. Случалось, что в бок прохожего вонзался острый железный крюк, сброшенный бандитами из окна второго этажа. Жертву затащивали в дом, убивали, резали на куски, а затем варили или продавали мясо на базаре.

Турки в аль-Кахире дрались меж собой, и именно в это время отряд турецких солдат аль-Мустансира совершил набег на Фостат–Миср и поджег некоторые его кварталы. Мятежники овладели Фостатом–Мисром, разбили войска, оставшиеся верными аль-Мустансиру, и ворвались в столицу. Они застали Мустансира, сидевшего одиноко на голой циновке в пустом дворце. Но солдаты не лишили аль-Мустансира трона – в этом не было надобности. Он оказался беспомощным, и они беспрепятственно хозяйничали в аль-Кахире.

1073 год неожиданно принес хороший урожай. Мустансир приободрился и пригласил из Акки некоего Бадра аль-Гамали, получившего репутацию хорошего администратора на посту губернатора Дамаска, а позднее Акки. Бадр аль-Гамали, армянин, бывший раб, согласился при условии, что приведет с собой сирийских солдат. Аль-Мустансир не возражал, и в декабре 1074 года Вадр аль-Гамали вступил в аль-Кахиру.

Турецкие солдаты, не знавшие, зачем он прибыл, приветствовали его. Бадр довольно просто разделался с турками. Он приказал сирийским офицерам пригласить к себе на пирушку по одному турецкому офицеру. К утру сирийцы принесли ему головы всех турецких офицеров.

То, что сейчас сохранилось от аль-Кахиры, было построено Бадром и аль-Мустансиром. Город оставался королевским поместьем, но его население росло так быстро, что ему не хватало места в пределах обветшалых стен. Тогда Бадр построил новую стену, присоединив тем самым к городу еще несколько кварталов (часть этой кирпичной стены стоит и поныне). Он снес все старые ворота и построил их заново, но уже не из кирпича, а из камня. Его ворота сохранились: Баб ан-Наср, Баб аль-Футух и Баб аз-Зувейла – «Ворота победы», «Ворота подкреплений» и «Ворота племени Зувейла».

После аль-Мустансира и Бадра еще шесть фатимидских халифов (среди них ни одного совершенно нормального человека) в течение 75 лет правили Египтом. Затем Салах ад-Дин (Саладин) захватил аль-Кахиру и положил конец шиитской ереси. После смерти аль-Мустансира долгое время страной фактически правили армянские родственники Бадра, занимавшие посты главных министров при бессильных и бездарных халифах.

По-видимому, так всегда бывало, когда могучая династия переживала деградацию и упадок. Хотя некоторые из армянских администраторов были жестокими и продажными людьми, они управляли Египтом неплохо. Но главная опасность надвигалась извне. Египет интересовал двух соперничавших претендентов, которые были намного агрессивнее, сильнее и энергичнее одряхлевших фатимидов.

Сельджуки, уже покорившие Персию, были туркменами. Еще при жизни Бадра они отобрали у фатимидов Палестину, но в отличие от фатимидов они принадлежали к секте суннитов. Первые крестоносцы появились в Палестине в 1096 году. И с тех пор эти две силы схватились за обладание не только Святой землей, но и Египтом. Христианская тенденция к уничтожению мирных жителей завоеванных стран не способствовала тому, чтобы население встречало их как «освободителей», и, когда крестоносцы «истребили 70 тысяч беззащитных мусульман в Святом городе» (Лейн Пул, «История Египта», т. 6), они тем самым доказали, что их истинной целью был захват территории и жажда наживы.

Сначала крестоносцев не интересовал Египет, и фатимиды могли жить спокойно в своем тепличном городе. Однако назревала обстановка, при которой падение Египта казалось неизбежным: власть фатимидов угасала, и аль-Кахира жила в атмосфере жестоких убийств, покушений и кровавых распрей; население Фостата–Мисра вело войну на улицах города против солдат халифа; одного из визирей так ненавидели, что, когда он был взят в плен крестоносцами, жители Фостата–Мисра выкупили его за золото, чтобы тут же отрезать «министру» уши и нос, а затем распяты на воротах Баб аз-Зувейла; предпоследний фатимидский халиф умер в младенческом возрасте, а последний – аль-Адид – унаследовал аль-Кахиру в возрасте 9 лет, ему исполнилось 12 лет, когда крестоносцы подошли к стенам аль-Кахиры, 17 лет, когда был сожжен Фостат–Миср, 18 лет, когда Саладин захватил Египет, а в возрасте 20 лет он скончался (1171).

Падение Египта теперь стало неминуемым, и именно в этот момент в него вторглись одновременно сельджукские мусульмане и христианские крестоносцы. Шииты-фатимиды оказали предпочтение крестоносцам и предложили христианскому королю Амаури двести тысяч золотых, чтобы он помог им спастись от сельджуков. Амаури согласился, и два крестоносца отправились в аль-Кахиру на переговоры. Их визит описан архиепископом Тира Вильямом в книге «История событий за морем», которая содержит первый и единственный рассказ чужеземца о дворцах аль-Кахиры. Крестоносцев – Джеффри Фалчера и Хью из Цесары вели по дворцовым коридорам, где у каждой двери стоял суданский телохранитель с обнаженной кривой саблей, мимо фонтанов в садах, где пели экзотические птицы и бродили невиданные звери, а лужайки были замощены камнем с чудесной мозаикой. Они шли из зала в зал, а затем торжественно открылся тяжелый золотой занавес, расшитый жемчугом, и они увидели сидевшего на золотом троне молодого халифа аль-Адида. Халиф уплатил христианам золото за помощь в борьбе против своих мусульманских братьев, и сэр Хью

предложил ему ударить по рукам в знак заключения сделки. Придворные чуть не упали в обморок от такой фамильярности, но халиф милостиво протянул руку в перчатке. Хью попросил снять перчатку, и, к изумлению всех присутствующих мусульман, аль-Адид выполнил его просьбу.

Практически эта первая попытка захватить Египет ничем не кончилась: как Амаури, так и сельджукский генерал Ширкух отвели войска. Точнее, они договорились об уходе из Египта.

В 1168 году Амаури-христианин возвратился в Египет и, как бы желая доказать серьезность своих намерений, перебил все население города Бильбейса. Он начал наступление на аль-Кахиру, и правитель Египта Шавар приказал сжечь Фостат–Миср. Трудно сказать, был этот шаг глупым или разумным с точки зрения военной стратегии, но Шавар отличался такой хитростью и коварством, что от него можно было ожидать любой выходки. За пять лет до этого Шавар занимал пост фатимидского губернатора Верхнего Египта, но перешел на сторону сельджуков в Дамаске и заключил сделку с Нур ад-Дином, обещавшим назначить его первым министром Египта. Когда сельджуки сделали первую попытку захватить Египет, им удалось поставить Шавара у власти в аль-Кахире, но именно он и просил Амаури помочь ему избавиться от сельджуков. Теперь же, когда Амаури готовился к штурму аль-Кахиры, Шавар снова переметнулся к сельджукам, запросив помощи у Нур ад-Дина.

Нур ад-Дин согласился и направил генерала Ширкуха и его племянника Саладина с армией, приказав им изгнать крестоносцев. Эта задача была не из трудных, так как избиение в Бильбейсе пробудило ненависть населения к крестоносцам, и они не чувствовали себя в безопасности в этой стране. Амаури пришлось бежать, и сельджуки оказались победителями.

Из-за анархии и смятения в аль-Кахире после пожара Фостата–Мисра сельджуки решили действовать осторожно и временно оставили на троне молодого халифа аль-Адида. Нур ад-Дин назначил Ширкуха визирем Египта, но тот вскоре умер, так и не приняв каких-либо серьезных решений. Проблемы Египта унаследовал его племянник Саладин, ставший визирем 2 марта 1169 года. Хотя он недолго оставался в Египте, Каир ощущал на себе его незримое влияние до самого конца английской оккупации.

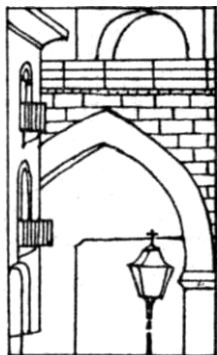
Прежде всего Саладин хотел изгнать из мечетей дух шиитских доктрин и заменить их учением суннитов, но после разрушения Фостата–Мисра он еще не мог уловить истинных настроений народа и не решался на окончательный шаг. Только через год он приказал, чтобы пятничные молитвы читались за здоровье аббасидского халифа, а не шиитского. Никто не возражал, и эта реформа, как ничто другое, символизировала конец фатимидского правления в Египте.

Фатимиды пока еще жили в богатых дворцах аль-Кахиры. Саладин их не трогал. Но вскоре молодой халиф аль-Адид умер, и визирь начал действовать. Он занял королевские дворцы в аль-Кахире и немедленно изгнал 18 тысяч фатимидских родичей из города. Макризи пишет, что

среди них было всего 252 мужчины (все члены семьи халифа), но, чтобы у фатимидов не было потомства, Саладин выселил мужчин и женщин в разные районы.

Саладин не взял для себя лично ничего из сокровищ королевских дворцов и не жил в них. Он открыл ворота аль-Кахиры и разрешил бездомным жителям Фостата–Мисра строить дома внутри и вокруг королевской столицы, которая, таким образом, перестала быть вотчиной халифов. Только с этого момента и можно говорить о Каире как комбинации всех городов, находившихся между Нилом и горами Мукаттам. Во всяком случае, навсегда закончилась изоляция королевского поместья аль-Кахиры, так как на его месте начал расти город Саладина.

Каир Саладина резко отличался от аль-Кахиры, и, чтобы сейчас отличить более древнюю аль-Кахиру от саладиновского города, нужно бродить по средневековому Каиру, не обращая внимания ни на что, кроме памятников эпохи фатимидов. Аль-Кахира остается как бы ядром внутри каирской скорлупы, и можно легко начертить ее границы на любом плане города. Сохранившиеся памятники фатимидов разбросаны в старой части города: мечеть аль-Азхар (969), руины мечети аль-Хакима, трое ворот Бадра и часть построенной им в 1086 году стены (а также мечеть на Мукаттаме, носящая его второе имя: аль-Гиюши), мечеть аль-Факахани (1120) и мечеть Акмара – с самым старым каменным фасадом в аль-Кахире.

8 Каир Саладина

Саладина было свое представление о будущем Каира: он хотел создать единый, неприступный и защищенный прочными стенами город, внутри которого процветала бы торговля и культура, где не было бы частных королевских поместий и сказочных дворцов. Иными словами, город, который принадлежал бы его обитателям, а Саладин был бы его абсолютным властителем.

Многие историки считают, что при строительстве Каира Саладин руководствовался военными соображениями и местными интересами, но он был человеком с весьма широким кругозором. Если фатимиды старались хоть как-нибудь удержать разложившуюся империю, а сирийско-турецкие хозяева Саладина мечтали об укреплении могучей империи, то сам он стоял на защите культуры всего ислама.

Саладин считал Египет источником средств, которые ему были нужны для беспощадной войны против наступающих христиан и европейцев, раскольнических мусульманских сект, подрывавших единство ислама. Он хотел сделать Каир организующим центром возрождения ортодоксальной суннитской культуры и идеологии, а также городом, где накапливались бы огромные богатства, необходимые для борьбы с чужеземцами. Саладин не собирался подавлять силой шиитских соперников, чтобы претворить в жизнь свои идеи, – он надеялся убедить Египет вернуться к ортодоксальной вере. Он расправлялся с шиитами мечом только в самых неизбежных случаях. Его крупнейшим архитектурным вкладом в Каире была Мадраса* – мечеть-университет, где ученые могли бы вместо проповеди шиитских догм толковать смысл религии и исламские законы.

Прежде всего он занялся обороной города, который до тех пор был весьма незащищен. Он хотел создать неприступную крепость и в 1176–1177 годах приступил к строительству цитадели.

Взглянув на любой план Каира, можно легко понять, какими идеями руководствовался Саладин при его планировке. Он хотел окружить стеной весь город, включая руины Фостата–Мисра; начав со стены Бадра на севере, он продолжил ее на запад к Нилу до порта аль-Макс,

* Мадраса – в переводе с арабского означает «школа». В Средней Азии это слово звучит несколько иначе: «медресе». (Прим. ред.)

где сейчас находится вокзальная площадь – Мидан Баб аль-Хадид. На востоке, у подножия Мукаттама, он довел стену Бадра до цитадели, что построена на холме, возвышающемся над городом на 250 футов. Судя по всему, ни западная стена вдоль канала, ни южные стены у Фостата–Мисра не были завершены, так как в это время Саладин отправился из Египта в Сирию на войну против крестоносцев и шиитов. Недавние раскопки обнаружили отдельные участки этих «недостроенных» стен.

Саладин, как и великий Амр ибн аль-Ас, – романтическая фигура в истории, и в целом трудно найти какие-либо существенные недостатки в его характере и деятельности. Между прочим, его наиболее горячими поклонниками всегда были христианские биографы. Именно они, а не арабы, превратили Саладина в мифическую фигуру, и больше всего их восхищало в нем неоспоримое рыцарское благородство. Нет сомнения, что грубые, корыстолюбивые и жестокие крестоносцы, создавая свой рыцарский кодекс, многое заимствовали у мусульман – до Саладина, у Саладина и после Саладина. Даже Британская энциклопедия обвиняет Ричарда Львиное Сердце в высокомерии, жестокости и бесмысленном избиении 2 тысяч сарацинских пленных в Акке. Хитти пишет, что христиане не принесли на Восток никакой культуры, но, уходя с Востока, взяли с собой довольно много.

С момента прибытия Саладина в 1169 году и до османского вторжения в 1517 году, когда Каир закончил свою роль подлинно средневекового города, 82 года в нем правили преемники Саладина, 130 лет турецкие мамлюки и 135 лет черкесские мамлюки. Похоже, что каждой средневековой династии Египта было суждено властвовать в среднем по 116 лет. Со времени Саладина ортодоксальный суннитский Каир постепенно очищался от пагубных разлагающих шиитских догм. Саладин не только укрепил город, но и построил за 11 лет пять Училищ и мечеть, которые не сохранились.

За многие годы, проведенные в Каире, я никогда не искал специально сохранившихся участков стен Саладина, но видел их все, за исключением участка ниже Фостата.

По-моему, из всего, что осталось от саладиновского Каира, впечатление производит только сама цитадель. Но для этого нужно обойти ее с севера – оттуда хорошо видно, что она возвышается на холме. Именно здесь сохранилась в первоначальном виде часть цитадели, построенная Саладином, и по ней можно судить о подлинно средневековом характере всего сооружения. Остальная цитадель построена уже после Саладина, и каждый завоеватель, в том числе англичане, что-нибудь пристраивал к ней. Можно упрекнуть Саладина в том, что для строительства цитадели он разрушил малую пирамиду в Гизе, используя ее камни в качестве строительного материала. Теперь поздно сожалеть об участии пирамиды или о судьбе тысяч подобных памятников, но обидно, что ничего не сохранилось от построенной Саладином внутри цитадели больницы, о которой мы знаем только со слов Ибн-Шадада, личного секретаря Саладина, и Ибн-Губайра, посетившего Каир в 1183 году. Описанные Ибн-Губайром порядки в больнице мало чем отли-

чаются от организации работы современных клиник. По его словам, это был «настоящий дворец – красивый и просторный». Здесь работали врачи и фармацевты, в больнице были хорошие кровати, постельное белье, слуги, ухаживавшие за пациентами, бесплатное питание и лекарства, отделение для больных женщин и особое здание для душевнобольных, с которыми обращались человечно, держали под наблюдением специалистов, старавшихся выяснить причины их заболевания.

Больница исчезла, так же как и все мадрасы Саладина. Это достойно сожаления, ибо мадрасы, построенные Саладином и его преемниками, играли важную роль в возрождении Каира. Они были не только архитектурным новшеством в городе благодаря своей крестообразной форме. Они были предназначены для молитв и занятий теологией, но студентам преподавали здесь также математику, геодезию, физику и медицину.

В 1176-1177 годах Саладин приказал построить Мадрасу у могилы имама аш-Шафии, основателя одной из четырех школ ортодоксальной суннитской веры, к которой принадлежало большинство египтян и сам Саладин. Аш-Шафии родился в Гизе и похоронен на кладбище «Могилы халифов» к югу от Каира. Эта огромная Мадраса, построенная как памятник аш-Шафии и описанная Макризи, не сохранилась, но все еще стоит мавзолеей аш-Шафии, построенный в 1211 году.

Саладин уехал из Каира в 1182 году на войну с крестоносцами в Сирии и больше не вернулся. Он умер в Дамаске в 1193 году, не оставив после себя никаких богатств. Однако его семья правила в Каире, а сам он успел освободить почти всю Палестину от армий Англии, Франции, Бургундии, Фландрии, Сицилии, Австрии и из-под власти всемогущего папы. Часто ему помогали восточные христиане, которые в той же мере страдали от рук крестоносцев, что и все остальное население этих стран. Так, грузины, как и египетские копты, отдавали предпочтение Саладину перед папой. Саладин спас Восток от Запада и одновременно разбудил и привел в движение те силы, которые отныне могли взять в свои руки судьбу Востока. Он преобразил Каир, открыв перед ним новый путь.

Таков исторический фон, на котором рос и развивался Каир. Он стал большим деловым городом с жестокими, властными, умными, культурными, образованными правителями, городом с населением, которое упорно трудилось, торговало, веселилось, много страдало, терпеливо переносило несчастья, предавалось страстям и, как всегда, старалось обойти строгие законы религии и суровых властей.

Преемником Саладина стал его брат аль-Адил (Сафадин – в романе Вальтера Скотта «Талисман»), при котором разразился страшный голод и сопутствовавшие ему эпидемии. Ученые не дали толковых объяснений причин этого голода, но вполне возможно, что его вызвала введенная Саладином новая система земельного феодализма, о которой я расскажу позднее. Экономические бедствия и случаи людоедства потрясли Каир, население которого резко сократилось. Арендная плата, всегда являвшаяся эталоном процветания города, стала необычно низкой, и энциклопедист того времени Абдель Латиф писал, что все

деревянные украшения дворцов были сожжены в печах жилых домов и бань. В 1218 году опять появились крестоносцы, но аль-Кямиль, сын аль-Адила, разбил их войска.

Аль-Кямиль завершил строительство цитадели, и нет сомнения, что на стройке работали пленные крестоносцы. Ибн-Губайр писал, что он видел множество крестоносцев, рывших канавы, обтесывавших мрамор и переносивших большие глыбы камня. Вероятно, это единственный случай, когда европейцы в Каире оказались на положении подневольных, так как в последующие века они обрекали на рабский труд других.

Аль-Кямиль был более тонкой и романтической фигурой, чем его дядя Саладин. Именно его король Ричард Львиное Сердце посвятил в рыцари в вербное воскресенье 1192 года, устроив церемонию, которую Хитти назвал «романтической причудой того времени». Аль-Кямиль с особой любовью относился к каирским коптам, которые до сих пор считают его своим любимым мусульманским покровителем.

По пути в Палестину Каир посетил святой Франциск Ассизский, и он вел с аль-Кямилем длительные беседы на религиозные темы. Значительно труднее понять характер «дружбы» аль-Кямиля с одним из виднейших крестоносцев, Фридрихом II. Лейн Пул восхищается этой дружбой, но Хитти считает «позорным» договор между аль-Кямилем и Фридрихом II, по которому христиане получили Иерусалим и коридор, открывавший доступ к нему.

В Каире от эпохи аль-Кямиля осталась только Мадраса Кямиля, но и она была перестроена в XIX веке. От первоначального здания мадрасы ничего не сохранилось, да и вообще в Каире нет почти никаких следов правления айюбидских султанов. В Бейн аль-Касрейне стоит мечеть – могила ас-Салиха, племянника аль-Кямиля, но, к сожалению, маленькая цитадель ас-Салиха на острове Рода не сохранилась. Когда я посетил остров в последний раз в надежде найти какие-нибудь остатки стен цитадели, я увидел на этом месте лишь переплетение труб и канавы. Там, где была цитадель, поднималось огромное здание, напоминавшее театр, – это чехи строили для Египта новый завод для фильтрации воды.

Правление ас-Салиха Айюба имело особое значение для жизни Каира, так как он и его жена-турчанка Шаггар ад-Дурр («Жемчужное дерево»), бывшая рабыня, частично несут ответственность за появление в Египте нового типа общественных отношений, так называемой системы правления мамлюков (рабов-наемников).

Не первый раз в истории Каира рабы становились его властителями. Были случаи, когда раб, воспитанный на правах сына правителя, садился на султанский трон, но это еще не превратилось в наследственную систему. Саладин, может быть и не желая того, создал в стране такие условия, что султаны-рабы стали ядром правящего класса, господствовавшего в стране на протяжении 400 лет. Офицерами саладиновской армии были властолюбивые мамлюки, и когда он вступил победителем в Каир, то даровал этим превосходным наемникам (как

пишет Лейн Пул) поместья, земли, замки, города и даже целые провинции при условии, что они будут и впредь нести военную службу.

Со времени фараонов Египет не помнил, чтобы в стране силой создавали подобную систему земельной аристократии. Саладин принес в Египет эту систему почти буквально на спинах своих рабов-офицеров. Эта своеобразная комбинация раба-солдата и феодального сеньора – породила класс людей, который разрастался не на наследственном принципе, а с помощью покупки новых, проверенных в боях рабов-наемников, обеспечивавших жизнеспособность новой системы.

Возвышению мамлюков способствовал и тот факт, что основой египетского общества была система высокоразвитой торговли, без которой не мог бы зародиться новый тип мамлюкского феодализма. В целом система феодальных сеньоров-мамлюков принесла некоторую пользу Египту, она содействовала стабильности государства, хотя его и потрясали частые насильственные смены властителей. При мамлюках власть редко переходила от отца к сыну, чаще ее захватывала соперничавшая группа рабов-феодалов, назначавшая султаном своего представителя. Но процесс начался позднее, когда султаны-айюбиды потеряли влияние и их династия пришла в упадок. К моменту смерти ас-Салиха Айюба в Каире уже было множество влиятельных мамлюкских эмиров и офицеров, и контроль над ними, казалось бы, должен был перейти в руки законного наследника ас-Салиха. Но он был слишком молод, и власть захватила Шаггар ад-Дурр, вдова ас-Салиха, которую на первых порах поддерживали мамлюкские феодалы.

Власть женщины – необычное явление в мусульманской стране, но Шаггар ад-Дурр все же продержалась в роли абсолютного монарха 80 дней. Но даже этот срок показался чрезмерно долгим влиятельным бахри-мамлюкам (речные мамлюки), обосновавшимся на острове Рода. Они предложили своему главнокомандующему Айбаку жениться на Шаггар и возглавить султанат. Шаггар вышла замуж за Айбака, которого она презирала, и продолжала единолично править Египтом. Она заставила мужа развестись с первой любимой женой, а когда Анбак захотел взять еще одну жену, Шаггар попросту приказала убить его.

Айбак умертвил в банях цитгдели. Мамлюкские эмиры возмутились и заперли Шаггар ад-Дурр в цитадели, где она истолкла в порошок все свои драгоценные камни и жемчуг, чтобы они не достались другой женщине. Затем мамлюки вытащили ее из крепости, а рабыни, принадлежавшие первой жене Айбака, с которой она заставила его развестись, избили ее до смерти деревянными башмаками. Изуродованное тело Шаггар, чуть прикрытое нижним бельем, бросили в канаву около цитадели. На труп набросились собаки, но «какой-то человек из народа» (как писал Макризи) подобрал ее тело и увез в корзине к мавзолею, который она заранее приготовила для себя.

Шаггар построила мавзолей в 1250 году на южной окраине Каира, недалеко от цитадели. Я много раз проходил мимо могилы Шаггар ад-Дурр, бродил вокруг нее, но мне не удалось побывать внутри. Мавзолей построен из кирпичей, скрепленных пальмовыми стволами, но я

так и не увидел находящуюся внутри золотую мозаику, которая (по словам Кресвелла) именно здесь впервые появилась в египетской мусульманской архитектуре.

Трагедия правительницы не закончилась ее смертью: никто не решился похоронить ее в мавзолее, опасаясь гнева мамлюков. Из надписей на могиле ничего нельзя толком понять, так как официально в ее могиле похоронен кто-то другой.

Как представительница династии айюбидов, Шаггар ад-Дурр могла править страной только с помощью мамлюков, уже ставших фактическими хозяевами Египта. Создававшаяся после ее смерти обстановка благоприятствовала мамлюкам, их аппетиты разгорались, и они больше не расставались с властью до 1811 года, когда Мухаммед Али устроил на улицах Каира массовое избиение мамлюков. Речные мамлюки установили в Каире порядки, ставшие образцом для всех их преемников, своеобразную «демократию», при которой мамлюки – как это всегда случается с правящими классами – немилосердно грызлись друг с другом. Макризи постоянно упоминает, что эмиры «возвели» того или иного мамлюка в ранг султана, но в действительности это была жесточайшая борьба наиболее влиятельных мамлюков за власть, и каждый старался подольше удержаться на троне, пока его не прикачивали или лишали поддержки другие мамлюки. Соперничество феодалов неизбежно вело к столкновению отдельных группировок и кровопролитным сражениям на улицах Каира.

Каждый мамлюкский султан сам по себе напоминал одинокий яркий цветок, появившийся неизвестно откуда и распустившийся на короткое время пышным цветом. Затем ему отрубали голову, а на его место сажали другой, такой же экзотический, цветок. Но если учесть историческую обстановку, в которой они правили Египтом, – неуклонно развивавшуюся в XIII, XIV, XV и XVI веках мировую торговлю, – то можно понять, как удавалось им сохранять власть в течение 400 лет. В том, как они накапливали богатства и расходовали их, есть определенная историческая логика.

Речные мамлюки были не только процветающими фермерами и торговцами, но и воинами, успешно защищавшими Египет от внешнего врага и обеспечивавшими стране экономическую стабильность. Так, например, они не подпустили монголов к границам Египта и спасли Каир от участи Дамаска, где во время вторжения Хулагу, внука Чингисхана, «кровь текла рекой по улицам» (Макризи). В Дамаске христиане заключили союз с монголами, и Хулагу, как «верховный хан», направил в Каир четырех посланников с письмом, в котором он предупреждал султана Мустафу Кутуза, что ему все равно не спастись от монгольских армий, и требовал полной капитуляции. Кутуз приказал разрубить пополам одного из посланников около цитадели, а других казнить.

В 1260 году Кутуз нанес монголам сокрушительное поражение – не в Египте, а в Сирии, но и после этого распри среди самих мамлюков не прекращались". Соперники Кутуза с присущим мамлюкам коварством убили его в Каире. Эмир Бейбарс (который позднее занял трон)

попросил Кутуза подарить ему одну из захваченных в плен женщин. Кутуз согласился, а Бейбарс в знак благодарности поцеловал его руку – это был условный сигнал убийцам, которые тут же отрубили султану голову. Эмир Захир Бейбарс захватил цитадель, провозгласил себя султаном, повел армию в Сирию, где дважды разбил монголов. Бейбарс вступил победителем в Каир через ворота Баб ан-Наср (Ворота победы) и прошел с армией через весь город до Баб аз-Зувейла. Ликующие толпы жителей и торговцы осыпали солдат золотыми и серебряными монетами.

Макризи писал, что Бейбарс родился в кипчакских (половецких) степях и у него были голубые глаза. Точнее, один голубой глаз, так как другой был закрыт бельмом. Из-за этого физического недостатка он был продан еще мальчиком в Дамаске всего за 800 динаров. Он был шатеном, обладал громким голосом и горячим темпераментом; благодаря неистощимой энергии он пробил себе дорогу к султанату, не брезгуя заговорами и убийствами. Бейбарс правил Египтом 17 лет 2 месяца 12 дней. Его двор в Каире, как полагалось, был сказочно богат, и каждый придворный имел пышный титул, вроде Хозяина лошадей, Носителя чаши, Дегустатора пицци, Хранителя ночных туфель и т. д. Все это были мамлюки, получавшие буквально княжеское жалование, и всем им надлежало присутствовать на аудиенциях в цитадели.

Каждый из эмиров – будь у него возможность – с удовольствием зарезал бы Бейбарса и занял его трон. Но Макризи упоминает в биографии Бейбарса, что султан ухитрялся появляться одновременно сразу в нескольких местах. Никто и никогда не знал, где он будет находиться в следующую минуту, и это путало карты заговорщиков.

Бейбарс перестроил многие каналы, судостроительные верфи и военные укрепления, которые были необходимы для успешной эксплуатации богатств страны. Когда процветал Египет, процветал и Каир, поэтому при Бейбарсе – хотя он и раздавал щедро титулы, деньги, земли, товары мамлюкским соратникам – Египет делал успехи во внешней торговле, и Каиру жилось привольнее, чем при преемниках Бейбарса. Он беспощадно взимал дань со всех покоренных иноземных городов и правителей. Он был религиозен, запретил в Каире курение гашиша и употребление вина и, чтобы «очистить город», закрыл все питейные заведения и публичные дома, изгнав европейских проституток (вероятно, женщин, сопровождавших крестоносцев в походах). Ходили слухи, что сам он предается тайным порокам и недозволенным развлечениям, но подтвердить этого никто не мог. Нередко на воротах Баб аз-Зувейла появлялись отрубленные головы тех, кто восставал или интриговал против него. Но когда в Сирии сдались в плен 1300 монголов, Бейбарс пожаловал их генералам титул эмира и предложил им всем принять ислам. После болезненного обряда обрезания они стали мусульманами.

Захир Бейбарс построил около цитадели Дворец правосудия, где по воскресеньям и пятницам давал аудиенции и принимал послов. Он установил строгие законы, регулировавшие смелое поведение каирских женщин, но не так-то легко было ограничить свободу строптивых

обитательниц египетской столицы, которые пользовались любыми средствами, чтобы обойти пуританские распоряжения султана. Во всяком случае, в 1264 году Бейбарсу пришлось принять закон, запрещавший женщинам носить чалму или мужскую одежду. В том же году в Каире начался голод, и Бейбарс обязал всех феодалов кормить за свой счет определенное число жителей столицы.

Рассказывая о царствовании Бейбарса, Макризи приводит много занимательных подробностей из жизни Каира. В 1264 году, по его словам, на берегах каирских каналов регулярно находили трупы убитых людей, а в городе исчезали бесследно и при таинственных обстоятельствах мужчины. Тайну удалось раскрыть: в Каире жила молодая красавица по имени Газия, которая ежедневно выходила на прогулку по городу в сопровождении старой женщины. Роскошно одевавшаяся красotka заманивала в свой дом мужчин, где ее сообщники – бандиты душили «гостя», а тело бросали в канал. Но однажды старая сообщница Газии пригласила на свадьбу известную каирскую парикмахершу. Она появилась увешанная богатейшими драгоценностями – ее убили и ограбили. На поиски парикмахерши отправилась ее молодая рабыня, зная, куда ушла хозяйка, но старуха заявила, что даже не слышала ни о какой парикмахерше. Рабыня обратилась с жалобой к вали*, который «применил пытки» к старухе, Газии и ее помощникам. В конце концов, те сознались в преступлениях. Преступников распяли, вероятно, на воротах Баб аз-Зувейла, и хотя красавицу Газию через два дня сняли с ворот, она умерла.

Бейбарс погиб случайно, во время небольшой драмы, которую он сам инсценировал. Он намеревался уничтожить своего соперника принца Малик-Кахера и приготовил для него кубок отравленного кумыса. Но, в стиле героев «Гамлета», Малик-Кахер ловко переменял кубки, Захир Бейбарс выпил яд и умер через тринадцать дней в ужасной агонии «вскоре после захода солнца». Ему было в это время немногим больше 50 лет.

От эпохи Бейбарса в Каире остались два памятника. Это небольшой угол здания, где размещалась знаменитая Мадраса Захирия. Мадраса стояла еще в 1870-х годах, но обвалился минарет; здание снесли, и оставшиеся развалины не интересуют никого, кроме археологов.

Более сильное впечатление – пожалуй, такое же, как мечеть Хакима, – производит мечеть Бейбарса, построенная им самим. На планах Каира ее все еще именуют «Форт Сулковского» – так назвал ее Наполеон. В сущности, это окруженная стеной площадь в центре современного города, находящаяся у самых стен старого города, близ улицы аль-Халиг, на пути в Аббасию.

Снаружи мечеть скорее напоминает крепость. Стены, окружающие квадратную площадь (стороны ее равны примерно 100 метрам), достигают в высоту 11 метров и хорошо сохранились. Внутри высоких стен – уютный садик, монастырь с арками классического мусульманского

* Вали – правитель, представитель власти, губернатор. (Прим. ред.)

стиля, а мечеть, в которой молятся и сейчас, находится у одной из стен.

В XV и XVI веках мечеть была заброшена, и французы, вступив в Каир в 1798 году, превратили ее в крепость, установив на стене пушки. Они назвали крепость по имени поляка Сулковского, штабного офицера Наполеона, убитого в Каире во время восстания населения против французов. Позднее здание использовали для мыловаренного завода, булочной, склада, а английские оккупационные войска устроили в нем скотобойню. В 1928 году мечеть подчистили, подновили, но все же площадь остается заброшенным и забытым уголком Каира. Очень красивые и внушительны каменные ворота, особенно северо-западные, которые выглядят как небольшое самостоятельное здание. От ценнейших строительных материалов, которые Бейбарс привозил для строительства мечети со всей своей империи, ничего не осталось. Сохранилась лишь по-монастырски тихая атмосфера этого уголка, где в жаркий день приятно посидеть на прохладном дворе, высокие стены которого скрадывают шум.

Профессор Кресвелл высоко оценивает архитектурные достоинства мечети. В своей книге он подчеркивает, что в эпоху войн с монголами Каир стал главным убежищем для мусульман. Димишки, писавший в 1300 году, считает, что в те дни население города достигало миллиона человек, так как в Каир из всех мусульманских стран стекались беженцы, спасавшиеся от монгольских варваров. Таким образом, в Каире появилось много мусульманских ученых и философов, ремесленников и учителей. Трудно представить, как могло разместиться в городе такое огромное население, но вполне понятно, что в последующие двести лет представители науки и искусства способствовали расцвету культурной жизни Каира. В городе были построены 150 мечетей, мадрас и мавзолеев, и почти все они были шедеврами архитектурного искусства.

В 1279 году к власти пришла семья, которая правила Египтом 103 года, – необычайно долгий срок для мамлюкской эпохи. Основателем этой династии был раб Калаун, которому, по словам Ибн-Батуты, дали прозвище «Человек-тысяча», так как ас-Салих купил его за тысячу золотых динаров. Как пишет Макризи, он тоже был родом из кипчакских степей, широкоплечим красивым мужчиной, с короткой шеей. Он говорил по-турецки и на языке кабджаки, но плохо знал арабский язык. Почти все годы своего правления он провел в военных походах за пределами Египта.

Калаун создал в 1284-1285 годах на улице Муиз один из самых красивых архитектурных ансамблей Каира. Это здание, состоящее из трех частей: мавзолея, муристана (больницы) и мадрасы. Мавзолей и Мадраса все еще стоят в своей могильной средневековой красе, но от муристана остались лишь стены. Для всех, кто интересуется мусульманской архитектурой, ансамбль с его весьма противоречивым стилем представляет особый интерес. Но достаточно неспециалисту взглянуть на фасад здания, итальянского типа минарет, узкие готические окна и круглые арки (которые, как утверждает Кресвелл, созданы не под влия-

янием готики, занесенной крестоносцами, а под влиянием романской архитектуры Сицилии), он будет поражен красотой ансамбля и не станет задумываться над противоречиями в стилях. Любуясь внутри мавзолея тонким рисунком стен, совершенством арок, резными окнами и поэтическим орнаментом, вы невольно отдадите этому зданию предпочтение перед всеми готическими соборами мира.

От больницы остался только двор с канавками, по которым когда-то через тенистые сады с журчанием бежала вода. Больница действовала с 1284 по 1650 год, и в ней имелись все удобства для пациентов, работали лучшие специалисты, больных окружали заботой и вниманием. Ее построили за несколько месяцев, и Калаун сам кнутом подгонял строителей и требовал от эмиров, чтобы они останавливали на улице прохожих и заставляли их носить камни на стройку. Как пишет Ибн-Батута, видевший больницу в 1326 году, «нет слов, чтобы описать ее красоту». Калаун ассигновал на нужды больницы и уход за пациентами доходы с капитала в миллион дирханов. Последним европейцем, описавшим больницу, был Эдуард Лейн, который видел в 1847 году 17 камер, где к стене были прикованы душевнобольные. Таков печальный эпилог истории больницы, где в былое время с таким вниманием лечили душевнобольных.

Последний раз я посетил муристан в сопровождении инспектора здравоохранения Таваба, и он заметил, что без его ведома и разрешения позади старой больницы кто-то построил новую кирпичную стену. Таваб рассердился, но уже ничего сделать было нельзя. Муристан не пострадал, но кто знает, что скрывается под землей, где построили стену. В другой раз я обнаружил почти у самой мечети Калауна, в доме с невзрачной зеленой дверью, одни из немногих сохранившихся в этой части Каира общественных бань.

По всему Каиру и Фостату–Мисру в свое время были разбросаны сотни хаммамов (бань), но мыться сегодня в таких примитивных банях равносильно прыжку в средневековье. По-видимому, эти бани мало изменились со времен мамлюков, разве что здание обветшало и облезло. Я бы не узнал об их существовании, если бы мой друг инспектор Управления по охране исторических памятников Шафик Абдель Кадер не показал мне зеленую дверцу, словно реликвию средневекового города. В предбаннике не было ничего старинного – водопроводные краны, серые полотенца и мокрый пол. В парильном отделении было так душно, словно здесь многие века скапливался запах мужского пота. В центре находился каменный лежак; крыша из бутылочного стекла пропускала тусклый свет, и два-три тощих старика лежали, обливаясь потом. Мне казалось, что отныне я никогда не избавлюсь от запаха этих бань. Но все же в банях была какая-то присущая Каиру атмосфера, сближавшая людей. Если кто-нибудь из читателей захочет подышать, в полном смысле этого слова, воздухом Каира XIII столетия, эти бани открыты для него – нужно только найти старинную зеленую дверь.

Ан-Насир, единственный сын Калауна от монгольской принцессы Аслун Хатун, увлекался строительством еще больше, чем отец. Он

был типичным представителем бахри-мамлюков, со всеми их пороками. Ан-Насир правил Египтом 42 года, если не считать тринадцатилетнего перерыва, когда по молодости лет он не сумел удержать власть и был низложен соперниками. Набравшись сил, он вернулся на трон и жестоко отомстил врагам.

Одним из султанов, правивших в упомянутый тринадцатилетний период, был Лагим, который участвовал в убийстве султана аль-Халиля, а затем скрывался в заброшенной мечети Ибн-Тулуна. Он поклялся, что если станет султаном, то восстановит полуразрушенную мечеть Ибн-Тулуна. Вступив на трон в 1296 году, он не только восстановил и реставрировал мечеть, но и построил небольшой мидаа*, сохранившийся до наших дней.

Первоначально это был простой источник с питьевой водой, но позднее турецкие правители, верные обрядам секты ханафп, известной любовью к гигиене, превратили его в благоустроенное место омовений с водопроводными кранами. Лагим был убит в 1299 году во время молитвы.

Ан-Насир вернул утерянный трон и вошел в плеяду тех удивительных правителей, которые превратили историю Каира в чудовищную легенду о баснословных богатствах, невероятной жестокости, пышном расцвете искусства и знаний. Современному европейцу трудно понять всю сложность характера этих восточных властелинов. Ан-Насир был хромым, один глаз, как и у Бейбарса, закрывало бельмо; он отличался фанатической строгостью в вопросах морали и был таким абсолютным, жестоким, порочным и коварным монархом, что соперничавшие мамлюки не решались даже поднять голоса. Ибн-Батута, путешественник из Танжера, проезжавший через Каир в 1326 году, восхищался благородством и высокими моральными качествами ан-Насира, но в то же время рассказывал, как султан расправляется с политическими противниками, пользуясь услугами наемных убийц из секты исмаилитов и преследуя соперников чуть ли не до границ Ирака, где исмаилиты приканчивают их отравленными кинжалами.

Процветанию Каира способствовала введенная в Египте еще Саладином феодальная помещичье-торговая система. Если не считать обычных для феодализма противоречий, мамлюкские феодалы уверенно чувствовали себя, прочно завоевав место в египетском обществе. Мамлюкская система помогла объединению государства, а торговые пути (особенно в Средиземноморье), несмотря на войны с монголами и крестоносцами, были в сравнительной безопасности. Дальновидный ан-Насир заключил выгодные союзы, в частности с Золотой ордой, враждовавшей с восточными монголами, и тем самым обеспечил безопасность своих границ. Он поддерживал также мирные отношения с Константинополем, так что к середине XIV века Египет был более централизованным государством, чем, скажем, республика Флоренции и другие страдавшие от междоусобиц итальянские государства.

* Мидаа (арабск.) – водоем, фонтан. (Прим. ред.)

Историки, писавшие об эпохе ан-Насира, всегда уделяли много внимания его отношениям с коптами, которые были христианами восточного толка. Несмотря на всеобщее возмущение восточных народов жестокостью христианских крестоносцев, копты, как христиане, почти не пострадали в мусульманском Каире. Копты ненавидели крестоносцев так же, как и мусульмане, но мамлюки – сами иностранцы в Египте – пользовались услугами коптского меньшинства в своих интересах. Как при фатимидах, так и при мамлюках, копты процветали и богатели, но теперь им пришлось стать козлами отпущения.

Калаун, предшественник ан-Насира, уволил всех коптских чиновников из военного министерства, что само по себе свидетельствовало о двуличной политике мамлюков в отношении коптов. При ан-Насире внезапно начались демонстрации против христиан, которые, по-видимому, были инспирированы мусульманскими беженцами, переполнившими Каир. Разбушевавшиеся толпы сровняли с землей церковь у ворот Баб аль-Лук. Инцидент перерос в более серьезные события, и вскоре уже тысячи людей, враждебно настроенных против христиан, вышли на улицы Каира. И все же возможно, что эти демонстрации были закамуфлированным выражением протеста против самого ан-Насира и его христианских советников, установивших несправедливые законы и непомерно высокие налоги. Христиан тем самым заставили расплачиваться за грехи мамлюков. Начались поджоги. Не успевали потушить один пожар, как возникал новый.

Кончилось тем, что в мечети Бейбарса поймали христианина с горшком масла, пытавшегося поджечь мечеть. Поскольку все пожары возникали около мечетей, вина христиан была очевидной. Несколько христиан, в том числе монахов, подвергли пыткам, и они признались, что совершили поджоги. Коптский патриарх осудил поджигателей, но все же мельхитский монастырь на Мукаттаме был разрушен, а четыре монаха заживо похоронены. К этому времени улицы переполнили гневные толпы людей, одержимых ненавистью к христианам. Закрылись базары, власти больше не могли сдерживать демонстрантов, и перепуганный ан-Насир арестовал двести мусульман.

Все это доказывает, что мусульмане были настроены против ан-Насира, а сам ан-Насир боялся мусульман. Во всяком случае, он обрушил репрессии на мусульманских демонстрантов, а не на христиан. Двести арестованных были повешены за руки на виселицах близ ворот Баб аз-Зувейла и оставлены умирать медленной смертью. Ан-Насир не казнил ни одного христианина и только унизил некоторых из них, заставив ездить по городу на ослах, сидя задом наперед. Он приказал христианам снова носить синие чалмы и, приходя в общественные бани, надевать на шею колокольчик. По-видимому, ан-Насир хотел отвести гнев народа от себя и направить его против христиан.

Хотя ан-Насир и был неограниченным властелином, он не пользовался уважением каирцев. Казалось бы, насилия и репрессии мамлюков заставят население Каира смириться, но каирцы никогда не отличались послушанием и покорностью. Чем могущественнее был мамлюкский султан, тем мятежнее (во всяком случае, непочтительнее)

становилось население. Каир в любых условиях ухитрялся сохранять жизнерадостность, по-своему процветать, а когда султан принимал непопулярные законы, то и протестовать с присущим ему грубым юмором. Ан-Насир испытал на себе эти настроения города, когда он арестовал мамлюкского эмира Тушту, прозванного каирцами «Зеленым горошком». Тушту, как это свойственно лицемерам, пытающимся замолить свои грехи, занимался религиозной благотворительностью и жертвовал большие суммы на нужды «харафиш» – каирских бродяг. По утверждению Ибн-Батуты, харафиш представляли собой «большую, организованную общину неотесанных, грубых и развратных людей». Узнав, что Тушту бросили в тюрьму, тысячи бродяг устроили демонстрацию у цитадели, выкрикивали непристойности и скандировали: «Послушай, ты, богом обиженный калека, отпусти его!» Ан-Насиру пришлось прислушаться к этим оскорбительным «советам» и освободить Тушту.

Каир времен Насира описал вкратце, но в весьма лестных выражениях Ибн-Батута. Во вступительной части рассказа он говорил, что Каир – «мать всех городов». «Город бесподобный по красоте и величию, место встреч людей, прибывающих отовсюду, убежище слабых и сильных». Он пишет, что Каир был одновременно мрачным и веселым, расчетливым и расточительным, бесчестным и благородным, богатым и бедным, простым и знаменитым. Ибн-Батута рассказывает, что в городе было 12 тысяч водовозов, доставляющих в город воду на верблюдах, 30 тысяч владельцев мулов и ослов, 30 тысяч судов, перевозивших товары вниз и вверх по Нилу. Население любило всякого рода празднества, и он сам присутствовал на торжествах, когда весь Каир в течение нескольких дней был украшен шелковыми тканями и флагами, – и все это лишь по случаю излечения ан-Насира от перелома руки.

Особенно существенно в его рассказе упоминание о 30 тысячах судов, так как в те времена каирский порт являлся важнейшим торговым центром. Это был период возвышения Венеции, и товары из Каира начали заполнять венецианские рынки, хотя будущий союз Венеции и Египта пока что не созрел: Венеция еще сражалась с генуэзцами за господство на Средиземном море. Многие из 30 тысяч судов отплывали из Каира вниз по Нилу к Александрии, откуда товары морем доставлялись в приморские города Италии и в Константинополь. Ан-Насир придавал большое значение средиземноморской торговле, свидетельством чему служит прорытый им канал между Александрией и Нилом (1311), на строительстве которого работали 100 тысяч человек.

Пока мамлюкские эмиры оставались могущественным классом феодалов, ан-Насир не мог превратить Египет в свое частное земельное поместье, но страна все больше напоминала его частную торговую организацию. Он был так же богат и так же расточителен, как и его предшественники. Ан-Насир тратил огромные деньги на покупку племенных лошадей; для свадьбы своего сына заколол 20 тысяч барак; во время паломничества в Мекку он даже в пустыне питался свежими

овощами, так как на седлах сорока верблюдов были устроены «огороды».

В 1303 году он возвращался в Каир после победы над монголами в Сирии, по всему пути в Каире поставили праздничные павильоны и трибуны для торжественной встречи. Город украсили шелковыми полотнищами, комнаты в домах на пути следования султана сдавались внаем за баснословные суммы, перед ан-Насиром и его солдатами на улицах расстилали шелковые ковры; за армией двигались в цепях 700 татарских и монгольских пленников; на шее каждого монгола болталась на веревке голова другого убитого монгола, а мамлюки несли на пиках еще 1000 голов татар. Город пустился в разгул, женщины подвергались «неприятностям», солдаты перепились, и последовавшее за этим дебошем землетрясение было воспринято как божье наказание за распутство.

Ан-Насир ввел налоги на все, что только могло продаваться, даже на соль и рабов. Город при нем богател и процветал, но вскоре наступило похмелье. После смерти ан-Насира в 1341 году в стране началась гражданская война, голод и наконец разразилась чума – известная в Европе под названием «черной смерти», – которая унесла в Каире 900 тысяч жизней.

Значительная часть Каира ан-Насира сохранилась до нынешнего времени – около 15 мечетей, могил и училищ, хотя не все они были построены им. При жизни ан-Насира его эмиры словно соревновались, кто построит самую красивую мечеть, мавзолей или Мадрасу, а 40 пышных зданий были построены с 1320 по 1360 год, когда у власти находился султан Хасан, создавший одну из самых прекрасных мечетей Каира.

Три великих памятника, оставленных ан-Насиром, как бы символизируют его сложный характер и практический склад ума. Это знаменитый акведук, по которому вода поступала из Нила в цитадель, училище-мавзолей, находящийся около больницы Калауна, и мечеть в цитадели (1318). Долгие годы мечеть лежала в руинах, но в прошлом столетии англичанин Ватсон расчистил развалины и удалил перегородки, которые построили в мечети, превращенной было в тюрьму. Эта мечеть – образец средневековой архитектурной чистоты, особенно если сравнить памятник с его тучным современным соседом – мечетью Мухаммеда Али.

Замечательный акведук ан-Насира, проходящий по старой границе Фостата и Каира, вызывал много споров и разногласий, так как раньше полагали, что его построил Саладин. Макризи убедительно доказал, что его строил ан-Насир в 1340-1341 годах, но под этим сооружением давно были замечены фрагменты другого, как полагали, более старого акведука, возможно времен Саладина. Тайну акведука развеял египетский археолог Али Багат. В 1919 году он раскопал участок акведука ан-Насира и выяснил, что под ним находился не старый акведук, а часть упомянутой выше южной стены Саладина. До его открытия все считали, что Саладин собирался построить стену, но не успел этого сделать.

Акведуком пользовались вплоть до 1872 года, и, хотя по нему больше уже не течет вода, он змеей извивается под чревом Каира. Его пересекают шоссе и железная дорога, а под ним проходит старая одноколейка, идущая от каменоломен. Сакии (водочерпалки), поднимавшие воду из Нила в акведук, и сейчас стоят около старого Фостата там, где когда-то Красноморский канал соединялся с рекой, и это место носит название Фумм аль-Халиг (Устье канала).

Акведук скорее архитектурная диковинка, ибо в нем нет ничего красивого. Однако он стал такой неотъемлемой деталью Каира, что на него никто не обращает внимания.

Ан-Насир подарил Каиру подлинную архитектурную жемчужину – мадрасу-мавзолей в Бейн аль-Касрейне, которым был построен в 1295-1304 годах на месте бань. Можно с увлечением читать страницы труда Кресвелла, посвященного этому памятнику, но отнюдь не нужно быть специалистом (как не был им и Макризи), чтобы изумляться прекрасным белым мраморным готическим портиком, который был взят из церкви крестоносцев в Акке и морем перевезен в Каир. Если сделать несколько шагов назад и взглянуть на фасад здания, то кажется, что все оно как бы окаймляет этот суровый и холодный, типично христианский, портик. Похоже, что минарет и высокие зубцы на фасаде создавали так, чтобы они гармонировали с этим входом, в котором нет ничего мусульманского.

Беда в том, что сейчас трудно любоваться зданием – оно зажато муристаном Калауна и мадрасой Баркука. А все же снаружи оно намного красивее, чем внутри. С минарета буквально падают экзотические лепные украшения, пожалуй самые пышные во всем Каире, и у меня всегда затекает шея, когда я люблюсь этим сооружением. В последний мой визит сверху свалилось замечательное лепное украшение, и я чуть было не поймал его, но оно рухнуло на землю и рассыпалось в прах у моих ног.

Ансамбль насировской могилы и мадрасы напоминает мне вазу, полную фруктов и орехов. Минарет с его резным орнаментом выглядит как гроздь спелого винограда, а внутри украшения михраба (ниши для молитв) похожи на тяжелые орехи, свисающие с опрокинутого дерева. Это была первая Мадраса в Каире, построенная в виде креста, символизирующего четыре секты ортодоксальных суннитов, и последователи каждой секты собирались в одном из концов креста. Многие ученые полагали, что Мадраса построена под влиянием сирийских византийских церквей, которые она напоминает, но Кресвелл считает, что у здания чисто египетский стиль.

Крестообразная конструкция достигла совершенства в Египте при одном из сыновей ан-Насира – Хасане, построившем одно из самых монументальных и законченных по стилю каирских зданий – мечеть султана Хасана. Девять сыновей ан-Насира правили после него Египтом, но каждый удерживался на троне лишь несколько лет, так как мамлюкские эмиры убивали одного султана за другим, как только он пытался укрепить власть какой-либо одной из враждовавших группировок. Господство бахри-мамлюков явно подходило к концу. Египет

поднялся против них, а Каир, как обычно, терпеливо ожидал, кто придет на смену мамлюкам.

Мадраса-мечеть султана Хасана признана специалистами лучшим из сохранившихся памятников египетской арабской архитектуры. Огромная мечеть – это памятник ее архитектору, каменщикам и тем египтянам, которые, вероятно, кровью заплатили за ее величественную простоту. Она находится на холме напротив цитадели, и в XIX веке, когда мамлюки сражались на улицах Каира, одна из банд обстреливала с крыши мечети противника, засевшего в цитадели. Ядра летели тогда от мечети в цитадель и из цитадели в мечеть.

Прежде всего бросаются в глаза колоссальные размеры мечети. Ее стены поднимаются от улицы на 113 футов, они построены из хорошо обработанных каменных глыб, взятых из пирамид. Мечеть возвышается над пошлым шумом автомашин и людей внизу, а вход в нее напоминает огромную пещеру в каменной скале. Снаружи нельзя заметить ее крестообразную форму, но когда стоишь на санде (дворе) мечети, крест виден четко. Когда вы находитесь в центре двора, вам кажется, что вы парите в гигантском столбе света, который свободно летит из открытой сверху крыши. Мне думается, что в Египте нет другого памятника, включая и пирамиды, где человек так ощущал бы недостойную грубость и тяжесть плоти, как в этой строгой, абсолютно пуританской каменной аркаде.

Сам Хасан лежит в мечети в мраморной могиле – он был убит. Старый купол мечети не сохранился – он обвалился в 1660 году. Один из минаретов упал в 1360 году, похоронив под собой 300 детей, занимавшихся в прилежавшей к мечети школе. История мечети изобилует рассказами о подобных происшествиях. Хотя в ней всегда много пыли, мечеть благодаря простой и гладкой поверхности стен выглядит чистой. К сожалению, внутри главных секций мечети свисают сотни цепей, и это создает неприятное впечатление. На каждой цепи раньше висел стеклянный или бронзовый светильник, но они исчезли – многие хранятся в Музее исламского искусства, другие похищены европейскими коллекционерами. В лондонском музее Виктории и Альберта есть четыре светильника из этой мечети, которые были «взяты взаимы» лет шестьдесят назад.

Правившие после Хасана бахри-мамлюки не оставили следа в истории, и династия закончила существование в 1382 году, когда Баркук, черкесский мамлюк из цитадели, был «возведен» в султаны и заложил основы последней мамлюкской династии, правившей Египтом 135 лет, вплоть до завоевания страны османскими турками в 1517 году. Хитти пишет, что правление черкесских мамлюков было «одной из самых мрачных страниц в истории Сирии и Египта». Их штаб-квартирой была цитадель, почему их называли бурджи-мамлюки (башенные мамлюки) или крепостными рабами. Обычно их именуют черкесскими мамлюками – многие из них пришли с Кавказа, хотя и не всегда были черкесами.

Эти люди и унаследовали в Каире от бахри процветавшую мамлюкскую культуру с ее архитектурой, искусством и наукой, осо-

бенно медицинской. Каир конца XIV века славился врачами и медиками; была развита даже гинекология, что необычно для мусульманской страны. Правда, надо сказать, что гинекологическая литература того времени носила эротический характер, изобиловала непристойными шутками, и иногда в ней трудно отделить серьезные медицинские рассуждения от чепухи.

Бахри-мамлюки поощряли ветеринарию, которая породила побочную интересную литературу о лошадях. Хитти утверждает, что именно в Каире той эпохи зародилась и психотерапия. Он рассказывает, как личный врач Саладина, еврей по имени Ибн-Гаами, однажды остановил похоронную процессию, заметив, что ноги покойного были приподняты, а не лежали вытянутыми на носилках. Ибн-Гаами заявил, что человек жив, – так оно и оказалось, и процессии пришлось повернуть обратно. Знамениты были и каирские окулисты, которые искусно удаляли катаракты. Арабские историки этой эпохи оставили нам богатейшие сведения о медицинской науке в Каире и деятельности врачей во времена айюбидов и бахри-мамлюков.

В период правления мамлюков в Египте жили и писали два величайших историка того времени – аль-Макризи и Ибн-Халдун. Оба жили в Египте в эпоху бахри и черкесских мамлюков. Ибн-Халдун был судьей при Бэркуке, и многие положения его знаменитого труда «Пролегомена», касающиеся социальных проблем, остаются актуальными даже сейчас. Его книга стоит намного выше трудов Макиавелли, родившегося на сто лет позднее, и современным историкам было бы весьма полезно почитать теорию истории Ибн-Халдуна. Он даже в чем-то превосходил марксистские взгляды на влияние орудий и средства производства на исторический процесс.

Аль-Макризи не был философом, он непревзойденный, типично арабский историк, и без его трудов не может обойтись ни один исследователь истории Каира. Он умер в 1442 году, и приходится искренне сожалеть, что по мрачным годам варварского правления черкесских мамлюков бродишь без его помощи. Ибн-Халдун умер на 26 лет раньше, и, вспоминая страшные нравы того времени, с удивлением читаешь в его «Пролегомене» утверждение, что «источником наилучшей системы правления государством является доброта». Эти слова не имеют ничего общего со взглядом Ганди на жизнь – это просто протест против мамлюкского изуверства. Оба ученых – продукт эпохи бахри-мамлюков, но прежде всего они были каирскими интеллигентами и жили в городе, не терявшем своей жизнеспособности даже во времена мамлюкских распрей.

Но уже при Баркуке, первом черкесском султানে, Каир стал напоминать гнездо ядовитых змей, а не центр высокоразвитой культуры, обычно столь характерной для двора местных султанов. Безумная грызня между мамлюками в Каире продолжалась, и день изо дня мамлюкские солдаты турецкого, греческого, черкесского и татарского происхождения рубили друг друга на улицах города. Жители, особенно женщины, старались не выходить из домов, чтобы не натолкнуться на черкесских насильников и убийц.

И в эти времена все же появлялись новые, прекрасные здания. И когда видишь сорок замечательных архитектурных памятников, оставленных черкесскими мамлюками в Каире, задаешь вопрос: как могла родиться подобная красота на почве такого варварства?

Мавзолеей Баркука построил его сын Фараг в 1399 году. Он находится на кладбище, именуемом «Могилы халифов». Удивительная простота фасада здания как бы подчеркивает противоречивость этой эпохи. Перегружены украшениями только два минарета, нагло торчащие над простой плоской крышей, словно два флорентийских подсвечника. Всякий раз, когда я приходил к мавзолею, там рыскали голодные бродячие собаки, и мне казалось, что их присутствие здесь достойное возмездие за деяния Баркука.

Мраморная кафедра, установленная позднее Каит-беем, славится резьбой, но мне больше нравятся деревянные кафедры в старых мечетях. Признаюсь, я предубежден против Баркука, хотя он был ничем не хуже других черкесских мамлюков. Его Мадраса на улице Муиз отличается простым, почти голым фасадом и изысканным минаретом. Похоже, что подобные узорные минареты были чем-то вроде талисмана для черкесов. Я приходил к этой Мадрасе чаще и смотрел на нее дольше, чем на все другие мечети Каира. Меня влекла не столько прелесть ее архитектуры, сколько желание понять противоречие между причиной и следствием, между злом и его изумительными плодами.

На протяжении всего периода правления черкесов появлялись замечательные памятники, и, любуясь ими, незаметно попадаешь в ловушку, ибо было бы неверно судить по ним о Каире XIII и XIV веков. Лейн Пул называл мамлюков «строителями куполов», и это правильно, но кажется, что каждым куполом в Каире мамлюки хотели очистить свою совесть. Они бесстыдно покупали себе путь в рай и платили за это народными средствами. Нужно бежать прочь от этих храмов – только тогда поймешь, что происходило с Каиром в эпоху, когда менялась даже его топография.

На протяжении XII и XIII веков Нил отступал к западу, и его русло отошло примерно на милю – туда, где оно находится и сейчас. Река отступала очень быстро. По неизвестным нам теперь причинам на изгибе реки у порта аль-Макс (где сейчас находится главный вокзал) затонуло большое судно «Филь» («Слон»). Речной ил заносил судно, и за несколько лет образовался остров, названный Слоновьим островом (Гезират аль-Филь), приблизительно там, где ныне расположен Булак. Сначала во время разливов Нила вода заливала остров, но затем он поднял голову выше уровня реки и вынудил Нил обходить его и выпрямлять западные берега. Таким образом, современный европейский район Каира – от садов Эзбекие до самой реки – вышел из воды в XIII-XIV веках.

Так возник примерно к 1300 году остров Гезира, именовавшийся до этого островом Булак. Остров и сам Булак (на восточном берегу реки) превратились в крупный порт, заняв место аль-Макса, мимо которого больше уже не проходил Нил. Река продолжала отступать к западу, оставляя за собой болотистую низменность, на которой стоит

почти весь современный европейский Каир. В Каире и вокруг него, особенно к югу, около мечети Ибн-Тулуна, возникло много озер. Особенно любили кайрцы Слоновье озеро, находившееся на месте нынешнего кайрского района Хильмии, к западу от цитадели.

Обнажившиеся вокруг Слоновьяго острова земли были болотистые и мягкие, и, как пишет аль-Макризи, мамлюки практиковались здесь в стрельбе из лука. Но в середине XIV века ан-Насир довел Красноморский канал до новых берегов Нила; он прошел через болота и осушил их. Новое место слияния старого канала с Нилом стали именовать Халиг ан-Насир; так оставалось до конца прошлого столетия, когда канал опять отвели в другую сторону и назвали каналом Исмаилии. Он выходил к реке там, где сейчас расположен Египетский фараоновский музей, около гостиницы «Нил-Хилтон». Канал ан-Насира был засыпан в конце прошлого столетия, и над ним ныне проходит улица Рамсеса II. Если подняться на крышу гостиницы «Нил-Хилтон», можно увидеть, что эта улица – точнее, бывший канал – идет прямо к вокзальной площади, где когда-то находился порт аль-Макс.

Отныне торговые связи Каира с Красным морем осуществлялись через Булак: купцы, солдаты и лодчики строили дома у новых берегов Нила, а затем возник и город Булак. Сейчас Булак – часть Каира, но тогда он находился от города на расстоянии примерно мили, ибо сам Каир никогда не стоял на берегах реки. Дорога от порта к Эзбекие пролегла через открытые поля, где мамлюки носились верхом и тренировались в стрельбе.

К 1300 году, при бахри-мамлюках, Каир уже напоминал тот большой город, о котором мечтал Саладин. Ветры и дожди разносили прах разрушенного Фостата, и старый пыльный город отвалился от Каира, как высохшая ветка дерева. Первоначальным вариантом Красноморского канала, проходившего вдоль западных стен Каира до Фостата, пользовались, даже когда Фостат уже был полумертвым городом. После окончательной гибели Фостата–Мисра канал использовали только для нужд этого небольшого района, и по нему лишь изредка проплывали лодки. Позднее в канал сбрасывали нечистоты, и наконец лет 70 назад канал засыпали, а над ним провели трамвайную линию.

Насколько процветание Фостата–Мисра зависело от Красноморского канала и портов на Ниле, настолько же в средние века могущество и стабильность Каира зависели от Булака и Макса. Одновременно Каир при мамлюках превратился в важнейшее торговое звено, связавшее Запад и Восток.

Связи Каира с Европой осуществлялись через Венецию. В XIV и XV веках эти два города стали неразлучны, ибо они держали в руках монополию на торговлю между Западом и Востоком, и Лейн Пул говорит, что сама Венеция выглядела почти восточным городом. После четвертого крестового похода, когда венецианцы разорили Константинополь, захватили Левант и установили контроль даже над Черным морем, венецианские купцы на некоторое время установили непосредственные торговые контакты с Востоком через левантйские порты. Но египтяне отняли у них эти порты в 1291 году, и венецианцы

буквально шокировали всю Европу, подписав с мамлюками торговый договор, предоставлявший им новые торговые привилегии. Множество венецианских купцов и их агентов появилось в Каире, а к 1400 году Венеция стала общепризнанным рынком, где Восток и Запад обменивались товарами.

Почти все товары, направлявшиеся с Востока в Венецию и другие города Европы, сначала проходили через Каир, и таможенный контроль был поистине «золотым дном» для каирских купцов, мамлюков и султанов. Львиную долю забирал султан, купцам и их агентам тоже доставались солидные барыши, но чем ниже стояли люди на ступенях общественной лестницы, тем меньше дохода они получали от торговли, а крестьянам и вовсе не доставалось ничего. Так или иначе от заключенного торгового договора зависело, процветать или погибнуть вместе этим двум великим городам – Каиру и Венеции. Даже в общественной жизни обоих городов появились было сходные черты, и венецианские сеньоры не уступали в жадности и жестокости каирским мамлюкам.

Баснословные богатства и экзотический бизнес процветавшего торгового Каира убедили Стэнли Лейна Пула, что именно Каир, а не Багдад, был сказочным городом «Тысячи и одной ночи». В своей замечательной книжке о средневековом Каире он ссылается на аль-Макризи, Ибн-Халдуна, ас-Сьюти, Ибн-Ияса, аль-Айни и других арабских историков в доказательство этой гипотезы. Он пишет, что «Тысяча и одна ночь» – это рассказы о жизни простого народа в Каире, в то время как великих арабских историков интересовала только жизнь знаменитых правителей.

Может быть, это несправедливо по отношению к аль-Макризи, но Лейн Пул настаивает на том, что в «Тысяче и одной ночи» показаны приключения простых купцов, лавочников и моряков Каира. Случалось, что каирские купцы в поисках товаров и рынков сами отправлялись в путешествия, но, как правило, они сидели в лавках и старались обезопасить себя от проделок злых джинов, которых можно легко отождествить с мамлюкскими эмирами. Даже Синдбада-морехода можно было найти на речной пристани Булака или Фостата.

Прогуляйтесь по средневековой части Каира, и вы найдете множество оснований, чтобы поверить в теорию Лейна Пула о том, что Каир был городом «Тысячи и одной ночи» (во всяком случае, здесь это больше похоже на правду, чем в современном Багдаде). Улочки, базары, караван-сарай, рынки и даже некоторые лавчонки мало изменились с тех далеких времен.

Базар Хан аль-Халиль функционирует с 1400 года, когда его открыл Гаркас аль-Халили, и до сих пор туристы любят этим самым старым из сохранившихся базаров. В прошлые времена в распоряжении торговцев были рынки и базары, дома купцов, специальные места, где заключались сделки, причем у каждого места было особое назначение, о котором сейчас уже позабыли. Так, например, «касария» означал самый крупный рынок, тогда как «сук» был обычным, повседневным рынком. «Викаля» – это особый тип караван-сарая – открытый

двор, вокруг которого находились комнаты, где мог провести ночь и сложить товары проезжий купец. «Хан» – это тоже обширный двор, где складывали товары, а в окружавших его стенах были жилые комнаты. «Фундук» был своего рода гостиницей для купцов и их покупателей.

Многие ханы и суки торгуют и сейчас, но викали сохранились только как историческая достопримечательность. Такова, например, маленькая симпатичная викаля на улице Муиз, расположенная против мадрасы аль-Гури и построенная до нашествия турок в XVI веке. Это одно из самых притягательных мест средневекового Каира: по подчищенному старому караван-сараяу можно судить, как выглядел город, когда его регулярно подметали и чистили. Это очень простой двор, со всех четырех сторон окруженный комнатами, напоминающими монастырские кельи и расположенными в четыре этажа. Посреди двора – обязательный фонтан. Караван-сарай реставрировали лет двадцать назад, и теперь в кельях живут народные художники, которые часто устраивают здесь выставки. В одном конце викали находится школа народных ремесел. Именно в этом дворе вы начинаете понимать, что Лейн Пул перенес «Тысячу и одну ночь» в Каир.

Во времена Макризи (начало XV века) в Каире было 11 таких караван-сараяев, 23 касарии, 50 суков и 11 ипподромов. Макризи подробно и увлекательно описывает ханы и суки, где, как и сейчас, можно было купить все, что угодно: мыло и масла, шелк и сезам, варенье, фрукты, орехи, одежду, индиго и пряности. Макризи упоминает один сук, который был так забит большими и маленькими сундуками, что только в центре двора оставался проход для покупателей. Сундуки были набиты золотом и серебром – «обилие богатства поистине изумляло». По-видимому, существовала какая-то гарантия безопасности рынков и викалей, иначе нельзя было бы вести такую широкую открытую торговлю и сделки за наличные деньги. Банков не существовало, и купцам приходилось носить при себе все золото, причем это были не просто наличные деньги на текущие расходы, а весь накопленный ими капитал – иногда весьма значительный. Богатство и нищета уживались в Каире бок о бок, и воровство было обычным явлением, хотя каралось оно быстро и жестоко. Городской палач с трудом справлялся с «работой» – он отрубал головы и руки прямо у ворот Баб аз-Зувейла, около которых находилось и его жилище.

С обогащением купцов и неизбежно сопровождавшими его излишествами, роскошью и развлечениями неразрывно связано развитие декоративного исламского искусства, образцы которого можно найти не только в мечетях и мадрасах, но и в обстановке и украшениях домов богатых мамлюков и купцов. Даже самые простые люди старались украсить свои жилища. «Не было почти ни одного дома в Каире, где не нашлось бы медных изделий с красивой инкрустацией», – писал аль-Макризи и с грустью добавлял, что в его время искусство уже приходило в упадок. Декоративное искусство, как и многие другие виды исламского искусства, унаследовала Венеция. В современном Каире есть много прекрасных специалистов по обработке меди и

инкрустации, но в художественном отношении их изделия не представляют особой ценности, так как рассчитаны в основном на вкус туристов.

Меня никогда не привлекали изделия из меди, но поистине уникально, по-моему, искусство каирских мастеров лепных украшений. Образцы этих хрупких произведений можно найти в городе повсюду. Египетские ремесленники взялись за резьбу по алебастру, когда вздохнуло дерево, и даже продолжали пользоваться инструментами для резьбы по дереву. Я думал, что алебастр режут, когда он затвердеет, как дерево. Только так, казалось мне, можно получить точный рисунок и чистые линии. Поэтому я с удивлением наблюдал в новой школе при мечети Хасана, как юные ремесленники обрабатывали совершенно мокрый алебастр. Я понял, как появлялись на крепких белых украшениях на зданиях эти плавные кривые линии, изгибы и тонкие арабески: для этого нужен *мокрый* алебастр. Во времена айюбидов и мамлюков в Каире существовали сотни таких мастерских, возможно, при каждой мечети и Мадраसे.

Такая бурная торговля и обогащение, которые стимулировали расцвет искусства, не могли продолжаться бесконечно. Черкесские мамлюки не сумели приспособиться к менявшейся мировой обстановке. Черкесы довели страну до состояния анархии, и в этой атмосфере десятки враждебных группировок устраивали заговоры, сражались и старались вырвать друг у друга добычу. Они не только подрывали налоговую систему, выжимали деньги из торговцев, развалили сельское хозяйство и систему землепользования, но даже поставили под угрозу единство самого государства, и, когда наступил момент кризиса, они оказались беспомощными.

Последние дни средневекового Каира были, таким образом, последними днями черкесских мамлюков, которые все еще продолжали строить и одновременно разрушать город. До сих пор стоят почти все построенные ими великие памятники. Их очень много, но два памятника являются образцом их изощренного, декадентского и в то же время замечательного и чарующего вкуса в архитектуре.

У ворот Баб аз-Зувейла находится мечеть султана Муайада, которую Гастон Вейт называл самой роскошной мечетью Каира. Вейт восхищался михрабом, небольшими колоннами, кафедрой из разноцветного мрамора с инкрустацией, но, по-моему, эту мечеть от многих других отличают двор-сад, колоннада и массивные бронзовые ворота. Крытые колоннады удобны в жарком климате, но аркады этой мечети построены так, будто их завезли откуда-то с далекого севера, – настолько нетипичны они для Египта. Султан Муайад поставил мечеть на месте тюрьмы, в которой его держал когда-то Фараг (сын Баркука), и поклялся, как обычно в таких случаях клялись мамлюки, придя к власти, построить здесь мечеть. Он пришел к власти, но строительство мечети закончилось только в 1422 году – через год после его смерти. Он был благочестивым и жестоким человеком, музыкантом и поэтом, а на мечеть истратил огромные средства. В годы его правления Каир пострадал от эпидемии чумы и безумных денежных реформ. Мамлюки

были так увлечены борьбой за трон, что никто из них не пришел на похороны султана.

Прошло сорок девять лет, и сменились двенадцать султанов. Наконец на трон вступил Каит-бей, устранивший недолго правившего, высокообразованного старого грека аз-Захира Тимбурги. Каит-бей, правивший 28 лет, пожалуй, самый типичный представитель черкесских мамлюков. Мальчиком его купил один из султанов. Он пробивал себе дорогу силой и хитростью. Есть много рассказов о его характере и поведении. Как-то он собственноручно выпорол председателя совета при султানে. Каит-бей заставил земледельцев отдавать ему одну пятую урожая; он вырвал глаза и язык великого химика Али ибн аль-Маршущи за то, что тот не смог превратить свинец в золото. И в то же время он оставил потомкам много замечательных памятников – викали, мечети и даже дворец (Йешбек), а его Мадраса близ мечети Ибн-Тулуна настолько совершенна, что на первый взгляд кажется слишком простой и безыскусной.

Но самое изысканное и прекрасное здание средневекового Каира – это могила-мечеть Каит-бея (1472) в пригороде, именуемом «Могилы халифов». Похоже, что ее умышленно строили так, чтобы она впечатляла своим величием, и поэтому при виде ее даже не испытываешь того чувства изумления, которое вызывают другие памятники исламской архитектуры.

В 1498 году произошло событие, погрузившее Каир в сон почти на 400 лет, – открытие морского пути из Европы в Индию вокруг мыса Доброй Надежды. Европейские державы усиленно искали новых торговых путей на Восток, чтобы обойти рогатки, поставленные на их пути Венецией и Каиром. Через два года после того, как Васко да Гама обогнул мыс, португальские купцы появились в Калькутте. Они покупали индийские товары и продавали их в Лиссабоне в несколько раз дешевле товаров, привезенных через Каир. А Испания уже собирала золото в Америке чуть ли не на улицах городов. Это был серьезный удар для Каира и Венеции.

К 1502 году торговля в Каире пришла в упадок, мамлюки обратились к мусульманскому правителю Индии с просьбой помочь им в борьбе против португальских судов, беспрепятственно плававших теперь по Красному морю. Помощи они не получили. Португальцы были хорошими моряками, но венецианцы и египтяне не уступали им, и конфликт предстояло решить на море. Венецианцы завезли в Александрию лес, который перебросили в Каир, а затем в Суэц, где египтяне строили флот. На новых судах египтяне приплыли к берегам Индии и около Бомбея нанесли сильное поражение португальцам. Но год спустя, в 1509 году, события приняли иной оборот, и мамлюкский флот был полностью разгромлен у Дну.

В этот период окончательного развала независимого мамлюкского Египта им правил аль-Ашраф Кансу аль-Гури. Его «избрали» в 1501 году, когда ему было 60 лет. В наследство ему досталась страна, переживавшая тяжелый кризис. За спиной у него действовали португальцы, а на другом фланге – османские турки, уже отнявшие у христиан в

1453 году Константинополь. Турки не только покорили Восток, но и старались объединить весь мусульманский мир на борьбу против притязаний европейцев. В мае 1516 года аль-Гури повел свою армию из Каира на войну против турок. Потерпев поражение на море от португальцев, он мог теперь лишь обороняться, ибо турки открыто готовились к захвату Египта. Турецкие и мамлюкские войска сошлись к северу от Алеппо в воскресенье 24 августа 1516 года, и черкесы были разбиты. Они потерпели поражение из-за предательства, кроме того, решающую роль сыграла турецкая артиллерия, к которой мамлюки относились с незаслуженным презрением. Султан аль-Гури пал на поле боя.

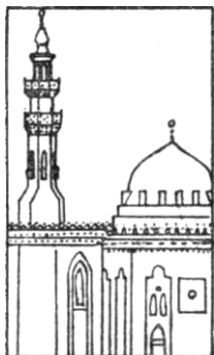
Турки подошли к Египту, и снова египетское население открыло путь завоевателям. Изнемогавшие от голода, репрессий и невыносимых налогов (аль-Гури одним махом собрал с населения девятемесечные налоги), египтяне встречали турок почти как избавителей от гнета черкесских мамлюков. 22 января 1517 года турецкий султан Селим вступил в Каир и повесил на воротах Баб аз-Зувейла последнего мамлюкского султана Туман-бея, правившего несколько месяцев страной после гибели аль-Гури. Вместо того чтобы сохранить Египет в качестве сильного и независимого государства, османские турки решили уничтожить его самостоятельность. Каир вступил в новую эру – самую долгую и самую тяжелую в его истории.

Аль-Гури, последний правитель независимого мамлюкского Египта, подарил Каиру два хороших памятника – училище-мечеть и Мадрасу. Слово нарочно – как это часто случалось в Каире, – они построены недалеко от перекрестка двух улиц – Гаухар и Муиз. Таким образом, в одном и том же месте увековечены имена двух первых правителей аль-Кахиры и имя последнего правителя Египта.

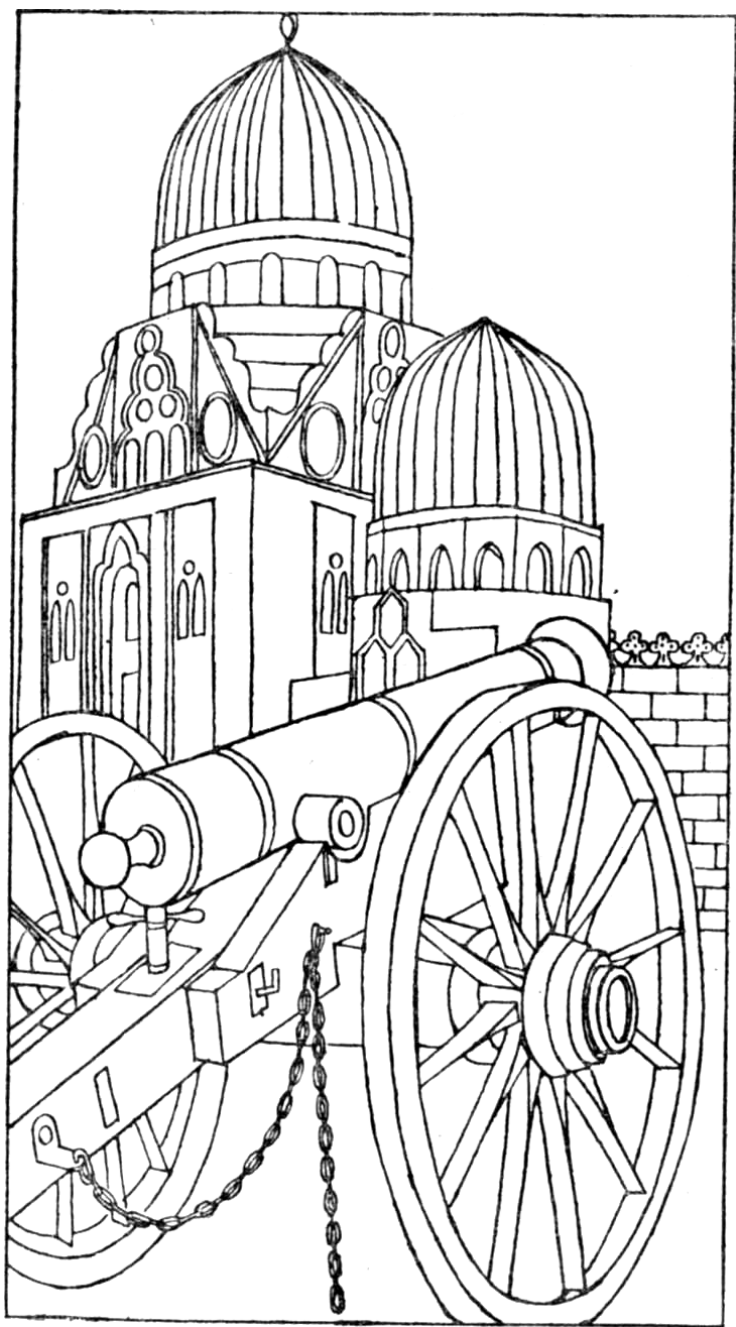
Мечеть построена в 1503 году, через пять лет после того, как Васко да Гама появился со своими кораблями у Каликуты. Аль-Гури сам открыл мечеть, и в Каире объявили праздник.

Гастон Вейт пишет, что здесь нет таких диких излишеств, как в мечети Муайада, но и это здание по-своему пышно. У мечети один из самых красивых минаретов в Каире – оригинальный, легкий, очаровательный; он дерзко увенчан пятью маленькими куполами, напоминающими сахарные головы и возвышающимися над окружающими домами.

Внутри этой крестообразной мечети подковообразные арки над каждым диваном благодаря своей простоте кажутся мне одними из лучших в Каире. В нынешнее время мечеть устлана богатыми коврами и хорошо освещена, так как в ней все еще обучаются последователи четырех сект. Над нефом мечети, в высоком куполе – небольшое отверстие сложного узора, и создается впечатление, будто вы находитесь во дворе. На другой стороне улицы Муиз расположен мавзолей аль-Гури, где должны были похоронить султана, но не смогли: его тела так и не нашли на поле сражения при Халебе. Мавзолей был заброшен, и только в прошлом веке, когда обвалился купол, его реставрировали. Некоторое время здесь находилась библиотека египетского национа-

листа Ахмад-паши Заки; библиотека существует в нем и сейчас. Гамаль Абдель Насер превратил мавзолей в культурный центр учащейся молодежи, и меня всегда интересовало, сознают ли историческое значение этого места юноши и девушки, поднимающиеся по ступеням мавзолея аль-Гури. Знают ли они вообще, что здесь закончил существование богатый, агрессивный, своевольный средневековый Каир и на его месте возник новый город, прочно оккупированный иностранцами.

9 Каир при османских турках

амлюки не погибли вместе со средневековым Каиром – они оставались могущественными феодальными сеньорами Каира, теперь провинциального города Османской империи. Если внимательнее взглянуть на историю Каира при мамлюках, приглядеться к их феодально-торговой системе и понять ее влияние на экономику Египта, то станет ясным, что эту эпоху нельзя рисовать только в черных красках.

До османского периода мамлюки играли в Египте ту же роль, что и феодальные бароны в любой стране, – они были ненамного хуже этих баронов, хотя и оставались всегда чужеземцами в Египте, Власть иностранцев была вечным проклятием Египта, но не в этом заключался самый мрачный аспект мамлюкского правления. Главным его злом было рабское происхождение этих феодалов и султанов – они не принадлежали никакой нации, никакой определенной стране. Мамлюки были изолированной кастой, и их жестокий индивидуализм, находивший выражение в диких, варварских актах, не только носил антиобщественный характер, но и свидетельствовал о полном отсутствии каких-либо уз между ними и городом, в котором они жили. Так, Д. А. Камерон писал в 1898 году, что мамлюки были всего лишь аристократической гильдией солдат, а «подлинными рабами оставались египетские крестьяне и класс трудящихся».

Второй период правления мамлюков в Египте – под властью турок – сильно отличается от эпохи бахри и черкесов, так как турки уничтожили мамлюкский султанат, но не устранили самих мамлюков. Египет теперь правил паша (фактически губернатор Египта), назначенный стамбульским султаном, перед которым он и нес ответственность. Египет разделили на 24 района – каждым управлял мамлюкский эмир, именовавшийся теперь беem. Основой власти мамлюкских беев, как и прежде, оставалось феодальное землевладение, и они для поддержания помещичьего авторитета снова окружили себя рабами, которые даже собирали от их имени налоги. В масштабах района беи пользовались некоторой автономией, хотя турки брали с них дань. Сначала такое разделение власти и умышленное превращение Каира в провинциальный город не повлияло на его жизнь. Но постепенно его правители из чудовищ превращались в обычных бюргеров, они отказались от экстравагантных затей, и у них появились вкусы солидных буржуа.

Султан Селим, турецкий завоеватель Египта, открыто поощрял соперничество между феодальными беями, чтобы иметь возможность «разделять их и править ими». Как и раньше, мамлюки продолжали драться друг с другом. Только теперь победивший не мог стать султаном, его именовали просто шейх аль-Балад (глава государства). Бывало не раз, что он становился могущественнее турецкого паши, и, таким образом, битвы между враждовавшими группировками на улицах Каира по-прежнему решали, кому достанется львиная доля добычи. Однако это случалось большей частью в те периоды, когда внимание Стамбула было отвлечено от Египта. Ведь турки теперь выступали в роли «спасителей Востока», им приходилось подавлять восстания в своей империи или переносить линию обороны все глубже в пограничные районы, где Запад встречался с Востоком. Агрессивная политика Стамбула привела турок к Дунаю, а в Средиземноморье они беспощадно грабили венецианские корабли, преследуя их вплоть до Гибралтара.

Продвижение Турции на запад подорвало влияние Венеции и окончательно свело Каир до положения провинциального города. Это не мешало ему оставаться богатым и влиятельным, ибо теперь египетская пшеница кормила жителей Стамбула. Каир снова стал портом, откуда везли зерно, фрукты и африканские товары в мусульманские страны. Турки же, как любые оккупанты, забирали все, но мало что давали взамен.

В результате турецкой политики «разделяй и властвуй» кровавые сражения на улицах, грабежи и убийства снова стали повседневным явлением в жизни Каира. Турки поселили в цитадели своих «мамлюков» – янычаров и азабов, и появление двух новых турецких группировок еще больше обострило старое соперничество. Иногда враждовавшие мамлюки, янычары и азабы превращали мечети в крепости, и тогда пушечные ядра неслись через весь город. Имелось в виду, что паша-губернатор со своими войсками будет управлять городом, но вскоре янычары вышли из-под его контроля. Стремление прибрать к рукам богатства города оказалось сильнее их лояльности. Турки собирали дань для Порты (Стамбула), но мамлюки ухитрялись присваивать солидную часть денег еще до того, как они попадали в руки губернатора. Как писал Хитти, результатом этой борьбы за богатства было усиление эксплуатации крестьян.

Богатейшие сведения об истории Каира за 200 лет турецкой оккупации оставил нам талантливый египтянин Абдель Рахман аль-Габарти. Он не только рассказывал о жизни города в XVII и XVIII веках, но – и это самое важное – вел день за днем дневник во время наполеоновской оккупации Каира. Чуть ли не на каждой странице книги аль-Габарти «Биографические и исторические чудеса» можно найти такие мимоходом брошенные фразы: «На четвертый день месяца паша удушил своего помощника...», или: «на двенадцатый день рамадана 1780 года был сильный ураган, окутавший Каир пыльным облаком. Это было в пятницу, и все думали, что пришел конец света...»

Аль-Габарти рассказывает нам об эпидемиях, рождении видных людей, ценах на хлеб, состоянии казны и о жизни великих деятелей.

Он приводит беседы с выдающимися учеными; пишет, что во время голода в 1695 году истощенные жители Каира устроили у стен цитадели демонстрацию против паши. Тот возмутился, вскопчил на коня и отправился разгонять смутьянов. Но толпы ворвались в лавки и склады, растащили запасы зерна и продовольствия, и восстание приняло такие широкие масштабы, что Порта сместила пашу и прислала на его место нового. В 1698 году человек по имени аль-Олейми провозгласил себя святым в маленьком кафе позади фонтана аль-Мумен, и толпы людей собирались, чтобы взглянуть на него. Он «благословил» совместные танцы и любого рода общение мужчин и женщин. Каирцы с удовольствием воспользовались «разрешением» и устроили вакханалию. Нагрянули солдаты, увели «святого» и отрубили ему в цитадели голову.

Из описания Габарти создается впечатление, что населению Каира XVII века жилось тяжело, но оно сохраняло жизнерадостность, горячий темперамент и постоянно находилось в состоянии нервного напряжения. Ссоры между пашами, мамлюками и янычарами заражали жителей города, и они всегда были готовы выйти на улицы и протестовать по любому поводу. В течение многих лет население города делилось на две крупные группировки – фикаритов и кассемитов, которые играли не совсем понятную, но важную роль во внутренних конфликтах Каира. Это деление умышленно ввел завоеватель Селим, устроив турнир между египетскими мамлюками (кассемитами) и турецкими янычарами (фикаритами). Селиму удалось внести раскол и в среду каирских ремесленников, и те разделились на садитов и харамитов, причем одни поддерживали мамлюков, а другие – османских фикаритов (похоже, что за спиной тех и других стоял сам Селим). Так, ремесленники оказались замешанными в междоусобице мамлюков и янычар, которая, собственно говоря, их совершенно не касалась.

В конце концов весь город был втянут в распри, напоминавшие ссору Монтекки и Капулетти. От рабочего люда требовали поддержки в бессмысленных и кровопролитных сражениях; ремесленники рисковали жизнью, не получая никакой выгоды. Исследователи не пытались глубоко вникнуть в истоки этих распрей, но, по словам аль-Габарти, ненависть и вражда группировок «передавалась от господ рабам, от отцов сыновьям и была причиной многих преступлений, убийств, грабежей, насилия и поджогов». Каир процветал и богател, но его интеллигенция, люди, связанные с наукой и искусством, потеряли всякую надежду на счастливую жизнь при власти османских турок. Правители страны жили в вечном предчувствии измены и свержения с трона. Очевидно, об этих настроениях писал поэт Хасан аль-Хаджи, умерший в 1718 году:

Брат мой, будь бдителен, опасайся людей.
Не питай обманчивых иллюзий,
Ибо разве мало людей, прикидывающихся искренними,
Но они, словно лисицы, предадут тебя без оглядки...
А больше всего берегись родителей.
Они – источник всех печалей этого мира,
И они умирают, как скорпионы.

Подобные чувства не типичны для арабских поэтов, которые бывали часто циничными и холодными, но редко опускались до такой мизантропии. Аль-Габарти упоминает поэта из Мекки по имени Сайд аль-Набтит (умер в 1713 году), который писал:

Общение с людьми подобно эпидемии,
А изоляция от людей – это результат здравого
суждения.
Поэтому всякое доверие к людям – слабость,
Так сказано в Святой книге.

Ученые, как правило, сопротивлялись таким настроениям, и утверждение, что интеллектуальная жизнь Каира при турках медленно приходила в упадок, неверно. Почти все обитатели города в той или иной мере участвовали в обычных для Каира горячих словесных баталиях на улицах, на рынках и даже в мечетях. Презрение к дурным правителям находило выход в остром народном юморе, и аль-Габарти рассказывает, как до покоев одного из пашей доносились голоса уличных мальчишек, распевавших у стен цитадели: «Паша, паша, с глазами, как у блохи!»

Город мог быть и самокритичным. В 1705 году из-за недостаточного разлива Нила начался голод, и жители города устремились на Мукамматские холмы молиться об урожае. Шейх Хасан аль-Хаджи был так возмущен паникой, что написал по этому случаю стихи:

Каирцы невежественны,
Их глупость переходит всякие границы,
Они узколобы и двуличны,
А во лжи они достигли совершенства.

Шутка подействовала, все смеялись и возвратились домой, а Каир продолжал жить в ожидании новых сенсаций. Из описаний аль-Габарти видно, что, несмотря на гнет, насилие и голод, Каир становился поистине провинциальным, самодовольным городом. Шейхи и эмиры не строили величественных мавзолеев. Их больше устраивали богатые виллы на берегах Нила или маленьких озер (вроде Слоновьего озера или озера Эзбекие), которые скорее напоминали небольшие пруды, образовавшиеся при отливе вод Нила.

Аль-Габарти постоянно упоминает богатые и прекрасные дома, некоторые из них сохранились в Каире и ныне. Наиболее известен один из таких домов в районе Хишкадам, на полпути между Баб аз-Зувейла и мечетью аль-Гури. Его построил Гамаль ад-Дин аз-Захаб, занимавший в 1637 году пост главы гильдии каирских купцов, и сейчас в музейном пыльном доме еще сохранилась оранжерейная бюргерская обстановка, столь характерная для домов богатых мусульман XVI и XVII веков. В доме толстые стены, замысловатые ходы и переходы, небольшие комнаты, а также «саламлик» (гостиная) и «каа» (нечто вроде прихожей), которые служили не для жилья, а для приема гостей. Вообще дом словно специально устроен так, чтобы принимать в интимной обстановке друзей, чтобы толстые веселые купцы могли усестись на диванах, задрать ноги в расшитых туфлях, и лениво сплет-

ничать под журчанье фонтана, находившегося в центре мозаичного пола.

Именно в этих старых турецких домах, а не в музеях, можно найти подлинные образцы «мушарабия» – деревянных ширм, покрытых тончайшей резьбой, – и понять их истинное назначение. Это ажурные резные перегородки, за которыми на маленьких галереях скрывались женщины; сквозь ширму они видели мужчин и слушали их разговоры, одновременно болтая меж собой, хихикая и поглощая сладости.

Во времена османских турок купцами в Каире были большей частью мусульмане, но торговлей занимались также копты и евреи, иногда очень богатые. Турки также назначали коптов чиновниками и служащими, а при губернаторе Мухаммед Амин-паше (умер в 1752 году) богатым коптам было разрешено совершить паломничество в Иерусалим. Караван вез большие богатства, и в нем было много женщин и детей. Копты расположились лагерем за стенами Каира, но мусульманские фанатики, возглавляемые студентами аль-Азхара, убедили губернатора (он и дал разрешение коптам на паломничество) не препятствовать ограблению коптов. Они напали на караван, разграбили его, а затем приняли заодно грабить и близлежащие дома.

Это типичный пример непостоянства турецких правителей Каира, но не все паши и эмиры были такими варварами. Аль-Габартн, например, рассказывает о правлении просвещенного и гуманного турка – Осман-бея Зульфикара. Известен также весьма образованный «хаткода» (министр или заместитель министра) по имени Радуан аль-Гилфи, возглавлявший армию азабов – турецких наемников. Возглавив администрацию Каира, он построил много прекрасных зданий, в частности дом у Эзбеки, отделанный золотом и цветной мозаикой.

В середине XVIII века появились первые серьезные книги европейцев о Каире, но еще до этого, в 1502 году, малоизвестный путешественник Людовико ди Вартема посетил Каир и был разочарован, что город не так велик, каким он его представлял. «В окружности он почти равен Риму», – писал Вартема, хотя по численности населения он превосходил его.

В 1741-1743 годах англичанин Ричард Покок писал, что Каир – это город, состоящий из трех отдельных городов, разбросанных на расстоянии мили друг от друга: старый Каир, собственно Каир и Булак. Старый Каир, точнее – развалины Фостата, имел в окружности две мили, но, по-видимому, здесь были лишь зернохранилища на берегах реки. Фостатские зернохранилища – это, по сути дела, замощенные кирпичом и обнесенные высокой изгородью дворы, на которых ссыпали зерно. Покок пишет, что акведук, ведущий к цитадели, тогда был в употреблении, мечеть Амра почти развалилась, а на острове Рода стояли руины старых дворцов. Верхом на осле Покок объехал город и описал старые стены и озера, где летом каирцы катались на лодках. Городские ворота охраняли янычары, и «никому не разрешалось бродить ночью без дела по улицам». Он присутствовал на еврейских похоронах, помылся в общественных банях и, как очевидец, рассказывал о жизни европейских купцов в Каире. По всему видно, что жили они неплохо:

по утрам занимались торговыми делами, а после обеда катались верхом на осликах по полям и садам к северу от города. Он писал, что «из европейцев здесь поселились только французы, англичане и несколько итальянцев из Венеции и Легхорна». Европейцы вели довольно широкую торговлю сукном, оловом, свинцом, кофе, александрийским листом, льном и лекарствами.

Необходимо отметить характерную черту финансовой жизни Каира той эпохи: турки не пользовались системой кредитов. Поэтому, когда караваны с товарами прибывали в город, торговцы жили в нем до тех пор, пока не был продан весь товар (таким образом, довольно значительная часть населения состояла из временных жителей). Поскольку развивавшаяся торговля в Европе XVIII века уже была основана на системе кредита и обмена, способствовавшей концентрации больших капиталов, Каир из-за своей архаичной средневековой системы торговли за наличные деньги неизбежно проигрывал в конкуренции с европейскими торговцами. А когда наконец через сто лет Каир признал преимущества кредитной системы, этот внезапный переход привел Египет к банкротству.

Примерно двадцать лет спустя после Покока Каир посетил немецкий путешественник Карстен Нибур. Он прибыл в 1761 году, и его описание мало чем отличается от книги Покока, но в его рассказе уже есть намеки на назревавшие события. Каир восстановил былые торговые контакты с Европой, но навязанный турками провинциализм тяготил город, и казалось, вот-вот произойдет какое-нибудь серьезное событие, которое встряхнет и оживит его. Нибур, помимо всего прочего, был первым европейским разведчиком в Египте и поведал Европе о подлинном положении в Каире.

В отличие от более поздних путешественников Нибур хорошо понял Каир и не подошел к нему с европейской меркой. Поэтому его рассказ был отчетом хорошо осведомленного востоковеда о жизни города, который в силу своих странных обычаев и блаженного неведения о происходивших в Европе важных событиях казался западным политическим деятелям доступной и привлекательной добычей. Многие из них (особенно французы) уже поняли, что рано или поздно какая-нибудь европейская держава укрепит в Египте. Нибур, может быть и не желая, своим рассказом о Каире разжег аппетиты европейцев.

Нибур прежде всего заметил неприязнь египтян к иностранцам. Только мусульманам разрешалось ездить верхом на лошадях; христианам и евреям полагалось пользоваться ослими и обязательно спешиваться, когда мимо проезжал даже самый «незначительный» мамлюк. Впереди мамлюка, ехавшего верхом, бежал специальный слуга саис, который палкой разгонял прохожих и обрушивал удары на тех, кто вовремя не соскакивал с осла. Европейцы страдали от этого так же, как и египтяне. Французских купцов избивали наравне с другими христианами; им приходилось терпеть, ибо мамлюки относились с глубочайшим презрением ко всем иностранцам, особенно европейцам. Позднее Наполеон использовал безобразное обращение с французскими купцами (о котором писал и Нибур) в качестве одного из поводов для втор-

жения в Египет. Но до прибытия Наполеона французам приходилось терпеть; даже уличные мальчишки обзывали их обезьянами, так как французы, несмотря ни на что, одевались по последней парижской моде. Только англичане придумали трюк, спасший их от оскорблений. «Английский консул ездил по городу верхом, одетый в костюм мусульманского аристократа», – писал Нибур.

Большое впечатление на Нибура произвели каирские суды, удивительно быстро вершившие правосудие, и работа полиции, благодаря чему в Каире преступность была меньше, чем в европейских столицах. Он также восхищался коммерческой организацией больших «окала» (складов) у берегов Нила и роскошными жилыми домами, где был даже водопровод. Он упоминает, что при нем еще действовал один из старых муристанов – больниц, что Фостат лежал в руинах, Вавилон еще был населен, а в Гизе жили все богатые каирцы. Нибур рассказывает, что старый канал, проходивший через город к Фостату, очень приятен в половодье, но, когда река высыхает, он становится «чудовищно грязным».

Нибур познакомил европейских читателей с египетскими танцовщицами, выступавшими обнаженными до пояса, «с желтыми руками... корявыми лицами, безкусными украшениями и волосами, смазанными вонючей помадой... Их движения грациозны, но непристойны...». Турки считали эти танцы совершенно нормальным явлением, но они возмущались «непристойностью» европейских совместных танцев мужчин и женщин. Один турок, посетив Италию во время карнавала, рассказывал Нибуру, что в определенные периоды года христиане просто «бесятся».

Европейцам XVIII века казались особенно экзотичными одежды восточных народов, и Нибур в деталях описывает костюмы каирцев. Турки носили белые рубахи с широкими рукавами, полотняные кальсоны, узкие туфли, красные шаровары, жилет, кинжал, широкий пояс и часто бурнус. У христиан одежда была примерно такой же, но им не разрешалось носить туфли ярких цветов. В те дни все брили головы, оставляя на макушке небольшой чуб, и положение человека в обществе определялось головным убором.

Нибур пишет, что он не мог описать одежды женщин, так как он не видел ее: на улицах они набрасывали на себя что-то вроде палатки, но он знал, что все женщины на Востоке носят штаны. Однако надо сказать, что мусульманские женщины меньше стыдятся своего тела, чем европейки. «Было немало случаев, – пишет Нибур, – когда раздетые донага женщины прежде всего закрывали лицо, не стесняясь тем, что были видны их остальные прелести». Сравнивая египетские и европейские нравы, Нибур отмечал, что, если в Европе «мужчины способны забавляться с женщинами в любой день, на Востоке они ведут себя намного строже, если не считать нравов в гаремах». Он не знал, что происходило в закрытых гаремах, но «вполне вероятно, что развлечения и там носили скорее ребяческий характер».

Нибур занимался торговлей, и это помогло ему лучше понять сущность Каира и разобраться в характере египетских торговых связей.

Полотно вывозили в Марсель, хлопок – в Италию, сахар – в Европу в целом, хотя он и был дороже вест-индского сахара. Рис вывозить не разрешалось, и, «как говорят, американцы даже привозили сюда в течение некоторого времени рис из Каролины. Если это правда, то трудно найти лучшее доказательство упадка сельского хозяйства Египта». Египет импортировал из Франции ткани и, как ни странно это звучит, пряности, которые шли с Востока в Европу вокруг мыса Доброй Надежды, а затем обратно в Египет. Кофе привозили нелегально из Америки, а караваны из Аравии и Эфиопии везли слоновую кость, страусовые перья, тамаринд и золото, которое арабские купцы обменивали в Каире на ткани, мелкий жемчуг, кораллы, ружья и готовую одежду.

Хотя Англия усиленно расширяла торговые связи со всем миром, ее, как казалось, не очень интересовала торговля с Египтом. Английские агенты в Каире преследовали иную цель – присматривать за ценнейшей жемчужиной империи – Индией. Египет служил природным барьером между Европой и Индией, и поэтому интересы Англии в Каире были скорее стратегическими, нежели коммерческими.

Франция же активно торговала с Египтом, и у нее были определенные общественные связи и интересы в Египте. В Каире обосновались католические миссионеры: иезуиты, кордельеры и отцы – распространители христианской веры. В основном они (как и другие миссионеры в более позднее время) старались обратить в «истинную» веру коптских христиан (не надеясь повлиять на мусульман), но для Франции их присутствие в Египте имело не меньшее значение, чем деятельность купцов и дипломатов.

Книга Нибура имела особое значение для европейских государственных деятелей благодаря его описанию (опубликованному в 1792 году) цитадели, подлинного оплота власти турок в Египте. Цитадель делилась на три части: дворец османских пашей, казармы янычар и казармы азабов. Нибур писал, что дворец паши почти развалился. Никого не интересовало, как живет паша, и Нибур подтверждает, что «турецкие паши жили в очень плохих условиях». Если Наполеону попала на глаза эта фраза, она могла дать ему довольно ясное представление о слабости османского режима в Каире.

Вероятнее, что Наполеон читал книгу своего соотечественника графа Константина Франсуа де Вольнея, который истратил небольшое наследство на поездку в Сирию и Египет в 1783-1785 годах. Каир в описании Вольнея совершенно не похож на Каир Нибура, и, даже если сделать скидку на различие их взглядов и изменения, которые могли произойти за двадцать лет, создается впечатление, что Вольней, как и французские купцы в Каире, подходил к городу с французской меркой и видел его таким, каким ему хотелось его видеть. Вольней был более просвещенным человеком, чем Нибур.

«В самом Каире, – писал Вольней, – чужеземца сразу же поражает всеобщая нищета и лишения. Глядя на толпы людей на улицах, он видит только грязные лохмотья и отвратительную наготу... Все, что он видит и слышит, напоминает ему, что он находится в стране рабства и

тирании. Не говорят ни о чем, кроме как о междоусобицах, всеобщей бедности, вымогательстве, битье палками по ногам и убийствах. Ни жизнь, ни имущество не находятся в безопасности. Суды без всяких формальностей выносят смертные приговоры. Офицер, возглавляющий ночную стражу, дневной дежурный офицер, судья – все приговаривают и казнят за несколько минут, не допуская никакого обжалования... Голова несчастного падает в кожаный мешок, чтобы не пачкать эшафот».

Каир в описании Вольней – печальное и трагическое место, и в его книге содержится намек, что, вероятно, придет кто-нибудь и спасет египтян от нищеты и несчастий. «Если бы Египтом владела нация, покровительствующая искусствам, – пишет он, – могли быть сделаны открытия, которые дали бы нам лучшее представление о древних временах». Какую же нацию мог иметь в виду француз? Он предполагает, что такая «нация, покровительствующая искусствам», могла бы открыть доступ внутрь второй пирамиды, причем все работы обошлись бы не больше чем в 2 тысячи фунтов. Но именно Вольней (прекрасный ученый) утверждал, что пирамиды – это не храмы и не наблюдательные вышки, а могилы. Казалось, что молодой офицер Наполеон стоял за спиной Вольней и читал все, что он пишет о слабости и несчастях Каира. Можно ли в этом случае принимать на веру более беспристрастный рассказ Нибура?

Английский путешественник В. Браун, живший в Каире одиннадцать месяцев в период между 1792 и 1798 годами, то есть незадолго до вступления Наполеона, писал, что Нибура больше интересовала Аравия, а не Египет, которым он занялся совершенно случайно. Затем Браун начинает осторожно, как истинный англичанин, подтверждать все, что писал Вольней. Он рассказывает, что европейцы жили в Каире на положении пленников, и нельзя винить их в том, что иногда они позволяли себе развлечься. Человеку, привыкшему к широким улицам и порядку в городах Европы, Каир казался отвратительным.

Браун тоже (как и Вольней) утверждал, что паша стал игрушкой в руках наемников. Он видел собак, нищих, грязный канал («навозная куча»), дешевые и красивые мраморные бани, склады и женщин на улицах, у которых виднелись лишь глаза и пальцы. Он писал, что здесь признают красивыми только белокожих и жирных женщин. Он описывает богатые дома на Слоновьем озере, водохранилища, кофейные, публичные дома и базары «с обилием товаров». По его подсчетам, население города в последние дни османского правления составляло 300 тысяч человек. Нибур писал, что турки отдали на откуп каирским евреям городскую таможню, и она приносила большую прибыль. Но, по словам Брауна, евреям пришлось уступить таможню сирийцам. Еврейское население сократилось, но в городе было много греков, сирийцев, армян, марокканцев и, как ни странно, сравнительно мало турок (настоящих турок в Каире всегда было немного). В городе шла торговля рабами, пряностями, шалиями и пшеницей. Рис теперь экспортировали.

Браун подробно описывает мамлюков, носивших красные шаровары, красные туфли, зеленые шапки, а также пару пистолетов, саблю и кинжал. Под жилет они надевали кольчугу. Раб мамлюк автоматически становился мамлюком, но жены мамлюков редко рожали, так как практиковались аборты.

В описании Брауна Каир все же выглядит привлекательнее, чем у Вольнея. Булак был беспорядочным портовым городом со множеством прекрасных зеленых садов. Миср аль-Аттика (Вавилон) «красив и густо населен», но Фостат представлял собой просто длинную улицу, параллельную реке. Остров Гезира покрыт садами, за рекой в Эмбабе паслись коровы, в Гизе находился дворец и пушечный завод, а у пристани на якоре стояли военные суда (во время наступления на город Наполеона паша приказал сжечь эти суда).

Браун описал город таким, каким его увидел Наполеон, но, кроме того, он предсказал, что произойдет с мамлюками, если начнется война. По его мнению, каждый мамлюк сам по себе был лучшим воином на Востоке, но в настоящей маневренной войне мамлюкская армия сильно уступала дисциплинированным европейским войскам. Это доказала военная кампания Наполеона. Рыцари в латах, смело бросавшиеся в бой, не пугали крепко сплоченных и правильно построенных ветеранов немецкой и итальянской кампаний, которые без нужды не лезли на рожон.

В целом же Браун рассказывает о городе, находившемся на грани полного общественного разложения. Нибур называл его крепким городом, Вольней – несчастным, а Браун рассказал, в чем именно были несчастья Каира. В 1798 году рабочему в Египте платили $\frac{1}{7}$ пиастра в день, 50 пиастров в год – это было хуже рабства, особенно если учесть, что известный мамлюк Мурад-бей брал ежедневно с монетного двора 1500 пиастров на карманные расходы. Ежедневно паша и мамлюки получали в виде налогов с каждого из 2 миллионов 100 тысяч акров земли 6 пиастров – целое состояние; эти деньги брали, конечно, из кармана крестьянина.

Экономическое положение Египта настолько ухудшилось, что коптские деревни в Верхнем Египте восстали и отказались платить налоги. Никто не осмеливался ехать в район восстания и требовать уплаты налогов. По-видимому, Наполеон, читая сообщения об этих событиях, склонялся к общепринятому мнению, что, несмотря на длительное турецкое господство, население Каира упорно отказывалось отождествлять себя с турками.

Ни турецкий язык, ни турецкие нравы не оказали влияния на рядовых каирцев. Представители правящего класса переняли турецкие обычаи и хранили их до самого последнего момента, но в целом город сохранял чисто египетский дух. Интеллектуальная жизнь Каира, хотя она и ограничивалась литературой, поэзией и религиозной философией, не замирала и нередко порождала серьезные конфликты.

Таков был город, который поджидал дисциплинированных солдат Наполеона и в то же время не питал к ним никакой симпатии. Но прежде, чем гражданин Наполеон принесет Каиру все блага француз-

ской революции, стоит взглянуть на то, что осталось в нынешнем Каире от сумеречного правления османских турок, омрачившего на долгие годы горизонт солнечного старого города.

Турки не создали «величественных» зданий в Каире, но построили множество привлекательных мечетей. Ни в одной из этих мечетей незаметно было каирского взлета вдохновения. Мастерство безусловно, но фантазия небогата. Турки изменили характер каирской мечети, так как они предпочитали общественные мечети для моления (масджид), а не мечети-училища (Мадраса), и вместо традиционных арабских форм внедряли византийский стиль стамбульской архитектуры.

При сравнении одной из самых первых турецких мечетей Каира – Малики Сафии (1610) – с одной из последних – мечетью Мухаммеда Али (1856) – можно проследить, как появился, развивался и приходил в упадок за двести лет этот стамбульско-византийский стиль, – весь его путь от светлых, просторных, огороженных дворов до массивной громады, сидящей над цитаделью, словно сытый кот в отделанной атласом корзине. Маленькая мечеть Малики Сафии расположена недалеко от улицы Кала (улица Цитадели, именованная раньше улицей Мухаммеда Али). По ее крыше с одним большим и несколькими маленькими куполами, ее цилиндрическому минарету с конусом на верхушке можно судить о стамбульском происхождении всех турецких мечетей Каира. Малика Сафия была не турчанка, а венецианка из семейства Баффо, а ее отец – губернатором Корфу. Четырнадцатилетнюю Сафию похитили (как Констанцу в моцартовском «Похищении из сераля») корсары и продали в гарем султана, где она стала гордой мусульманской королевой и построила мечеть для своего сына султана Мухаммеда. Это женственная маленькая мечеть; ее аркады увенчаны такими изящными куполами, будто их и впрямь нарисовала на плане красивая и желанная женщина.

В Каире много турецких мечетей, и иногда я бродил по городу и узнавал их по византийскому стилю среди множества других мечетей, происхождения которых я не знал. Это не составляло труда, но было приятно обнаружить турецкие мечети, не уступающие по красоте другим памятникам. Размерами мечети стали поменьше, и в них нет былой артистической выдумки, скорее из-за отсутствия денег, чем мастерства.

Специалисты по турецким памятникам Каира считают лучшим образцом турецкого искусства не мечеть, а фонтан-источник (сибил) на улице Муиз, недалеко от мадрасы Баркука и могилы ан-Насира. Школа и фонтан построены в 1774 году янычаром Абдель Рахманом Кикхия, позднее перешедшим в ряды азабов. Кикхия был чистоплотным, любившим благотворительность, и продажным губернатором, построившим один дворец в Булаке, другой – в Абдине. Он сделал пристройку к аль-Азхару и реставрировал многие памятники Каира. Это был странный, невысокого роста человек, с белой кожей и почти белой бородой. По словам аль-Габарти, он отличался исключительной аккуратностью и даже некоторым кокетством: его прекрасный фонтан

– лучший образчик турецкого искусства в Каире. В нем, пожалуй, излишне подчеркнут турецкий стиль, но он красив, и можно без конца сидеть около фонтана и любоваться им. Я знал, что когда-то у фонтана находилась школа, но все же был искренне удивлен, увидев здесь и сейчас школу. Приятно сознавать, что кто-то из отцов города дорожит доброй традицией школ у фонтанов. Мальчики и девочки из этой школы в перенаселенном уголке города были одеты в опрятную форму и учили «алиф-ба»* по современному учебнику, иллюстрированному не пальмами и верблюдами, а автомобилями и грузовиками. Застенчивая молодая учительница услужливо остановила урок, чтобы я мог полюбоваться стенами, обложенными фаянсовыми плитками, и поглядеть на улицу из окна. Уже выйдя из школы, я услышал, как звонкие голоса учащихся, повторявших вслух урок, смешивались с криками горластых лоточников, ремесленников, молотивших медные листы на базаре, и смехом детей, игравших в пыли и грязи знаменитого старого перекрестка.

Накануне вступления Наполеона был один момент, когда казалось, что Египет своими силами вырвется из турецкого кокона и снова станет независимым мамлюкский государством. В 1796-1797 годах египетский народ восстал против турок, протестуя против нищеты, гнета, невыносимого бремени османских налогов и экономического беспорядка. Началось своеобразное состязание в скорости между далекими французами и местными мамлюками – те и другие старались как можно быстрее воспользоваться вспыхнувшим народным недовольством.

Сначала инициативу захватили мамлюки, и один из них, Али-бей, занял Каир, нанес позорное поражение турецкому гарнизону и выслал в Порту турецкого пашу. Затем Али-бей атаковал Сирию и Аравию и одержал такие внушительные победы, что его признали халифом Мекки. Неожиданно Египет превратился в независимое государство в рамках Османской империи. Как и следовало ожидать, Али-бея предали и убили, его сменил мамлюк Мурад-бей, деливший власть с другим мамлюком – Ибрагимом. Они и правили совместно Египтом в тот момент, когда у Александрии появился флот Наполеона. Однако на этот раз в силу исторических условий мамлюки не смогли спасти Египет ни от турок, ни от французов, ибо были продажны, невежественны, примитивны и корыстолюбивы.

Мурад-бей не поверил, когда ему сообщили, что корабли Наполеона подошли к берегам Египта. Уразумев, наконец, что случилось, Мурад-бей послал за самым уважаемым европейцем в Каире, тосканским консулом Розетти, сказав, что в его глазах французские солдаты равноценны египетским погонщикам ослов. Он попросил Розетти, как европейца, встретить французов и выдать каждому из них по горсти серебра, чтобы они убралась восвояси, ибо у него нет ни малейшего желания убивать их. Розетти пытался объяснить, кто такой Наполеон, но Мурад-бей не имел представления об истории Европы. Когда Наполеон начал наступление на Каир, Мурад-бей выслал против 40 тысяч

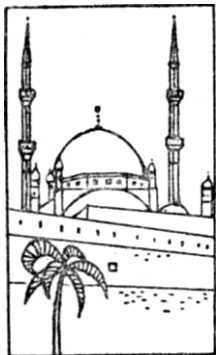
* Алиф-ба (*арабск.*) – основы грамоты, букварь. (*Прим. ред.*)

французских ветеранов 10 тысяч мамлюков и 30 тысяч нерегулярных солдат (в основном египтян, албанцев, негров и бедуинов).

Сражение произошло у Эмбабы (ныне пригород Каира), за рекой, недалеко от Гезиры, в субботу 21 июля 1798 года, в день св. Виктора; французскими войсками командовал генерал Луи Дезе. «Как только египтяне увидели французскую армию, – писал аль-Габарти, – они с яростью атаковали ее», причем он упоминает «египтян», а не «мамлюков».

«Битва была кровопролитной», – продолжает аль-Габарти. Французы применили ряд ловких маневров, которые не смогли разгадать мамлюкские офицеры, и египтяне оказались под губительным перекрестным огнем. День был ветреный и жаркий, и над Каиром нависли клубы пыли и дыма с поля сражения. Каирцы слышали бой барабанов, ружейные выстрелы и грохот пушек. Мамлюки потерпели полное поражение и бежали, не проявив ни смелости, ни здравого смысла. Мурад-бей бросился во дворец в Гизе, за пятнадцать минут собрал все драгоценности, приказал солдатам сжечь военные мастерские, пороховые склады и военные суда на Ниле у Гизы, а затем бежал.

Каирцы увидели, что весь район Гизы объят пламенем, и поняли, что французы одержали победу. Богачи спешно упаковали пожитки и бежали; за ними последовали и многие бедняки. Бежать было некуда, и, когда бедняки скучились на окраинах города, на них напали бедуины. Грабежи и убийства на улицах начались еще до вступления в город французов. Во время всеобщего замешательства некоторые шейхи

Каира, собравшиеся в аль-Азхаре, направили письмо Наполеону с предложением начать переговоры о капитуляции города. Разгневанные жители Каира, поняв, что их предали и бросили, ворвались во дворцы Ибрагима и Мурад-бея и подожгли их. В среду Наполеон вступил в город и утвердил свою власть. Аль-Габарти, начиная дневник этого полного событий года, писал, что для Каира и Египта начался период «великих битв, ужасных событий, страшных несчастий, страданий, преследований, хаоса, террора, революций, беспорядков, разрушений – словом, великих потрясений».

10 *Наполеоновский Каир*

Наполеон действительно принес Каиру много несчастий, но в то же время он принес с собой дух Европы. Он пробыл в Каире только три года, но город больше уже не вернулся к своему прежнему восточному облику. Англичане пришли через столетие и хозяйничали в Египте 70 лет, однако даже в этот период Каир продолжал развивать черты французского, а не английского города, и господствовали в нем вкусы не английского «среднего класса», а французской буржуазии. Наследие французов видно повсюду в европейской части Каира, которая ими и была создана. Когда беспристрастно глядишь на то, что осталось от французского фасада современного Каира, начинаешь думать, что англичан вообще не интересовал облик города — все их внимание было сосредоточено на укреплении своего влияния в экономике, управлении и политической жизни страны.

Наполеона привело в Каир прежде всего англо-французское соперничество. По-видимому, никто, кроме Нельсона и Теннисона, не знал, что Наполеон направлялся в Индию и что для этого он должен был преодолеть египетский барьер. В это время Вольней уже говорил о возможности проложить Суэцкий канал через перешеек, отделявший Красное море от Средиземного, и открыть прямой путь на Восток. Французы давно подумывали о таком проекте. Многолетняя война за европейскую торговлю и европейскую империю становилась все ожесточеннее. Назрел момент, когда страны Востока оказались главной ставкой в этой борьбе. Задолго до этого Либниц советовал Людовику XIV вторгнуться в Египет, а Бурьен убеждал Наполеона, что покорение Египта с лихвой возместит Франции потерю колоний в Вест-Индии, захваченных англичанами.

Дело в том, что путь через Египет все еще был самым коротким и удобным торговым путем на Восток, разумеется, при том условии, что и Египет и торговля будут находиться в европейских руках, а не во власти какого-нибудь голодного восточного деспота, взимавшего баснословные пошлины за все товары, которые проходили через страну.

Однако все это было не так просто. Полагали, что Талейран надумал вторжение в Египет как средство для удаления Наполеона из Франции и к тому времени, когда Наполеон разгадал этот план, экспедиция уже зашла слишком далеко, чтобы ее можно было отменить.

Был ли это хитрый заговор или серьезное намерение Франции пробиться на Восток, но французы рассматривали вторжение в Египет как некую побочную операцию, которая должна способствовать будущему вторжению в Англию.

Наполеону понадобилось 300 кораблей для переброски в Египет 40 тысяч солдат. Он взял с собой не только своих лучших офицеров – Мюрата, Клебера, Бесьера, Дезе, Даву, Савари и Бертье, – но и около ста ученых во главе с Монге и Деноном, которые написали самый выдающийся труд о Египте – «Описание». Корабли Наполеона отплыли из Тулона и других средиземноморских портов, и английское адмиралтейство было убеждено, что они направляются на запад к Гибралтару, а затем пойдут к Ирландии, чтобы напасть на Англию.

Нельсону, командовавшему сравнительно небольшой эскадрой, было приказано перерезать путь Наполеону и не допустить его к проливу Ла-Манш. Но Нельсон знал, что французские корабли плывут на восток, а не на запад, хитро подловил их и погнал до самого египетского порта Абукир, где и уничтожил их. Немного раньше он упустил (по глупости своих командиров) возможность завязать бой с флагманским кораблем Наполеона «Ориан», и кто знает, чем кончилось бы такое сражение.

Хотя французам и удалось высадиться в Египте, разгром их флота под Абукиром лишил Наполеона безопасной связи с Францией. Можно считать, что он потерпел поражение в Египте еще до покорения его, так как не смог получить подкрепления из Франции. Высадка прошла достаточно успешно, и Наполеон без труда занял Александрию. Но по мере продвижения к нильской дельте он встретил первые признаки народного сопротивления, причем Виван Денон, сопровождавший Наполеона, писал, что против французов сражались не столько солдаты, сколько крестьяне и горожане. Разбив армию мамлюков под Эмбабой, Наполеон, прежде чем войти в Каир, послал за шейхами города и уведомил их, что намерен создать для управления страной и разработки законов Великий диван из десяти шейхов. 25 июля 1798 года Наполеон вступил в Каир и занял новый дворец Мухаммед-бея аль-Алфи, который, затратив на дворец огромные средства, так и не успел пожить в нем.

С Наполеоном в Каир вступил лишь небольшой отряд солдат. В качестве меры предосторожности он оставил армию на другой стороне Нила. Египетское население Каира пока не принимало участия в вооруженном конфликте. До этого времени за оборону Египта отвечали мамлюки, которые оказались совершенно беспомощными. Сами египтяне еще не осознали, что ответственность теперь лежит на них, потому что были ошеломлены поначалу новыми «хозяевами».

Поэтому в первые дни французские солдаты ходили по улицам Каира без оружия и никого не задевали. Они шутили с египтянами, излишне щедро платили за все, что покупали, и жители перестали прятаться. Вскоре уже купцы стали продавать французским солдатам хлеб, сахар, мыло, табак; открылись лавки, и город вернулся к жизни. Французские торговцы, жившие в Каире, чуть ли не за одни сутки

открыли французский ресторан для военных (это был вообще первый ресторан в Каире). Египтяне с восхищением смотрели, как люди сидят за столиками, пользуются ножом и вилкой, а затем платят установленную цену. Появились кафе французского типа для французских солдат. В целом французы вели себя тактично и умно.

Наполеон, не теряя времени, укреплял свои военные позиции в Каире. Он не только захватил все стратегические пункты и здания, которые считал важными для обороны города, но и расставил артиллерийские батареи вокруг Каира. С этой «позиции силы» он начал устанавливать более тесный контакт с Диваном шейхов, который после победы под Эмбабой уговорил сотрудничать. Некоторые шейхи принадлежали к мамлюкским семьям, но, по сути дела, были профессиональными религиозными или политическими деятелями. Европейская культура произвела на шейхов сильное впечатление, и Наполеон без труда превратил их в свое главное идеологическое оружие.

В первые же недели Наполеон создал свой знаменитый Египетский институт, чтобы 100 ученых, которые прибыли с ним, могли приступить к работе по изучению египетского прошлого и настоящего. В общем, Наполеона больше интересовало настоящее, а не прошлое, и протоколы первых дискуссий в институте показывают, с какими проблемами столкнулись французы в оккупированном городе. «Гражданин» Наполеон был членом математической секции института и на первом же заседании поднял такой вопрос: «Можно ли улучшить работу печей, в которых выпекают хлеб для армии? И как это сделать?»

«Гражданин» Наполеон просил институт наряду с печами подумать о составлении подробного и точного плана города. Землемеры начали с самого простого – они провели прямую линию от Каира до Нила и установили, что расстояние это равно 1042 метрам 36 сантиметрам. На основе этой линии они составили первый точный план Каира, который был затем опубликован в «Описании».

Кроме того, ученые по заданию Наполеона начали изучать город и его нравы. Их интересовало все: торговля, промышленность, труд и язык, и одним из первых появился доклад гражданина Луи Франка о рынке рабов. Все рабы в Каире того времени были африканцы, большинство которых – взрослых и детей – схватили за неуплату долгов. «Хранили» их, как любой другой товар, в местных складах. «Когда европеец впервые приходит на этот рынок, – писал гражданин Франк, – его сердце сжимается от боли при виде голых негров, мальчиков и девочек всех возрастов, матерей с грудными младенцами».

Все эти материалы, очевидно, лежали на столе Наполеона во дворце Эзбекие, и он пользовался ими как данными военной разведки, чтобы крепче держать в руках город. По-видимому, он все же побаивался народного восстания, так как начал сносить ворота у входа в те улицы, которые представлялись ему опасными в военном отношении, а также приказал, чтобы по вечерам зажигали все уличные фонари. Кроме того, желая наконец увидеть реальные признаки подчинения, он издал приказ с требованием, чтобы каждый житель Каира носил кокарду в знак «подчинения и дружбы». Такое давление привело к тому, что

население стало проявлять признаки серьезного беспокойства. Огромное количество людей игнорировало приказ о кокардах, и Наполеону пришлось отменить его.

К этому времени почти все, что бы ни предпринимал Наполеон, вызывало недовольство населения. Он пытался сровнять с землей могилы на кладбище в Эзбекие, чтобы окружить дворец красивыми и ровными лужайками, но народ был так враждебен, что ему пришлось отказаться от этой затеи. Он обложил налогом все дома города, и снова население громко и открыто воспротивилось этому плану. Шаг за шагом росло сопротивление, и в конце концов жителей Каира даже само присутствие французов привело в такую ярость, что они устроили демонстрацию около аль-Азхара. Наполеон послал генерала Дюпуи разогнать демонстрантов. Но горожане устроили французам засаду, убили генерала и многих его солдат. Затем заняли все оставшиеся уличные ворота Каира и воздвигли повсюду баррикады. Так началось первое восстание против французов.

Французы в ответ на этот бунт установили в цитадели пушку, обстреляли аль-Азхар, сильно разрушили мечеть и окружающие ее дома. «Такого ужаса еще никогда не видели жители города», – писал аль-Габарти. Выстрелы большой пушки заставили повстанцев кое-где отступить, но защитники квартала аль-Хусейниа сражались до тех пор, пока у них не кончились боеприпасы. Ночью французские солдаты разобрали баррикады, а затем кавалерия врзалась в аль-Азхар.

С этого момента египтяне ни на один день не оставляли французов в покое, и совершенно ясно, что они боролись своими собственными силами, без всякой помощи извне и без поддержки мамлюков и солдат. Наполеон был буквально потрясен – он угрожал репрессиями и требовал, чтобы шейхи выдали зачинщиков. Сначала шейхи ответили отказом, но в конце концов предали нескольких «руководителей» восстания. Одним из названных оказался лидер Корпорации слепых, и его вместе с четырьмя другими египтянами немедленно арестовали и расстреляли. Французы снесли часть Гизы, старого Каира (Вавилона) и Шубры, опоясали Каир укреплениями и множеством мелких фортов, которые все еще существуют у подошвы горы Мукаттам. В самом городе они уничтожили много небольших дворцов, домов и мечетей, которые, по мнению французов, повстанцы использовали как крепость.

Чтобы как-то отвлечь население от борьбы и заодно продемонстрировать мощь Франции, в Эзбекии был запущен воздушный шар. Но гондола оторвалась и с грохотом свалилась на землю, что заставило французов «сгореть от стыда» (аль-Габарти). Наполеон начал надстраивать цитадель, а разрушенную мечеть Хакима превратил в военное укрепление. Он намеревался проложить новые широкие бульвары от цитадели к другим районам города, в частности, выпрямить улицу, которая вела к его штаб-квартире в Эзбекии. Но даже француз Поль Равесс писал, что, к счастью, Наполеон не осуществил своего замысла, хотя 30-40 лет спустя хедив Исмаил все же осуществил его, улицу эту назвал шары Мухаммед Али. Но Наполеон провел широкую дорогу от

Баб аль-Лука до Баб аль-Адауи, врезаясь в дома и древние улицы, что находились на пути. Строили дорогу французские рабочие и наемные (!) египтяне, причем вместо примитивных корзин и тачек применялись «простые, но совершенные орудия труда» (аль-Габарти). Несмотря на протесты населения, Наполеон снес дома и вырубил деревья вокруг дворца Эзбекие, а мечеть Бейбарса превратил в крепость, установив на крыше большую пушку.

Казалось, Наполеону удалось укрепиться в Каире, но цели его были репрессивными, карательными и военными.

Несмотря на всю жестокость французской оккупации, она, несомненно, оказала и благотворное влияние на жизнь Каира: у Наполеона в Каире были фактически два штаба – военный и культурный, и вначале он уделял много внимания обоим. Но по мере ухудшения военной обстановки за пределами Египта он все больше терял интерес к культурному развитию города. Хотя еще во Франции он с такой тщательностью готовил экспедицию в Египет, будто намеревался остаться там навеки.

Сразу же по прибытии в Египет надлежало создать прочную основу для распространения французского влияния на культуру этой страны. Вряд ли можно предполагать, что он, не жалея ни средств, ни усилий, привез в Египет сотню ученых только для того, чтобы удовлетворить любопытство французской науки к Египту. Но после разгрома англичанами его флота при Абукире Наполеон понял, что ему не удержаться долго в Египте. Читая высказывания Наполеона о Египте, чувствуешь, что его мысли были уже далеко. Он еще занимался делами Каира и помогал своим ученым, которые собирались распространять науку и знания среди египтян, но, по-видимому, больше думал о военных походах в Сирию и Турцию или о будущих битвах, которые смогли бы вывести его из стратегического тупика.

Работа мирных ученых в Египетском институте, получавшем щедрые субсидии, производила все более глубокое впечатление на каирскую интеллигенцию. Институт расположился в двух зданиях каирского квартала Назарие и имел четыре секции: промышленности, медицины, точных наук и математики, искусства и литературы. Секции промышленности, медицины и точных наук с лабораториями, мастерскими и библиотеками находились в новом доме черкесского мамлюка Хасан аль-Качефа, бежавшего из Каира вместе с Мурад-беем и другими вождями мамлюков. Художники и литераторы помещались в доме, который принадлежал турецкому вельможе Ибрагиму аль-Синнари.

Дом Качефа был открыт каждый день с 10 часов утра. «Простые солдаты, – писал аль-Габарти, – приходят почитать в библиотеке». Не запрещалось посещать институт и мусульманам; наоборот, ученые всячески поощряли их, особенно если они проявляли интерес к наукам. Французы также показывали мусульманским посетителям химические опыты, действие электрического тока и давали книги на арабском языке. Французы привезли с собой и установили в институте большую картину, изображавшую Мухаммеда, поднимающегося на небеса. И хотя мусульманская религия запрещала какие-либо изобра-

жения Мухаммеда, аль-Габарти, очевидно, не был шокирован портретом и писал, что пророк изображен в точном соответствии с имевшимися описаниями.

Понимая, какое значение имел институт для установления культурных связей Каира с Европой, интересно заглянуть в квартал Сейиды Зейнаб, чтобы посмотреть на то, что осталось от центра французского просвещения. Дома Качефа уже нет – его снесли, и на этом месте построили государственную школу для девочек. Дом Синнари, где работали художники, сохранился и после 1952 года был передан каирским художникам. Здесь они работают и выставляются. Во время моего последнего посещения двор, реставрированный с большим вкусом, был занят выставкой работ Анвара Абдель Мовела, одного из лучших молодых египетских скульпторов, умершего в 1966 году. В залах верхнего этажа находилась выставка работ современных художников, как модернистов, так и тех, кто пытается возродить египетское народное искусство. Почти все современные картины носят на себе влияние французского искусства. Тень Наполеона как бы еще витает в этом здании.

Невзирая на то, что культурная деятельность французов в Египте принесла замечательные плоды, жестокость Наполеона была столь чудовищной, что репутация института уже не могла помочь ему. Каждый день приносил все большее число казней. Население открыто сопротивлялось.

По-видимому, на этом этапе развития событий Наполеон окончательно отбросил надежду удержаться в Египте.

В конце 1798 года он с тревогой поглядывал на север, опасаясь, как бы Турция и Англия не напали на него совместно со стороны Сирии. Тогда Наполеон решил первым нанести удар и начал готовиться к наступлению на Сирию. 22 сентября 1798 года он выехал из Каира на разведку к Суэцу. Как пишет аль-Габарти, походной кухни с ним не было, и он взял с собой только три завернутых в бумагу бутерброда с курицей, а солдаты нацепили ломти хлеба на острие пик.

Есть лишь один факт, по которому можно предположить, что у Наполеона все же оставалась какая-то надежда удержать этот великий перекресток на путях между Европой и Востоком: он приказал гражданину Пейре произвести геодезические измерения уровня древнего канала, который проходил когда-то от Суэца до Средиземноморья. Начальник его штаба генерал Бертье считал, что такой канал «был бы одним из самых великих и полезных проектов в мире».

Но Наполеон быстро возвратился в Каир, и в феврале его армия выступила, чтобы вырвать Сирию из рук турок и находившегося там небольшого подразделения английских войск. Только сейчас можно представить себе, во что превратилась за год пребывания в Каире армия Наполеона. По словам аль-Габарти, за армией тянулся бесконечный обоз, в котором были белые и черные рабы, захваченные французами в домах мамлюков, женщины-маркитантки во французских платьях, кровати, матрасы и уйма другого совсем невоенного барахла.

Французам не удалось овладеть Сирией. Они были разбиты под Аккой, главным образом силами английских моряков. Наполеон бежал в Каир. Из 12 тысяч солдат, выступивших в поход, осталось только 7 тысяч. Колонны бледных, изнуренных солдат, за которыми двигались телеги с женщинами и детьми, вошли в Каир, и город понял, что французы биты. Все ликовали, а в это время турки уже высаживались в Абукире, около Александрии. Каир с нетерпением ожидал, что вот-вот произойдут большие события. Наполеон перешел к обороне, но все же двинулся навстречу туркам, которые на этот раз не могли полагаться на помощь английских «синих курток». Наполеон легко разбил турецкую армию и привел в Каир тысячи пленных.

Однако все понимали, что новое, хорошо подготовленное наступление англо-турецких войск всего лишь дело времени и неизбежно приведет к поражению Наполеона. И Наполеон бежал во Францию, где после брюмерского переворота стал первым консулом. Он оставил в Каире Клебера в расчете, что тот будет сдерживать противника. Силы сэра Сиднея Смита, разбившего Наполеона под Аккой, подошли к египетским границам вместе с турками, и Клебер, зная, что ему не выиграть сражения, подписал договор об эвакуации из страны (1800).

Как писал миролюбивый аль-Габарти, «подлые обитатели» Каира, ослепленные ненавистью к французам, оскорбляли их и издевались над ними. Французы приступили к эвакуации Каира, а в это время Мурад-бей и другие мамлюки, которые как шакалы бродили вокруг города после поражения под Эмбабой, в 1798 году появились на его окраинах и только ожидали ухода французов, чтобы снова занять город. Поджидали и турки, расположившиеся недалеко от Каира. В течение этих нескольких напряженных недель турки, мамлюки и французы следили за каждым шагом друг друга. А пока что египтяне вновь начали убивать французских солдат на улицах города.

Клеберу нелегко было покинуть Египет, так как у него не осталось судов. Считая, что французы просто тянут время, англичане расторгли подписанный с ними договор. Турки и мамлюки стягивали силы к древнему Гелиополису и делали вид, что готовы напасть на Каир. Клебер оказался в западне: в тылу находился враждебный город, вокруг стояли вражеские войска. Тогда он вышел из Каира и нанес быстрый сокрушительный удар туркам под Гелиополисом. После первой же атаки турецкие офицеры и солдаты бежали. Каирцы, услышавшие стрельбу, вооружились дубинами. Отступавшие турки и мамлюки оказались в предместьях Каира, и горожане, сражавшиеся против французов, поняли, что им грозит новая опасность – со стороны турок. До сих пор ни один солдат – будь то из армии великих мамлюков или турок – не вступал в бой с французами. Это выпало на долю египтян. Им пришлось сражаться против дисциплинированной армии французов, и делали они это с воодушевлением и решимостью.

Хотя турки и мамлюки потерпели поражение, они были уверены, что французы уже более не способны на серьезное наступление, и поэтому заняли позиции на окраинах Каира. Туркам нужен был козел отпущения, чтобы отвлечь всеобщее внимание от их собственной тру-

сости и неудач, и потому турецкий командующий приказал перерезать всех христиан. Турки знали, что народ настроен враждебно к тем христианам (хотя их было не так уж много), которые сотрудничали с французами. Однако банды, которым поручили избивание христиан, заодно уж брали под арест, убивали и калечили мусульман.

Туркам удалось даже захватить Эзбекию, но французы подвергли их артиллерийскому обстрелу из цитадели. Весь город теперь находился в состоянии гражданской войны, и фактически началось новое народное восстание против французов. Население обратилось за помощью к туркам и мамлюкам, но те отказались сражаться и продолжали укреплять свои позиции в городе. К этому времени народ почти полностью овладел улицами, и французские полки под командованием Клебера открыли по городу артиллерийский огонь из всех фортов, построенных по периметру Каира.

Осажденный город голодал. Шейхи опасались, что французы превратят Каир в руины, и попытались вести переговоры с Клебером. Но когда шейхи возвратились в город, жители осыпали их оскорблениями и срывали с них чалмы. Французы прибегли к новой тактике – они устроили серию поджогов, включая Булак. Каир упорно сопротивлялся. Случилось то, что было неизбежно в этой обстановке: французские войска снова вступили в город, прорвавшись через баррикады у Баб аль-Хадида. И снова первыми сдались турки и мамлюки, согласившись уйти из Каира. Клебер снабдил их верблюдами и деньгами, лишь бы они поторопились. Население хотело расправиться с трусливыми военачальниками турок Осман-беем и Насу, но им удалось забаррикадироваться в мечети. Под насмешливые и оскорбительные крики жителей турки и мамлюки покинули Каир.

Лишенное военной поддержки турок и мамлюков, безоружное население Каира не выдержало натиска французов, и, таким образом, второе восстание было подавлено. Оно длилось 37 дней. Пострадали почти все кварталы Каира, особенно Эзбекия и богатые здания вокруг озера ар-Ратли. Хотя французы думали только о том, как уйти из Каира и добраться до Франции, они все же силой овладели центральной частью города. Без согласия англичан они не могли выйти из города, но англичане не торопились. К этому времени французы и египтяне находились в атмосфере такой взаимной ненависти, что каждый день можно было ожидать нового взрыва.

17 июня 1800 года ударом ножа был убит на террасе дворца Эзбекия генерал Клебер. Новость быстро распространилась по Каиру, и население ожидало, что в отместку за убийство французы уничтожат, по крайней мере, половину города. Каир затаил дыхание. Но французы побоялись применить излишне суровые меры и с готовностью приняли на веру признание убийцы, азхарита Сулеймана Алепина, что он действовал почти в одиночку, хотя этому вряд ли можно было поверить. Алепина и его трех «сообщников» судили по букве закона и приговорили к смерти. Если французы и пощадили город, то не спустили убийцам. Алепина заставили смотреть, как отрубаяют головы его сообщникам. Затем французы сожгли правую руку Алепина, посадили

его на кол и оставили умирать медленной смертью. По словам английского историка сэра Роберта Вильсона, Алепин умирал три дня. Казни эти проходили как варварский аккомпанемент к медленно двигавшейся тут же похоронной процессии с гробом Клебера.

Поведение французов не отличалось больше ни логикой, ни последовательностью. Они напоминали попавших в капкан тигров, которые еще способны обороняться, но не нападать. Клебера сменил генерал Жак Мену, и не было еще оккупанта в Каире, положение которого было бы более опасным и критическим. Незадолго до этого Мену принял мусульманскую веру и женился на мусульманке (их сын Сайд Солиман Мурад Жак Мену был первым «гражданином», зарегистрированным французами во время переписи населения Каира), но мусульмане не доверяли европейцам, принимавшим их веру. В их глазах Мену оставался французом. Мену бездействовал и просто ждал, чем все кончится. Чтобы хоть как-нибудь исправить тяжелое впечатление от французской оккупации, он организовал в городском парке общественное гулянье и развлечения. Однако празднества были испорчены тем, что французы брали плату за вход в парк, — это удивляло, но отнюдь не веселило жителей города.

8 марта 1801 года английские войска под командованием Ральфа Эберкромби высадились в Абукире. Одновременно турецкие силы подошли к восточной египетской границе у аль-Ариша, и французы поняли, что на этот раз им пришел конец. Мену был неважным командующим, и когда он атаковал англичан у Александрии, они легко разбили его силы. С военной точки зрения он совершил ошибку: ему следовало ждать нападения англичан. Жертвами в этой битве явились два самых прославленных героя Англии: Ральф Эберкромби был убит, а Джон Мур ранен и на следующий день умер в Коруне. Джон Хатчинсон, сменивший Эберкромби, запер Мену в Александрии, открыв морские дамбы и затопив окрестности города. Путь отступления Мену к Каиру был отрезан.

Англичане вместе со своими главными и обожаемыми союзниками — мамлюкскими помещиками и турками, которые все еще отрезали головы у врагов и даже у своих погибших солдат, чтобы можно было хвастаться военными трофеями, — окружили Каир. «Покинутый Наполеоном, — писал Д. А. Камерон, — потерявший Клебера, обескураженный неспособностью Мену, генерал Бельяр (французский командующий Каира) жаловался, что из гарнизона в 13 тысяч солдат только 8 тысяч способны были сражаться, что туземцы бунтуют и в городе свирепствуют эпидемии». Но англичане не хотели рисковать наступлением, которое вынудило бы их на уличные бои. Поэтому они разместили войска вдоль канала между Гизой и пирамидами и там ждали, когда французы наконец поймут безнадежность своего положения и капитулируют.

Несколько лет назад, после длительных поисков, мне удаюсь найти то место около деревни Занин, где стояли войска генералов Крадока, Дойля и Джона Мура. Казалось, что с 1801 года здесь ничего не изменилось, разве что канал, служивший оборонительным заслоном для

англичан, теперь совсем занесен илом. Бродя по старой пыльной проселочной дороге, можно легко представить, как молодые английские солдаты (большей частью настоящие мальчишки) загорали на этих полях и ждали, когда придет время штурмовать или осаджать город, а может быть, просто вступить в него без сопротивления.

В Каире генерал Бельяр уговаривал египтян «сохранять верность французам... Иначе их дома будут сожжены, имущество разграблено, дети останутся сиротами, а женщины подвергнутся насилию» (аль-Габарти). Французы убеждали население, что Наполеон успешно высадился в Англии, и по случаю этого «события» устроили праздничный фейерверк в Эзбекие. Одновременно с этим жители города наблюдали другой фейерверк – огонь выстрелов, которыми обменивались англичане и французы через реку у Булака.

Находившиеся на каирской стороне реки турки надеялись, что им удастся овладеть городом раньше англичан. Однако их официальное «вступление» в Каир ограничилось тем, что 25 турецких солдат, не встретив никакого сопротивления со стороны французов, пришли в кафе в квартале аль-Хусейния, поели вареные бобы и галеты, а затем возвратились в лагерь. Но турецкие генералы были осторожнее и предпочитали выжидать.

Население голодало, так как город был полностью окружен англичанами, турками и мамлюками и привоз продовольствия прекратился. Джон Хатчинсон предложил возобновить действие договора об эвакуации французских войск, подписанного Клебером, и французы охотно согласились. Было объявлено перемирие, и Каир был передан англичанам, туркам и мамлюкам.

Первым в город вступил полковник Стюарт. Он направился прямо к цитадели, но никто не знал, где находятся ключи от ворот, и ему не удалось войти в крепость. Наконец французский офицер, задержавшийся в городе, открыл ворота и пропустил Стюарта и его драгун. Англичане предложили офицеру, который, по-видимому, в суматохе отстал от французской армии, свое покровительство, но он отказался и вышел из цитадели в город, где египтяне забили его камнями. Внезапно перед цитаделью появились турки, которые пришли в ярость оттого, что англичанам удалось их обойти.

Формально Каир теперь снова принадлежал туркам, а не англичанам, и, хотя английские войска удерживали цитадель, над городом был поднят османский флаг. Роберт Вильсон в «Истории британской экспедиции в Египет» (1802) описывает, каким застали Каир англичане. Французы многого ожидали от Каира, а англичане не ожидали ничего и не возлагали на него никаких надежд. Булак оставался в руинах со времени восстания. Сам Каир сильно пострадал. Дом Клебера на площади Бекье (Эзбекие) сохранился, и французы даже не смыли пятен крови на террасе (несколько лет спустя в дни мятежа Мухаммеда Али дворец был разрушен). Как пишет Вильсон, цитадель оказалась жалкой, ничтожной крепостью, а жители Каира отличались невыносимой грязью, «у большинства были больные глаза; толпы нищих, калек и уродов наводняли улицы».

Весьма симптоматично, что в войсках Хатчинсона находилось 448 солдат из артиллерии Ост-Индской компании. Еще важнее тот факт, что Хатчинсон оставался в Каире для того, чтобы «восстановить власть мамлюков». Английские офицеры восхищались – без всякого основания – тем, как мамлюки одеваются, владеют саблями и ездят верхом. Были, конечно, и более веские причины для их восторга. После ухода французов была забыта и их идея строительства канала через Суэцкий перешеек. У англичан была только одна цель: восстановить статус-кво – своего рода феодальный барьер из турок и мамлюков. Но когда Роберт Вильсон ознакомился с Каиром, он заявил: «Можно считать Египет природной сокровищницей, равной по богатствам трем четвертым мира, причем по плодородию почвы он может легко соперничать с Америкой». Восстановление статус-кво диктовалось необходимостью закрыть подступы к Индии, но Вильсон понимал, какую ценность приобрела Англия, захватив Египет, и весьма сокрушался, что Египет не превратили немедленно в колонию, с тем чтобы официально установить в нем власть англичан, а не турок. Но безопасность Индии стояла на первом месте, и власть «расшатанной Османской империи» (Вильсон) и мамлюков была восстановлена, чтобы еще раз поддержать этот барьер на пути к Востоку в феодальном мраке и невежестве.

13 статей договора о капитуляции предоставляли французам 50 дней, чтобы убраться из Египта. Французы вырыли тело генерала Клебера и по неизвестным соображениям увезли с собой и скелет его убийцы Алепина. Однако Мену оставил в Египте свою жену-мусульманку и сына и вписал в договор о мире просьбу к шейхам каирского Дивана взять на себя заботы о его семье (о судьбе семьи Мену и его потомков ничего не известно).

Едва французы ушли, пишет аль-Габарти, турки начали грабить город. Солдаты турецкого визиря хватали все, что попадало под руку, и между турками, албанцами, янычарами и мамлюками снова вспыхнула вражда. Основная часть английской армии проводила французов от Каира до Александрии – англичане хотели удостовериться, что противник покинул пределы Египта. Английский офицер из штаба Хатчинсона, именовавший себя Карлос-беем (возможно, Чарльз Холовей), писал в интересном сборнике писем «Невоенный дневник...» о том, какие сцены он наблюдал во время погрузки французов на корабли в Розетте. Это был триумф европейской «культуры»: французские солдаты продавали англичанам по доллару своих женщин.

Так или иначе каирские женщины произвели большое впечатление на французов, а французы, в свою очередь, нравились местным женщинам. Многих мусульманок раскрепостили, но в целом французы обращались с женщинами как с рабынями и наложницами, не отличаясь этим от турок.

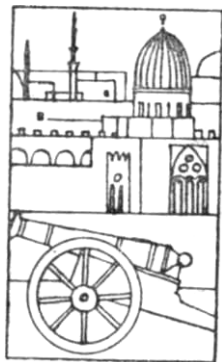
Вольней назвал каирских женщин призраками, но в дни французского господства аль-Габарти не жалел брани и оскорблений в адрес тех никак не походивших на «призраки» женщин, которые жили с французами, одевались по-европейски и сбросили чадру. Они особен-

но распустились в последние дни пребывания французов в Каире, когда те пустились в разгул и устраивали пьяные оргии на Ниле.

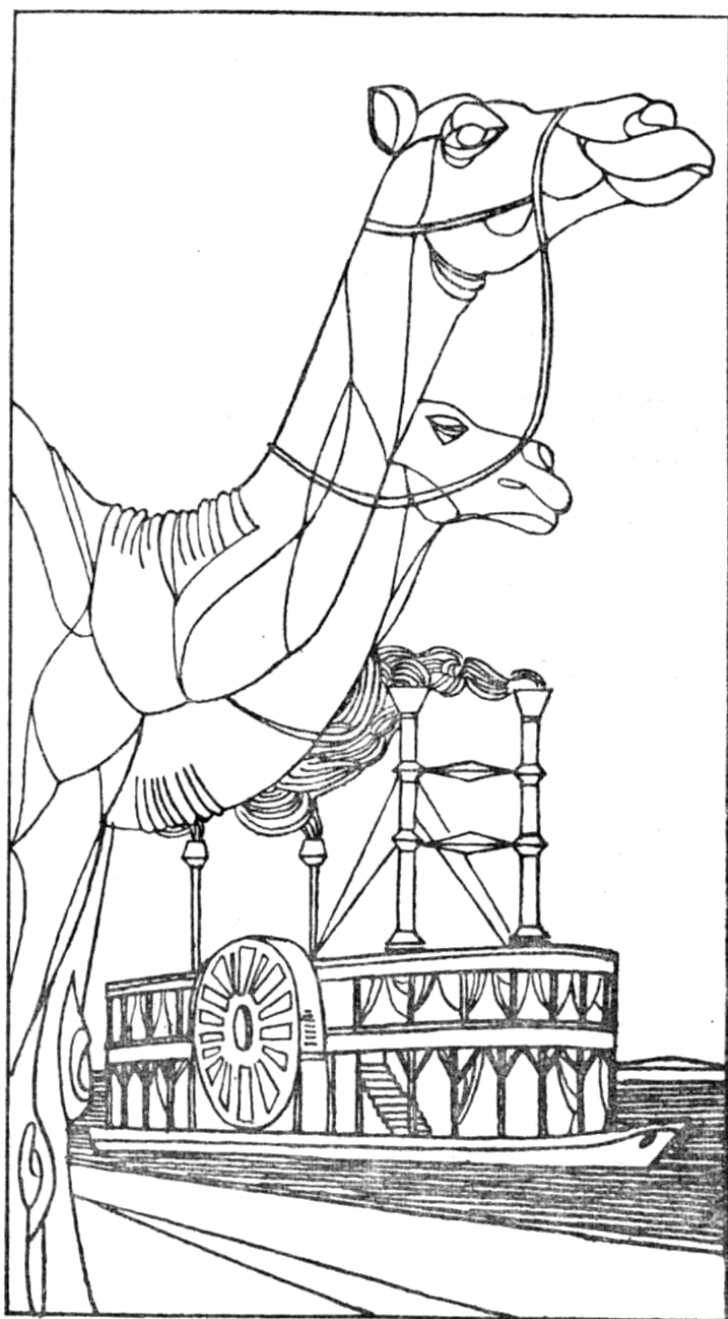
Виван Денон и Карлос-бей признавали, что сирийские и христианские женщины Каира очень красивы, но, по словам Карлос-бея, арабские женщины (он имеет в виду крестьянок) – это «бедные, глупые, бессловесные животные... которые еле умеют говорить» (плохо же он знал их!). После подобного критического описания арабов этот молодой английский аристократ пишет, что трудно даже представить, как «безжалостно обращаются турки с бедными арабами», и добавляет: «Я не видал более гостеприимных людей, чем арабы; они готовы поделиться с вами всем, что у них есть...» И когда турки начали истреблять христиан, евреев и коптов в Каире, он печально замечает: «Ну и благословенные союзники у нас!»

Англичане должны были находиться в Каире недолго: только для того, чтобы восстановить власть турок. Английские солдаты были рады уйти из города, хотя они теперь и владели унаследованными от французов женщинами. В 1801 году 173 английских солдата умерли от чумы. Роберт Вильсон мимоходом упоминает имя безвестного героя медицинской науки доктора Уайта, который в порядке эксперимента привил себе чуму и погиб. Среди военных трофеев, доставшихся англичанам по договору о капитуляции, Роберт перечисляет 17 произведений античной культуры. Под № 8 в этом списке числится «кусоч черного гранита с тремя надписями – иероглифами, коптскими и греческими письменами, – найденными около Розетты». В краткой истории знаменитого Розеттского камня в Британском музее говорится, что французы объявили этот камень частной собственностью генерала Мену. После длительных и резких споров англичане все-таки вывезли камень из дома Мену в Александрию.

Среди османских офицеров, оставшихся для надзора за Каиром, находился юноша по имени Мухаммед Али. Еще полковник Стюарт, возглавлявший английские войска, сражавшиеся бок о бок с турками на восточном берегу Нила, заметил, что Мухаммед Али отличился во время кавалерийской атаки на французов. Турецкий «капудан» (адмирал) Хусейн немедленно повысил его в чине. Мухаммед Али был албанец; он отличился еще на родине, где служил жандармом и сборщиком налогов, в районе Филлипи. Он родился в один год с Веллингтоном и Наполеоном и в возрасте 33 лет прибыл в Каир в качестве османского офицера. В 1806 году, через пять лет после передачи англичанами Египта туркам и после кровопролитной борьбы против могущественных турок, мамлюков и янычар, он, опираясь на свои албанские войска, провозгласил себя пашой Египта. Скрепя сердце Порты признала его главой более или менее автономного государства в рамках Османской империи. Мухаммед Али правил Египтом 43 года, и на протя-

жени 41 года весь Египет оставался его личной вотчиной, а город Каир – его собственностью.

11 Каир Мухаммеда Али

урки, вернувшись в Каир, обнаружили, что город, где они так долго властвовали, при французах навсегда потерял свой чисто восточный облик. Сравнительно свободные нравы европейцев и установленный ими образ жизни произвели глубокое впечатление на население Каира.

На пути к власти Мухаммед Али несколько раз перебегал со стороны на сторону, то поддерживая мамлюков против турок, то турок – против мамлюков, но он понимал, что сможет править Египтом, только поборов мамлюков, которые являлись феодальными владельцами земли. А земля по-прежнему оставалась реальной основой власти и источником богатств в Египте. Наполеон многое изменил в Египте, но этого изменить ему не удалось.

Мухаммед Али перешел в наступление на мамлюков в 1804 и 1805 годах. Они догадывались о его планах и в 1805 году ворвались в город (Камерон и француз Феликс Менжен утверждают, что их заманили хитростью) и вступили в бой с солдатами Мухаммеда Али, но албанцы одних мамлюков перебили, других взяли в плен. Это был первый серьезный удар, и, чтобы хорошенько проучить мамлюков, Мухаммед Али перед казнью подверг пленных пыткам. Мясникам было приказано сдирать кожу с голов убитых и набивать их соломой, а остальных мамлюков заставили смотреть на то, что их ожидает (журнал «Тайм» 22 июля 1966 года сообщал, что южнокорейские солдаты убивали пленных вьетнамцев, сдирали кожу с их голов и делали из них чучела). Мухаммед Али послал 82 «начиненные» головы в Порту в знак своей лояльности.

Во время этого столкновения турки и албанцы так разграбили Каир, что население восстало против турецкого губернатора. Несмотря на близость Мухаммеда Али к албанцам, жители Каира считали его врагом как турок, так и мамлюков, и при всеобщем одобрении народа он был «избран» пашой. С этого момента Мухаммед Али, оставаясь формально губернатором Египта, начал распоряжаться страной как своей вотчиной.

Возможно, в Лондоне кто-то прочитал книгу Роберта Вильсона, рисовавшего Египет в виде восточного Эльдорадо, или, может быть, тревогу вызвал новый опасный союз французов и турок против русских, но так или иначе в 1807 году англичане напали на Египет, чтобы

сбросить власть турок и восстановить авторитет мамлюков, которыми они всегда восхищались.

Под умелым руководством Мухаммеда Али 5 тысяч албанцев, которые намного превосходили турок в военном искусстве, разбили английскую армию. На этот раз англичан продавали в рабство, им отрубали головы, пленных морили голодом в Каире и водили в Эзбекию, где вдоль украшенного по случаю победы проспекта были выставлены на шестах головы 450 англичан. К чести жителей Каира (так считали англичане), надо сказать, что они жалели пленных англичан, кормили их, помогали больным и нередко довозили до места на своих ослах. 466 английских солдат и 24 офицера были брошены в казематы цитадели. Позднее генералу Фрейзеру, возглавлявшему английское вторжение, удалось выкупить многих из них. Другие остались в Каире, а один шотландский солдат Кит перешел в мусульманскую веру, сражался за мусульман и проявил такую смелость в битве, что его назначили губернатором священного города Медины.

После разгрома англичан позиции Мухаммеда Али стали неуязвимыми. Турки не представляли серьезной проблемы, так как формально Мухаммед Али являлся их представителем, и хотя фактически он был независим, им приходилось санкционировать его власть в Египте. Мамлюки после поражения англичан оказались в тяжелом положении, и Мухаммед Али захватил их земли в дельте Нила. В 1808 году он настолько окреп, что не побоялся конфисковать вообще все земли Египта, даже принадлежавшие по традиции религиозным институтам. Он уничтожил все документы, подтверждавшие права феодалов на землю (кроме своих собственных), устранил посредников, скупавших урожай, и превратил крестьянина в «рабочую скотину» (Камерон). Созданная Мухаммедом Али система так называемых ома^{*} (представителей правительства на местах) и мудиров^{**} сохранилась до революции 1952 года, а некоторые ее элементы существуют и ныне. Это было отступлением к дофеодальным порядкам, и Д. А. Камерон писал: «Никто больше не владел ни куском земли, ни колосом пшеницы, ни пиастром от продажи зерна – все принадлежало ему одному».

Но пока были живы мамлюки, пока они сопротивлялись и защищали свои права феодальных сенборов, Мухаммед Али не чувствовал себя полным хозяином земли. Под предлогом празднества в честь своего сына Тусуна Мухаммед Али намекнул мамлюкам, что он не прочь договориться с ними, и пригласил в Каир на церемонию 500 самых влиятельных мамлюков. Они приняли приглашение и прибыли в город в роскошных одеждах, в сверкающих доспехах, верхом на разукрашенных скакунах.

Есть много легенд о том, что произошло в этот день, но самое правдивое и подробное описание дает аль-Габарти, который находился в то время в Каире.

^{*} Ома (*арабск.*) – староста. В настоящее время институт омад сохранился в египетских деревнях.

^{**} Мудир (*арабск.*) – директор, управляющий. (*Прим. ред.*)

1 марта 1811 года мамлюки во главе с Шахин-беем приняли участие в военном параде, устроенном Мухаммедом Али, и двигались в хвосте колонны. Когда они выезжали из цитадели по узкому проходу к воротам Азаба, выходящим на площадь Румалия, тяжелые ворота захлопнулись перед ними, и они оказались в тесном дефиле между двумя высокими стенами. Впереди были огромные ворота, а позади албанские солдаты, заключающие процессию. Как только закрылись ворота, туркам было приказано взобраться на стены и уничтожить пойманных в ловушку мамлюков, которые почти не могли двигаться. Их беспощадно расстреливали сверху и с тыла.

Сейчас, глядя на этот узкий проход, легко представляешь, в какой панике металась люди и кони, попавшие в капкан. Мамлюки спешили, сбросили тяжелые доспехи и, обнаженные до пояса, пытались мечами проложить себе дорогу. Но сражаться врукопашную было не с кем, а обстрел продолжался неумолимо. Некоторые мамлюки ухитрились взобраться на стены, но их тут же настигали пули.

Шахин-бей, глава мамлюков, был ранен при первом залпе; какой-то солдат отрубил ему голову и помчался к Мухаммеду Али. Из попавших в ловушку в цитадели не спасся никто, и албанцы до глубокой ночи грабили и обезглавливали трупы. Пока шло кровавое побоище, население близлежащего района бежало, и купцы закрыли лавки. Аль-Габарти пишет, что как только об этом узнали солдаты, они «набросились словно саранча» на дома мамлюков, грабили, убивали мирных жителей и «дали волю своим страстям». Мамлюкские женщины стали первой жертвой солдат, которых привлекали драгоценности; если женщина с браслетами на руке сопротивлялась, ей просто отрубали руку.

Мухаммед Али с волнением ожидал результатов побоища в цитадели и в ужасе прислушивался к стрельбе. Как только замолкли выстрелы и к его ногам бросили первые головы врагов, он немного успокоился. Как писал Феликс Менжен в книге «История Египта под правлением Мухаммеда Али» (1823), Мухаммед Али с облегчением вздохнул, когда к нему вбежал его итальянский врач Мендричи и радостно воскликнул: «Все кончено. Победа за вами, ваше высочество». Мухаммед Али ничего не мог сказать и лишь попросил стакан воды.

Мухаммед Али немедленно взялся за расправу с мелкими мамлюками, находившимися в деревенских поместьях: тысячи людей были убиты, и число голов на воротах Баб аз-Зувейла росло с каждым днем. 500 человек погибло в цитадели, 3,5 тысячи – на улицах Каира. Решающую роль сыграло избиение первых пятисот человек; с их смертью власти мамлюков пришел конец и завершилась долгая и необычная история правления этих грузинских рабов в Египте. По подсчетам Камерона, к моменту вторжения Наполеона в Египте было 40 тысяч мамлюков, к 1803 году, когда ушли англичане, около 20 тысяч, а в 1811 году их оставалось, по-видимому, 5 тысяч человек, причем почти все они и были убиты. Камерон называет их «самой беспощадной кликой людей, омрачавших историю страны своей шестисотлетней тиранией и бездельем... Война была их профессией, а грабеж – ремеслом».

Это явное преувеличение, ибо мамлюки были просто примитивными феодалами-помещиками, которых истории следовало смести на несколько веков раньше. В период расцвета они славились как хорошие средневековые воины, в период упадка не могли сражаться даже против невооруженного населения на улицах Каира, а к самому концу показали себя абсолютно бездарными вояками. В XIX веке они воевали лучше турок, но уступали албанцам Мухаммеда Али, что, собственно говоря, ничего не доказывает. Каир получил от них в наследство больше красивых памятников, чем от турок, но и это лишь доказывает, что они властвовали в более щедрую эпоху.

После уничтожения мамлюков Мухаммед Али-паша стал абсолютным повелителем, но вел себя не лучше любого мамлюкского султана. Он немедленно приступил к расширению границ нового королевства, и лучшими генералами стали его любимый сын Тусун и менее любимый сын Ибрагим. По предложению Порты паша начал войну против вахабитов Аравии, разбил их и овладел всем побережьем Красного моря. Он оккупировал Судан и взялся за модернизацию Египта примерно так, как новый хозяин берется наводить порядок в купленном доме. Он пригласил иностранных специалистов, построил оружейные мастерские, фабрики, верфи, создал в городе систему канализации и послал молодых египтян учиться за границу (в основном во Францию).

Каир под властью этого честолюбивого человека внешне почти не изменился, так как модернизация отвечала лишь его личным интересам, но почти ничего не давала обществу. Его планы были умными и дальновидными, но Каир он пытался удержать на уровне феодально-купеческого рынка. Его планы промышленного развития не были связаны с интересами населения города, о нуждах которого он думал меньше всего. Если в интеллектуальной жизни Каира при Мухаммеде Али появились какие-либо сдвиги, их надо отнести за счет влияния тех французских революционных идей, которые были занесены в эпоху Наполеона.

О том, как выглядел Каир при Мухаммеде Али, можно судить по 56 иллюстрациям французского труда «Описание», том «Современное государство». Эти картины исключительно интересны для всех, кто знает современный Каир. Так, например, в 1798 году в Каире было 11 озер, и в центре города катались на лодках. В книге изображено Слоновье озеро (Биркет аль-Филь), напоминающее венецианский канал (даже с трубадуром) и окруженное богатыми солидными домами. Озеро Эзбекие на плане Наполеона занимало почти половину территории нынешнего парка Эзбекие, и, судя по иллюстрациям, на нем было много лодок, а кругом стояли сотни небольших домов, построенных в середине XVII века. Почти всю западную часть Эзбекие занимала резиденция и штаб-квартира Наполеона, и в книге Феликса Менжера «История» я нашел картину, изображающую дворец, который Мухаммед Али построил на том месте, где в 1823 году еще находилось озеро. Эти озера были заполнены водой только четыре месяца в году, в течение следующих четырех месяцев они превращались в сады, а в осталь-

ную треть года – в пыльные пустыри. Кроме того, от озер распространялась страшная вонь, так как в них сбрасывали нечистоты.

Район Эзбекие, названный по имени построившего здесь мечеть мамлюкского феодала Эзбека, после того как Наполеон поселился в доме Алфи-бея, стал центром Каира. Когда Наполеон вступил в Каир, между Эзбекие и аль-Кахирой уже существовал обособленный европейский квартал – здесь жили и занимались торговыми сделками местные европейцы. Его именовали кварталом франков – от слова «афранги», что означает «иностранец». Позднее европейцы назвали его кварталом Розетти, по имени известного итальянца, бывшего дуаиеном европейских купцов-консулов в момент вступления французов.

В народе этот квартал был известен под названием Муски (так он именуется и сейчас). По его границе проходит дорога к мосту Муски, перекинутому через канал. Мост построил Из эд-Дин Муск, родственник Саладина. Из других иллюстраций в «Описании» видно, что Рода был островом чудесных садов, Шубра – маленькой красивой деревней, а в Каср аль-Айни существовала больница. Остров Гезира в 1798 году был на одну треть меньше, чем сейчас.

Так выглядел город, когда его покинули французы. А что сделал с городом Мухаммед Али? К сожалению, из топографии Каира главу о Мухаммеде Али можно опустить. Лицо города менял не он, а его внуки и правнуки, вплоть до Фарука. Однако если говорить о роли самого Мухаммеда Али в жизни Каира, то важнее всего, что он занес в Египет новые формы иностранного влияния. У него было какое-то особое пристрастие к иностранцам, и, как пишет Д. А. Камерон, «пашу и иностранцев сближала общая цель: нажива».

При Мухаммеде Али иностранцы в Каире постепенно превращались в привилегированный класс. Он установил абсолютную торговую и промышленную монополию и делился доходами с европейскими послами, которые, даже несмотря на его кабальные условия, получали большие прибыли. В результате этой сделки «повсюду слышались стоны ограбленных крестьян» (Камерон).

Европейцы приезжали теперь в Каир и с иными целями. Они словно принялись к воздуху Африки, многие обладали тонким обонянием и прикидывали, чем можно будет поживиться, когда изменится обстановка. Некоторые ехали в Каир, чтобы раздобыть ценнейшие предметы древности, другие – «исследовать» проблемы работорговли, третьи снаряжали здесь экспедиции в Черную Африку. Европейских женщин интриговала «страна гаремов». Со временем место путешественников заняли туристы, которым открыли путь к экзотике грабители древних могил, антиквары, профессиональные востоковеды и романтические поклонники руин.

Одним из первых, точнее, «королем» археологов–грабителей могил был Дживанни Белцони, который немало способствовал возросшему интересу европейцев к Египту. Белцони был сыном падуанского цирюльника и выступал в роли профессионального силача в бродячем цирке. В Египте его неожиданно обуяла фанатическая страсть к древним руинам. Буквально содрогаясь, читаешь его рассказ о том, как,

прибыв в Каир в 1815 году, он силой пробивал себе путь через мумии и уничтожал драгоценные саркофаги в поисках древних папирусов.

Кроме Белцони, были еще два человека, пробудившие в Европе интерес к Египту и Каиру, причем это странное трио подвизалось в Каире примерно в одно и то же время. Джон Люис Буркхардт, англо-швейцарский путешественник, ученый и исследователь, открыл несколько мест захоронений фараонов, в которых впоследствии орудовал Белцони. Герберт Солт, английский консул в Каире, был патроном и партнером Белцони и нажил состояние на древностях, переправляя их в огромном количестве в Европу. Буркхардт открывал, а Белцони и Солт грабили. Именно Солт и Белцони отправили в Англию гигантскую голову молодого Мемнона, туловище Рамсеса и левую руку фараона, которая теперь грозит всем посетителям египетского отдела Британского музея.

Вслед за Белцони (он все же был археологом) в Каир в поисках древних могил приезжали многие ученые, которых не интересовала ни сенсация, ни нажива. Французы уже побывали внутри Большой пирамиды (Хеопса), и на иллюстрации в 5-м томе «Описания» изображен французский архитектор Ле Пер в одном из узких проходов пирамиды. Наибольшего успеха, пожалуй, добился английский исследователь полковник Ричард Говард-Вайз, который в 1836-1837 годах взрывал порохом входы в пирамиды и сверлил дыры в Сфинксе, чтобы узнать, полый ли он внутри. Несмотря на эти довольно грубые методы, в работе Говард-Вайза не было и намека на вандализм Белцони. В 1826 году в Каир, в надежде излечиться от туберкулеза, прибыл другой серьезный ученый, Эдуард Вильям Лейн, оставшийся здесь до конца своей жизни. Он составил первый хороший арабско-английский словарь и опубликовал замечательные рисунки пирамид, сделанные им с помощью камеры-обскуры. До появления фотографии они оставались самыми точными и детальными изображениями пирамид.

Археолог Огюст Мариетт, которого египтяне уважают больше других ученых, прибыл в Каир в 1850 году, и мы должны быть глубоко признательны ему за замечательную коллекцию египетских древностей в каирском Музее фараонов. Он основал этот музей и собрал все его экспонаты.

В конечном итоге настоящие ученые вытеснили вандалов, и в 1827 году французы создали в Лувре египетский отдел. Его возглавил Жан-Франсуа Шампольон, позднее назначенный заведующим первой в Европе кафедры египтологии в Коллеж де Франс. 17 лет спустя такая же кафедра была создана в Берлине, и ее возглавил немецкий египтолог Лепсиус. Шампольон прославился тем, что с помощью смелой теории о фонетическом характере иероглифов расшифровал надпись на Розеттском камне. В 1828 году он прибыл в Каир во главе французской экспедиции.

Египет времен фараонов вызывал в Европе XIX века все возрастающий интерес, и естественно, что европейцев больше всего привлекал Каир. Если ранние путешественники были в основном профессионалами, сейчас десятки талантливых любителей описывали свои поездки в

экзотический город. Читая многочисленные тома таких описаний, можно получить полное представление о Каире 20-х, 30-х, 40-х годов прошлого века и заметить, как в глазах европейцев город превращался из столицы таинственного Востока в обычный город, куда мог приехать всякий, если у него были для этого деньги. И конечно, эти путешественники писали о Каире Мухаммеда Али.

Сначала путешественниками-любителями были главным образом англичане, но от них не отставали и американцы.

Лучшее описание каирских улиц и уличного движения в начале XIX века оставил капитан Мойл Шерер, посетивший Каир в 1822 году. Он увидел на узких оживленных улицах «поток людей в чалмах, длинные вереницы верблюдов, писцов и купцов, кое-где одинокого всадника, богатого каирца на муле, бедняка с крошечным перегруженным ослом, группу вооруженных албанцев, вереницу едущих в бани женщин с закрытыми чадрами лицами, закутанных в черные мантии; женщины ехали верхом на высоких седлах, и не было видно ни фигуры, ни лица, ни ноги – ничего, кроме темных сверкающих глаз. Впереди окриками и ударами разгоняли прохожих рабы, вел лошадь слуга, и у каждого стремени по слуге...».

В 1836 году Эдуард Лейн опубликовал свой труд «Современные египтяне». Это был не рассказ путешественника, а добросовестное и точное описание жизни египетского народа, его обычаев и нравов. Труд Лейна стал руководством как для ученых, так и для любителей, интересовавшихся Египтом и, в частности, Каиром. Благодаря этой книге в Каир хлынули англичане и англичанки в поисках «настоящего Египта». Хотя труд Лейна и помогал им лучше понять все, что они видели в Каире, немногие из них смогли проникнуться жизнью египтян так глубоко, как Лейн.

Американцы появились здесь в 1830-х годах, причем визит в Каир был для них как бы приятным эпилогом их респектабельного паломничества в Святую землю. Наиболее интересен из этих первых американцев Джордж Стефенс, довольно наивный путешественник, прибывший в Каир из Петры и Палестины. Американский консул в Каире (англичанин по имени Джордж Глиддон) представил его Мухаммеду Али, и Стефенс рассказывает – почти в стиле Марка Твена – о беседе с пашой. «Его (Мухаммеда Али) драгоман Нубар-бей (армянин) представил меня, – пишет Стефенс. – Паша отложил трубку (кальян), показал рукой, чтобы я сел справа от него на диван, и любезно сказал, что он приветствует меня в Египте. Я ответил, что ему скоро придется приветствовать здесь полмира; он спросил почему; без всякого желания польстить старому турку я ответил, что все ныне хотят посетить эту интересную страну... Зная его страсть ко всяким новинкам, я сказал, что ему следовало бы продолжать свои добрые и полезные дела и ввести пароходное сообщение между Александрией и Каиром. Он снова вынул изо рта мундштук кальяна и торжественно, будто он провозглашал библейское изречение «Да будет свет, и появился свет», объявил, что он уже заказал парочку пароходов. Я знал, что он привирает...»

Но старый турок совсем не врал Стефенсу, потому что в последующие 10 лет на пароходах от Каира до Александрии совершили плавание 15 тысяч человек.

По дороге домой консул Глиддон предложил Стефенсу навестить губернатора Каира. Когда они поднимались по ступеням Дворца правосудия, то увидели лежавшего ничком араба, которого два человека нещадно стегали кожаными кнутами. Они посетили также рынок рабов, но для американца Стефенса в этом не было ничего нового; он не выразил возмущения и лишь упомянул в книге, что видел «абиссинку с красивым и умным лицом, одетую в шелка, с украшениями из золота и раковин; она окликнула меня, выглянула из-за занавески, улыбаясь и кокетничая, а когда я стал удаляться, заплакала и надулась...».

В целом американцы взирали на Каир иными глазами, чем европейские путешественники, – они и сейчас относятся к нему иначе. Со своим практическим умом они реалистически воспринимали грязь и нищету города. Особенно типичен Джеймс Юинг Кули, посетивший город в 1839-1840 годах.

Кули тоже пришел из Петры и Палестины, и в Каире его больше всего поразили глупые обычаи и высокие цены за гостиницы. Заметил он и кое-что похуже: «Долгие годы деспотизма и рабства привели к тому, что народ, привыкший к грабежу со стороны правительства и его чиновников, к отсутствию всякой заботы о своих нуждах, начисто потерял моральное мужество и чужд элементарнейшим принципам честности». Когда Кули поехал к пирамидам, то увидел, как с холма прямо на него несутся полуголые арабы с дубинами в руках. Некоторые были одноглазые, у других не хватало пальцев, у третьих выбиты зубы; все несли кожаные бутылки с водой для путешественников, свечи для освещения внутренних покоев пирамид и дубины, чтобы отгонять других «гидов».

Самым важным американцем в то время считался консул Джордж Глиддон, и, хотя некоторым американцам он нравился, Кули терпеть его не мог. Глиддон был единственным иностранным консулом, выступавшим против массового грабежа и вывоза древностей из Египта. В 1841 году он опубликовал «Призыв к антикварам Европы», убеждая европейцев не злоупотреблять вывозом древностей; однако и он не решился потребовать полного прекращения грабежа. Он с презрением отзывался о наполеоновских ученых и их труде «Описание», резко критиковал Мухаммеда Али и французов и хвалил за джентльменское поведение живущих в Египте англичан. Он утверждал, что почти все иностранные консулы получают барыши от монополий Мухаммеда Али и замешаны в аферах с экспортом древностей. Правда, позднее англичанин д-р Бауринг заявлял, что Глиддон и сам был замешан в этих аферах. Глиддон хорошо отзывался только о русском консуле и писал, что русские очень деловиты и ведут себя как джентльмены. Русские первыми создали специальные институты для обучения молодых дипломатов восточным языкам, а Глиддон и русский консул были единственными дипломатами в Египте, говорившими по-арабски. В 1837 году Глиддон направил президенту ван Бурену доклад о поведе-

нии иностранных консулов в Каире, и, судя по всему, его особенно расстраивало то обстоятельство, что дипломаты стараются не допустить участия США в грабительской торговле с Египтом. Он упоминает также, что пароходная компания «Пенинсула энд Ориентал» намерена привезти в Египет большое число американских туристов, что должно помочь США примкнуть к «широким и всеобъемлющим» планам захвата египетского рынка.

Книги Буркхардта, Лейна, Стефенса, Кули и Глиддона пробудили у англичан и американцев не только желание познакомиться с древними египетскими памятниками, но и самим окунуться в экзотическую жизнь Каира. Появилось и много туристов. Поездка женщины в Каир сама по себе была необычным явлением, но, когда женщины принялись в деталях описывать все, что они видели на улицах, в домах и дворцах, этот восточный город предстал перед далекими читателями, сидевшими у каминов в гостиных английских викторианских домов, в совершенно новом измерении. Читатели увидели его глазами «бесстрашных» путешественниц, которые, как и следовало ожидать, добавили к описанию Каира легкий элемент сплетен и бытовые детали.

В 1839 году г-жа Доусон Дэймер опубликовала на редкость натуралистический рассказ о своем пребывании в Каире, в том числе о посещении дворца Мухаммеда Али в Шубре. Она пишет о вульгарно обставленных апартаментах дворца и восклицает: «Увы, это вкус рядового английского мебельщика!» Она посетила полулюбительский и полупрофессиональный театр на острове Рода, где шел итальянский водевиль, а в зрительном зале сидели в основном «левантийские женщины» и «красивые еврейки». Она упоминала, что д-р Аббот добивался открытия в Каире библиотеки и что она присутствовала на английском богослужении в протестантской часовне, построенной немецкими миссионерами.

Год спустя г-жа Сара Хэйт, американка из Нью-Йорка, приехала в Каир после путешествия в Москву, Турцию и Александрию. Она безапелляционно заявляет, что туземцев Египта следовало чаще потчевать розгами и что французские штыки и английские пушки могли бы преподать хороший урок «этому варвару» Мухаммеду Али. Однако в пансионе г-жи Хилл, где она жила, волосистой матрас на кровати показался ей роскошью, какой она не видела после Москвы; она упоминает, что окно ее комнаты было сделано из 475 маленьких стекол. Г-жа Хэйт посетила Каир как раз в тот момент, когда европейские романтики зачитывались книгой Вольнея «Руины» и приходили в болезненный восторг при одном упоминании о древних развалинах.

Как писал Вольней, руины вызывали «тысячи тончайших ощущений и тысячи чудесных воспоминаний». Один английский офицер уже покончил самоубийством, бросившись с пирамиды. Перед этим в беседе с друзьями он говорил, что это самый славный способ умереть. Г-жа Хэйт и ее муж затеяли романтическое приключение иного характера: они провели ночь внутри пирамиды, в Зале мертвых, где, по ее словам, местный француз устроил «симпатичный ресторанчик». Она провела вдохновенную ночь, но все же была рада, когда настало утро.

Читатели ждали от женщин-путешественниц пикантных подробностей о жизни восточных гаремов, и они с готовностью удовлетворяли это любопытство. Все женщины, побывавшие в Каире, посетили хотя бы один гарем. Г-же Доусон Дэймер попался весьма респектабельный гарем: женщины выкармливали шелковичных червей, одна из жен копировала картину Аккермана, а белая черкесская красавица беседовала с г-жой Дэймер на религиозные темы. Г-же Саре Хэйт не удалось посетить гарем, так как в Каире вспыхнула эпидемия чумы. Г-жа Софи Пул, сестра Эдуарда Лейна, описала несколько гаремов. В одном из них женщины «с огромным интересом» обсуждали конфликт между Россией и Турцией. «Я заметила, – писала она, – что в гаремах сильны проанглийские настроения».

Казалось невероятным, что гаремы выглядят так чудовищно благопристойно. Наконец за дело взялся француз Жерар де Нерваль, писатель, умевший ловко прикидываться простаком. По его словам, он отправился в Каир искать себе жену. Поиски привели его в конце концов в гарем, который к его приходу, как и следовало ожидать, был пуст. Писателя провели в небольшую комнату почти без всякой мебели, и он писал, что «в этих, даже самых лучших, гаремах нет главного – кроватей». Он спросил сопровождавшего его шейха:

– Где спят женщины и их рабыни?

– На диванах, – ответил шейх.

– Но на них нет одеял, – сказал де Нерваль.

– Они спят одетые. А зимой укрываются шерстяными и шелковыми одеялами.

– Я понимаю, что мужу неприятно проводить ночь в комнате, где находится много одетых женщин, – сказал де Нерваль. – Но что будет, если он захочет взять с собой двух-трех из этих женщин...

– Двух-трех!? – в ужасе воскликнул шейх. – Ни одна собака не позволит себе такой гадости! О боже! Разве найдется в мире женщина, даже немусульманка, которая согласится делить постель мужа с другой женщиной? Неужели женщины так ведут себя в Европе?

Несколько иначе писала о сералях Гарриет Мартино (напоминающая Симону де Бовуар той далекой эпохи), побывавшая в Каире в 1840 году. Два гарема, которые она посетила, вызвали у нее отвращение. «Я заявляю, – писала она, – что если на земле есть ад, то он там, где существует полигамия».

Итак, викторианские читатели получили полное представление о гаремах – благопристойных, грешных и дурных, но самый сенсационный рассказ о женщинах Каира привезла г-жа Софи Пул, посетившая женские бани. Закутавшись в полотенце, она торжественно вошла в парильное отделение бань. «Передо мной открылась, – писала она, – неопишущая картина. Моя спутница предупредила меня, что я увижу раздетых людей, но представьте мое изумление, когда я оказалась среди тридцати совершенно нагих женщин всех возрастов, среди которых были девушки и маленькие девочки. Вы, наверное, не поверите, но ни на одной из них, кроме нас, не было даже признака одежды. Женщины с кожей всех оттенков – от черной, лоснящейся, у негритянок, до бело-

снежной – сидели группами, словно они были одеты, и весело болтали, а другие бродили по баням или отдыхали у фонтана. В банях не было ничего красивого – вся сцена внушала отвращение». Она писала в заключение: «Англичанка, желающая воспользоваться общественными банями в Египте, должна закрыть глаза и заткнуть уши».

Благодаря такого рода литературе к 1840-1850 годам Европа хорошо представляла себе Каир, хотя представление было весьма поверхностным. Мухаммеда Али вполне устраивал такой интерес Европы к Египту. Он понимал, что в конце концов ему придется бороться против притязаний европейцев на Египет, но в то же время открывалось золотое дно, если каким-то образом приобщить Египет к бурному промышленному и торговому процветанию Европы. Это оказалось возможным благодаря двум событиям. В 1822 году Мухаммед Али внедрил в Египте культуру хлопка, а в 1845 году лейтенант Вагхорн доставил в рекордный, тридцатидневный срок почту из Бомбея в Лондон, воспользовавшись сухопутным путем через Египет.

В Египте уже выращивали свой отечественный («балади») хлопок, и шведский натуралист Пэр Форскаль упоминал о нем в книге о флоре Египта в 1775 году. Но хлопчатобумажным фабрикам Европы до зарезу был нужен высокосортный хлопок, волокно которого после фабричной очистки оставалось бы крепким и достаточно тонким для производства высококачественных тканей. В 1818-1819 годах француз Жумель, изучавший культуру хлопка в Америке, пытался убедить Мухаммеда Али, что, если бы он завез эфиопский сорт хлопка «махо» (названный по имени турецкого бея, растившего его у себя на огороде), это произвело бы переворот в сельском хозяйстве Египта. Убедить Мухаммеда Али не удалось, и тогда Жумель вместе с другим купцом купил небольшой участок земли около гелиопольского обелиска и посадил хлопок «махо». В 1820 году он послал три кипы хлопка в Триест, что убедило Мухаммеда Али назначить Жумеля управляющим своими хлопковыми плантациями.

В 1822 году какой-то заезжий американец демонстрировал перед Мухаммедом Али новейшую хлопкоочистительную машину «Уитни», но паша не купил ее. Вместо этого он приобрел роликковую хлопкоочистительную машину, однако эксперимент и с ней не удался, ибо оказалось, что руки и ноги феллахов куда дешевле. Культуру хлопка внедряли медленно и со скрипом, но все же паша был убежден, что это и есть то «золотое дно», о котором он давно мечтал. Весь хлопок Египта принадлежал паше, и он начал насаждать его по всей дельте Нила. Феллахов насильно заставляли сажать хлопок, и в брошюре о хлопковой культуре в Египте (1841) Джордж Глиддон писал, что «сначала, когда феллахов принуждали сажать хлопок Жумеля, они оказали сопротивление правительству». Феллахов пороли, били палками по пяткам или в кандалах отправляли на службу в армию. «Капиталы потекли в Египет», – писал Глиддон, и в этом, по его словам, «была весьма большая» заслуга Мухаммеда Али.

Даже сейчас трудно определить, какой вред принесло египетской экономике введение этой монокультуры в сельском хозяйстве. Хлопок

не только усилил стремление европейцев овладеть Египтом, но и превратил его в колониальную страну с монокультурным хозяйством и в сырьевой придаток промышленной Европы. Капиталы действительно притекали в Египет, но, как указывал Глиддон, деньги концентрировались в руках нескольких купцов, торговавших хлопком и установивших непосредственный контакт с европейскими банкирами. А на вершине этой денежной пирамиды, выроставшей из европейских капиталов, сидел Мухаммед Али.

Хлопок принес в Египет также систему кредита, которая, однако, была поставлена с ног на голову. Мухаммед Али и его преемники соблазнились европейскими кредитами и бесконечно брали займы под грабительские проценты. В конце концов Англия и Франция, как главные кредиторы, наложили лапу на египетскую экономику, взяли под контроль всю жизнь Египта, и стране пришлось расплачиваться за долги паши. Мухаммед Али попытался индустриализировать страну, но неудачно, и только потому, что он считал Египет своей собственностью. Так, например, в 1847 году он построил около Каира первую плотину через Нил, которая была необходима для орошения хлопковых земель. Но к этому времени у него уже накопился такой долг в Европе, что американский консул Глиддон отправился в 1841 году в Англию, чтобы убедить ее вмешаться в дела Египта – под предлогом защиты интересов угнетенного народа и обуздания жадности Мухаммеда Али.

Никто в Лондоне не прислушался к Глиддону, потому что он был американец. Он настаивал, чтобы феллахам Египта дали право самим решать, какие культуры им выращивать. Однако это отнюдь не устраивало английских промышленников и политических деятелей. Английское правительство направило д-ра Джона Бауринга для изучения финансового положения Египта. Его Синяя книга (1840) убедила правительство, что нужно лишь подождать, пока окончательно «созреет плод», и тогда его можно будет легко сорвать.

Другим событием, сильно повлиявшим на жизнь Египта и поднявшим престиж Каира, было открытие молодым английским офицером Томасом Вагхорном прямого пути из Индии через Египет в Англию. Вагхорн несколько лет пытался найти удобный путь для пересылки корреспонденции Ост-Индской компании через Египет (о том, как ему это удалось, прекрасно написал Адольф Жоанн (1850) в книге «Путешествие в Египет и Грецию»). Его успех был предвестником неизбежного шага – строительства Суэцкого канала.

В 1847 году Мухаммед Али разрешил смешанной группе, в которую входил Роберт Стефенсон, изучить возможность строительства канала из Красного моря в Средиземное. Французские инженеры – советники Наполеона – утверждали, что уровни двух морей различны, но комиссия 1847 года опровергла их выводы. Лессепс начал строить канал (1859) уже после смерти Мухаммеда Али, но проект был одобрен еще при нем. Канал был открыт в 1869 году, и эти два могучих фактора европейской экспансии – хлопок и канал – определили будущий путь Египта – путь, который принес много несчастий и деграда-

цию, но в конце концов вынудил египтян бороться за подлинную независимость.

В этот переходный период Каир внешне изменился мало, однако люди вроде Вагхорна, Лессепса, Бауринга и другие европейские специалисты и путешественники постепенно придавали европейскую окраску общественной и политической жизни города. Все это тем не менее почти не отразилось на его топографии.

Каир 1847 года (то есть за два года до смерти Мухаммеда Али) хорошо описал Эдуард Лейн в книге «Каир пятьдесят лет назад». Он писал, что европейские нововведения еще не дошли до Каира, если не считать, что в домах богатых турецких буржуа появились стеклянные окна (Мухаммед Али запретил «мушарабия» в новых зданиях); в Муски открылись также магазины со стеклянными витринами европейского стиля, составлявшие разительный контраст арабским лавчонкам. Франки теперь ходили в европейской одежде, а местный оружейный завод нанял европейских рабочих. Дорога из Эзбекие в Булак, построенная Наполеоном, проходила через поля с фасолью и болота, которые в период разлива Нила затоплялись.

Улицы в 1847 году были узкие (от 5 до 10 футов в ширину), но намечалось строительство широких и прямых проспектов, так как богатые турки обзавелись каретами. Раньше перед всеми лавками Каира существовали небольшие каменные скамейки (мастаба), но Мухаммед Али приказал снести их, так как они якобы мешали движению транспорта. На рынках и базарах появились европейские товары. Лейн упоминает «шали из Кашмира, Англии и Франции, муслин английского производства для чалм... и европейское полотно».

На рынке Хан аль-Халиль турецкие купцы продавали готовое платье, турецкие сабли и молитвенные коврики; здесь же по понедельникам и пятницам проходили аукционы и распродажи, большей частью турецких товаров. К югу от Хая аль-Халиля находилась укаля аль-Геллаба – рынок рабов. В 1847 году его перенесли в район мечети Каит-бея: по мнению властей, сборище грязных рабов способствовало распространению заразных болезней (в 1835 году в Каире была серьезная вспышка чумы). Эдуард Лейн утверждает, что в его время рабам стало жить полегче. До сих пор продавались даже черкесские белые рабы (новые мамлюки или те, что остались от прошлого?). В старом, окруженном стеной городе находился еврейский квартал, и, по словам Феликса Менжена, ежегодно в дни подъема воды в Ниле евреи вместе с мусульманами участвовали в церемонии открытия шлюзов оросительных каналов. Лейн писал, что дома в еврейском квартале снаружи выглядели «отвратительно, но внутри некоторые были просто роскошны». Греки жили в двух кварталах: Харат ар-Руме (греков все еще называли римлянами) и Внутреннем квартале. У коптов тоже было два квартала – один к северо-востоку от Эзбекие, а другой – Харат аль-Нассара (Квартал христиан).

В 1849 году озеро Эзбекие почти полностью засыпали землей, хотя вокруг него проходил канал и стояли новые, европейского типа дома. Все путешественники, упомянутые мною, утверждают, что вокруг

Эзбекии находились европейские гостиницы. Так, Гарриет Мартино упоминает, что в 1846 году отели «д'Ориан» и «Шепердс» были переполнены, и, по ее словам, здесь можно было провести время в очень «приятном» обществе. По-видимому, это первое упоминание о роли отеля «Шепердс» в жизни европейцев Каира.

Мухаммед Али оставил в Каире еще один след своего владычества – византийскую мечеть над цитаделью, ныне главный объект туристских маршрутов. Большинство специалистов по исламскому искусству относится к мечети настороженно и неприязненно. Гастон Вейт пишет, что «здания производит эффект только своими грандиозными масштабами» и лишь величина да удачное расположение объясняют популярность мечети. У нее большие тяжелые купола и тонкие, слишком нежные и хрупкие, сферические минареты. Строительство мечети началось в 1824 году и закончилось в 1857 году. Мухаммед Али привез греческого архитектора из Константинополя, который взял за образец тамошнюю мечеть Нури Османя. В Константинополе такая мечеть была бы к месту, но в Каире она навсегда осталась чужеродной. Мухаммеда Али сильно недолюбливают в современном Египте, и я спросил Шафика из Управления по охране исторических памятников, что думают о мечети сейчас. Он ответил: «Она совершенно неуместна. Но в ней есть свое очарование, и любоваться ею можно и ныне».

За мечетью любовно ухаживают. Внутри она застелена коврами и хорошо освещена. Фасад из желтого алебастра (который Бедекер считал «недоброкачественным»), по мнению Чарлза Дидьера, обладает «несравненной прелестью», хотя мечеть в целом ему не нравилась. Правда, прозрачный камень с его чудесными оттенками и напоминающими мрамор извилистыми прожилками радует глаз, когда поднимаешься на бурый голый холм и взглянешь на мечеть вблизи. «Ханафия» (бассейн для омовений) во дворе мечети, сделанный в китайском стиле, по мнению Бедекера, просто «подделка под турецкий» рисунок, что довольно справедливо. Туристам обычно показывают во дворе башню, на которой установлены большие часы, подаренные французским королем Луи-Филиппом своему верному другу Мухаммеду Али. Однако, как обязательно добавит современный египтянин, эти часы – все, что египтяне получили от французов за Суэцкий канал.

Со стен мечети открывается замечательный вид на город. Кажется, что ты глядишь вплотную на уже знакомое тебе лицо. Отсюда виден также лес уникальных каирских «вентиляторов» на крышах домов – все повернуто отверстием на север, откуда они ловят прохладный бриз. Эти вентиляторы (малкаф) существуют в Каире много веков и, по-видимому, останутся на крышах до тех пор, пока будет дуть северный ветер.

Мечеть Мухаммеда Али – это последний вздох уходящей эпохи османского влияния. Ее византийский стиль не имеет ничего общего ни с Европой, ни тем более с арабскими или египетскими традициями. Мечеть – правдивый портрет самого Мухаммеда Али. Она символизирует тот период, когда исчезли остатки турецкого господства и Европа прибрала к рукам Египет. Хлопок и канал принесли в страну деньги и

кредит, а заодно и спекулянтов. За тридцать лет – до английской оккупации в 1882 году – облик Каира до неузнаваемости изменился.

12 *Европеизированный Каир*

ы, именующие себя христианами, – писал Д. А. Камерон в 1898 году, – должны испытывать чувство стыда, вспоминая, как в течение тридцати лет (1849-1882) христианские авантюристы притесняли мусульман Египта. Нет, они не стреляли их, но вели себя по отношению к ним жестоко и несправедливо, злоупотребляли своими привилегиями и режимом капитуляций, манипулируя таинственными процессами европейского законодательства, о котором не имели никакого представления восточные народы».

Речь идет о той деятельности крупных банковских домов Европы, которую Камерон именовал «жюльничеством и мошенничеством». Путем бесчестных и нечистоплотных ростовщических махинаций банки при поддержке и покровительстве своих правительств захватили контроль над египетской экономикой. Они взимали грабительские проценты по займам Египту, и, прежде чем паше удавалось получить хоть пенни из взятых займы денег, у него – с помощью разных юридических трюков – уже вычитали до 25 процентов всей суммы. Вычеты производились на таких условиях, что практически было невозможно выплатить заем. Чтобы заставить Египет выплатить займы, пришлось бы объявить его банкротом и прибрать к рукам всю страну. Некоторые хорошо известные ныне торговые банки Европы нажили состояние на ограблении Египта. Но прежде всего виноваты правившие паши, безумные расточители, считавшие, что Египет, его экономика, его народ – это бездонная бочка.

Мухаммед Али сошел с ума и умер в 1849 году. После него правил: его внук Аббас (1848-1854), затем один из его сыновей, Сайд (1854-1863), другой внук Исмаил (1863-1879), его правнук Тевфик (1879), после чего, в 1882 году, в Египет пришли англичане. В годы правления этих четырех, ничем не отличавшихся пашей Египет был буквально сбит с ног «европейским ураганом», и в процессе безудержной борьбы европейцев за богатства страны Каир наводнили купцы, банкиры, туристы, военные, инженеры, исследователи, священники и шарлатаны.

В какой-то степени Мухаммеду Али удавалось сдерживать этот наплыв или, по крайней мере, контролировать деятельность европейцев в Египте. Но никто из его преемников не обладал достаточной силой,

чтобы противостоять даже самым отъявленным мошенникам из Европы. Фоном европейскому присутствию, распространившемуся по Египту словно эпидемия, служило соперничество между Англией и Францией. Французы принесли с собой увлекательные идеи, французский язык, французскую культуру и доминировали в общественной жизни и дипломатии. Англичане ввезли в Египет железные дороги, политику к деньгам, чем победили соперников без особого труда. На протяжении тридцати трех лет – со времени смерти Мухаммеда Али до английской оккупации – французы лихорадочно готовились к строительству, строили Суэцкий канал и наконец построили его. Англия сначала не была заинтересована в канале и считала Египет важным барьером между Европой и Индией. Она больше интересовалась дешевым хлопком, финансовыми выгодами от владения землей и скупки урожая. Но коль скоро французы построили канал, Англия решила овладеть или каналом, или всем Египтом, а в итоге захватила и тот и другой.

Хотя французы и англичане инспирировали и подогревали процесс европеизации Египта, особенно Каира, они не были одиноки. Почти все европейские страны и почти все слои европейцев были представлены в этом центре «золотой лихорадки».

Европеизация Каира была следствием постепенно возраставшего влияния европейцев. Англичане и французы в конце концов этого и добились, но не совсем.

Все началось с того, что европейцы завезли свои нормы поведения и свои представления о том, в каких домах им надлежит жить, как жить, какие уборные им нужны и какого рода публичными домами им хотелось бы пользоваться в Каире. Эти импортированные вкусы оказали большое влияние на пашей, купцов и принцев; а к 1850-1860 годам многие египтяне побывали за границей и привезли уже свои представления о том, какие брюки им носить, как должны выглядеть магазины, улицы, дома и какие развлечения нужны в городе. Для воплощения в жизнь этих идей были приглашены иностранные архитекторы и инженеры. Из сочетания потребностей богатых пашей, наличия иностранных специалистов, импорта европейских капиталов и началась «перелицовка» Каира. Сперва были построены несколько домов и дворцов, но затем европеизация стала целеустремленной политикой, доходившей до крайностей. Еще до прихода англичан можно было провести через весь Каир с севера на юг линию, к востоку от которой находился старый средневековый арабский город, а к западу (исключая Булак) – новый европейский город. Это деление сохранилось до сих пор.

Деление Каира на восточный и западный не случайно. Город не мог расти на восток, ибо там находятся Мукаттамские горы, на склонах которых нельзя было строить дома из-за отсутствия воды. Город был вынужден продвигаться на запад. Нил отступал на запад, оставляя за собой низменные солонцовые земли, которые надо было или осушать, или засыпать, что стоило очень дорого. Однако благодаря импортированному капиталу и привезенным инженерам это стало воз-

возможным, и европейский Каир начал расти на старом русле отступавшего Нила.

Новый Каир представлял собой сложный комплекс нововведений: появились техника и деньги, обычаи и нравы и даже новый тип путешественника. На местной почве вырос новый тип бизнесмена, новый тип иностранца, новый тип придворного, солдата, новый тип лавочника, новый вариант среднего класса и, конечно, новые виды коррупции и эксплуатации. Только низшие слои общества не получили никакой пользы от изменений и, как писал Камерон, страдали не меньше, а больше от этого очередного иностранного вторжения.

Пожалуй, первым и одним из самых важных символов появления европейцев в Каире была железнодорожная линия между Александрией и Каиром, которую построил в 1852 году Роберт Стефенсон вопреки сопротивлению французов, настаивавших, чтобы все ресурсы Египта использовались для строительства Суэцкого канала. Через несколько лет появилась и телеграфная линия. Теперь Англия, не нарушая египетского барьера, имела прекрасную телеграфную связь с Индией и доступ к своей колонии через Египет (именно этим путем во время сипайского восстания перебрасывались войска в Индию).

Благодаря железной дороге сотни и тысячи европейцев устремились в Каир – либо провести здесь «сезон», либо проездом по пути из Индии и в Индию. Естественно, больше всего железной дорогой пользовались англичане. Появился новый тип туриста: священники, учителя и искавшие женихов девушки из мелкобуржуазных семей. Вслед за ними, словно ангел-хранитель, появился Томас Кук. Он впервые посетил Каир в 1860 году и через месяц после возвращения в Англию уже организовал туристскую экскурсию для 32 леди и джентльменов, сняв для их прогулки по Нилу два парохода. Так начался коммерческий туризм, причем «Томас Кук и сыновья» сыграли немаловажную роль в подготовке почвы для будущего хозяйничания англичан в Каире.

С появлением железной дороги и началом туризма в Каире совпала американская гражданская война 1861-1865 годов. Потребности Европы в источнике хлопка, помимо американского, взвинтили цены на египетский хлопок, и экспорт хлопка из Египта возрос с 4 миллионов фунтов в 1862 году до 14 миллионов фунтов в 1864 году. С этого момента хлопок сыграл роковую роль в жизни Египта.

Последним звеном, безвозвратно привязавшим Египет к Европе, был Суэцкий канал, который Лессепс строил силами египетских рабочих, а под конец даже на египетские деньги. Строительство продолжалось десять лет, и, когда в 1869 году канал открыли, несомненным было одно: это результат «крови, пота и слез миллионов» египтян (Байрон).

В этот период Египтом правил внук Мухаммеда Али – Исмаил, и именно при нем вторжение европейского капитала в Египет сыграло и благую и пагубную роль. Исмаил получил образование во Франции и много путешествовал по Европе; ему хотелось, чтобы Каир не уступал современным кварталам Парижа. Это он умышленно разделил Каир на восточный и западный, задумав создать «новый Париж» на Ниле.

Центром нового города он опять собирался сделать Эзбекию и, реставрировав этот район, проложил два бульвара, ведущие к старому городу (Клот-Бей и бульвар Мухаммеда Али, который проходит через цитадель). План Исмаила заключался в том, чтобы создать на западе совершенно новый район, отделенный от старого Каира.

Новый район Исмаила строился по проекту французов, с прямыми улицами и широкими перекрестками, почему современный Каир и отличается такой правильной планировкой. Старая европейская «гвардия» в Каире, сросшаяся с турецким и средневековым Каиром, жаловалась, что город «османизируется», имея в виду барона Османа, который в это время разработал оригинальный план радиальных улиц в центре Парижа.

Предлагались бесплатно участки в этом новом районе – Исмаилии – всем, кто давал обязательства построить в течение 18 месяцев здание стоимостью не менее 30 тысяч франков. Богачи охотно соглашались. Первые здания были в основном жилыми, так как европейские купцы и паши строили виллы, но банки и консульства тоже перешагнули через пограничную линию Эзбекию и перебрались из старого квартала Розетты, чтобы основать здесь новый коммерческий и деловой город, которому суждено было стать не арабским, а европейским.

Личным вкладом Исмаила в европеизацию города было деревянное здание оперы, которое он построил в Эзбекии, символически повернув его фасадом к западной части Каира. Исмаил хотел, чтобы театр был готов к празднествам по случаю открытия Суэцкого канала, и его построили в 1868 году с помощью принудительного труда согнанных сюда рабочих за пять месяцев. Верди заказали оперу «Аида», но он не успел закончить ее к сроку. Оперой «Риголетто» открылся и театр и канал – 1 ноября 1869 года. Белое здание оперы Исмаила, построенное явно впопыхах, и сейчас является самым своеобразным зданием в «парижском» Каире, хотя оно почти непригодно для опер и балетов, так как в нем очень небольшие и тесные артистические уборные, почти нет кулис, а оркестру и дирижеру приходится пробираться к сцене по центральному проходу зрительного зала.

Сейчас в европейском центре Каира остались только одна-две виллы, построенные в 1860 году. Но в свое время контраст между старым и новым городом, по-видимому, был разительным, ибо, бродя даже ныне по улицам и глядя на фасады европейских зданий конца XIX века, понимаешь, как изменили облик Каира эти широкие, хорошо спланированные улицы. В 1870 году Исмаил провел в Каир газ, а в 1898 году его заменило электричество, так что Каир – один из первых городов мира, где появилось электрическое освещение. Водопровод построили позднее. Исмаил проложил также хорошо мощенные дороги к Аббасии, Матарии, Миср аль-Атике, к пирамидам и к Шубре, где находился его дворец.

Засаженный акациями и сикоморами проспект, ведущий к Шубре, был в ту эпоху главной улицей Каира. Богачи следовали примеру хедива и строили на проспекте большие дома, выезжая сюда, чтобы похвастаться богатством и нарядями. Дж. Маккоун в книге «Египет, как он

есть» писал, что в 1877 году проспект был «оживленнее и в тысячу раз красочнее Гайд-парка в мае или июне». Маккоун отмечал, что на этом проспекте можно было увидеть ослов с сидевшими на них феллахами, породистых скакунов, на которых гарцевали одетые по лондонской моде беи, наемные экипажи туристов Кука, венские двухместные кареты и виктории, дам из гарема хедива в сопровождении евнухов, польских графинь, жен дипломатов и бездельничавших холостяков из отеля «Шепердс».

В европейском районе появлялись новые отели, но «Шепердс» оставался излюбленным убежищем английского общества в Каире. Около садов Эзбекие английская компания построила новый отель, который некоторое время так и именовали: «Новый отель».

Словно весенние цветы, на новых улицах вырастали греческие и немецкие кондитерские и французские кафе, в которых играли оркестры. Недалеко от садов Эзбекие герцог Садэрлэндский, получив бесплатный участок земли, построил новый клуб хедива – точную копию лучших лондонских клубов того времени. Клуб находился под покровительством хедива, а его председателем был английский консул – самый высокопоставленный английский дипломат в Египте. За несколько лет фасоловые поля и пустыри вокруг железнодорожного вокзала застроили изящными виллами, а от вокзала к городу спешно проложили новые улицы, которые быстро заполнились небольшими домами для европейцев и второсортными магазинами. К 1877 году уже не было надобности ехать с вокзала в город на осле – к отелю «Шепердс» ходили omnibusы, и можно было нанять карету.

Десять лет Каир представлял собой огромную строительную площадку, и по европейским стандартам большинство крупных зданий скорее напоминали дворцы, и даже дома среднего класса строились роскошно. Сам Исмаил имел в Каире четыре дворца, и один из них (Каср ан-Нуза) предназначался для приема важных гостей. Если через Каир проезжал английский вице-король Индии, какой-нибудь герцог, богатый аристократ, французский или австрийский принц, в его честь в этом дворце устраивался пышный прием. У Исмаила был еще один дворец, предназначенный специально для коронованных гостей, ожидавшихся к открытию канала. Он находился за рекой, на острове Гезира.

Позднее хедив продал этот дворец иностранной компании, которая немедленно пустила большую часть земли под коммерческое строительство. Затем дворец купил богатый паша, а после революции 1952 года его превратили в отель, который теперь называется «Омар Хайям», и в нем еще сохранилась атмосфера времен Суэца и Исмаила.

1869 год – год открытия канала – был для Каира полон неожиданных событий. Жизнь богачей и иностранцев превратилась в сплошной праздник. Народ же довольствовался шумными улицами, яркими фонарями, повсюду появились киоски и уличные лавки, традиционные мусульманские украшения.

Наконец, после того как сам Исмаил совершил турне по Европе, началось празднование открытия канала. Помимо королей, принцев и

аристократов, прибыло много писателей и журналистов и целая армия (свыше 3 тысяч) никому не известных гостей, которым удалось достать приглашения. Хедив с королевской щедростью оплачивал их жилье, питание и транспорт. В ноябре вся толпа принцев, прилебатель, журналистов и писателей была перевезена из Каира в Порт-Саид, где мусульманский «улем» и католический священник из Франции (позднее он венчал Лессепса с местной полуевропейской красавицей) благословили канал. Во время официального открытия в пустыне был устроен банкет (3 тысячи гостей), а 17 ноября 1869 года состоялось празднество на воде. Компания Суэцкого канала была французской, но первым прошел по каналу и уплатил сбор английский пароход.

Исмаил сосредоточил столько внимания и усилий на кульминационном моменте открытия канала, что после 1869 года Каир с трудом возвращался к нормальной жизни. Европейцы продолжали прибывать в Каир, спекулянты «выжимали» золото чуть ли не из улиц города.

Каир превратился в базу для английского проникновения в Африку – за счет Египта. В 1869 году Самуэль Бэйкер провел в Каире четыре месяца, снаряжая экспедицию к белому Нилу, якобы для того, чтобы покончить с работорговлей. Он отплыл из Каира на английских судах, с отрядом черных солдат и грузом английских товаров, что обошлось Египту в полмиллиона фунтов. Как указывает Маккоун, англичане приобрели обширные территории, а торговля рабами продолжалась, как и прежде.

За десять лет в Египте были израсходованы такие колоссальные суммы, что казалось, они льются из какого-то рога изобилия. На самом деле нововведения Исмаила в Каире оплачивались за счет высоких налогов на все и всех, за счет огромных займов, которые «любезно» навязывала ему Европа.

Исмаил сделал первый заем в 5,7 миллиона фунтов в 1864 году, из которого после всех вычетов он получил только 4,9 миллиона фунтов. По сравнению с более поздними займами эта потеря совсем незначительна. Когда читаешь в книге Маккоуна «Египет при Исмаиле» (1889) историю этих займов, кажется, что распутываешь клубок сложнейшей жульнической аферы. Так, Ротшильды одолжили Исмаилу через государственные каналы 8 миллионов 500 тысяч фунтов под обеспечение 435 тысяч акров самой плодородной земли в мире. Исмаил получил чистоганом, после вычетов, 4 миллиона 360 тысяч фунтов, причем, по словам Маккоуна, и эту сумму также сократили под видом оплаты «судебных» издержек.

За одиннадцать лет Англо-Египетский банк, Имперский Османский банк, торговый дом «Фрюлинг-Гошен», банк Оппенгеймов и Бишофсгеймов предоставили Исмаилу займы на 68 миллионов фунтов, но после вычетов комиссионных и других отчислений в его руки попало только 48 миллионов фунтов.

Маккоун называет это «скандальной» историей и пишет, что «в анналах государственных займов вряд ли зарегистрированы такие пагубные для должника операции». В 1875 году Исмаилу пришлось продать англичанам свою долю в компании Суэцкого канала всего за 4

миллиона фунтов, которые предстояло уплатить Ротшильдам. Через некоторое время годовой доход от сборов с пароходов уже равнялся этой сумме.

Исмаил предпринимал отчаянные усилия, чтобы спастись от европейской «щедрости» и нараставшего внутри страны возмущения его жестокой и репрессивной политикой в отношении крестьянства. Снова создалось такое положение, когда можно было ожидать или взрыва изнутри, или иностранного вторжения. Исмаил понимал, что ему никогда не спастись от европейской финансовой кабалы. Его единственная надежда заключалась в том, чтобы получить помощь от кого-то, кто не был замешан в финансовом грабеже Египта. К несчастью, он не мог доверять никому ни в Египте, ни в Европе. Если бы он мог положиться на армию, она, по крайней мере, помогла бы его попыткам вырваться из европейских объятий и задушить народное возмущение. Будь он мамлюкским султаном, он просто закупил бы новую партию мамлюкских офицеров, чтобы заменить ими продажных турок и албанцев. Но мамлюкская система была мертва, и он решил искать поддержки за пределами страны – у Соединенных Штатов Америки.

Идея была довольно разумной, так как у американских офицеров 1860-х годов накопилось больше военного опыта, чем у всех военных Европы. Только что закончилась американская Гражданская война, первая современная война, и южные штаты кишели офицерами и джентльменами без гроша в кармане и без надежд на будущее; и в 1869 году Исмаил поручил американскому офицеру капитану Тадеусу Мотту (из армии северян) подобрать американских офицеров для египетской армии. В течение года Мотт привез в Каир генерала Лоринга, еще двух генералов, девять полковников, двух майоров, врача и профессора геологии. Все они, за исключением четверых, служили в армии конфедератов, то есть южан.

О том, как они служили Исмаилу и какую роль сыграли в жизни страны, можно судить по их поведению в двух важных событиях: в англо-египетской экспедиции в глубь Африки и в подавлении давно назревшего и вспыхнувшего а 1881 году восстания. Но пока что они жили в Каире, где производили небывалую сенсацию своим поведением в стиле д'Артаньянов или ковбоев с «дикого запада». Они постоянно попадали в неприятности, так как настаивали, чтобы с ними обращались как с джентльменами и как джентльмены считали, что им все дозволено.

Однажды майор Морган, генерал Лоринг и американский полковник Шейле-Лонг находились во французском театре и в антракте зашли в буфет. Туда зашел начальник каирской полиции Али-бей. Поскольку майор Морган был чином ниже и находился на службе у хедива, Али-бей приказал ему подать стакан воды. Морган возмутился. Он наполнил стакан водой и выплеснул ее в лицо Али-бея, после чего еще дал ему пощечину. Али-бей бросился в королевскую ложу и с гневом доложил о происшествии, на что Исмаил ответил: «Так тебе и надо», – и добавил: «Я привез американцев не для того, чтобы они тебе прислуживали... Иди и проси прощения», что и было сделано.

25-летний Морган был гардемарином в Аннаполисе и замечательным наездником. Как-то он ехал верхом вдоль проспекта Шубры, обычного места для светских прогулок, и мимо него проехали дамы в карете с гербом хедива, за ними следовали верхом два внуха с обнаженными саблями. По существовавшему правилу, мужчины – во всяком случае, джентльмены – должны были отворачиваться при виде леди, но Морган подъехал поближе, чтобы заглянуть в карету, и увидел красивую девушку, которая вдруг протянула ему розы и платочек. Морган от неожиданности уронил их. Все поняли, что кто-то из королевского гарема флиртует с американским офицером. Морган спохватился: не спешиваясь, он нагнулся, подобрал цветы, затем пришпорил своего скакуна и ускакал. Евнухи бросились вдогонку, размахивая саблями и явно намереваясь отрубить голову Моргану.

У пересечения проспекта Шубры и железной дороги двойной шлагбаум был закрыт. Морган перескочил через первый шлагбаум, но в это время, словно в фильме о «диком западе», показался мчащийся поезд. Морган ударил коня шпорами, и он, несмотря на небольшой разбег, перескочил через второй шлагбаум. Поезд заградил путь преследовавшим его внухам. Морган ускакал, но ему пришлось несколько дней прятаться в русском посольстве, где он весело проводил время с русскими друзьями, пока не утих скандал.

Чтобы узнать о серьезной деятельности американцев, нужно прочитать книгу Шейле-Лонга «Моя жизнь на четырех континентах». Исмаил назначил полковника Шейле-Лонга начальником штаба при английском генерале Гордоне, который направлялся вверх по Нилу, чтобы занять пост губернатора Египетских экваториальных провинций. Исмаил хорошо понимал, что Гордон на самом деле защищает только интересы Англии. В это время Стэнли готовил экспедицию для поисков Ливингстона. Исмаил объяснил Шейле-Лонгу, что целью этой экспедиции является водрузить британский флаг над Угандой. Он поручил полковнику улизнуть от Гордона, обогнать лондонскую экспедицию и постараться заключить с королем Уганды договор в пользу Египта. В Гондокоро, когда Гордон на минуту отвернулся, Шейле-Лонг спрыгнул с борта парохода, отчаливавшего от берега, и помахал рукой изумленному Гордону. Во время своего путешествия Шейле-Лонг открыл озерную систему Кеога в Центральной Африке. Когда полковник возвратился в Каир, от него остались кожа да кости, и он так походил на египетского нищего, что его не хотели пускать в новый отель «Континентал-Савой». Ему все же удалось проникнуть в отель, где он увидел американского генерала Алекса Рейнолдса и попросил у него пиастр. По привычке европейцев, генерал хотел было проучить нищего хлыстом, но Шейле-Лонг произнес по-английски: «Так-то меня принимают...»

Нет сомнения, что Исмаил доверял американцам больше, чем кому бы то ни было в военном штабе. Исмаил высоко оценил услуги американцев и подарил генералу Шерману в благодарность за то, что тот одолжил ему своих офицеров, мешок с бриллиантами на сумму в 60 тысяч долларов. Шерман прибыл в Каир в 1872 году, и потребовался

специальный акт конгресса, чтобы разрешить ему беспошлинный ввоз брильянтов в США.

Исмаил находился в безвыходном положении. В 1876 году европейцы, самовольно взяв на себя роль контролеров египетских финансов, уведомили его, что он задолжал им 91 миллион фунтов. По словам Маккоуна, в 1879 году кредиторы Исмаила утверждали, что задолженность составляла уже 100 миллионов фунтов. Защитники Исмаила убеждены, что он никогда не получал такой суммы. По крайней мере, 25 миллионов фунтов были израсходованы на Суэцкий канал, строительство новых ирригационных систем, железных дорог, мостов, телеграфных линий, маяков, гаваней, доков, сахарных заводов и «османизацию» Каира. Исмаил действительно потратил огромные суммы на все это строительство, но никто не знает истинной цифры.

В 1879 году Англия и Франция осуществили наконец свою давнишнюю мечту. После того как их эксперты представили доклад о долгах Египта, они вмешались открыто, взяв под контроль египетские финансы и назначив двух генеральных контролеров – английского и французского. По какому праву они так поступили, никому не известно и поныне.

19 июня 1879 года они предприняли еще один чрезвычайный шаг. Генеральные консулы Англии и Франции прибыли во дворец Абдин и потребовали отречения Исмаила. Ему угрожала не вторгшаяся чужеземная армия, а нечто более могущественное и опасное – великие европейские державы, стремившиеся овладеть Египтом. Он не мог обратиться за поддержкой к народу, так как народ изнемогал под тяжестью введенных им налогов и податей, ненавидел его и был рад его отречению. Исмаил попросту пал, передав страну в руки европейцев. Он умер в изгнании в 1895 году.

Его сын Тевфик унаследовал то, что осталось от Египта, причем для народа эти последние годы «независимости» страны были самыми тяжелыми. С 1860-х годов все египтяне оказались «во власти семнадцати мелких консульских трибуналов» (Маккоун), ибо ни одного иностранца в Египте не мог судить египетский суд. Иностранец отвечал только перед консульством своей страны, и эта система вела к ужасным злоупотреблениям в деловых отношениях, к дискриминации египтян при расследовании уголовных преступлений, к беспощадному грабежу земли и имущества египтян. Даже лорд Милнер резко осудил эту систему судопроизводства как «позорную болезнь». Некоторые консульские суды брали на себя право судить египтян и выносили им приговоры, которые приводились в исполнение под нажимом дипломатических представителей. Этот порядок стал именоваться «режимом капитуляций». Он был одним из важнейших инструментов британского правления и способствовал укреплению господства европейцев в Каире. Был даже разработан кодекс коллективных иностранных судов, так называемых «смешанных трибуналов», которые защищали иностранцев от действия египетских законов. Система эта была ликвидирована только на конференции в Монтрё в 1937 году.

Маккоун писал в 1877 году, что лозунг «Египет для египтян» стал выражением всеобщих национальных чаяний. В 1866 году французженка Олимпия Одуар опубликовала книгу «Тайны Египта, сбросившего покрывало», которая произвела сенсацию, ибо она рисовала Исмаила жестоким варваром, сосавшим кровь своего народа. Одуар страстно и убедительно доказывала, что Исмаил безнаказанно захватывал понравившиеся ему частные земли, разорял поборами целые деревни и даже с женами обращался жестоко. В 1868 году леди Дафф Гордон писала из Каира в журнале «Макмилланс мэгэзин»: «Мне трудно описать все мучения народа... Каждый день приносит новый налог. Теперь заставляют платить за каждое животное – верблюда, корову, овцу, осла, лошадь. Феллахам больше не по средствам хлеб: они живут на ячменной каше, разбавленной водой». Налогами облагалось не только имущество феллахов, их заставляли платить поборы за то, что они рождались, женились, умирали, входили в город, покупали соль.

Иностранцы были освобождены от всех налогов. Маккоун писал в 1877 году: «Во всех отношениях они (рабы в Египте) в лучшем положении, чем рожденные свободными феллахи, на которых рабы глядят с презрением, как на низший класс людей». Поэтому те, кто знал Египет, не удивились, когда египтяне наконец потеряли терпение и поднялись на борьбу.

Восстание Араби названо по имени его популярного вождя Ахмеда Араби, который сам называл себя Ахмед-египтянин. Он был сыном феллаха, но ухитрился несколько лет проучиться в аль-Азхаре. Затем он поступил в армию и почти сразу получил чин полковника, так как Тевфик заигрывал с египетскими офицерами. Араби стал выразителем национальных чувств трех отдельных групп египтян: угнетенных крестьян, молодых египетских офицеров, которые ненавидели стоявших над ними турок и черкесов, и националистической интеллигенции Каира и других городов.

Волнения начались с восстания в армии, к которому немедленно присоединился весь Египет, и в сентябре 1881 года Араби с 4 тысячами солдат и с 18 пушками вступил на площадь у дворца Абдин и потребовал, чтобы вышел хедив. Тевфика не оказалось во дворце, но когда он наконец прибыл, то увидел, что площадь окружена солдатами, а пушки наведены на окна дворца. Его личный «верный» полк присоединился к восставшим, и Тевфику пришлось пробираться во дворец через черный ход. Английский генеральный контролер Окленд Колвин посоветовал ему лично обратиться к войскам. Тевфик в сопровождении Колвина и генерала Чарлза Стоуна (американца, выпускника Вест-Пойнта, главнокомандующего египетской армии) спустился по дворцовой лестнице к группе полковников, находившихся на площади. На этот раз американцы лояльно выполнили свой контракт с хедивом. Два или три мятежных полковника (в частности, Араби и Абдулла-бей) сидели верхом на конях. Как писал Томас Арчер в книге «Война в Египте и Судане» (1885), хедив приказал им спешиться.

Вилфред Блант в книге «Тайная история английской оккупации Египта» (1907) писал, что Колвин уговаривал хедива застрелить Ара-

би, однако, по словам Арчера, Колвин лишь советовал хедиву потребовать, чтобы Араби и Абдулла сдали шпаги. Тевфик не решился на этот шаг и сказал им, чтобы они вложили шпаги в ножны. Офицеры так и поступили.

Хедив спросил, чего они хотят. Араби ответил, что они пришли требовать свободы от имени народа и выполнения трех пунктов, содержащихся в письме, которое они направили утром в военное министерство: создания Ассамблеи нотаблей, конституции и равенства всех египтян перед законом.

– Вы забыли, что я хедив и ваш господин? – спросил Тевфик.

Араби ответил стихом из корана: «Правитель тот, кто справедлив; кто несправедлив, тот больше не правитель».

Хедив, очевидно по совету Колвина, сказал, что он хочет подумать, и возвратился во дворец. Позднее он послал за Араби, и тот, как говорят, извинился перед хедивом или поблагодарил его, – во всяком случае, египтяне никогда не простили Араби этого поступка. Все же Араби был лидером военного восстания, и Тевфику пришлось пойти на компромисс – он назначил его военным министром. Националисты добились социальных и экономических реформ, однако этому всемерно препятствовали английские и французские советники. В феврале 1882 года националисты провели так называемый «органический закон» об учреждении палаты депутатов, и казалось, что отныне будет существовать египетское правительство для египтян. Англичане и французы тут же направили флот в Александрию, чтобы подавить движение националистов, и потребовали ареста и ссылки Араби.

Египтяне не скрывали возмущения англо-французской интервенцией. Аль-Азхар издал фетву*, которая освобождала египтян от подчинения хедиву, и был создан своего рода комитет для управления страной. Египетская революция созрела настолько, что легко могла бы освободить страну от турок и европейцев. Но, как и прежде, вмешались силы чужеземцев и задушили борьбу египтян за подлинную независимость.

11 июля 1882 года английский флот бомбардировал Александрию. На рейде стояло много судов, в том числе русских и американских; европейцы пытались укрыться на русских и американских военных кораблях, и очевидцы писали, что на воде в тот день творилось что-то неопишное. Полковник Шейле-Лонг, находившийся в Александрии, предпринимал усилия для спасения города, но, по признанию всех историков, английская бомбардировка была варварской. Англичане заявляли, что они якобы предвосхитили нападение на город Араби с его армией в 30 тысяч солдат, а майор Эдвин Маклеллан, командовавший американской морской пехотой, писал в своей книге, что американцы «решили стоять бок о бок с англичанами».

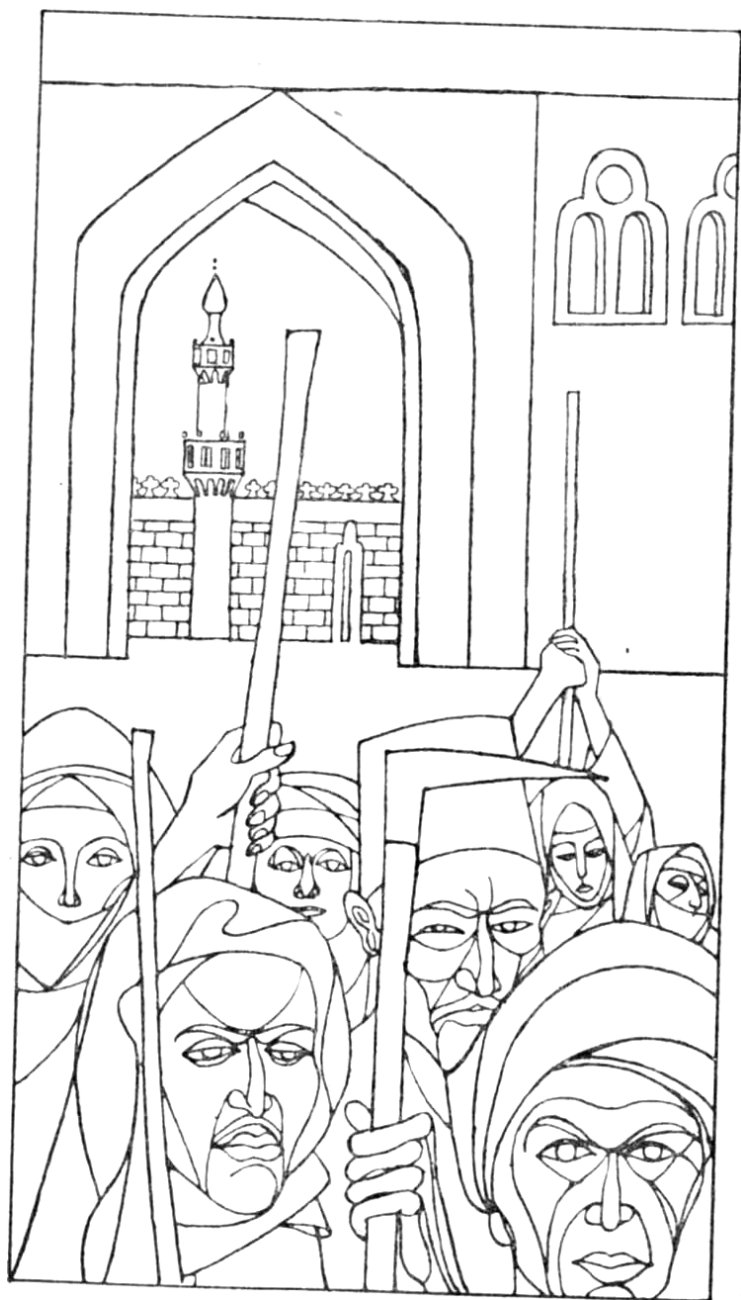
* Фетва – разрешение улемов – толкователей корана. Такое разрешение улемов было дано, например, королю Саудовской Аравии Ибн-Сауду в начале 30-х годов, чтобы он мог пользоваться радиоаппаратурой. (*Прим. ред.*)

Войска Араби выстроились вдоль Суэцкого канала, намереваясь закрыть доступ к нему англичанам с тыла. Однако Лессепс отговорил Араби от этого шага, дав ему честное слово, что французы не разрешат английским судам воспользоваться каналом. Лессепс нарушил слово, английские корабли вошли в канал и оказались прямо в тылу Араби. Англичане высадились в Исмаилии, и неподалеку, в Тель эль-Кебире, их остановили войска Араби.

Много написано об этом сражении. По общему утверждению европейских авторов, египтяне сражались плохо и потерпели поражение. Тем не менее сэр Арчибальд Элисон, командовавший бригадой шотландцев в битве при Тель эль-Кебире, произнося речь в Глазго в октябре 1884 года, сказал: «Я обязан отдать должное египетским солдатам (при Тель эль-Кебире). Я никогда не видел, чтобы солдаты сражались так упорно. Отступая от укреплений, которые мы захватили с фланга, они оказывали сопротивление у каждого поворота окопов, у каждой батареи, у каждого редута и продолжали сражаться. Четыре или пять раз мы ходили в штыковые атаки, и я видел, как бились солдаты, покинутые безбашшими офицерами».

У египтян было плохое вооружение, плохие офицеры, а сам Араби в этот день не проявил себя как лидер. 14 сентября английская кавалерия вступила в Аббасию, а на следующий день лорд Вулсли с бригадой гвардейцев под командованием герцога Коннота вошел в Каир. Опасавшийся за свою жизнь Араби поехал в Аббасию и сдал англичанам свою шпагу. Это был второй акт Араби, которого и поныне не простили ему египтяне. Египетская армия, если ее можно было назвать таковой, капитулировала в Каире без сопротивления. Гарнизон цитадели сдался майору Ватсону, офицеру разведки, у которого было только 130 солдат. Ватсон вошел в крепость один и вызвал коменданта. Комендант спал. «Разбудите его, – приказал Ватсон, – и скажите, чтоб он сдался». Появился комендант, и Каир был официально передан англичанам этим сонным турецким офицером, который отдал Ватсону ключи и сказал, что делает это с удовольствием.

13 *Каир лорда Кромера*

Английская оккупация не принесла каких-либо видимых изменений в Каире, ибо англичане фактически уже несколько лет правили Египтом. Гевфик оставался хедивом, администрация по-прежнему была в руках иностранцев, консульские суды занимались судопроизводством, а английские войска теперь расположились в цитадели, Аббасии и казармах Каср ан-Нил на берегу реки. При англичанах раздел Каира стал еще более отчетливым. Как и турки, англичане нуждались в помощи иностранцев для управления Каиром, так как не хотели, чтобы торговым Каиром владели египтяне. Они старались не допустить аккумуляции финансового капитала в руках египтян и были заинтересованы в сохранении основ феодальных порядков, особенно в деревне, откуда поступал дешевый хлопок и дешевые рабочие руки. С другой стороны, англичанам, вкладывавшим большие капиталы в египетскую торговлю, было важно, чтобы Каир стал современным городом, но при этом они опирались на сотрудничество неегиптян. Англия поощряла приезд в Каир иностранных коммерсантов со всей Европы, которые полностью овладели европеизированными районами, тем самым усугубляя грубый раздел Каира. Это был, конечно, постепенный, а не внезапный процесс.

После оккупации англичанам было необходимо укрепить свою абсолютную власть в Каире, и это было поручено лорду Кромеру, носившему тогда еще имя сэра Эвелина Беринга. Кромер встал у власти в Египте в 1883 году и управлял страной 24 года. Еще до оккупации он занимал пост английского комиссара Долговой кассы, и именно его махинации с египетскими долгами и политические интриги при дворе подготовили почву для английской оккупации. Англичане до сих пор считают Кромера величайшим дипломатом XIX века. Современные египтяне считают, что среди правителей Египта не было человека хитрее и подлее Кромера. Однако Кромер был и выдающимся финансистом, вышедшим из семьи влиятельных банкиров. Он всегда точно знал, в чем заключаются интересы Англии в Египте, и умело защищал их. Он был типичным англичанином эпохи Виктории, упрямым, с диктаторскими замашками; к египетским крестьянам он относился, как к «неразумным» детям, а к египтянам в целом – как к умственно мало развитым восточным людям, которые, к сожалению, заимствовали от Европы самые дурные (то есть революционные) идеи.

Именно Кромер (а не Гордон или Китченер) закрыл французам, бельгийцам и итальянцам доступ к Нилу и установил в 1899 году в Судане, после вторичного захвата его Китченером, англо-египетский кондоминиум. Как поясняет в своей книге «Великобритания в Египте» (1928) майор Полсон Ньюмен, идеи Кромера по «защите» Нила и его планы строительства новых плотин через реку определял хлопок. Сам же Кромер считал, что у англичан в Египте есть дела и поважнее хлопка. В своей книге «Современный Египет» (1908) он писал: «Англичанин пришел в Египет с важной миссией... Он взирает на Индию и говорит сам себе со всей уверенностью представителя имперской расы: я могу выполнить эту задачу, я выполнял ее и раньше...»

Кромер совершенно ясно представлял себе имперскую миссию англичан. Но ему и его преемникам пришлось столкнуться с возмущением и недовольством богатых египтян, которые сообразили, что на каждое пенни, полученное ими от выращенного хлопка, европейские торговцы, – а значит, в конечном счете англичане – получают непомерно большие барыши. Кроме того, национальная буржуазия требовала большей доли участия в политических делах Египта и вместе с мусульманской иерархией вступила в конфликт с англичанами. В последующие пятьдесят лет именно эта комбинация местных оппозиционных сил породила плеяду известных египетских политических деятелей, и многие из них пришли к власти только благодаря обещанию избавить Египет от англичан. Но стоило англичанам оказать им сопротивление или погрозить тюрьмой, как они неизбежно скатывались к компромиссам или исчезали с политической сцены. Сейчас можно утверждать, что только небольшая группа египетских политических деятелей периода 1900-1952 годов состояла действительно из неподкупных людей.

Каир при Кромере жил напряженной политической и общественной жизнью, но, по утверждению, сэра Рональда Сторрса («Ориентации», 1937), к 1904 году начался закат «золотой эпохи» кромеровского Каира. В 1914 году господство англичан в Каире рухнуло окончательно. Сторрсу довелось работать в качестве секретаря по восточным делам при английском резиденте как раз в период между упадком и падением кромеровского Каира. Из его описания нравов и обычаев молодых английских дипломатов в Каире и турецко-египетского двора в этот период начинаешь понимать, почему Каир так манил к себе многих образованных молодых английских дипломатов и офицеров. Жили они прекрасно, хотя утонченная царственная атмосфера, созданная Кромером, постепенно исчезала и на смену ей пришли более вульгарные и свободные нравы.

Они приезжали в Каир и уезжали, наслаждались здесь хорошей компанией, общались с высокообразованными людьми, жили по канонам английских классических колледжей; для тех, кто знал арабский язык (а таких было немало), жизнь в Каире таила много экзотических «восточных» прелестей. Люди вроде Сторрса работали с 8 часов утра до часа дня, затем садились на велосипед и отправлялись в Скаковой клуб, после обеда играли в гольф или теннис, потом возвращались в

клуб, домой или шли к знакомым на ужин. Поздний вечер они проводили во французском или итальянском театрах (английского театра не было) или на одном из бесчисленных приемов при дворе. Потребности были довольно скромные. Даже Китченер, главнокомандующий египетской армии, ездил на работу на осле. Ослов в Каире регистрировали, и на них вешали дощечки с номерами. Сторрс клянется, что осликам очень нравилось, когда им пускали в нос дым от сигареты.

Кромер покинул Каир в 1907 году и, как пишет Сторрс, проезжал в последний раз по улицам Каира, вдоль которых построили солдат с заряженными винтовками, под ледяное молчание. Но имперское тщеславие Кромера ощущали на себе не только обитатели Каира. Перед отъездом он завещал своим соотечественникам и тот кодекс поведения и мышления, которому они следовали до конца оккупации. Английская община Каира при Кромере стала настолько узкой и замкнутой, что его преемник сэр Эдмон Горст, попытавшийся пригласить египтян на прием в английское агентство, чуть было не подвергся бойкоту местных англичан. Даже мысль об этом казалась англичанам в Каире скандальной.

Само по себе присутствие вездесущих англичан постепенно вело к серьезным изменениям в облике Каира. Англичане не только прибрали к рукам двор, политику, банки, но и занялись благоустройством города, чтобы обеспечить комфорт колониальной общине англичан и содействовать их торговле. К 1900 году в Каире появились четыре трамвайные линии: от цитадели к вокзалу, от цитадели к Булаку, от вокзала к Аббасии и от Эзбекии к старому Каиру (Миср аль-Атика). Пятая линия прокладывалась от Гизы к пирамидам. Была построена пригородная железная дорога к Хелвану и Туре, а в Каире ее вокзал находился у ворот Баб аль-Лука. На улицах было много карет и экипажей. Появился английский госпиталь и больница имени королевы Виктории, которая и сейчас стоит на улице Абдель Халид Сава-та-паши. В 1893 году началось издание английской светской еженедельной газеты «Сфинкс», которая выходила даже после революции 1952 года (газетой европейского Каира в то время все еще была «Журналь д'Эжипт»).

Открылись три английских универсальных магазина и английское агентство по продаже недвижимого имущества. В новых торговых районах Исмаилии можно было найти английских книготорговцев, импортеров сигар, инженеров по санитарии, кондитеров (знаменитый «Гроппи» появился позднее), белошвеек, портных, перчаточников, оружейных дел мастеров, парикмахеров, фотографов, религиозные библиотеки, цветочные магазины, платные конюшни, туристские агентства. Среди портных славился Коллакот, одевавший несколько поколений английских джентльменов и офицеров вплоть до пожара Каира в 1952 году.

В 1900 году, кроме площадок для игры в поло и спортивных клубов (где кое-каким спортом предпочитали заниматься в помещении), появились теннисные корты, поля для гольфа и стрелковые клубы. Построили паровую прачечную, в некоторых отелях служили европейские горничные, а после 1898 года все главные улицы и магазины Ис-

маилии были освещены электричеством. В 1890-х годах территорию, которую занимал старый дворец в Каср ад-Дубаре, отвели под новые улицы и строительство. Первым домом в этом новом районе у Нила было здание английского генерального консульства, именовавшегося то агентством, то резиденцией, а позднее – английским посольством. В этот же район переехали многие министерства, и район получил название Садовый город. В 1896 году англо-франко-немецкая фирма осушила болотистые участки европейского Каира. Так наконец исчезли старые озера.

В 1914 году Каир был в значительной мере англазирован, но тех типичных англичан, которые, по мнению Кромера, олицетворяли собой преданность империи, не осталось. Теперь англичане – будь они на службе у империи или нет – приезжали в Каир, чтобы наслаждаться жизнью, и прежде всего командовать и властвовать над теми, кого они считали ниже себя. Одни англичане смотрели свысока на других англичан, но все англичане смотрели свысока на других иностранцев. Все иностранцы смотрели свысока на всех египтян, а богатые египтяне смотрели свысока на всех египтян из среднего класса. Представители всех рас и классов смотрели свысока на феллахов, которые в поте лица пахали землю и создавали богатства, лежавшие в основе этой государственной системы.

Подобное поведение отражало психологию английских мелких буржуа, устремившихся в Каир, и перенос на египетскую почву английской классовой структуры в целом. Но больше всего изменил лицо Каира с 1900 по 1914 год не английский снобизм, а хлопковый бум 1903 года. Бум явился следствием ранней политики Кромера, который занял под хлопок почти все земли Египта, с тем чтобы хлопок был всегда под руками, если спрос на него неожиданно возрастет. Бум 1903 года принес феодальным землевладельцам колоссальное богатство.

С хлопковым бумом 1903 года совпала также бурная спекуляция землей на европейский манер. К 1908 году в городе оперировала 31 земельная компания, при этом ни одна из них не принадлежала египтянам. Рвали на куски и застраивали не только районы Исмаилии и Гевфикии, но и Гезиру, остров Рода, дорогу к пирамидам и Садовый город. Прежде всего была перекуплена земля вокруг отеля «Палас» в Гезире (бывший дворец хедива, а ныне отель «Омар Хайям»), и к 1910 году весь участок застроили большими и дорогими домами, принадлежавшими иностранцам и египтянам. Остров Рода с красивыми садами Ибрагима, игравший для Каира роль огородного хозяйства, был отдан в руки земельных спекулянтов, которые построили на нем виллы во французском стиле. От нынешнего модернистского уродства остров Рода спасают именно эти обветшалые очаровательные здания, романтические французские островки, окруженные отвратительными сооружениями более поздних периодов.

Районы Шубра и Кубба превратились в садовые пригороды, со зданиями во французском и итальянском стиле. Как писал Кромер, большинство архитекторов этого периода были французы или итальянцы.

янцы, а каменщиками работали итальянцы. Богатые египетские виллы строились на египетские деньги, а европейские компании вкладывали капиталы в основном в строительство многоквартирных домов, учреждений и магазинов – чаще всего в центре европейского города. Повсюду вырастали здания европейских банков, отелей (включая роскошный швейцарский отель «Семирамида») и магазинов. В Исмаилии были снесены еще совсем новые частные строения, а на их месте построены четырех- и пятиэтажные многоквартирные дома. Некоторые из них и поныне возвышаются, словно черные призраки прошлого, на фоне серого и желтого цемента современности. К 1907 году хлопковый бум спал, и на плане Каира остались огромные «дыры», где снесли старые дома, но не успели поставить новые. Строительство замерло.

О том, что европейцы в эти годы устраивались в Каире прочно и надолго, свидетельствовала их деятельность в области религии и просвещения. Английские миссионеры утверждали, что именно они принесли просвещение в Египет, но в 1876 году, до английской оккупации, в Египте уже было 4817 арабских школ с 110 803 учащимися, что составляет более высокий процент, чем в царской России того времени. Только в Каире насчитывалось 8875 школьников. В Каире существовало 12 отдельных коптских школ, большая еврейская школа, две греческие школы, школа сирийских маронитов, армянская школа и замечательное учебное заведение, именовавшееся «Свободная, бесплатная и всеобщая школа», где преподавали точные науки, медицину, юриспруденцию и совершенно исключали из программы религию. Эта школа находилась под особым покровительством Тевфика. Из 486 ее учеников 262 были египтяне, остальные европейцы, в том числе 15 английских мальчиков. В противоположность другим европейским школам арабский язык занимал важное, хотя и не основное, место в программе школы.

В целом Мухаммед Али и его преемники проявляли мало интереса к арабской культуре и арабскому языку, на котором они даже не умели говорить. Поэтому все хедивы поощряли создание иностранных школ, даже христианских, в ущерб местным школам. Старейшей миссионерской школой в Каире руководили сестры из ордена св. Винсента де Поля и монахи-лазариты. Мухаммед Али подарил им в 1844 году большой участок земли под школу. Их примеру последовали «Христианские братья», францисканцы и сестры «Доброго пастыря». Эти католические школы старались дать детям хорошее светское образование и не очень добивались обращения школьников в католицизм.

Американские протестантские миссии в Каир пригласил Сайд (1854-1863), и в 1855 году он предоставил здание под их школу. К 1870-м годам у них уже был колледж для мальчиков, две школы для девочек и одна смешанная школа, что было хорошим нововведением для Египта. Школы содержал американский Совет попечителей, но они получали также щедрые дотации от Сайда, а затем от Исмаила. Исмаил передал миссионерам большой участок земли в северозападном углу Эзбекии и пожертвовал в их строительный фонд 7 тысяч фунтов.

Таково было положение в области просвещения к началу английской оккупации, но после 1881 года многие миссионерские школы стали постепенно превращаться в школы для детей европейцев из среднего класса, и бедных египтян в них больше не допускали. Английские школы превратились в учебные заведения исключительно для английских детей. Майор Сэнсом, один из наиболее порядочных наблюдателей политической жизни Каира (он был чиновником по вопросам безопасности при английском посольстве в 1952 году), учился в одной из этих школ между двумя мировыми войнами и описывал «ужасные начальные школы Каира, где преподавали чудовища в образе женщин из Челтенхэма, которые называли французов «лягушатниками», а египтян считали существами, стоящими чуть выше верблюдов» («Я шпионон за шпионами», 1965).

Поскольку все внимание обращалось на иностранные школы, египетские приходили в полный упадок; богатые египтяне посылали детей или в европейские школы, или – если они хотели дать им высшее образование – в Европу. Бедным горожанам и крестьянам приходилось довольствоваться захудалыми египетскими школами. Величайший писатель Египта Таха Хусейн (почти неизвестный на Западе, но, без сомнения, одна из важнейших литературных фигур этого века) писал о том, что значило сидеть у ног невежественного учителя в этих забытых и нищих арабских школах и пытаться получить от него хотя бы крохи знаний, помимо 99 имен бога и толкования каждого слова корана. По вине неграмотной матери-крестьянки Таха Хусейн в детстве ослеп, но все же не только получил арабское образование, но закончил Сорбонну и некоторое время был министром просвещения Египта. Сегодня он самый уважаемый писатель Египта. Все, что он написал о Каире конца прошлого и начала этого столетия, показывает глубокую пропасть, существовавшую между богатыми сыновьями в европейских школах и детьми малоимущих египтян, которые сидели вокруг колонн аль-Азхара и бессмысленно повторяли коран.

К 1906 году в Каире скопилось так много европейцев, что для них пришлось строить новый пригород. Бельгийская компания, Каирские электрические железные дороги и гелиопольская компания «Оазис» начали осваивать пустынный участок к северу от Каира, за Матарией, недалеко от старого Гелиополиса. Руководителем строительства нового Гелиополиса был англичанин сэръ Реджинальд Оукс, а вдохновителем с бельгийской стороны – барон Эмпен, который воздвиг себе сказочный дворец на краю нового города в стиле одного из камбоджийских дворцов Ангкора, хотя мне он больше напоминает храм Кандаха Махадева. Был распланирован совершенно самостоятельный городок, где сначала предполагалось расселить, помимо других европейцев, английских офицеров и чиновников, управлявших Египтом. Однако богатые европейцы захватили новый город еще до окончания строительства, и он превратился в каирский пригород, населенный высшим средним классом и богатыми египтянами, построившими частные виллы на краю пустыни.

В архитектурном отношении пригород представлял собой смесь европейского и марокканского стилей; почти у всех больших домов были просторные балконы и пышные фасады из желтоватого, цвета пустыни, камня. Тротуары проходили под закрытыми аркадами, здесь же находились магазины, посреди широких проспектов были разбиты зеленые бульвары, построены ипподром, спортивный клуб, отель с бассейном для плавания, клубы, мечети, церкви. Главная цель заключалась в том, чтобы не только собирать аренду с этого большого нового города, но и получать доход от городской железной дороги, которая доставляла в Каир всех этих чиновников, а позднее клерков, лавочников, врачей, учителей, юристов.

В самом Каире – точнее, европейском Каире – тротуары уже давно оккупировали бедняки, пересекшие границы Эзбекие в надежде пожить на городских улицах за счет иностранцев. Еще до первой мировой войны можно было купить у входа в отель «Континентал-Савой» все, что угодно, – от удава до взрослого леопарда в клетке, не говоря о газетах «Нью-Йорк трибюн» или «Дейли мейл». Здесь же демонстрировали бабуна-акробата (они есть и сейчас в Каире), кувыркавшегося на спине бегущего ослика. Одна шокированная американская миссионерка пожертвовала яркие фланелевые штаны, чтобы бабуну прикрыли голый красный зад (Слейден). Самый фешенебельный район вокруг Клод-бея и северная часть Эзбекие превратились теперь в очаг публичных домов и дешевых кафе, обслуживавших в основном английских «томми». Улицы здесь были залиты огнями мерцающих электрических реклам, и из каждого кафе доносились звуки пианолы или пианино. Проститутки поджидали клиентов в переулках этого квартала.

Злачным местом были и некоторые районы Булака; вообще проституция была широко распространена по всему городу, большей частью европейскому. Центром левантийских публичных домов был квартал Род эль-Фараг, но и до этого в районе Баб аль-Лук можно было увидеть нагих египтянок, зазывавших клиентов, в связи с чем проститутки в Каире часто называли «Баб аль-Луки».

Богатые европейцы и египтяне веселились с необычайной пышностью, представители средних классов жили словно хорошо упитанные «домашние боги», а солдаты напивались в кафе и дебоширили в публичных домах. Жизнь была экзотичной, бурной и удивительно скучной, к сожалению, благодушную атмосферу «портили» египтяне. Еще в 1883 году англичане обещали уйти из Египта, как только египтяне «будут способны сами управлять страной». Но египтяне понимали, что это лишь обычный предлог для продления английской оккупации. Именно так думал и появившийся на политической сцене после восстания Араби подлинный защитник египтян, получивший образование во Франции, юрист Мустафа Кямиль.

Он мечтал о Египте, свободном от всех иностранцев, в том числе и турецкого двора, но понимал, что добьются этого не политиканы, ведущие политическую шахматную игру с англичанами в Каире. Мустафа Кямиль возлагал надежды на народ, национальное самосознание

которого накалилось настолько, что он был готов к сопротивлению. Кямилль – один из немногих египетских политических деятелей, веривших, что единственный правильный путь – это обращение за поддержкой к народу. Он призывал к открытию народных школ для детей и даже вечерних курсов для взрослых по всему Египту, где они изучали бы арабский язык и арабскую культуру. В 1905 году Мустафа Кямилль основал в Каире национальную партию «Хизб аль-Ватан», лозунгом которой было: никаких переговоров с англичанами, пока они не покинут Египет.

Мустафа. Кямилль несколько перегнал свой век, и его партия не выдержала испытания последовавших за этим событий. Любопытно, что Кромер вообще не упоминает Кямили в своей книге, хотя в его время Кямилль был, несомненно, самым опасным человеком в Египте. Даже Сторрс говорит о нем мимоходом, как о второстепенном деятеле. И все же именно Мустафа Кямилль заложил основы той политики, которая в конечном итоге привела к изгнанию англичан.

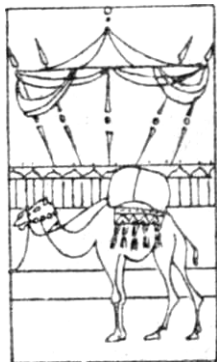
Если Мустафа Кямилль был в глазах англичан «неприкасаемым», то уважали они другого человека – Саада Заглула (Кромер считал его честным молодым человеком с блестящим будущим). Саад был честным, его ожидало отличное будущее, и он пытался избавиться от англичан. Но всякое проявление активной политической деятельности в Каире, будь оно враждебным или дружественным, в конце концов душили какие-нибудь «покровители». Сам великий Саад Заглул находился под покровительством принцессы Назли, племянницы Исмаила, и был ее стряпчим. Принцесса Назли баловалась политикой, хотя и считала себя слишком большой аристократкой, чтобы лично участвовать в политической жизни; зато она покровительствовала другим.

Принцесса принадлежала к кругу королевской богемы, говорила на четырех языках, даже немного по-арабски, и не боялась приглашать мужчин в свой салон. Стены ее приемного зала были оклеены страницами иллюстрированных журналов, и, пока посетитель ожидал появления принцессы, абиссинский слуга услаждал его слух игрой на пианоле, исполняя «Дом, родной дом». Назли была по-европейски воспитанной, культурной женщиной, но в то же время и убежденной мусульманкой; Китченера, которого она знала еще молодым капитаном, Назли именвала своим «приятелем-переростком». В политике она придерживалась проанглийской ориентации, тогда как Заглул, мужественно сражавшийся при Тель эль-Кебире, был ярким противником англичан. Саад глубоко погряз в этих фешенебельных салонах, особенно после того, как женился на дочери бывшего премьер-министра Мустафа-паши, близкого друга Кромера.

Ему все же удалось преодолеть соблазны англо-турецкой политики и остаться подлинным египтянином. Благодаря четкой политике Саада Заглула и его последователей, а также народной поддержке этой политики лорд Китченер (сменивший сэра Элдона Горста на посту резидента) был вынужден созвать в Каире Законодательное собрание. Египет в подражание англичанам начал свою парламентскую жизнь.

До самого ухода англичан из Каира политическая жизнь Египта определялась отношениями между английским резидентом, премьер-министром, парламентом, двором и политическими деятелями. Бесконечные встречи представителей одной группы с деятелями другой группы, личные беседы, хождение из учреждения в учреждение, из парламента во дворец, из дворца в резиденцию, из резиденции в салоны политических деятелей – вся эта каирская политическая карусель напоминала итальянскую оперетту, которая разыгрывалась под гневный аккомпанемент национального движения. Иностранцы в Каире (за исключением наиболее дальновидных) издевались и смеялись, как египтяне учатся управлять страной в духе европейского парламентаризма.

Но каждого английского резидента – от лорда Кромера до сэра Майлса Лэмсона (последний резидент) – больше всего пугала мысль, что рано или поздно Египет поймет, что ему совсем не обязательно подражать европейской парламентской системе, что есть иные пути. Политические события, явившиеся следствием первой мировой войны, показали египтянам, что действительно есть другой путь, и тогда борьба вспыхнула на улицах Каира.

14 Революционный Каир

азывая 1914 год годом крушения старого общества в Каире, Сторрс имел в виду, что первая мировая война подорвала основы английского правления в Египте, хотя европейцы в Каире войны и не ощутили. «Судя по лондонским газетам, Каир живет в напряженной военной обстановке, – писал Сторрс в 1914 году, – но... вчера тысячи людей собрались на ипподроме, где проходили скачки, теннисные корты переполнены; в клубном ресторане заняты все столики, базары открыты, и торговля идет всюю». Однако он добавлял, что египетским студентам, политическим деятелям и журналистам, распространявшим антианглийские слухи, грозил арест и высылка на Мальту.

В течение очень короткого времени война привела к массовому наплыву в Каир английских, австралийских, новозеландских и колониальных солдат, что, конечно, повлияло на нравы и обычаи города. Поскольку Египет в 1914 году формально еще считался независимой частью Османской империи, вступление Турции в войну на стороне немцев и ее довольно робкое нападение на Суэцкий канал все же поставили английские власти в Египте в сложное положение. Администрация по-прежнему формально находилась в руках турок, которые теперь стали врагами.

Более того, Англия с помощью своего замечательного агента Т. Лоуренса подстрекала арабов Аравии к восстанию против Турции, то есть к войне за национальное освобождение. Этот урок не ускользнул от внимания египтян, потому что впоследствии лозунг самоопределения стал единственным требованием, с которым были согласны все египтяне. И пока европейский Каир постепенно превращался в сумасшедший дом, где «гуляла» солдатня, в египетском Каире бурлила политическая жизнь. Вновь прибывшие в Каир английские солдаты развлекались, египтяне страдали от резко поднявшихся цен, а в деревне царил такая нищета, что в 1918 году умерло больше людей, чем родилось.

Солдаты все же принесли некоторое благополучие в Каир, и Сторрс, рассказывая о прибытии австралийских солдат, писал, что только они ежедневно расходовали в Каире 3-4 тысячи фунтов. Незримые узы между солдатами и Каиром, между «томми» и «диггером» (австралийским солдатом), с одной стороны, и каирцами – с другой, не прошли бесследно для обеих сторон. Сторрс считал, что пребывание армии улучшило внешний облик города. Он рассказывал, что, если

омнибус, в который запрягали ослов, не останавливался по требованию австралийцев, они просто опрокидывали его; они палили из револьверов в окна полубившегося им кафе.

По словам Сторрса, египтяне восхищались австралийцами, но побаивались их. Обри Герберт в книге «Монс, Анзак и Кут» (1919) писал, что австралийцы и египтяне недолюбливали друг друга. Сам он восхищался австралийцами, но писал: «Надо признать, что с местными египтянами австралийцы постоянно обходились грубо; рядовой австралиец не признает ничего превосходства, но сам не сомневается в своем праве на него».

Сторрс и Герберт были представителями высших классов Англии, поэтому хотелось бы привести и мнение самих австралийцев. В книге «Ад, колокола и мадемузели» (1932) австралийский герой войны Ф. Максвелл пишет, что в его подразделении, «казалось, собрались все подонки, безработные и преступники Сиднея», и с увлечением рассказывает о своей первой драке в Каире. «В Каире, – пишет он, – я впервые почувствовал себя в «действующей армии». Черные и белые сцепились в жестокой схватке, столбом поднималась пыль, мелькали руки и лица, слышался хруст черепов «джиппо», неслась шипящая и пронзительная брань. Гурии в одном из значных фешенебельных притонов навлекли на себя гнев солдат, и те разбушевались, словно ураган. Взлетали оружие и дубины, безвкусная мебель публичного дома питала костры на улице. Слухи о беспорядках распространились по городу... Казалось, весь Каир сбежался к месту действия... В разгар побоища из окна через пелену пыли вылетело на улицу пианино...»

Каир фактически стал для англичан серьезной проблемой, потому что был слишком заманчивым местом для офицеров и солдат, которым полагалось думать о войне, а не о развлечениях. Генерал Арчибальд Уэйвелл в своей книге «Палестинские кампании» (1928) упрекал сэра Арчибальда Маррея в том, что тот перевел свой штаб в Каир из Исфаилии: «Сидя в Каире, Маррей и его штаб потеряли контакт со сражавшимися войсками». Когда командование принял Алленби, он переместил штаб из Каира в лагерь около Рафа в Синайской пустыне (октябрь, 1917). Несмотря на это, много офицеров и солдат ухитрились проводить свободное время в Каире, и он по-прежнему был раем в восточном стиле. Даже такие люди, как Т. Лоуренс, приезжая в Каир, попадали под его чары. Сторрс писал, что Лоуренс («мой маленький гений») неустанно бродил по базарам и выискивал мечети.

Сколько английских солдат в годы войны почувствовало симпатию к египтянам? Сколько египтян, наблюдая поведение английских солдат, научились ненавидеть их или восхищаться ими? Египтяне – это утверждают все, кто жил в Каире или писал о нем, – вообще не склонны к ненависти, даже к своим угнетателям.

Во всяком случае, контакт с английскими солдатами был контактом с реальностью, которая скорее увеличила, нежели убавила, решимость египтян избавиться от оккупантов. Саад Заглул говорил: «У меня нет с ними личных счетов... но я хочу видеть Египет независимым». Так же рассуждали почти все египтяне. В основном английские солда-

ты хорошо ладили с отдельными египтянами, но в целом Каир казался солдатам городом жуликоватых, продувных, одетых в ночные рубахи египтян, населяющих многолюдные базары и улицы, прозябающих в средневековой нищете, которая им, по-видимому, нравится. Солдаты не видели за нищетой, грязью и голодом человека с его собственным миром, куда мог проникнуть только тот иностранец, который был способен понять, чего хотят египтяне от самих себя и от других. Мало кого из иностранцев волновали чувства египтян, а те немногие, кто пытался понять их, часто были ослеплены своим интеллектуальным превосходством. Поэтому все англичане (если не считать тех, что работали в каирской тайной полиции) недооценили подлинных настроений египтян в последний период войны, когда в Египте уже началась революция, а Каир стал городом баррикад и забастовок.

А привело к этой ситуации провозглашение Египта британским протекторатом. Англия фактически управляла страной с помощью декретов. В 1916 году было установлено военное положение. Военные трибуналы судили и гражданских лиц. Англия общалась с Египтом скорее как с враждебной, чем как с дружественной страной; в 1917 году англичане начали насильно набирать и даже похищать крестьян для службы в «трудовых» батальонах в Палестине. «Так бесстыдно снова был введен принудительный труд, – писал полковник П. Элгуд в книге «Египет на перепутье» (1928), – феллахов хватали на дорогах и на полях и под конвоем отправляли в армию». Одновременно конфисковывались ослы, верблюды и имущество феллахов, а также продовольствие. Китченер хвастал, что он положил конец принудительному труду, который практиковался на протяжении тысячелетий фараонами и оккупантами. А Эмиль Людвиг в книге «Нил и Египет» (1937) писал, что с 1914 по 1918 год англичане угнали 100 тысяч «свободных» египтян в Сирию, 8 тысяч – в Месопотамию и 10 тысяч – во Францию.

В конце войны «Четырнадцать пунктов» президента Вильсона породили у египтян надежды на независимость. Но когда Саад Заглул постучал в дверь английской резиденции и потребовал самоопределения для Египта в соответствии с «Четырнадцатью пунктами», ему разрешили говорить, а затем уйти, но через месяц его арестовали и сослали на Мальту. Весь Египет немедленно взбунтовался. Все города были захвачены египтянами, а Каир за один день превратился в город революции.

Стояли трамваи и поезда, вся жизнь остановилась, никто не ходил на работу. Рабочие устраивали забастовки и объединялись со студентами в мощных демонстрациях. «К 17 марта 1919 года Каир был отрезан от остального Египта, – писал лорд Ллойд в книге «Египет после Кромера» (1933), – железнодорожные линии разрушены, телеграфные и телефонные провода перерезаны». 18 марта по пути в Каир было убито восемь английских солдат. По словам сэра Томаса Рассела, ставшего позднее комендантом каирской полиции, город притаился за баррикадами. Улицы преграждали глубокие траншеи. Конная полиция и солдаты не могли передвигаться. Полиции приказали отрезать аль-Азхар, где находился штаб восстания, но, по словам Рассела, полагать-

ся на египетских полицейских было опасно. Он отговорил английские власти от этого шага. В новой Роли выступили в дни революции женщины: они сбросили чадру, обращались с речами к бастующим и создавали пикеты, строили баррикады и толпами участвовали в похоронах египтян, убитых в уличных сражениях.

Обстановка так обострилась, что англичане не решались вывести свои войска на улицы Каира. В один из опасных моментов, когда полицейские Рассела с трудом удерживали последние оплоты английской власти, на улицы вышли австралийские солдаты с хоккейными клюшками. Рассел спас положение и жизнь австралийцев, пообещав им «славную уличную битву» несколько позднее. Но долго сдерживать их Расселу не удалось, так как к этому времени египтяне, как писал он, уже высыпали на улицы вооруженные стамесками, кайлами, железными прутьями решеток и кричали: «Да здравствует революция!» Демонстрации не прекращались, завязывались перестрелки, но, по утверждению Рассела, многие столкновения были спровоцированы «европейцами из низших классов, потерявшими голову и стрелявшими в демонстрантов из окон своих домов». Когда египтяне, вооруженные палками и камнями, атаковали грузовики с солдатами, войска открыли огонь, убив 13 и ранив 30 человек. А за «убийство» английских офицеров 9 апреля казнили тридцать человек, в том числе некоторых известных представителей интеллигенции и политических деятелей. К этому времени английским солдатам тоже опостылела война, и по всем признакам на них нельзя было полагаться. Тогда английское правительство прислало в качестве специального верховного комиссара генерала Алленби. Он оказался достаточно умным человеком, чтобы учесть обстановку и сделать определенные выводы.

Алленби приказал немедленно отпустить Заглулу с Мальты. Пожалуй, именно этот акт в большей мере, чем другие политические и военные шаги, помог Англии еще на долгие годы удержаться в Египте, хотя в Англии Алленби подвергся жестокой критике за излишние компромиссы. Члены депутации, которую в свое время привел Саад Заглул в английскую резиденцию, стали ядром новой партии Вафд (Делегация), добивавшейся переговоров об уходе англичан из Египта, в противоположность националистам, которые все еще требовали немедленного и полного ухода англичан. Революция 1919 года была быстро взята под контроль партией Вафд. Хотя вафдисты еще продолжали забастовки и демонстрации в Каире, они дали Алленби достаточно времени перестроить силы оккупантов. Большинство вафдистов выступало против насилия. Алленби же был из тех, кто не боялся насилия. Подорвав освобождением Заглулу вафдистскую оппозицию, он объявил Египет на военном положении и подавил одну за другой все забастовки.

Зажугулу разрешили уехать с Мальты, но не позволили возвратиться в Египет. Он отправился в Париж, где обивал пороги мирной конференции в надежде добиться египетской независимости в соответствии с «Четырнадцатью пунктами» Вильсона. Однако 20 апреля 1919 года США признали английский «протекторат» над Египтом и тем самым

разбили все надежды египтян (которые лежали в основе их революции) на то, что великие державы признают право Египта на самоуправление.

В довершение всего к концу войны на мировом рынке снова вырос спрос на хлопок, и снова продюльственные культуры уступили место хлопку, а богатые европейцы и верные союзники англичан – феодалы наживали на хлопке состояния. Как писал сэр Джордж Янг в книге «Египет» (1927), «больше миллиона городских и безземельных пролетариев голодали». Это прежде всего относилось к Каиру. Египтяне бойкотировали специальную миссию лорда Милнера, посланную англичанами для «разработки деталей конституции» Египта. Значительную роль в бойкоте сыграли каирские женщины. Они угоняли трамвайные вагоны, мчались на них вдоль улиц, кричали: «Долой Милнера!» и размахивали плакатами перед носом европейцев. Валентайн Чирол писал, что школьницы Каира были настроены куда более воинственно, чем мальчики, и учителя еле сдерживали их страстные выступления против Милнера. Бойкот увенчался полным успехом, и миссия Милнера провалилась.

Заглулу разрешили возвратиться в Каир. Перед этим он вручил англичанам в Лондоне вафдистские требования независимости Египта.

Англо-египетские отношения ухудшились, несмотря на то, что Англия даровала в 1922 году Египту «суверенитет», а Фуада, бывшего тогда хедивом, сделала королем. За 18 последующих месяцев были убиты 17 английских чиновников и 20 англичан подверглись нападению среди бела дня. В 1924 году был убит сэр Ли Стэк, главнокомандующий английских войск в Египте. Эти акты насилия были стихийным выражением народного возмущения, и англичане отступали, но медленно и очень искусно, делая вид, что идут на уступки, на самом же деле не уступая почти ни в чем. В 1936 году был подписан англо-египетский договор, предоставлявший Египту некоторую долю независимости, чисто формально. В 1937 году Египет избавили от «смешанных трибуналов» (европейских судов), но это не удовлетворило египтян, так как английская оккупация продолжалась. Англичане господствовали в экономической жизни Египта и по-прежнему держали в руках канал. Земля, хлопок, канал и старый стратегический путь к Индии – вот что заставляло англичан цепляться за контроль над Египтом. Непрекращавшиеся акты насилия, выступления против оккупантов и угроза революции создали в Каире волнуемую и напряженную атмосферу, но не очень угрожающую.

Очевидный статус-кво, который англичанам удалось сохранять в Египте почти на протяжении двадцати лет, означал, что соотношение сил европейцев и египтян в Каире оставалось на прежнем уровне, точнее, было в пользу европейцев. Англичане по мере ослабления контроля над страной все больше нуждались в поддержке европейцев. Именно в это время европейцы из средних классов сами подписали свой приговор о предстоящем изгнании из Египта, хотя он вошел в силу только через двадцать лет. До 1937 года было выгодно оставаться в Каире иностранцем или человеком без гражданства, так как это избав-

ляло от египетских законов (в соответствии с режимом капитуляций) и от египетских налогов. Греки, итальянцы, киприоты, мальтийцы, сирийцы, румыны, французы, австрийцы, немцы, армяне и европейские евреи без гражданства – все жили здесь на положении постоянных иностранных резидентов, их дети рождались в Каире и не знали никаких других городов. Но глупое самодовольство, невежество и нахальство процветающей европейской общины становились невыносимыми и сулили неминуемую трагедию. Евреям, бежавшим от Гитлера, разрешался свободный доступ в Египет, они могли работать или заниматься бизнесом. Но, будучи европейцами и, как правило, выходцами из средних классов, они привезли с собой в Египет не свой семитизм (что могло бы сделать их братьями египтян), а свой европеизм, благодаря которому они в равной степени презирали и бедных арабов, и бедных египетских евреев.

В Каире всегда жили и бедные европейцы (особенно армяне). Почти каждый европеец в Каире имел хотя бы одну прислугу, а у многих представителей средних классов их было больше. Для них существовали врачи, больницы и новейшие лекарства, а питались они, безусловно, лучше и гораздо дешевле, чем кто бы то ни было в Европе. По данным доклада Египетской ассоциации социальных исследований 1938 года (его цитирует Чарлз Иссави), бедные египетские семьи (а бедным были 90 процентов семей) в 5-6 человек жили в одной комнате, работали в году 7½ недель и зарабатывали в среднем 9 египетских фунтов, расходовали на питание 52 пиастра (10 шиллингов) в месяц и постоянно не вылезали из долгов. В Египте была самая высокая смертность в мире: два ребенка из каждых четырех умирали, не достигнув пятилетнего возраста; 65 процентов населения болели малярией, в стране было больше, чем где-нибудь в мире, слепых, и люди существовали на пайке, почти не включавшем рыбы, яиц, молока, мяса, масла и даже пшеницы. 70-80 процентов феллахов страдали от билгарциоза или анкилостомоза (билгарциоз – болезнь, распространяемая через воду, которую используют для орошения хлопковых посевов).

За время оккупации англичане не прорыли ни одного артезианского колодца для деревни, не организовали медицинского обслуживания египтян ни в городе, ни в деревне, не занимались всерьез строительством новых школ, жилых домов для местного населения, не думали об улучшении здравоохранения и жизненных условий местных жителей. Англичан нельзя назвать жестокими оккупантами, но египтяне справедливо обвинили их (и с этим согласны почти все английские экономисты и социологи, изучавшие Египет) в том, что они не сделали абсолютно ничего, чтобы поднять жизненный уровень рядовых граждан Каира и всей страны.

Трудно винить в этом отдельных англичан или европейцев – уроженцев Каира, хотя они и способствовали создававшемуся положению. Европейцы в Египте сами были побочным продуктом трагической истории иностранной оккупации, и даже если они хорошо жили, хорошо ели, то считали, что так оно и должно быть.

Средний каирский европеец внешне довольно привлекателен; смешанные браки различных рас дали очень красивых девушек, пожалуй, красивей, чем где бы то ни было. Оглядываясь назад, можно сказать, что положение европейцев в Каире было очень обеспеченным, и они, в свою очередь, содействовали неуклонному развитию торговли в городе. Особенно привольно жилось европейцам между двумя мировыми войнами. Каждое утро они потоком устремлялись к центру города, повседневная жизнь которого зависела от их труда: прекрасно ухоженные машинистки, секретарши, студенты, продавщицы, Учителя. Они приезжали на трамваях и автобусах из зеленых пригородов – Матарии, Куббе, Гелиополя или Маади. Европейские девушки вели себя с большим достоинством, выгодный брак с отпрыском солидной буржуазной семьи был почти единственной надеждой на будущее. Принадлежность к той или иной категории среднего класса часто определялась паспортом, но Религия была даже важнее национальности. Как правило, католики женились на католичках, протестанты – на протестантках, евреи – на еврейках, но поскольку все они, будучи европейцами, кончали английский миссионерский колледж или Французский лицей, в числе выпускников этих заведений могли быть греки, итальянцы, французы, армяне, сирийцы, испанцы, евреи из Центральной Европы, копты, мусульмане, англичане, немцы, шведы, а может быть, и венгры или европейцы без гражданства, а также русские эмигранты. Эта европейская молодежь представляла собой коллектив, объединявший всех, кроме египтян. Они плохо говорили на языке страны, в которой жили, но считали Каир своим городом.

В памяти большинства этих людей Каир остался местом своего рода беспечной и счастливой юности. Им принадлежали не только кафе и бары, кинотеатры и бассейны для плавания, спортивные клубы и театры; в этом мягком, теплом и солнечном климате, где большую часть года тепло и солнечно, чудесные пригороды Каира и даже сама пустыня являлись фантастическим обиталищем. Летом, кончая работу в час дня, в самый разгар жары они спали голышом на прохладных простынях, за затененными окнами. В пять часов вечера они появлялись для того, чтобы танцевать, плавать, пить лимонад и лакомиться пирожными в кондитерских. Они заполняли рестораны, кинотеатры, сады, отели, ехали в пустыню или к пирамидам.

Для них Каир был большой деревней. Все знали все друг о друге, кто где работает, кто женился, у кого родился ребенок, знали все скандалы и интриги, слухи о которых распространялись в старом грешном городе как будто с помощью телепатии. Европейские женщины не носили чадры и пользовались всеми свободами, какими пользовались женщины в Европе. После революции 1919 года большинство египтянок из высшего и среднего класса сбросили чадру, но, пока царствовал Фуад, обитательницы королевского гарема на людях носили чадру, а в опере сидели в специальной ложе за ширмой. Несмотря на всю европеизацию нравов, в семьях сохранялись строгие порядки, а сложное переплетение моральных правил мусульман коптов, католиков и евреев, пришедших к компромиссу по основным проблемам секса, браков

и поведения, создавало свою образную, почти эротическую атмосферу, сочетавшую строгость и распушенность, господство моральных догм и попытки их обойти. В целом это было беспечное веселье, вне подлинной культуры, вне национальных традиций, вне чувства принадлежности к городу или стране, без всяких планов на будущее. Молодые люди даже не понимали, что обречены, ибо не могли представить себе, что Египет может обойтись без них.

Богатые и принадлежавшие к средним классам египтяне тоже пользовались привилегиями иностранцев, и если в период между двумя войнами египтянин и иностранец в Каире находили общий язык, то скорее на классовой основе, чем на расовой. Зажиточные молодые египтяне мечтали о европейском образовании в Египте или за границей, так как египетская высшая школа только начинала пробиваться и уровень ее не отвечал требованиям современного общества.

Большинство европейцев и некоторые египтяне учились в Американском университете в Каире, но египтяне из среднего класса и победнее поступали в университет Фуада I, находившийся за рекой в Гизе. Этот государственный университет был детищем независимости 1922 года, но задолго до того за создание университета боролись такие люди, как Таха Хусейн и Мустафа Кямиль. Низкая плата за обучение и улучшение системы средних школ привели к тому, что в египетские колледжи и университеты стало поступать больше молодежи. В этом сказалось стремление египтян всех классов получить именно египетское образование, на арабском языке. Но для чего?

Египет все еще пребывал во мраке феодализма. Экономике страны по-прежнему контролировали англичане, двор и феодалы-помещики. Анатолий Галатоли в книге «Египет на середине пути» (1950) указывал, что еще до второй мировой войны Англия заставила египетское правительство ввести высокие налоги на товары местного производства, в частности, налог в 8 процентов на египетские хлопчатобумажные ткани. Тем не менее стали появляться отдельные отрасли промышленности, которые не конкурировали с английской: сахарные заводы, заводы по производству растительных масел, винные, цементные заводы и кожаные фабрики. И все же в 1939 году 50 процентов египетских предприятий не имели рабочих, на них работал только сам хозяин, 35 процентов предприятий имели от 1 до 9 рабочих, и только 19 процентов предприятий нанимали более 10 рабочих. Таким образом, Каир почти ничего не мог предложить молодым людям, которых готовили к управлению, к работе администраторов, инженеров, учителей, к офицерской службе в современном государстве. Но современного государства не существовало, и молодежь отдавала свой досуг политике. Политика была ее единственным занятием, единственной надеждой, и в Каире не прекращались студенческие демонстрации и уличные столкновения.

Перед молодежью стояла извечная проблема: во что верить, кому доверять, кого ненавидеть и кого, если понадобится, убивать. Это было новое, энергичное поколение, и необходимо было что-то для него сделать, чтобы в Каире не повторился 1919 год. Нередко страсти

разгорались из-за лозунгов, не стоивших выеденного яйца, и во многих случаях гнев и возмущение возбуждали отъявленные шарлатаны. Некоторые стали фашистами, другие – добрыми буржуазными либералами, третьи – религиозными фанатиками, четвертые – коммунистами. И хотя все они считали себя националистами, они дрались меж собой с таким же ожесточением, как и против англичан.

Таким образом, перед страной не было ясного пути к национальному освобождению, ибо в партийной политике все еще царил коррупция и гнилость. Принципом «разделяй и властвуй» пользовались не только англичане, но и старые политические деятели, король и землевладельцы. Существовал другой фактор, не новый, но игравший теперь все более важную роль. Концентрация капиталов в руках феодалов, не знавших, что с ними делать, начала подтачивать интересы самих землевладельцев, которые до сих пор извлекали выгоду из этого процесса. Они хотели теперь вкладывать деньги не только в урожай, торговлю или строительство домов в Каире, но и в более выгодный бизнес. В 1939 году египетский капитализм упорно пытался пробить себе дорогу и в той или иной мере начал отождествлять себя с движением за национальное освобождение.

Этот процесс «естественного» экономического возрождения, попытки объединить крестьянскую бедноту, городских рабочих, молодежь и безработных интеллигентов, недовольных офицеров и разочарованных феодалов остановила вторая мировая война, вновь изменившая жизнь Египта. Война принесла неожиданное процветание, особенно Каиру, но в то же время довела до накала чувства египтян и обострила политический кризис.

И снова судьба Египта должна была решаться на улицах Каира.

15 *Конец оккупации*

Вспоминая книгу Сторрса о Каире в начале первой мировой войны, есть смысл привести также высказывание и другого внимательного наблюдателя – Алана Морхэда, писавшего о Каире в дни войны 1939 года в книге «Африканская трилогия» (1944): «Скаковой клуб кишел прибывшими из Англии офицерами, и в душном, ярко освещенном городе в открытых кинотеатрах каждую ночь шли новые фильмы... У нас были французские вина, дыни, виноград, бифштексы, сигареты, пиво, виски и масса иных вещей, являющихся атрибутами мирного богатства и безделья. Офицеры снимали роскошные квартиры в районе Гезиры, выходящие окнами на площадки для гольфа и Нил. В послеполуденный зной энтузиасты продолжали играть в поло. С 1 часа до 6 часов вечера вообще никто не работал. Да и в остальное время в комфортабельных конторах работа текла еле-еле, перемежаясь с питьем турецкого кофе, обсуждением городских сплетен и покуриванием ароматных сигарет... В кабаре около Пон дез Англез извивались в танце живота девочки мадам Бадии».

История смеялась над собой, и снова публичные дома Клот-бея были забиты английскими солдатами – томми. Отели «Шепердс» и «Континентал-Савой» переполнили штабные офицеры в замшевых ботинках, со щегольскими стеками и традиционными метелками, чтобы отгонять мух. На улицах египтяне изобретали тысячи трюков, чтобы выудить пару пиастров из карманов краснорожих солдат. Как и раньше, они получали гроши, а европейские и левантйские спекулянты, дельцы черного рынка, богатые египтяне и англичане наживали состояния.

Каир процветал. Английские солдаты, впервые в жизни увидевшие яркое солнце и пустыню и вдохнувшие чистый воздух, голодными глазами провожали красивых европейских девушек, показывавших стройные ножки на улицах, в трамваях и кафе. Многие солдаты приехали из жутких условий мрачных и угрюмых трущоб английских городов, еще не оправившихся после депрессии. Большинство даже не видело такого комфорта, которым они каждодневно наслаждались в Каире. Местные европейцы были щедры на дружбу и помощь. Однако отношения английских солдат и офицеров с европейскими девушками вскоре привели к своеобразной неразберихе и путанице, которую немногим удалось избежать. Не один добропорядочный английских брак рухнул в эти мягкие каирские вечера, когда, казалось, любовь носилась по городу на крыльях экзотической мечты.

Помимо английских, шотландских и ирландских солдат, в Каире постепенно появлялись солдаты и других наций. Египетские власти простили только об одном – чтобы услали куда-нибудь подальше австралийцев. Их направили в Палестину. Вместо них прибыли свободные французы, затем греки, чехи, поляки, датчане, югославы, новозеландцы, киприоты, мальтийцы, палестинцы, южноафриканцы, родезийцы, американцы и индийцы.

У англичан в Каире было два штаба: английских войск в Египте, расположившийся в отеле «Семирамида» на Ниле, и штаб ближневосточных войск, под который отвели целый квартал реквизированных и окруженных колючей проволокой зданий в Гарден-сити. Штаб английских войск в Египте фактически был частью старых английских оккупационных войск, дислоцированных главным образом в районе Суэцкого канала. Ближневосточный штаб руководил армией, которая стояла лицом к лицу с итальянцами и должна была теснить их к Ливии. Любопытно, что генерал Арчибальд Уэйвелл, командовавший ближневосточными силами Англии и критиковавший генерала Маррээ за то, что тот держал свой штаб во время первой мировой войны в Каире, сам устроил штаб-квартиру в этом городе. Справедливости ради надо сказать, что Уэйвелл не терял контакта со своими войсками, находившимися в пустыне. Из всех генералов, сражавшихся в Египте во вторую мировую войну, только Уэйвелл, а затем Монтгомери всегда знали, что происходило в пустыне. Несмотря на это, именно штабные офицеры проявляли особую «привязанность» к Каиру, хотя настоящим грешником в этом отношении был назначенный позднее главнокомандующим генерал Окинлек. Как писал в своей «Трилогии» Алан Морхэд, восхищавшийся Окинлеком, генерал считал, что он может, сидя в Каире, контролировать сражающиеся в пустыне войска и что своими советами и поощрениями из каирской штаб-квартиры он способен воодушевить солдат. Однако сам Морхэд доказал в книге, что практика опрокинула эти «теории».

Но не только генералы потеряли всякий контакт с солдатами. Тысячи офицеров резвились в Каире и проводили время, словно принцы, в клубах и плавательных бассейнах, что вызывало на этот раз большее возмущение английских солдат, чем в первую мировую войну. Классовый антагонизм, приведший к падению Черчилля в 1945 году – в разгар его карьеры, возможно, зародился именно в гуще английских солдат, расквартированных в разгульном Каире. Время от времени делались попытки – чаще всего безуспешные – перебросить хотя бы часть развлекавшихся в Каире офицеров в Ливийскую пустыню, где военная обстановка была поистине отчаянной. Но в Каире все оставалось по-прежнему, пока наконец Монтгомери не вывел Восьмую армию из Египта, чтобы преследовать Роммеля. Конечно, во время войны в пустыне в армии были как блестящие и преданные офицеры и генералы, так и безнадежные идиоты. Но Каир на протяжении почти всех военных лет оставался в руках старой офицерской элиты.

Все местные европейцы были рады присутствию английских войск. Они наживались на войне. Исключение составляли итальянцы, ко-

торых интернировали независимо от того, поддерживали они Муссолини или выступали против него. Формально Египет до 1945 года не был в состоянии войны с державами оси, но в самом начале военных действий он порвал дипломатические отношения с Германией и Италией. Итальянцев интернировали не англичане, а египтяне, поскольку те находились на египетской территории. Но антиитальянских чувств египтяне не питали и поэтому с интернированными обращались мягко, против чего не возражали англичане. Многие из местных итальянцев были фашистами, но не предпринимали серьезных попыток помочь Муссолини. В целом же они были, пожалуй, наиболее популярными иностранцами в Каире.

Подлинными вражескими агентами в Каире во время войны были немцы, и английская тайная полиция весьма успешно вылавливала их. Майор А. Сэнсом, глава одного из департаментов английской контрразведки в Каире в годы войны, рассказывает в своей книге «Я шпионон за шпионами» о том, как умно действовала, английская контрразведка, не гнушавшаяся услугами проституток и мелких преступников, которых она вербовала в качестве агентов. Хотя Сэнсом (кстати, один из самых порядочных и хорошо осведомленных наблюдателей) и вскрывает всю подноготную Каира военных лет, он в то же время невольно разоблачает те методы, к которым прибегали англичане, чтобы обеспечить себе безопасность в Каире.

Некоторые офицеры Сэнсома были известными людьми. Так, он рассказывает, как «отличился» во время облавы в каирском кафе, где они выследили вражеских агентов, Кристофер Соумс (позднее министр сельского хозяйства в консервативном правительстве и зять Черчилля). В кафе пришел «мирно выпить чашечку кофе» Хусейн Сири-паша, бывший египетский премьер-министр, и Соумс «уложил его одним ударом стека». Контрразведка Сэнсома успешно совмещала охоту на немецких шпионов и мятежных египтян, которые нередко действовали заодно. Многие молодые египтяне питали к англичанам не больше симпатии, чем к немцам, и потому охотно сталкивали их лбами.

Это Сэнсом с помощью еврейской танцовщицы раскрыл тайное убежище немецких шпионов, которые пробрались в Каир с английской валютой и радиопередатчиком и роскошно устроились на яхте на Ниле. Но Каир оказался для них ловушкой. Им так понравилось пребывать в веселом старом городе, с состоянием в карманах и девушками в постелях, что они не очень заботились о шпионских заданиях. А Сэнсому не составило большого труда захватить их, хотя для этого он долго вел темные интриги в подозрительных кафе, подкупал осведомителей и прибегал к типичным методам шантажа.

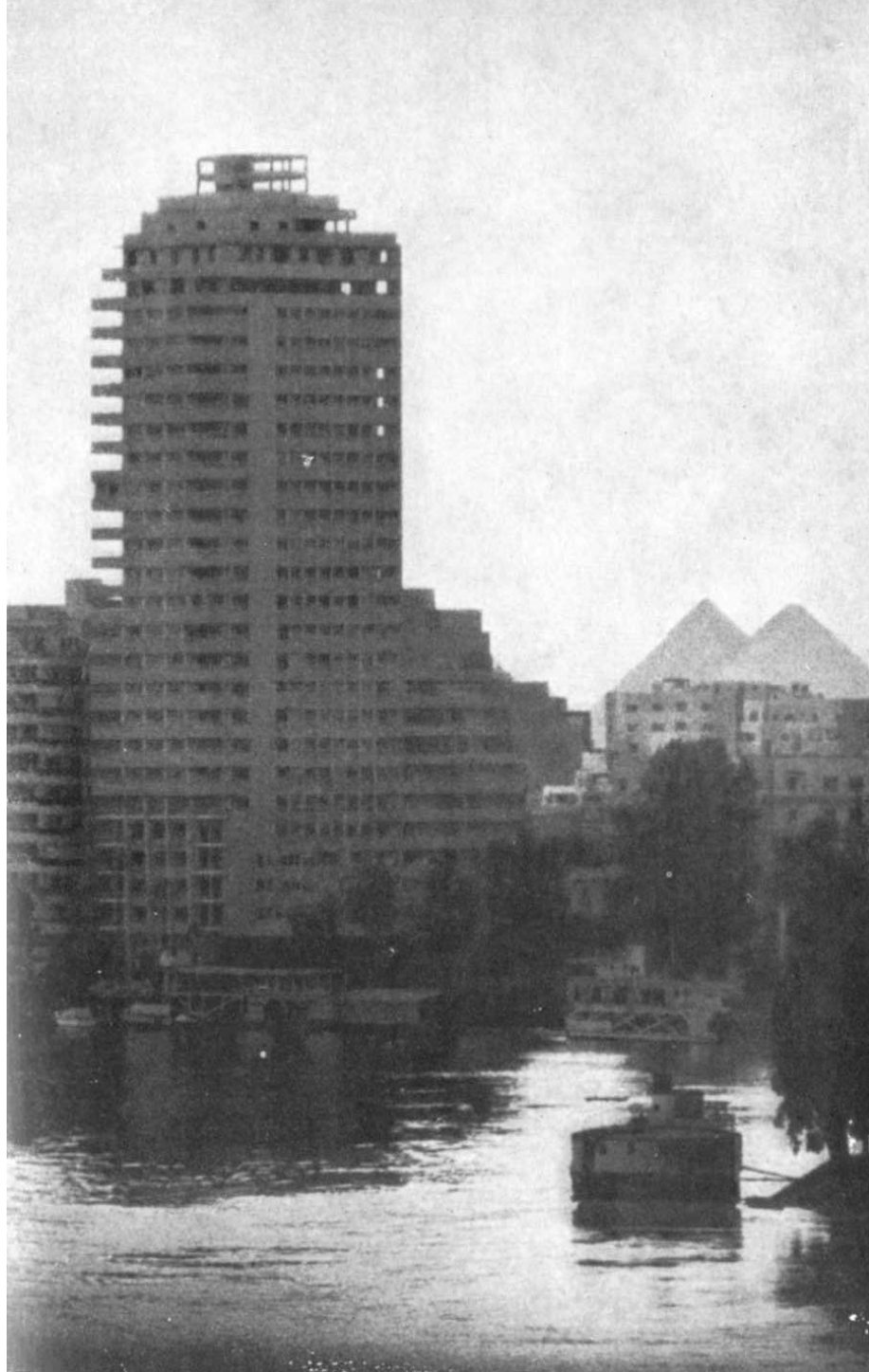
Во время войны Англия начала ощущать нужду в промышленной и технической помощи Египта, ибо она не могла удовлетворять потребности армии за счет поставок из далекой Англии, тоже испытавшей много трудностей. За короткий срок в Каире были созданы огромные ремонтные мастерские для армии. Англичане подготовили и взяли на работу тысячи египтян – механиков, слесарей, электромонтеров, води-

телей. Позднее около Каира большое ремонтное депо построили американцы, они учили египтян шлифовать линзы, чинить инструменты и обращаться со сложным оборудованием. Египтяне ремонтировали не только военное снаряжение, но и свои собственные трамваи, железнодорожные вагоны, автомашины и автобусы, столь нужные стране. В те дни на задворках Каира можно было часто видеть дюжину парней, которые с помощью примитивного оборудования отливали или вытачивали на станках самые различные части автомобильных моторов.

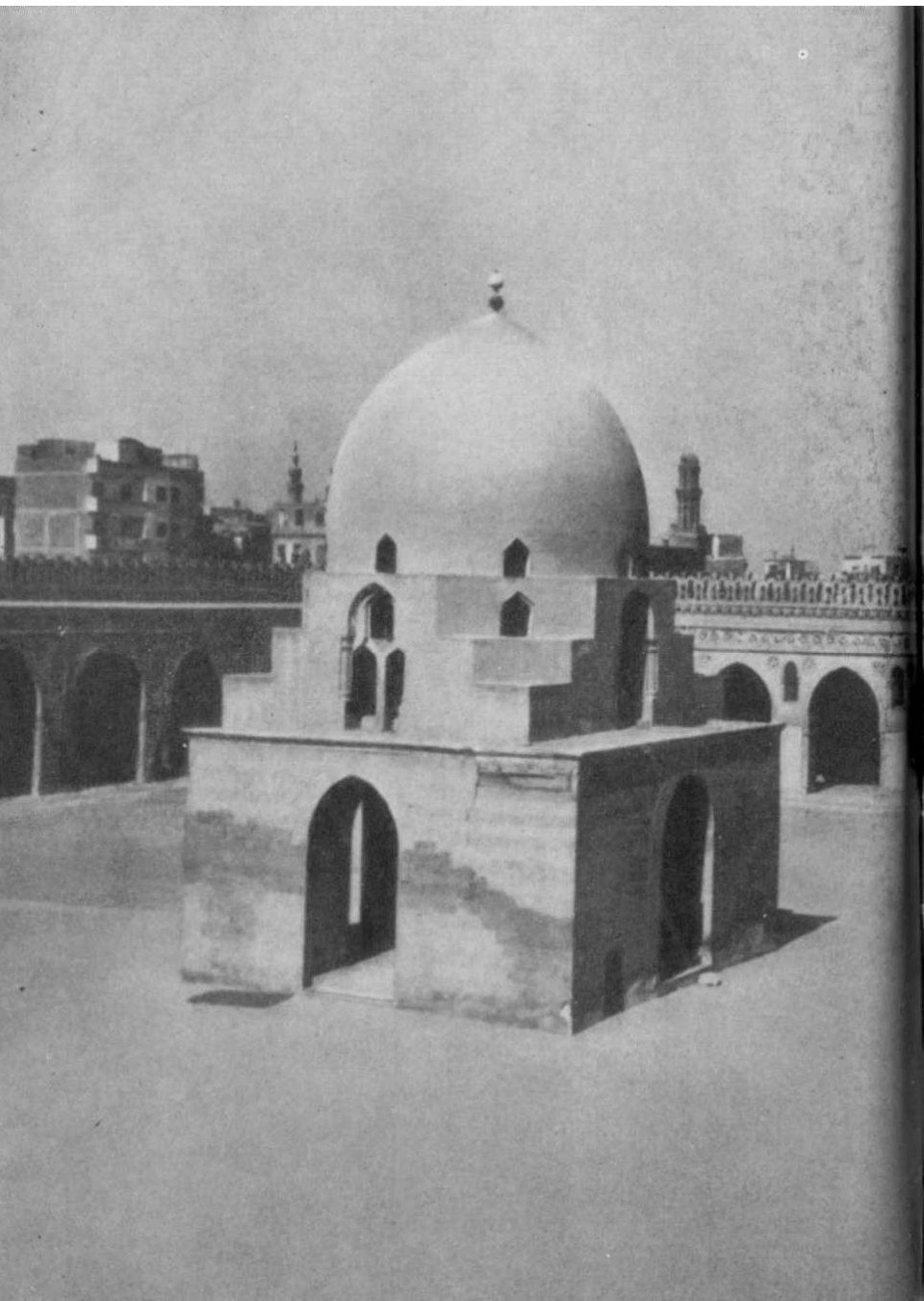
Надо было развивать и легкую промышленность, хотя бы для снабжения английской армии. Накануне войны (в 1937 году) в египетской промышленности было занято намного меньше рабочих, чем десятью годами раньше. Высокие пошлины успешно погубили местную промышленность. Но во время войны Египет начал производить свои ткани не только из хлопка, но также из шерсти и шелка. Армия нуждалась в промышленности по обработке пищевого сырья; производство сахара росло; заводы давали все больше хлопкового масла; небывалого расцвета достигло дубильное производство, и одной из важных отраслей египетской экономики стала кинематография с фильмами на арабском языке. Но самых больших успехов Египет достиг в развитии горнорудной, нефтеочистительной, цементной промышленности и таких новых отраслей, как химическая и металлургическая.

Вместе с ростом промышленности росла и сознательность рабочих. В Египте существовали профсоюзы, которые якобы должны были объединять рабочих. Но на практике это были профсоюзы, созданные или частными фирмами, или правительством, с которыми они и «сотрудничали». Интересы крепнувшего городского рабочего класса они не представляли. И все же забастовки в Каире не прекращались. В 1942 году прокатилась волна забастовок, вызванных ростом цен, притом заработная плата оставалась низкой, а рабочий день – длинным. Полиция жестоко подавляла забастовки, сотни рабочих сидели в тюрьмах. Но по крайней мере подлинные рабочие профсоюзы завоевали право на легальное существование. В процессе усиления массовой борьбы совершенно иным становился сам египетский рабочий. Так, англичане, нанимавшие тысячи рабочих, фактически помогали возникновению нового рабочего класса в Каире. Во время войны на англичан работало 200 тысяч египтян, из них 80 тысяч стали квалифицированными и полуквалифицированными рабочими.

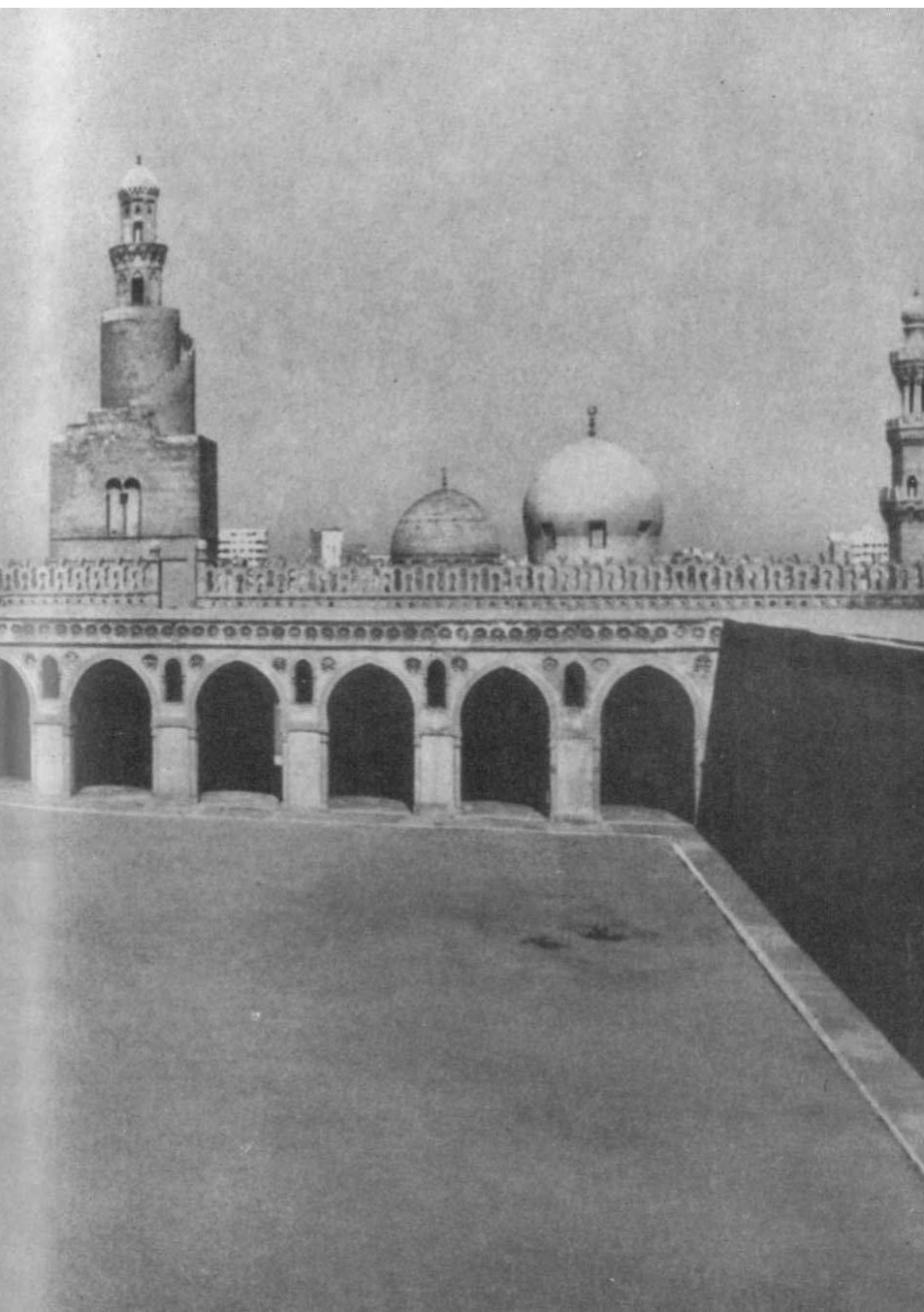
Экономические процессы, вызванные военными усилиями англичан в Африке, вели не только к росту рабочего класса, но и к накоплению Египтом наличных денег и капиталов. Ежегодно во время войны английские войска расходовали в Египте около 10 миллионов фунтов, а в Англии у Египта накапливались большие стерлинговые резервы от платежей за хлопок, составившие к концу войны 400 миллионов фунтов. Феодальная система мешала использованию накопленных Египтом денег внутри страны и капитала за границей. Многие египтяне, принадлежавшие к самым различным классам, искали выхода в промышленном развитии страны, которое невольно поощряла Англия. Таким образом, на феодальном лице Египта появилась солидная капита-

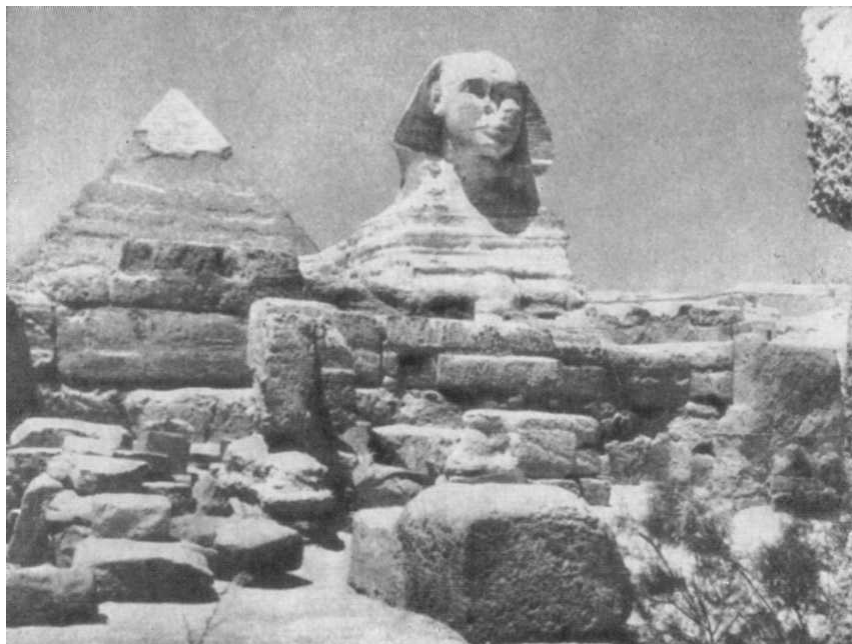

Современные жилые дома на берегу Нила. На горизонте – силуэты пирамид.

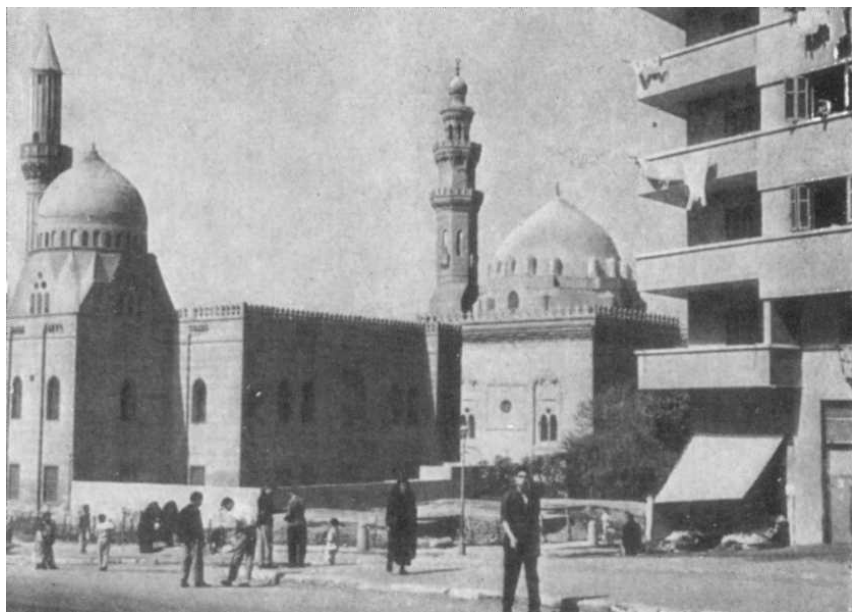
Двор мечети Ибн-Тулуна. Слева – фонтан для омовения, на заднем плане – минарет.

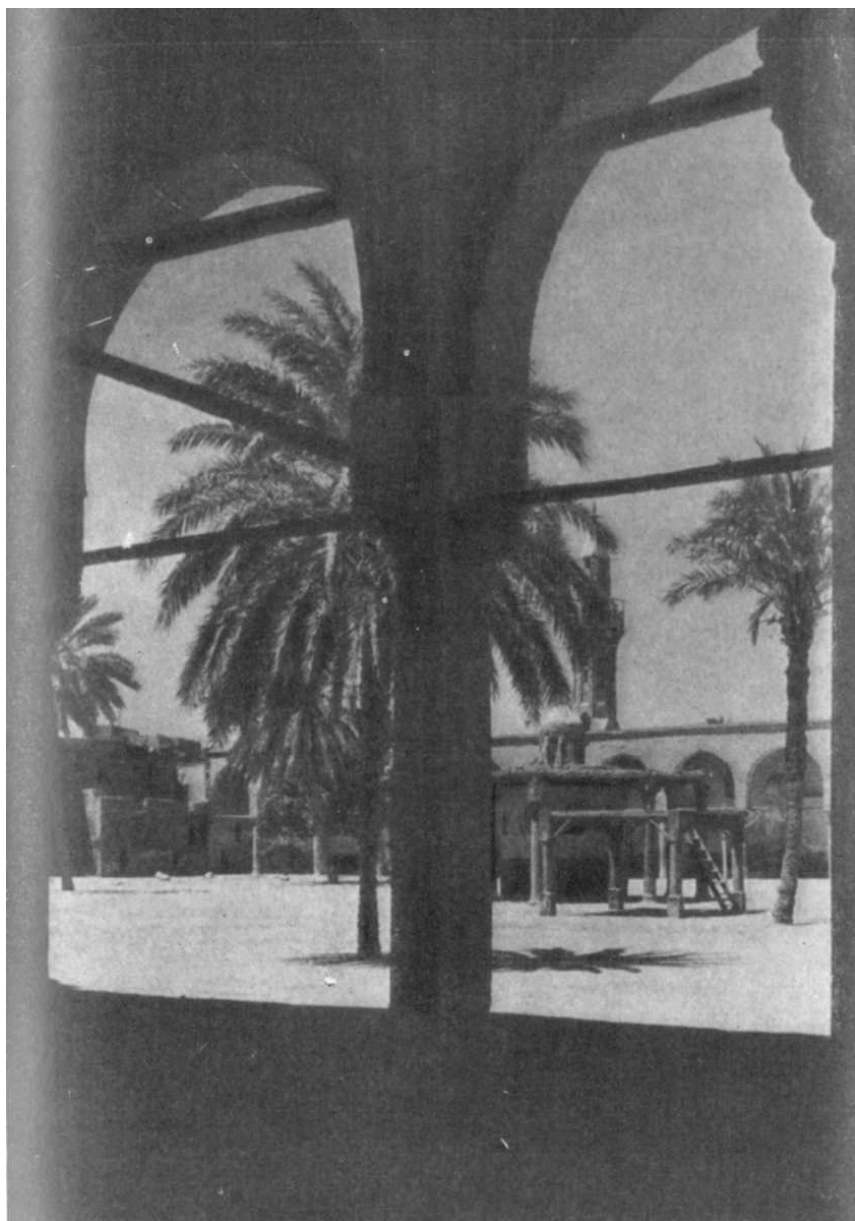

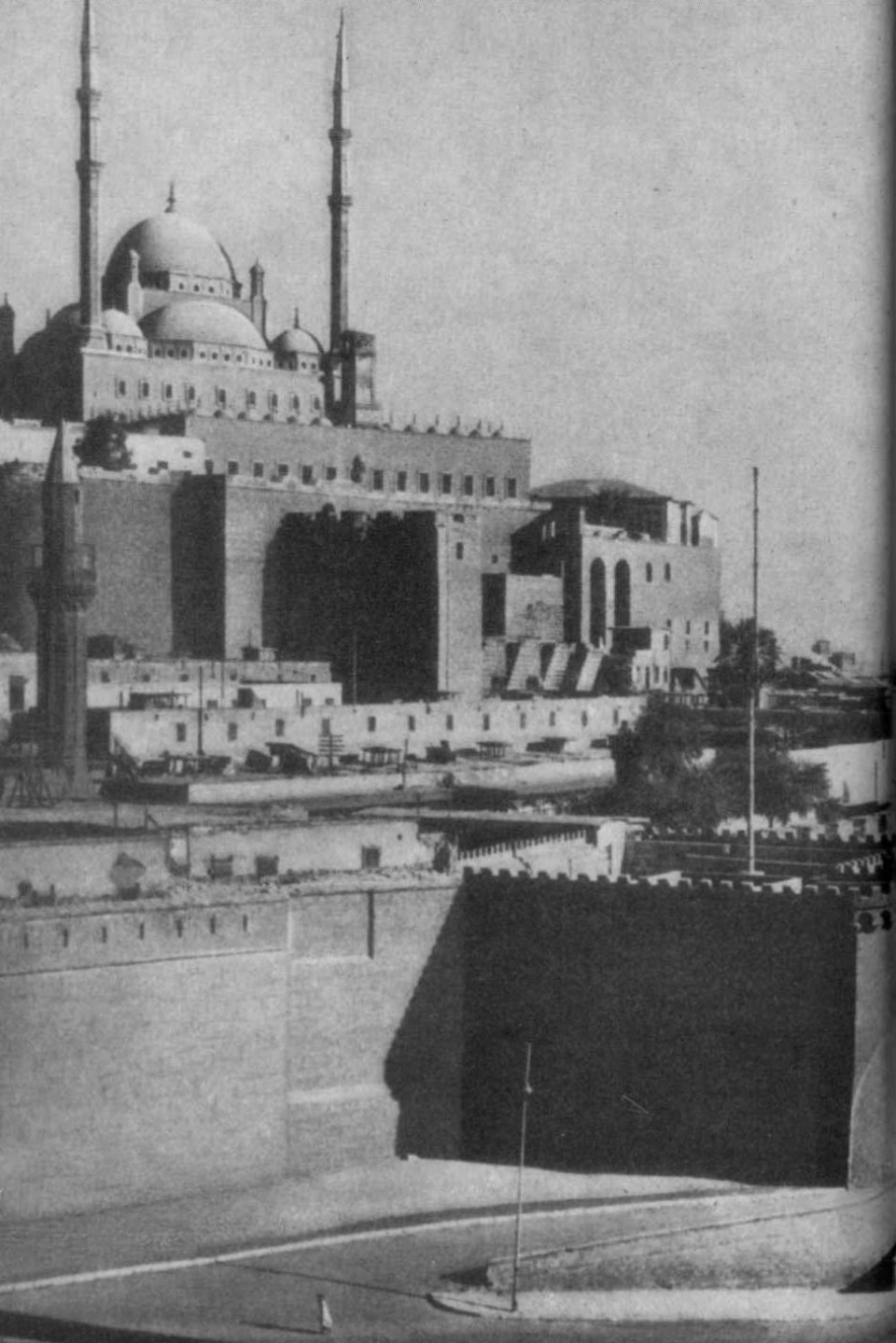
Сфинкс и пирамида Хефрена в Гизе.

Мечеть-мадраса султана Хасана.

Вид во двор мечети Амр иби аль-Аса.

Вид на цитадель. Слева – мечеть Мухаммеда Али.

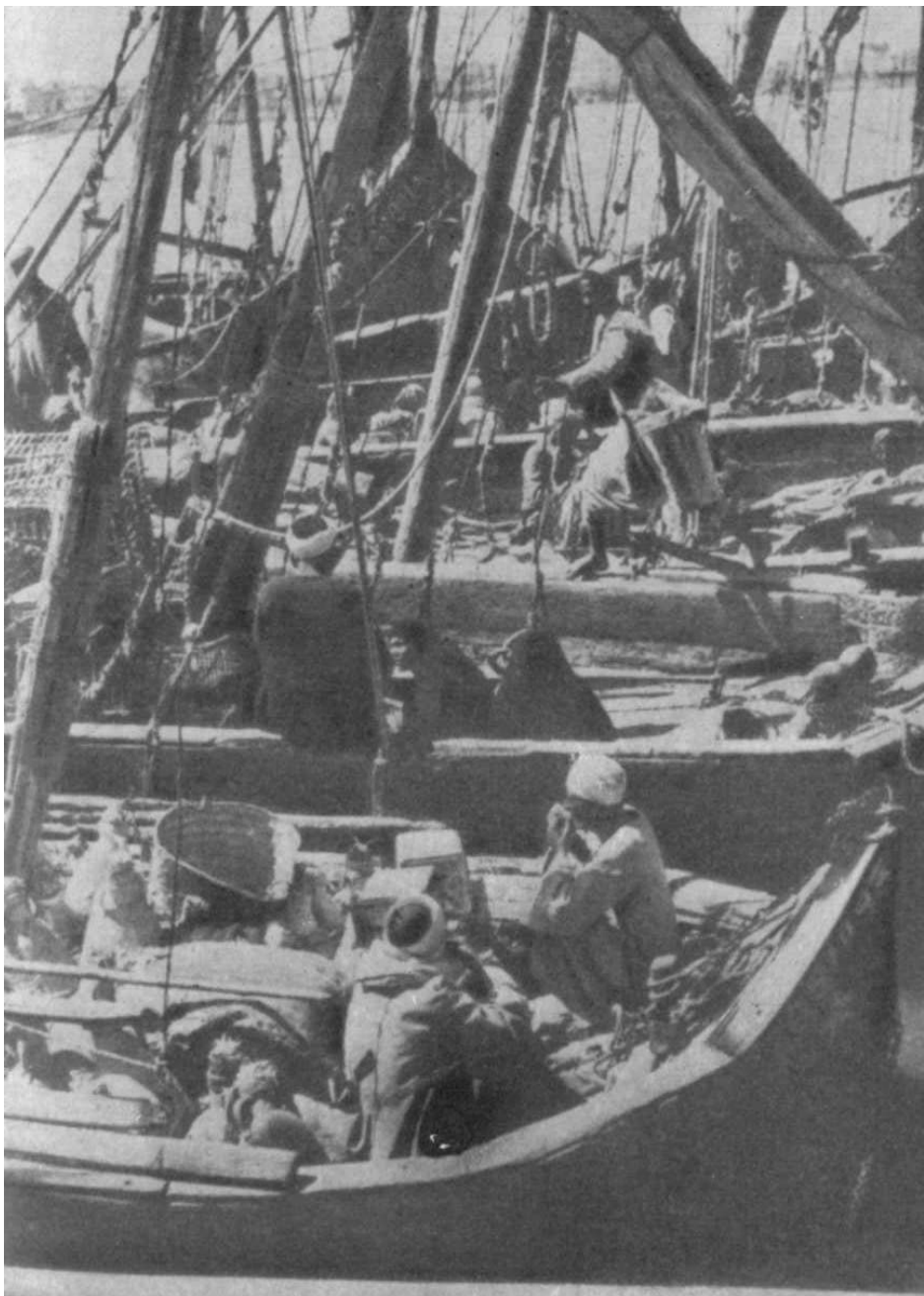
Мечеть аль-Гиуши на Мукаттамских холмах. Слева видна цитадель.

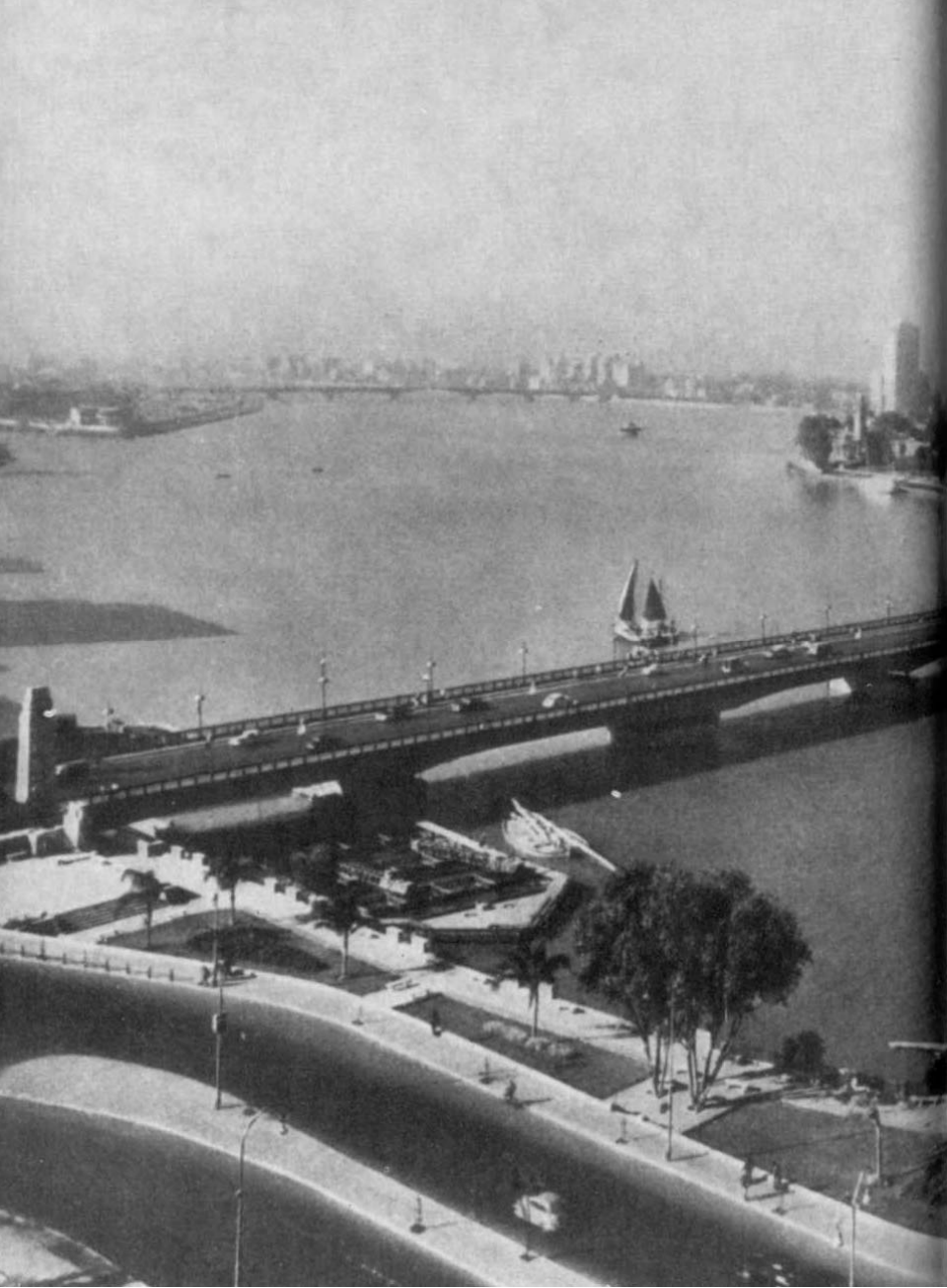
Минарет мечети Аксанкура.

Мечеть эмира аль-Юсуфи.

Баркасы на Ниле.

Вид на Нил из отеля «Нил-Хилтон».

На одной из улиц Каира.

Школьники со своим учителем в Египетском национальном музее.

Египтяне полны решимости дать отпор израильским агрессорам.

листическая трещина, которая должна была неминуемо расширяться. Но все это было впереди, а пока что военные факторы определяли, каким быть правительству Египта, как развиваться жизни и экономике Египта и каким городом быть Каиру.

В июле 1942 года Роммель отгеснил англичан почти к Александрии, и его удалось остановить у аль-Аламейна только потому, что выдохлись немецкие войска и слишком растянулись линии коммуникаций и снабжения. Английские грузовики, вооружение и солдаты потоком хлынули в дельту. Англичане в беспорядке и панике отступали к Каиру.

Каир был переполнен не только солдатами, отступавшими из пустыни; солдат, служивших в различных штабах, срочно отправляли в лагерь на переподготовку. Штабные офицеры просто готовились к отступлению из города. Паника заразила все население Каира, хотя европейцы волновались куда больше египтян. Английские офицеры наконец покинули спортивный клуб в Гезире и стали в растянувшуюся на несколько кварталов очередь у Барклайз-банка, где хранились их деньги. Казалось, на сей раз действительно всему пришел конец. Клубы дыма нависли над зданиями английских штабов и посольства, где в ожидании эвакуации поспешно сжигали документы.

Из города потянулись беженцы, а каирский вокзал напоминал сумасшедший дом: английские солдаты, штатские и женщины переполнили поезда, отправлявшиеся в Палестину, Луксор и Судан. Многие евреи, бежавшие из Европы от Гитлера, теперь пробовали спастись от Роммеля.

Главнокомандующему Окинлеку в конце концов пришлось вывезти свой штаб из Каира. Английские солдаты горько смеялись над этим запоздалым жестом, который, безусловно, не имел военного значения. Была в июле неделя, когда никто не знал, чем все это кончится. Но куда аль-Аламейн держался, а Роммель не мог продвинуться, Каир почти вернулся к нормальной жизни. Однако ему уже не суждено было никогда стать таким, как до переполоха. В это время Окинлека сменил генерал Александер, а Монтгомери готовился принять командование Восьмой армией в пустыне.

За период между августом 1942 года, когда Монтгомери стал командующим, и октябрём – ноябрём 1942 года, когда он выиграл решающую битву под аль-Аламейном, Каир принял вид настоящего фронтового города. После аль-Аламейна война продолжалась уже за пределами Египта. Она закатилась, словно тусклое европейское солнце за западным горизонтом, и Каир потерял фантастический блеск, присущий ему в привольные годы оккупации. Город приступил к серьезному решению незаконченного конфликта между феодально-иностраным режимом и новыми идеями, причем первым пунктом повестки дня все же было национальное освобождение.

Сложная политическая борьба, приведшая к революции 1952 года, кажется сейчас чем-то незначительным. Действительно, политическая жизнь Каира 1940-х годов напоминала театральные репетиции серьезной драмы, главным конфликтом в которой было столкновение воли

старого и горячей страсти нового Египта. Так, казалось неизбежным, что король, расточавший наличные деньги феодального режима, пустится теперь в неудержимый разгул. Распутство Фарука можно сравнить с нравами двора при халифате, но это было бы для короля комплиментом. Фарук был просто вульгарным развратником, раздувшимся сексуальным пузырем. Компаньонами ему служили подонки и лакеи вроде Пули, его поверенного во всем, что касалось политики и женщин.

Итальянец Пули работал дворцовым электромонтером, пока Фарук не превратил его в самую влиятельную закулисную фигуру в Египте. Трудно сейчас решить, развращал ли Фарук других людей или сам пал жертвой коррупции. Да и не в этом дело, ибо та неограниченная власть, какой пользовался Фарук – вроде безумного халифа, Хакима, – превратила просто ненормального короля с омерзительными склонностями в сексуальное чудовище, которое угрожало жизни людей и требовало жертв. Как рассказывают, только глупец мог вывести в каирский свет красивую жену, ибо стоило королю увидеть ее и захотеть, как не было пути воспротивиться его воле, если это даже грозило увечьями или разорением.

Моральной коррупцией и распущенностью были заражены и такие старые политические партии, как Вафд. Они стремились укрепить свое влияние, соглашались на ограниченные реформы, готовы были даже вести какую-то борьбу, но не имели ни малейшего желания возглавить революцию или вырвать с корнем все старое и начать сначала. По крайней мере, в этом Вафд был солидарен с королем и англичанами, и если между ними и возникали разногласия, то не о необходимых изменениях, а о том, как лучше избежать неприятностей. Даже Гамаль Абдель Насер и его молодые офицеры хотели просто восстановить правительство почтенных политических деятелей, которые освободили бы Египет от англичан и коррупции, а также приступили бы к использованию национальных богатств для строительства современного государства. Только последующие события привели их к мысли о необходимости избавиться от всей парламентской политической системы, которая, по их мнению, прогнила и не могла приносить пользы.

Июльская революция 1952 года увенчалась успехом по ряду причин. В экономическом отношении у страны не было иного выхода, а в социальном плане Египет был готов к революции. Вафд больше не мог выступать от имени крестьян, ремесленников, интеллигенции или рабочих – партия защищала свои незаконные привилегии. В стране не было дисциплинированной и организованной политической партии, которая могла бы выступить против Вафда. Поэтому когда молодые офицеры неожиданно появились у ворот королевского дворца Абдин, весь Египет пошел с ними, хотя никто толком не знал, что это за люди. Фактически народная революция предшествовала военному перевороту, но ей не хватало руководства и дисциплины, пока молодые офицеры подчинили себе движение и возглавили его.

Тайная подготовка к революции 1952 года проходила в Каире – в офицерском клубе, в доме Гамалья Абдель Насера, в кафе и на улицах

города. Но, говоря точнее, все началось еще в 1946 году. Комитет студентов-коммунистов в сотрудничестве с руководителями профсоюзов назначил на 21 февраля забастовку. Тысячи студентов и рабочих двинулись по улицам Каира и атаковали казармы Каср ан-Нил, занятые английскими оккупантами. Англичане открыли огонь, убив 30 и ранив 50 человек. В городе воцарился хаос. Майор Сэнсом, еще работавший в английской контрразведке, писал: «Они шли многотысячными колоннами через площадь Исмаилии и напали на английские военные кордоны, установленные вокруг посольства и казарм Каср ан-Нил. Они были безоружны, но все же бросились на железные решетки, из-за которых их косили наши пулеметчики». Он добавляет: «Если бы коммунисты из среды интеллигенции могли договориться между собой, если бы у них было побольше связи с рабочими и, главное, хорошие организаторы, они, несомненно, пришли бы к власти и до сих пор оставались бы правителями Египта».

Хотя февральское выступление не переросло в полнокровную революцию, оно заставило англичан уйти из Каира и Александрии. В Англии у власти находилось лейбористское правительство. Одним из первых актов премьер-министра Эттли был приказ о выводе английских войск из Каира. 4 июля 1946 года каирский цитадель была передана египтянам. 28 марта 1947 года были переданы также казармы Каср ан-Нил. Уход англичан из Каира был историческим событием, но они все же прочно осели на берегах Суэцкого канала, что означало продолжение оккупации Египта.

Но это было только началом давления на англичан. В последующие пять лет демонстрации, забастовки и восстания против английской оккупации не ослабевали, причем в основном эти гневные выступления проходили на улицах Каира. 6 мая 1947 года в Каире начался мятеж: был взорван первоклассный каирский кинотеатр «Метро», убиты 4 и ранены 38 египтян. Во время волнений, потрясших город, был убит американский турист. В марте 1948 года забастовала каирская полиция. В мае 1948 года англичане отказались от мандата в Палестине, и последовавшая затем война между арабами и евреями, которая показала, насколько прогнившей и неподготовленной была египетская армия, превратилась в национальный скандал. Выяснилось, что у армии отсутствовало тяжелое вооружение, транспорт, не хватало продовольствия, а патроны и снаряды не срабатывали. Где-то в Каире жили огромные состояния на этих поставках. Как писал майор Сэнсом, барыши текли в руки не только Фарука, но и многих министров его правительства.

Казалось, что в любой день может произойти взрыв, который положит конец коррупции и предательству. В Каире покушение следовало за покушением. В декабре 1948 года во время карательных операций против студентов университета, устроивших антиправительственную демонстрацию, был убит генерал Селим Заки.

Несколько недель спустя премьер-министр Нукраши-паша был убит в лифте министерства внутренних дел. В ответ на эти покушения король приказал политической полиции убить Хаса-на аль-Банну,

стоявшего во главе широко разветвленной террористической организации «Братья мусульмане», очевидно и подготовившей убийства Селима Заки и Нукраши. Хасану аль-Банне выстрелили в спину, и он умер от потери крови в больнице Каср эль-Айни. Затем полицейский офицер, убивший его, был также пристрелен ночью на дороге в Суэц по приказу тех, кто его же и нанял.

В августе 1951 года полиция открыла огонь по демонстрации у английского посольства и ранила пятнадцать человек. Не видно было предела убийствам и репрессиям, но к этому времени египтяне уже подходили к концу тяжелого и длинного пути. В 1951 году состоялось 49 забастовок и четыре крестьянских восстания, одно из них на королевских землях. Они были потоплены в крови. В октябре 1951 года Нахас-паша, вафдистский премьер-министр, наконец аннулировал англо-египетский договор. Все египтяне, работавшие на англичан в зоне канала, объявили забастовку. Началась своеобразная партизанская война против англичан, кульминационным пунктом которой было 25 января 1952 года, когда произошло сражение между 800 египетскими полицейскими из вспомогательных частей и английскими войсками, атаковавшими их с помощью танков и тяжелой артиллерии в Исмаилии. Полицейские, вооруженные винтовками, забаррикадировались в казармах в пустыне и запросили каирское правительство, что им делать. Им приказали сопротивляться. Было убито семьдесят человек, но правительство, заставившее их сражаться, так и не послало подкреплений. На этот раз население Каира невозможно было сдерживать. 26 января 1952 года, в субботу, которую теперь именуют Черной субботой, загорелись европейские кварталы Каира.

Есть много противоречивых рассказов о том, что произошло в этот день. Кого только не подозревали: коммунистов, короля, «Братьев мусульман», Сераг ад-Дина (вафдистского министра внутренних дел), тайную полицию и даже англичан. Майор Сэнсом возлагает вину на правое крыло Революционного комитета «Свободных офицеров». Насер однажды обвинил в поджогах коммунистов, но затем передумал и заявил, что не знает, кто виноват.

По имеющимся теперь данным можно предположить, что все началось с демонстраций возмущенного народа, которыми быстро воспользовалась правая группка террористов, пустивших красного петуха в европейские кварталы города. Скорее всего только одна группа могла решиться на эту авантюру – «Братья мусульмане», и ныне большинство каирцев возлагает ответственность именно на эту организацию.

Самое простое и ясное описание этого дня содержится в книге Жана и Симонны Лякутюр «Египет в движении» (1958), но и у них не все детали убедительны. Версия майора Сэнсома, находившегося в то время в Каире, а также Анвара ас-Садата и других очевидцев кое в чем расходится с Лякутюрами. По-видимому, толчком к событиям все же послужила демонстрация у здания правительства в поддержку осажденных в Исмаилии полицейских. Студенты аль-Азхара и университета имени Фуада потребовала оружия, чтобы идти на выручку полиции,

сражавшейся с англичанами. Вокруг парламента собрались огромные толпы, и впервые в истории Египта студенты, полицейские, офицеры и солдаты – все без исключения были заодно. Демонстрация превратилась, в сущности, в восстание, и ее можно считать началом той революции, которую несколько месяцев спустя офицеры лишь возглавили и направили в нужнее им русло.

Сначала толпа была единой. Она направилась ко дворцу Абдин, а оттуда на площадь Оперы. Там уже происходили отдельные демонстрации, организованные левыми организациями и «Братьями мусульманами». На площади находилось кабаре, известное «танцами живота», принадлежавшее мадам Бадии, – «Казино де л'Опера», любимое место развлечений английских офицеров. И Сэнсом и Лякутюр пишут, что возмущение толпы вызвал египетский офицер, сидевший за столиком с танцовщицей из заведения мадам Бадии. Это было в 11 часов 30 минут утра, и кто-то крикнул, что офицеру должно быть стыдно развлекаться с танцовщицами, когда его братья гибнут в Исмаилии. В ответ раздались циничные реплики. Тогда часть толпы ворвалась в помещение, переломала столы и стулья и подожгла кабаре. Через 10 минут весь дом ярко пылал. Подъехали пожарные, но кто-то перерезал шланги, и тысячи людей наблюдали, как горит любимое пристанище иностранных оккупантов. Полиция сперва не вмешивалась, хотя позже пыталась оттеснить толпу от пожарища.

Вот теперь-то и начались настоящие беспорядки. Если пожар в заведении Бадии был стихийной вспышкой гнева, то после него приступила к «работе» таинственная, хорошо организованная небольшая группа поджигателей. Около двадцати человек неслись вдоль улицы Фуад аль-Аваль и швыряли бутылки с горючей смесью в кинотеатр «Риволи». Это уже был умышленный поджог. По словам Лякутюров, тех же самых людей видели в этот день повсюду, где возникали пожары. Следующим загорелся кинотеатр «Метро», а позднее – находившийся через дорогу знаменитый Скаковой клуб. Хотя секретарь задолго до пожара уговаривал членов клуба разойтись, около 25 человек все же остались. Десять из них сгорели заживо или были убиты.

Один за другим пылали европейские магазины, кабаре, рестораны. Почти все улицы европейских кварталов Каира были объезжены пламенем. Из окон и через крышу большого универмага «Сикюрель» вырвались огонь и дым. Горели знаменитый магазин и ресторан «Гроппи», агентство автомобильной фирмы «Крайслер», европейские картинные галереи, Барклайз-банк, конторы авиационных компаний, десятки мелких европейских магазинов и множество автомашин.

Наконец, вспыхнуло сокровище британской короны в Каире – отель «Шепердс». Был июль и время послеобеденной сиесты, когда появилась небольшая группа людей. Они проскочили в здание, вытащили на террасу деревянные кресла, соломенную мебель, облили их керосином и бросили спичку. Старое здание отеля, деревянные полы его коридоров были самой лучшей растопкой. Через несколько часов не только отель «Шепердс», но и противоположная сторона улицы вы-

глядели словно руины разбомбленного города – Варшавы или Роттердама.

В то время как горел Каир, на его улицах происходили десятки демонстраций. Английское посольство спасали высокая стена и железные решетки, но вокруг него шли рукопашные схватки, и полиция старалась отгеснить демонстрантов. Несколько человек проникли во двор, но их схватили английские часовые. В конце концов полиции удалось очистить этот квартал, и посольство не пострадало. В этот день в Каире действовали две вполне определенные силы. Одна – большая – была за политическую активность и протест, тогда как вторая – меньшая – стремилась сжечь дотла все, что символизировало 80-летнюю английскую и вообще иностранную оккупацию.

Из дворца Абдин король наблюдал, как польхает его столица. В этот день он давал банкет, и пожары как будто не помешали ему. Анвар ас-Сагат пишет, что в то время, как горел Каир, премьер-министр Нахас-паша был у своей маникюрши, а министр внутренних дел устанавливал в доме мебель.

Пылающие улицы Каира предвещали конец целой эпохи. Возможно, в глубине души феодального Египта тлели искры нероновского психоза, так как к концу дня сгорело 400 домов, а убытки составили 23 миллиона фунтов. Сколько человек погибло, неизвестно, по-видимому около ста, в основном египтяне.

Король решил принять меры. Он отстранил Нахас-пашу и заменил его Али Махером, который продержался 32 дня. Правительство сменяло правительство. Король и политические деятели еще пытались управлять страной, но они были уже бессильны. Поняв, что наступает конец английскому влиянию, король обратился за помощью к американскому послу Джефферсону Кэффери, но поддержки не получил. Пока двор извивался, как жирный червяк, «Свободные офицеры» назначили дату переворота – март 1952 года. Один из них, Рашид Механна, дезертировал из Революционного комитета. Поэтому офицеры, опасаясь предательства, изменили дату. 16 июля в Каире в обстановке полной секретности собрался исполком «Свободных офицеров» под председательством Гамалья Абдель Насера, который занимал тогда пост преподавателя штабного училища. Решено было действовать немедленно, так как король готовился сокрушить их движение. 20 июля комитет приказал всем революционным офицерам явиться на сборные пункты и быть готовыми к перевороту, план которого был разработан во всех деталях, как военная операция. Он был простым: молодые офицеры должны возглавить свои подразделения, взять в руки военную и гражданскую администрацию страны и низложить короля. На случай провала существовал второй план (против него решительно возражал Насер, и от него потом отказались) – убийство всех ведущих деятелей старого режима.

Переворот отложили еще на день, так как Насер хотел заручиться поддержкой генерала Мухаммеда Нагиба. Нагиб симпатизировал молодым офицерам, но ничего не знал о намечавшейся революции и не участвовал в ее подготовке. Когда Насер пришел в дом Нагиба, у того

были гости и поговорить не удалось. Тогда офицерский комитет решил действовать без него. По-видимому, никто из офицеров не сомневался, что солдаты тех полков, которым предстояло осуществить переворот, пойдут за ними, хотя до последнего момента рядовым ничего не говорили о том, куда их ведут. Наконец назначили еще одну дату – 22 июля, но даже в этот день Насеру и комитету пришлось выступить на час раньше, чем намечалось, так как король решил немедленно арестовать руководителей заговора.

Прежде всего предстояло захватить здание штаба армии. Штаб как раз заседал в этом здании и решал, как разделаться с молодыми офицерами. Насер весь день находился в штабном училище и проверял экзаменационные работы кадетов. Когда ему сообщили о заседании штаба, он сказал, что это облегчает задачу: «Мы можем начать на час раньше и взять их всех вместе». Насер поехал на своем маленьком «остине» предупредить остальных офицеров, что переворот начнется сегодня в полночь. Встретиться они должны были в 11 часов вечера в доме ближайшего друга Насера – Абдель Хаким Амера.

Переворот был проведен точно по часам, как военная операция, которые обычно планируются, но далеко не всегда удаются. Просто офицеры не встретили сопротивления.

Были, конечно, и опасные моменты. Офицеры окружили казармы в районе Аббасии, как вдруг из тьмы появилась колонна бронемашин с погашенными фарами. Молодые офицеры приготовились к бою, но оказалось, что это один из революционеров – Юсеф Садек, который прибыл на место немного раньше и даже успел захватить пленных. Несколько полков затем заняли штаб, остальные казармы в Аббасии, Маншет аль-Бакри, Куббе, Гелиополисе и мосты через Нил, не встретив серьезного сопротивления. В момент, когда офицеры готовились захватить штаб, генералы направили воинскую часть, чтобы окружить заговорщиков. Но командир этой части, капитан Мухаммед Шаид, крикнул офицерам, что он и его солдаты переходят на сторону революции. Насер приказал ему присоединиться к частям Абдель Хакима Амера. Штаб был взят. Только один из офицеров сделал три выстрела, никого не ранив.

К 2 часам ночи весь город был в руках «Свободных офицеров». Но, опасаясь вмешательства англичан, они направили танковую дивизию на Суэцкую дорогу, чтобы пресечь любую акцию их войск. Англичане ничего не знали о перевороте. Пожалуй, это один из считанных случаев, когда они и представления не имели о готовившихся событиях.

В Каире ничего не подозревали. 23 июля город проснулся в 7 часов утра и узнал по радио, что совершилась революция. Вышедшее на улицы население увидело, как танки и солдаты занимают ключевые позиции. Генерал Мухаммед Нагиб узнал о перевороте в 5 часов утра, когда его назначили формальным руководителем восстания. Хотя Нагиб согласился взять на себя командование и руководство восстанием, на самом деле все организовал и контролировал Насер. И именно Насер впоследствии убрал Нагиба с президентского поста, так как похоже

было, что генерал намерен вернуть к власти старую политическую гвардию и восстановить прежние методы правления.

Теперь на очереди стояли проблемы политические. Король Фарук находился в александрийском дворце Рас ат-Тин. Ему сообщили по телефону о перевороте, и он решил, как всегда, прибегнуть к интригам и трюкам, чтобы выпутаться из катастрофы. Он заявил о готовности идти на самые щедрые компромиссы и даже предложил «Свободным офицерам» сформировать правительство в рамках существовавшей конституции. Но офицеры были не столь наивны, чтобы согласиться. Тем временем Фарук связался с Ближневосточным штабом английских вооруженных сил на канале и попросил помощи. К 25 июля угроза английского военного вмешательства стала настолько реальной, что Насер решил немедленно низложить Фарука.

Многие офицеры не допускали мысли, что можно Фарука вежливо просить оставить трон и позволить ему беспрепятственно покинуть Египет. Некоторые требовали суда и расстрела короля. Поэтому офицеры, посланные комитетом в Александрию для переговоров с королем, не знали, как поступить. В 2 часа 30 минут утра один из них, Гамаль Салем, полетел в Каир за инструкциями. Комитет заседал несколько часов, в 7 часов утра офицер отправился обратно в Александрию. Большинство в комитете, включая Насера, проголосовало за немедленное изгнание короля.

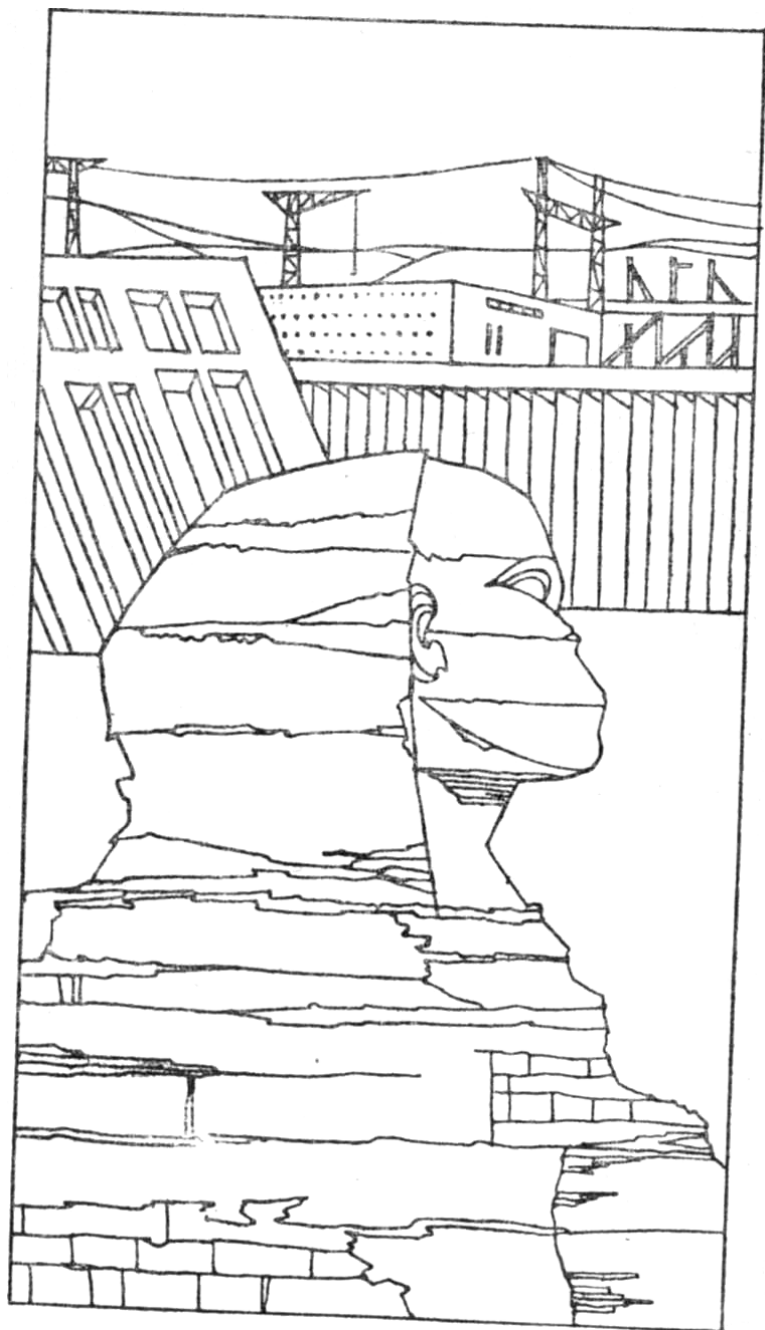
Фарук был убежден, что его расстреляют, и в отчаянной попытке спасти себе жизнь тайком направил Пули к послу США Кэффери с просьбой прислать американский броненосец, на котором он мог бы бежать из Египта. По словам Анвар ас-Садата, Кэффери убедил Фарука, что побег недостойн короля. Во время беседы присутствовал американский военный атташе. Когда он выходил из дворца, его встретила группа «Свободных офицеров». Атташе потребовал разъяснить ему смысл происходящих событий и сказал, что Вашингтон настаивает на гарантии безопасности королевской персоны. Но у Фарука уже не было выбора: он мог спасти себе жизнь, только подписав врученный ему офицерами документ об отречении. Дрожащей рукой он поставил подпись и даже сделал орфографическую ошибку в своем имени, ибо не умел писать на языке страны, которой его семья правила свыше ста лет.

Фаруку позволили выехать из страны на королевской яхте «Махруса» и взять с собой 200 мест груза. В 6 часов 26 июля 1952 года он отплыл из Александрии. Так завершилась эпоха безобразного правления албанской династии, которую египтяне ныне считают самой ненавистой в своей истории.

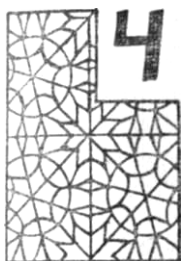
Англичане лишь один раз попытались восстановить свое политическое влияние. Посольство в Каире «приказало» Революционному комитету ввести в городе военное положение, чтобы обеспечить безопасность иностранных подданных, создать регентский совет и сохранить монархию. Египтяне посмеялись и просто-напросто игнорировали наглый приказ. Это был последний приказ англичан

египетскому правительству. Отныне – впервые после вторжения персов в 525 году до н. э. – Египтом должны были править египтяне.

16 Египетский Каир

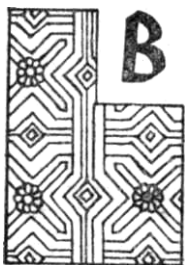
еловек, приехавший сегодня в Каир, увидит обычные небоскребы, вереницы автомашин, беспокойные такси, неоновые огни, автобусы, трамваи, универсальные магазины, мелкие лавочки, кафе, лоточников – словом, все, что в Каире было и раньше, за исключением, пожалуй, нищих и иностранных солдат.

Со времени революции 1952 года Каир пережил четыре периода, каждый из которых отражает изменения, происходившие в самой египетской революции. В первый период – с 1952 по 1956 год – страна в основном боролась за свое существование и проводила самые необходимые реформы; второй период – с 1956 по 1962 год – характерен появлением своего рода национального самосознания; третий – с 1961 по 1967 год – был периодом усиленного строительства социализма; и четвертый – с 1967 года – период, определяющий дальнейшую судьбу Египта. Каир переживал эти четыре стадии египетской революции затаив дыхание – к чему город привык давно. Новизна и необычность обстановки проявились в том, что впервые египтяне решали, что египтянам предстоит делать.

Египтяне так долго находились под гнетом, что они сейчас еще стараются подняться с колен. Прежде чем судить о происшедшем в Каире за последние пятнадцать лет, надо вспомнить о том страхе и унижении, надеждах и подозрительности, глубоко и прочно поселившихся в сознании любого, кто был подавлен так долго.

17 *Борьба за существование, 1952–1956*

первый период революции, с 1952 по 1956 год, «Свободные офицеры» сами плохо представляли, что они делают. У них не было ясных планов на будущее. Их взгляды не имели ничего общего с социализмом, скорее они были ближе к капитализму, а в Революционном комитете большинство молодых офицеров принадлежало не к левому, а правому крылу. Единственная серьезная цель – «освободить» страну от ее прошлого. Пока они раздумывали, как за это взяться, население Каира пребывало в замешательстве. Никто не понимал, что вообще происходит.

Большинство египтян даже не имело никакого представления об этих молодых офицерах, никто не слышал о Насере, Амере, Анвар ас-Садате, Али Сабри или Закария Мохи эд-Дине. Известен был только генерал Мухаммед Нагиб, которого молодые офицеры в самый последний момент наметили как наиболее respectable лицо в президенты Египта.

Многие каирцы поверили, что Нагиб был одним из главных руководителей революции, и к нему отнеслись как к герою. Поэтому город был ошеломлен, когда Нагиба низложили за то, что он слишком серьезно воспринял свою «руководящую» роль. Подлинным лидером революции, сознававшим, что не может быть возврата к старой парламентской системе, был Гамаль Абдель Насер. Хотя народные массы и не знали его, все молодые люди, правившие теперь Египтом, сознавали, что он является значительной фигурой. Но даже после революции Насер не был популярен в народе по той причине, что он не делал попыток сблизиться с массами.

Поначалу молодые офицеры полагали, что их задача – открыть Египту новый путь затем, чтобы другие последовали за ними и повели страну дальше. Но поскольку никто из старых политических деятелей не выражал ни малейшего желания пойти по «благородному и патристическому» пути, который так наивно расчистили для них солдаты, Насер, понаблюдав шесть месяцев за продолжавшейся старой политической игрой и интригами, решил, что солдатам придется самим взяться за дело. Прежде всего они хотели избавиться от английских войск, продолжавших оккупацию зоны канала. Они намеревались также восстановить моральный дух и боеспособность египетской армии, находившейся в ужасном состоянии. И наконец, им нужно было спасти население Египта, которое росло быстрее, чем продовольственные ресурсы страны. Вопрос стоял так: если в самое ближайшее время под

продовольственные культуры не будут отданы новые земли, а египтяне не получат работу, которая позволит им платить за продукты питания, то в 1970-е годы Египет ожидает голод.

Благодаря удачным компромиссным шагам с обеих сторон представители английского и египетского правительств подписали в Каире в июле 1954 года соглашение об окончательном выводе английских войск из Египта и демилитаризации английских баз на канале. Однако Англия и Франция сохраняли право на эксплуатацию Суэцкого канала и на получение основной доли доходов. Так была решена первая проблема.

Следующая проблема заключалась в том, где достать вооружение для египетской армии. Почти сразу после революции Насер направил эмиссаров в Вашингтон в надежде приобрести оружие. Англичане, французы и американцы сообща вооружили шесть израильских дивизий, в то время как у трех потрепанных египетских дивизий было лишь довоенное или оставшееся от второй мировой войны почти непригодное вооружение. По словам Жана и Симонны Лякутюр, Вашингтон ответил Египту, что он сможет получить вооружение от США только в том случае, если «будет сотрудничать с Пентагоном», на что Насер не согласился. После нападения израильской армии на Газу Насер (хотя он резко выступал против коммунизма) все же решился в сентябре 1955 года купить вооружение в Чехословакии, которая не выдвигала никаких политических условий. Так он решил вторую проблему Египта.

Для решения третьей и самой важной проблемы – питания растущего населения — Насер и его экономические эксперты (большая часть получившие образование в США и Англии) приняли два дополняющих друг друга плана. Прежде всего надо было ликвидировать старые феодальные поместья и передать землю крестьянам. По законам об аграрной реформе 1952 года никто не мог владеть более чем 200 федданами* земли. Владения семьи ограничивались 300 федданами. Это был один из важнейших декретов Революционного совета, но сам по себе он не решил бы аграрной проблемы.

Египет нуждался в новых землях, и единственный выход – построить еще одну плотину на Ниле выше Асуана, которая не только обеспечила бы электроэнергией новую промышленность страны, но и оросила бы новые земельные площади, чтобы Египет мог сохранить и даже слегка повысить свой жизненный уровень. Строительство новой плотины стало вопросом жизни и смерти для Египта – это понимал каждый египтянин, а также государственный деятель – друг или враг, – которые имели дело с Египтом.

Египет попросил у Международного валютного фонда заем на строительство плотины, и в январе 1956 года ему предложили 200 миллионов долларов с выплатой в 20 лет из трех с половиной процентов, на определенных условиях: фонд потребовал права контролировать египетский бюджет, пока не будет выплачен заем. Насер, только

* Феддан равен 0,42 гектара. (Прим. ред.)

что избавивший Египет от подобной иностранной опеки, решительно отклонил эти условия. Тогда он обратился к русским, которые сперва согласились одолжить ему деньги на индустриализацию Египта. Тем временем французское и английское правительства, а также израильское «лобби» в Вашингтоне оказывали нажим на Вашингтон, с тем чтобы американцы не допустили получения Египтом займа от Международного валютного фонда. Насер, понимая смысл происходившего и зная, что нет другого способа достать денег, решил согласиться на предложенные фондом условия. Однако 18 июля 1956 года государственный департамент объявил, что, поскольку экономическое положение Египта нельзя считать стабильным, США отказываются гарантировать заем фонда. Это был намеренный удар по всем надеждам Египта. Политические лидеры в Лондоне, Париже и Вашингтоне не сомневались в неизбежном падении Насера. Но 26 июля 1956 года, выступая перед огромной толпой на площади Мухаммеда Али в Александрии, Насер объявил, что Египет решил национализировать Суэцкий канал, чтобы покрыть расходы по строительству высотной плотины в Асуане.

Речь Насера была знаменательна не только тем, что он выразил давнишние чаяния всех египтян, но и тем, что он произнес ее на «балади» – разговорном языке, сильно отличающемся от литературного арабского языка, которым пользовался обычно президент.

Выступление Насера вызвало бурный отклик всех слоев населения – от самых правых до самых левых. Но три месяца спустя – 29 октября 1956 года Израиль начал наступление в Синайской пустыне, а на следующий день Англия и Франция тоже атаковали Египет. Сейчас уже нет сомнения, что между тремя государствами существовал сговор.

В этот первый период революции, то есть в первые четыре года независимости, Каир сильно изменился. Революционные молодые офицеры старались покончить с влиянием иностранцев. Они хотели избавиться не только от англичан, но и от того смешанного европейского населения Каира, которое на протяжении почти ста лет было проводником британской политики в Египте. Ограничение прав местных европейцев началось задолго до революции 1952 года. Различные дореволюционные правительства принимали двусмысленные законы, гласившие, что все фирмы и компании должны вести дела на арабском языке и нанимать на работу определенный процент египтян. Позднее был издан более жесткий приказ о том, что в каждой фирме должен быть египетский директор или партнер-египтянин.

Вначале европейцы умело обходили эти законы, но после второй мировой войны положение усложнялось тем, что египтяне требовали все большей доли участия в управлении экономикой своей страны. Благодаря строгому проведению в жизнь этих законов в период между 1945 годом и революцией 1952 года у Каира постепенно появлялись черты египетского города, но европейцы все еще не сознавали ни того, что им придется покинуть Египет, ни того, что они упускают из рук

контроль над Каиром. Лишь некоторые наиболее дальновидные иностранцы понимали, что рано или поздно это произойдет.

Только пожар Каира в январе 1952 года убедил многих иностранцев, что дни их пребывания в Египте сочтены. Даже не столько июльская революция, сколько пылавший Каир заставил европейцев осознать, что эра иностранного господства приходит к концу, и многие начали потихоньку готовиться к отъезду, тем более что французы, итальянцы, греки и англичане, а также европейские евреи, занимавшиеся бизнесом в Каире, всегда держали часть своих денег в иностранных банках за границей. Когда загорелись иностранные магазины, а египтяне стали открыто присматриваться к той добыче, какую могла представить собой собственность европейцев в Каире, началось серьезное отбывание иностранцев из Египта. Их (включая европейских евреев) не вынуждали уезжать, но поощряли к этому. Сразу после революции им разрешалось вывозить все имущество и до 5 тысяч египетских фунтов наличными деньгами, что было довольно великодушным решением, ибо в самом Египте уже ощущалась острая нехватка иностранной валюты.

Но настоящего исхода еще не было. Иностранное меньшинство в Каире вели себя по-прежнему нагло даже после революции, хотя теперь их власть распространялась только на прихлебателей и полунцих людей, существование которых зависело от иностранцев. Если же они позволяли себе грубость в отношении египтянина из среднего класса, то могли получить и пощечину. Тем не менее спортивные клубы Каира по-прежнему заполняли иностранцы, а рестораны, кафе и кинотеатры ориентировались больше на европейцев, чем на египтян.

В привилегированном положении в Каире после 1952 года вместо иностранцев оказались молодые офицеры. Насер всегда был бескорыстным и неподкупным человеком, и, по-видимому, эта черта характера немало способствовала его возвышению. Такими же были его соратники, но далеко не все. Многие старые офицеры высших рангов неожиданно превратились в богатых людей, у них появилась возможность законным путем приобрести шикарные магазины, деловые конторы и фабрики, с которыми пришлось расстаться европейцам.

На некоторое время офицерство стало «элитой» египетского общества, а ведь совсем недавно, до революции, армию считали слабым местом правящего класса. Почти все египтяне относились к военным с подозрением и недружелюбием, за исключением молодых офицеров, которые верили, что именно армия освободит страну. Так офицер стал могущественной фигурой в Каире, достойной того, чтобы ему льстить, предлагать взятки, стараться выдать за него дочь. Многие молодые офицеры заняли место тех самых богатых сынков и феодальных политиков, которых они намеревались устранить. Тип офицера-бизнесмена, появившийся в это время, оставался опасным фактором в жизни Египта до 1967 года, когда многие из них были арестованы и дискредитированы после поражения в июньской войне.

Вполне естественно, что офицеры теперь появлялись в фешенебельных клубах, в частности в Гезире – этом старом храме английских

снобов. Здесь слышались голоса молодых египетских офицеров, сменивших турецкую феску на фуражку и развлекавшихся так, как им диктовали вкусы их класса, их культура и возраст. Это действовало на нервы тем, кто привык к развлечениям в английском стиле. Почти незаметно армейские офицеры начали селиться в фешенебельных квартирах, о которых раньше они не могли и мечтать. Хотя армия воспользовалась своим новым положением и привилегиями, милитаристского духа в Каире не было заметно, и город не ощущал, что им правят военные. Милитаризм никогда не был присущ Каиру.

Основой египетской экономики оставался капитализм. Казалось, что Насер не возражает против капитализма. Его интересовала не идеология, а та система – как бы ее ни называли, – которая поможет Египту стать на ноги. Поэтому между 1952 и 1956 годами он склонялся к мысли, что лучшей альтернативой феодализму будет скорее система контролируемого капитализма, а не социализм. Египтян убеждали вкладывать деньги в прибыльные предприятия, а высокие дивиденды всемерно поощрялись. Таким образом, до 1956 года Каир был городом капиталистическим. В нем было много иностранных автомашин и товаров из Европы. Одежда выглядела так, будто ее только что доставили из Лондона, Парижа и Рима, а египетские сибариты хранили традиции европейской кухни.

Аграрная реформа 1952 года косвенно способствовала строительному буму в Каире, ибо крупные землевладельцы поняли, что расходовать накопленные деньги на покупку земли больше не удастся, а в банках они могут просто «сгнить». Поэтому помещики энергично взялись за строительство доходных жилых домов и зданий для учреждений. Они получали примерно 25 процентов прибыли от таких капиталовложений, так как расходы на строительство были низкими, а арендная плата довольно высокой. За эти первые четыре года некоторые районы Каира стали неузнаваемы.

В результате подобного попустительства частным предпринимателям создавалось впечатление, что настоящей революции и не было, что власть просто перекочевала из одних рук в другие. Экономические эксперты с гарвардским и лондонским образованием подсказали Насеру, что и при капитализме необходимо определенное планирование – не только для крупного строительства, как Асуанская плотина, но и в области производства горючего, удобрений, химических продуктов, вооружения, цемента, транспорта и т. д. Нуждаются в планировании даже сами деньги, а также капиталовложения, импорт и экспорт. И если в будущем индустриализованный Египет надеется вовлечь в производство широкие слои неработающего населения, то понадобятся определенные формы государственного контроля и государственных капиталовложений. Рассмотрев один план за другим, Насер пришел к выводу, что без планирования, рассчитанного на долгое время вперед, ему не возродить свою бедную страну. Так Каир стал центром и штаб-квартирой десятков новых организаций, взявшихся за перестройку египетской экономики.

В первую очередь нужно было создать материальную основу для индустриализации Египта. Легкая промышленность уже существовала, но индустриализация требовала роста тяжелой промышленности. В 1954 году с западногерманской фирмой был подписан контракт на строительство сталелитейного завода в Хелване на базе месторождений железной руды в пустыне близ Асуана, содержащих запасы в 168 миллионов тонн. Весь объект должен был финансироваться частным и государственным капиталом. Казалось, что плечи Хелвана открывают Египту путь в будущее, но на этом эксперимент со «смешанными» капиталовложениями закончился, так как, по мнению молодых офицеров, государство зашло слишком далеко в своем вмешательстве в экономическую жизнь страны.

Со временем этот сталелитейный завод на окраине Каира станет кузницей нового рабочего класса и привлечет к себе инженеров, техников и химиков – выпускников египетских университетов и институтов. Но все это в будущем. А в 1956 году заметных изменений в жизни населения Каира еще не произошло.

Можно только сказать, что за первые четыре года родилось что-то новое, но что именно – никто толком не знал. Каир как столица неопределившейся и полной противоречий системы жил в постоянном ожидании, что завтра все прояснится, что какое-нибудь неожиданное событие поставит все на свое место.

Такова была обстановка к 29 октября 1956 года, когда израильская армия вступила в Синай, а на следующий день английские и французские самолеты подвергли бомбардировке аэродромы и города Египта.

аир проснулся в день нападения Израиля спокойно, не чувствуя серьезной угрозы ни городу, ни стране, ибо никто не поверил, что израильские войска способны вторгнуться в пределы Египта. Самонадеянность армии и заявления Гамалы Абдель Насера о силе арабов внушили египтянам уверенность, что Израиль не представляет опасности. Реальной проблемой оставался западный империализм, который египтяне осуждали куда решительнее, чем Израиль.

Отношение к государству Израиль в 1956 году было недвусмысленным. Египтяне утверждали, что на протяжении двух тысяч лет коренные евреи в Палестине составляли всего пять процентов населения и что только за последнее время туда начали прибывать европейские евреи, которые селились на арабских землях, изгоняя арабов или обманом отнимая у них деревни и фермы. Таким образом почти каждый гектар нового государства, созданного по решению ООН в 1947-1948 годах, был «похищен» у палестинцев иностранцами – выходцами из Германии, Польши, Румынии, Венгрии, царской России. Исходя из этой предпосылки, арабы отказывались и признавать какое-либо право этих европейцев на арабскую территорию. Они говорили, что с таким же правом римляне могли бы претендовать на Англию, а индейцы из племени алгоикинов – на Манхэттен. С их точки зрения, преследование евреев в Европе не имело никакого отношения к арабам, так как местные евреи и арабы в ближневосточных странах всегда жили дружно и арабы никогда не преследовали евреев. Поэтому большинство египтян увидело в новом государстве не родину преследуемого народа, а новое проявление европейской оккупации. Заявления сионистов об их праве на защиту своего государства силой оружия воспринимались арабами как политика экспансии. Подобно другим арабским народам, египтяне считали, что европейские евреи принесли с собой чужую европейскую культуру, что они хотят быть не семитами среди семитов, а претендуют на роль привилегированных европейцев среди малоразвитых арабов. Взгляните, говорят они, на отношение к арабским евреям в Израиле, где они являются как бы второсортными гражданами по сравнению с европейскими евреями.

Хотя эти взгляды разделяло подавляющее большинство египтян, по вопросу о том, что делать с Израилем, мнения все же расходились. Крайне правые настаивали на уничтожении Израиля, левые предпочитали своего рода политику «живи и дай жить». Сам Насер считал, что англичане, создавая Израиль, проводили политику дальнего прицела.

Понимая, что в конце концов им придется уйти с Ближнего Востока, они рассчитывали с помощью Израиля и впредь осуществлять старый принцип «разделяй и властвуй». Но многие забывают, что в своей книге «Философия революции» Насер восхвалялся борьбой евреев против англичан и цитировал еврейского офицера в Палестине, некоего Ердана Когана, говорившего в 1948 году о Насере: «Гамаль Абдель Насер беседовал со мной о борьбе Израиля против англичан, о том, как мы организовали подпольное сопротивление в Палестине и как нам удалось завоевать симпатии всего мирового общественного мнения». За несколько месяцев до нападения на Египет в 1956 году Жан и Симонна Лякутюр спросили Насера: «Не кажется ли вам, что рано или поздно Израиль – как убеждены все арабы – должен быть уничтожен как государство и сведен на положение еврейского Ватикана?» И Насер ответил: «Нет. Мы, египтяне, требуем только одного – чтобы государство Израиль уважало права арабов. Оно должно признать их, как признают их и другие государства».

Вечером 31 октября 1956 года в то время, как Насер сел ужинать с индонезийским послом, Каир потрясли взрывы первых английских бомб, сброшенных на военные и гражданские аэродромы города. Каирцы, в том числе и Насер, словно зрители на трибунах плацпарада, наблюдали, как в небе носились английские реактивные самолеты, засыпая фугасными и зажигательными бомбами и напалмом аккуратные ряды реактивных самолетов египетской авиации, которая не ожидала (как признал позднее и Насер) нападения Англии и Франции К утру у Египта почти не осталось авиации, и в небе над Синайской пустыней беспрепятственно летали французские и израильские самолеты, которые теперь уничтожали напалмом беззащитные египетские танки.

Лучший отчет о Суэцкой войне содержится в книге Мэри и Сержа Бромбергеров «Секреты Суэца». Они сопровождали французскую и израильскую армии. Теперь, много лет спустя, читая их рассказы, понимаешь, что синайскую битву выиграла французская и израильская авиация, а не наземные силы Моше Даяна, невзирая на то, что он с помощью умных тактических маневров нанес сильные удары египтянам. Бромбергеры, восхищаясь совместными действиями французской и израильской авиации, писали: «Четыре решающих сражения в этой четырехдневной кампании были выиграны авиацией, в частности израильскими «мустангами», часто применявшими напалмовые бомбы».

Англичане знали по опыту боев до аль-Аламейна, что у армий в пустыне, не защищенных от налетов авиации, есть только один выход – бежать, и как можно быстрее. Паника среди английских войск во время наступления Роммеля ничем не отличалась от той, которая охватила египтян в момент нападения французов и израильтян в Синайской пустыне в 1956 году. Война закончилась официально 7 ноября, после того, как русские более или менее ясно заявили, что могут послать ракеты на Англию, а Соединенные Штаты осудили нападение на Египет. По требованию ООН все четыре участника конфликта согласились на прекращение огня.

Война никак не затронула Каир, если не считать бомбардировок его аэродромов. По ночам город был затемнен, полицейские в стальных шлемах охраняли банки, мосты а почтовые конторы и строили для себя укрытия из мешков с песком. Транспорт работал нормально, торговля и ночная жизнь продолжались как всегда. На улицах проходили гневные демонстрации, а по ночам иногда двигались колонны танков и бронемашин, нарушая тишину грохотом и лязгом своих гусениц. Раза два в небе появлялся одинокий египетский МИГ. Никто не пострадал от рук населения, не было ни одной антиеврейской демонстрации, каирцы не тронули ни одной синагоги, и евреи, хотя и с некоторой опаской, занимались обычными делами.

И все же в городе *произошли* перемены. Только когда закончилась война, стало заметно то влияние, которое она оказала на египтян. «Как ни странно, – говорится в «Британской энциклопедии», – английские и французские подданные, проживавшие в Египте, не подверглись во время вторжения никаким преследованиям, но имущество и капиталы английских и французских бизнесменов были конфискованы, и обе страны потеряли былое господствующее положение в экономической, социальной и культурной жизни Египта... впервые в современной истории иностранец в Египте перестал быть привилегированным лицом».

Вот теперь начался настоящий «исход» иностранцев из Каира, но на этот раз египтяне разрешили европейцам вывозить по 40 египетских фунтов наличными деньгами и только то имущество, которое могло уместиться в шести чемоданах. Большинство европейцев покидало страну не потому, что население относилось к ним враждебно. Была более существенная причина: под влиянием суэцкого конфликта египтяне пришли к сознанию, что Египет должен превратиться в государство египтян, в котором нет места для привилегированного европейского меньшинства. К несчастью для многих европейцев, родившихся и выросших в Каире, им приходилось ныне ехать «домой» – в страну, которой они даже не знали. Многие каирские греки с греческими паспортами в глаза не видели Грецию и не имели ни малейшего желания увидеть ее. Греки составляли самую многочисленную иностранную общину города. Это были мелкие торговцы, лавочники, импортеры и экспортеры, торговцы хлопком и клерки, но в Греции и без них полно мелких лавочников и клерков. Поэтому сначала паковали чемоданы более зажиточные греки и киприоты, а бедные греки остались в Египте. Многих из них во время войны взяли в армию, и они сражались бок о бок с египтянами против англичан в Порт-Саиде. Были здесь и тысячи армян, бежавших от преследований турок после первой мировой войны, и европейских евреев, спасавшихся от нацистов. После суэцкого конфликта европейских евреев никто не принуждал покидать Египет, но большинство решило уехать, так как теперь почувствовало враждебность населения. Тысячи европейцев прибывали из Каира в Австралию, Францию, Италию, Грецию, Южную Америку, Советскую Армению, Соединенные Штаты и многие страны Европы. Но на каждого уезжавшего европейца приходился один, кото-

рый решал остаться, все еще предпочитая всему миру город, где он родился и вырос. Многие местные европейцы сожалели, что не приняли египетское гражданство, когда это можно было сделать сравнительно легко.

С человеческой точки зрения этот «исход» европейцев был печальным и тягостным событием. С того дня как закончился суэцкий конфликт, европейцы только и говорили о своей неопределенной судьбе. День за днем оставшиеся в Каире иностранцы спрашивали друг друга: «Когда вы уезжаете? Куда?» В кафе, магазинах, в семьях, на работе – всюду обсуждалась одна и та же проблема, и каждый день исчезал или греческий счетовод, или итальянский клерк, или еврейская машинистка.

После 1956 года магазины, как правило, занимали продавщицами египетских девушек; европейские парикмахеры стали египетскими парикмахерами; европейские рестораны – египетскими ресторанами. На улицах все реже попадались прохожие-европейцы, и уже можно было заметить, что в европейском районе появляется все больше бедных египтян в «галабиях» и крестьянок в черных «мелиях». Они ничего не старались продать, они просто гуляли по улицам своего города. Сначала это были случайные представители малоимущих средних классов, приходившие сюда из старых районов по ту сторону Эзбекие, но к 1960 году они прочно поселились в западной части города.

Незаметно во всех сферах жизни города происходили изменения. Почти все, кто писал о Египте этого периода, отмечают, что важнейшим наследием суэцкого конфликта был рост национального самосознания. Мужество гражданских защитников Порт-Саида и убеждение, что война была несправедливой, сплотило египтян больше, чем любая пропаганда. Эти события также помогли изменить и направление развития экономики страны. Патрик О'Брайен в книге «Революция в экономической системе Египта. 1952-1956», опубликованной по инициативе Королевского института по международным делам в 1966 году, писал: «После 1956 года «Свободные офицеры» отказались от своей прежней политики развития экономики путем поощрения частных капиталовложений в пользу укрепления государственного сектора экономики». В 1952-1953 годах, писал он, частный капитал составил 72 процента всех капиталовложений, а к 1959-1960 годам 74 процента принадлежали государству.

Насер назвал эту систему «контролируемым капитализмом», но дело не в названии, а в том, что после 1956 года египтяне были готовы на любые необходимые эксперименты и жертвы, чтобы только помочь новому национальному самоутверждению. Конституция 1956 года давала политическое обоснование идеям «контролируемого капитализма», и Каир снова стал штаб-квартирой десятков новых организаций, созданных вокруг Национального планового комитета, где 200 экономистов и иностранных специалистов из Норвегии, Восточной Германии и Голландии разрабатывали планы экономического развития. Веру в успех в значительной степени укрепило согласие Советского Союза финансировать и строить высотную плотину в Асуане, от которой

зависела судьба всех остальных планов. Настроение в Каире опять становилось более оптимистическим, и почти каждый день в печати публиковались новые законы, которые показывали гражданам, что в силу экономической необходимости в их жизни происходят серьезные изменения. Чарлз Иссава, профессор экономики Ближнего и Среднего Востока в Колумбийском университете, публикует на шести страницах своей книги «Египет и революция» (1962) список важных социальных и экономических реформ, проведенных между 1956 и 1961 годами. Все реформы в той или иной мере затрагивали повседневную жизнь Каира, хотя и не всегда сразу можно было уловить их влияние.

Так, например, в 1959 году был принят закон, устанавливавший 48-часовую рабочую неделю и максимальный рабочий день 8 часов, что для такой страны, как Египет, было невероятным событием. В том же году по новому закону каждая компания была обязана выделять 25 процентов прибыли на нужды своих рабочих и служащих, причем 10 процентов выплачивались им наличными, 5 процентов шли на социальное обслуживание и жилищные нужды, а остальные 10 процентов – в государственный фонд социального обеспечения. Тот же закон ограничивал жалование директоров компаний 5 тысячами египетских фунтов в год. А в совете директоров каждой компании должен был находиться представитель служащих и рабочих.

В 1957 году правительство приняло постановление, что все банковские операции надлежит проводить через египетские банки, действовавшие как смешанные акционерные компании, акциями которых могли владеть только египтяне. То же положение касалось и страховых компаний. После 1958 года представителями всех экспортных и импортных агентств и торговых организаций могли быть только египтяне. Другой закон предусматривал, что большинство директорских постов должно принадлежать египтянам, а деловая переписка должна вестись на арабском языке. Благодаря контролю над капиталовложениями, дивидендами, объемом производства, а также участию правительства в производстве бензина, очистке нефти, в добыче минералов и работе транспорта государство начало непосредственно участвовать в жизни Египта, а в самом Каире не было, пожалуй, ни одного человека, которого в той или иной степени не коснулись новые экономические законы.

Еще в 1957 году Насер в одной из речей заявил, что в конечном итоге в Египте будет построено «социалистическое, демократическое и кооперативное общество», но тогда никто, даже в Египте, не обратил особого внимания на эти слова. Однако уже к 1960 году все плановики в Каире повторяли слово «социализм», хотя только с июня 1961 года правительство официально провозгласило политику «социальной революции». За несколько месяцев были национализированы все банки, страховые и пароходные компании Египта, а также 44 важнейшие промышленные компании, контролировавшие производство цемента, меди, электроэнергии, торговлю лесом и автомобильный транспорт. Были национализированы все фирмы, занимавшиеся внешней торговлей, предприятия по прессовке и упаковке хлопка, а также половина

капиталов 86 фирм, контролировавших местную легкую промышленность и оптовую торговлю. 147 других компаний были просто конфискованы, а позднее (1963) государство взяло в свои руки фармацевтическую промышленность, гражданское машиностроение, грузовой автотранспорт и водный транспорт. После того как решения о национализации стали законом, Египет превратился в своей основе в социалистическое государство*, хотя еще оставались частные предприятия. Сохранились мелкие фабрики, частная внутренняя торговля, коммерческие фирмы, частное строительство и, наконец, реформированное частное землевладение. Правда, новые земли, которые должна оросить Асуанская плотина, будут принадлежать государству и им же обрабатываться.

Экономическая революция была подкреплена важным политическим шагом в мае 1962 года, когда президент Насер представил Конгрессу народных сил «Хартию», давшую Египту свою собственную, как подчеркивают сами египтяне, социалистическую идеологию. «Хартия» разъясняла в общих чертах принятую Египтом социалистическую доктрину: революционный энтузиазм, ведущая роль рабочего класса и крестьянства (хотя «Хартия» и осуждает классовую борьбу), внешняя политика с упором на антиимпериализм, поддержка ООН и защита национального прогресса, высокий идеал международного сотрудничества в борьбе против нищеты. Но на 100 страницах «Хартии» только мимоходом, в нескольких словах, сказано о необходимости «положить конец агрессии Израиля». Египет был слишком занят своими делами, чтобы уделять много внимания Израилю.

Официально Каир стал теперь столицей социалистического государства. Некоторое время Каир был также столицей Объединенной Арабской Республики Сирии и Египта, союза, который изобрели сирийские политические деятели, чтобы предотвратить движение Сирии к коммунизму. Союз был расторгнут, когда сирийские солдаты решили, что Насер зашел слишком далеко со своим социализмом, и Египту не оставалось ничего иного, как сохранить в блестящем одиночестве название Объединенной Арабской Республики. Даже когда Сирия сама превратилась в социалистическое государство, союз не был восстановлен, хотя на это и надеялся президент Насер. Сейчас это вряд ли имеет какое-либо значение, ибо Каир считает себя признанной столицей арабского мира, от которой все «неосвобожденные» арабы ждут руководства и помощи. Но не все в Каире сходятся на том, что арабский социализм лучшее решение всех проблем. Противники Гамаля Абделя Насера почти не могли выступать публично, но в полити-

* По действующей в ОАР Временной конституции страна объявлена «социалистической республикой». Этим актом провозглашена генеральная цель египетской революции – построение общества без эксплуатации. Конечно, ОАР еще не социалистическая страна, однако проведенные в ней глубокие социально-экономические преобразования убеждают в том, что ее развитие идет по прогрессивному пути. (*Прим. ред.*)

ческом отношении они были еще очень сильны, и в сентябре 1967 года они еще раз попытались подорвать всю новую систему.

Тем временем Каир оставался центром арабского социализма, а внешне это тот город, который мы видим и сейчас, уже после печальной драмы 1967 года.

19 *Европейское наследие*

Каир действительно социалистический город, но есть еще в его атмосфере что-то нейтральное, будто стоит он на меже, разделяющей одну форму общества от другой, и никак не может сделать решающего шага. Каирцы по-прежнему хитроваты, легко возбудимы и жизнерадостны. В городе все еще есть богатые и бедные. Но центр тяжести переместился. Кажется, что бедные сейчас стали духовными хозяевами города, а богачи ведут себя поскромнее, хотя и не уступили полностью своих позиций.

Признаки переходного периода можно заметить во всей жизни Каира. Так, крупнейшие магазины города выглядят как старомодные капиталистические универмаги, но их деятельность контролирует государство (хотя оно и не владеет ими). В больших каирских магазинах не увидишь сверкающего полированного алюминия или огромных стеклянных витрин – для них характерны деревянные прилавки и скрипучие полы, которые пахнут керосином. В 1967 году они по внешнему виду мало чем отличались от магазинов 1947 года.

Каирские магазины отстают от нынешнего века прежде всего потому, что правительство ограничивает закупки иностранных товаров, и местная промышленность сама производит теперь дешевые варианты тех же самых товаров. Достоинство удивления, какой большой процент всех потребительских товаров – от носков до электрических лампочек и велосипедов – производится в самом Египте. Чаще всего копируются европейские товары, но качество их неплохое. Аптеки издавна имели огромное значение в Каире, так как все в городе постоянно страдают несварением желудка, болезнями печени, мочевого пузыря, жалуются на заболевание ушей и глаз. Поэтому любое новое лекарство или слабительное берут нарасхват. Для европейских Фармацевтических фирм Египет раньше был «золотым дном», но ныне Египет сам производит большинство лекарств. Правда, любители лекарств и люди, помешанные на уколах, предпочитают европейские средства, но, говоря по правде, египетские лекарства ничем не хуже, и торговля в аптеках идет так же бойко, как в кафе, барах и ресторанах.

Развитие местной промышленности, новые законы о труде, правительственный контроль над распределением – все это оказало серьезное влияние на жизнь Каира. Бизнесмену приходится прилагать много усилий, чтобы получить прибыль и сократить свои накладные расходы, так как всевидящее око правительства внимательно следит за его капиталовложениями, доходами, заработной платой его рабочих и

продолжительностью их трудового дня. Раньше, когда временем не дорожили, а налоги были ничтожны, прогулка по магазинам считалась чем-то вроде приятного светского развлечения. Сейчас купля и продажа в магазине стали обычной деловой операцией. Вам нужна пара ботинок? Пожалуйста. Вам принесут чуть ли не все запасы магазина, но это займет вдвое меньше времени, чем раньше, когда покупка сопровождалась веселыми шутками, обменом последними новостями и сплетнями. Сбывать товары нелегко, ассортимент весьма небогат, растет конкуренция других торговцев, которые испытывают такие же трудности со сбытом, цены находятся под контролем. В каирских магазинах вы все еще можете торговаться даже из-за цены на ботинки, но старомодная прелесть восточной торговли исчезла раз и навсегда.

На внешнем облике Каира сказывается также продвижение города на запад – он все больше удаляется от средневековых районов. Коммерческие центры теперь возникают не только вдоль Нила, но и на острове Гезира и даже на другом берегу реки – в Гизе и Эмбабе. У самой реки строятся большие гостиницы, а конторы нефтяной компании и других концернов (египетских и иностранных) проникают в жилые районы Садового города. Гезира с ее роскошными виллами (занятыми теперь посольствами и правительственными учреждениями) и Эм-баба превратились в новый самостоятельный город на окраинах Каира. Благодаря движению на запад центр города постепенно приближается к лону своей матери – великой реке. Каир как бы заново открывает для себя Нил, хотя строительство торговых центров по обоим берегам реки, возможно, погубит чудесные зеленые уголки этих районов.

Конечно, кое-что обречено на неизбежную гибель, но тот, кто любит Каир, не только побаивается за судьбу памятников средневековья, но и внимательно приглядывается, не исчезают ли со старых европейских улиц лучшие образчики европейского наследия. Так, старый отель «Шепердс» – ныне куча красной пыли, окруженная забором. Английское посольство то же, что и во времена Кромера; сохранились старые Королевские конюшни на улице 21-го июля и напоминающая коттедж шотландская церковь в Булаке. Так, переходя от здания к зданию, видишь, что многонациональный Каир времен иностранных оккупации еще дышит, но его останки напоминают крошечные островки истории в бурном египетском море. Даже архитектура города теряет былой французский стиль. Английского в архитектуре Каира никогда не было. Я не могу припомнить ни одного современного здания в Каире, построенного в чисто английском стиле. Более или менее привлекательные английские здания, сохранившиеся в Каире, – это два-три дома в стиле колониальной или викторианской эпохи.

Образцом архитектуры, которую английские правители насаждали в Индии и других колониях, служит больница Виктории на улице Абдель Халид Сарват-паши. Ее старая деревянная веранда словно специально построена для отдыха в прохладе вечера – не в Египте, а где-нибудь в горном районе Северо-Западной Индии или Катманду (Непал). Другое здание, вызывающее у англичан приступы колониальной

ностальгии, ныне занято под среднюю школу Тавфика в Шубре. Таковы и старые казармы в Аббасии. Казармы, очевидно, обречены на слом, но пока египтяне не торопятся сносить их. Все эти здания хорошо сохранились, их поддерживают и ремонтируют.

Есть в городе еще несколько мест, воскрешающих в памяти колониальную эпоху. Недалеко от гостиницы «Нил-Хилтон», вверх по реке, когда-то находилась пристань для пароходов Томаса Кука. Отсюда отправлялся в Судан генерал Гордон, а также экспедиция, посланная, чтобы спасти его. Сейчас здесь маленький чистый речной порт для плавучих казино и ресторанов, на борту которых часто расселяют своих гостей переполненные отели. Уровень воды в реке больше не меняется, особенно после постройки Асуанской плотины, и ее берега вдоль новой дороги теперь засажены плодовыми деревьями.

Пристань давно исчезла, но и сейчас, глядя на множество лодок, можно легко представить, как отсюда в 1884 году отправлялась экспедиция на помощь Гордону: на борт 27 пароходов грузили 11 тысяч английских, 7 тысяч египетских солдат и 130 тысяч тонн снаряжения. На борту одного из таких ненадежных пароходиков находился лорд Вулсли, покоритель Египта в 1882 году, который прибыл в Хартум слишком поздно, через два дня после гибели Гордона. Здесь нет ни мемориальной доски, ни пятен крови, которые увековечивали бы память «Гордона и компании», но воспоминание о событии живет.

Когда начинаешь искать следы европейского прошлого, невольно натыкаешься на египетское «сегодня». Как ни странно звучит подобное утверждение, но современному городу можно было бы позаимствовать кое-что из того образа жизни, какой вели в оккупированном Каире богатые иностранцы. Такое сравнение между прошлым и настоящим помогло бы понять, что происходит ныне с городом и самими египтянами. Туризм, гостиничные удобства, ночная жизнь и восточные развлечения – все это и сейчас привлекает иностранцев в Каир. Их вкусы не изменились, им же предлагают теперь нечто иное. Турист, приехавший в Каир накануне второй мировой войны, ничем не отличался от туриста, посещавшего Египет лет пятьдесят до этого, разве что джентльмен не носил пробкового шлема, а леди не держали в руках миниатюрные белые зонтики, которые Томас Кук рекомендовал туристкам в качестве удобного оружия против туземцев. Туристы ездили на осликах, затем на велосипедах, позднее в «гарри» – местных конных экипажах, затем в такси. Сейчас нет ни осликов, ни велосипедов, ни гарри – только такси и застекленные автобусы. В наш реактивный век число туристов, которые приезжают, чтобы все оглядеть, поспать, поесть и исчезнуть безвозвратно, определяется вычислительными машинами, подсчитывающими время на путешествие и наличие комнат в гостиницах. Судя по всему, такая система влияет и на психологию самих туристов. На жаргоне туристских агентов, в 1965 году 542 тысячи туристов провели в Египте 10 400 730 «туристо-ночей».

Свыше 90 процентов туристов провели по крайней мере одну роскошную «туристскую» ночь в Каире. Раньше в Каир приезжали летом очень редко. Теперь в летние месяцы на улицах Каира можно увидеть

большие группы туристов из США (до 1967 года), Европы и арабских стран. По-видимому, их не пугает палящее солнце. По статистическим данным, каирские отели переполнены в июле и августе, а не в декабре и январе, когда обычно начиналось туристское паломничество в Египет.

Трудно установить, сколько денег тратили туристы в Египте до войны, но в 1964 году иностранные туристы израсходовали в Египте (в основном в Каире) 37,5 миллиона египетских фунтов. Конечно, доходы Египта от Суэцкого канала в том же году составили более крупную сумму, но и эти миллионы нужны такой стране, как Египет, и туризм, естественно, стал одной из главных статей государственных доходов. Туризм – это крупный бизнес, доход от которого раньше шел в карманы владельцев частного капитала, а теперь доход получает непосредственно государство.

Гостиницы тоже стали крупным государственным бизнесом. В Египте есть четыре большие компании, владеющие 36 гостиницами, причем 40-60 процентов их прибылей принадлежит государству. Некоторые отели, как, например, новый «Шепердс» на берегу Нила, являясь государственной собственностью. Иногда государство владеет гостиницами на паях с иностранными фирмами. Так, отель «Нил-Хилтон» – собственность компании «Миср», которая сама на 60 процентов принадлежит государству. Однако управляет отелем американская компания «Хилтон», получающая 33 процента прибыли. Система финансирования отеля «Нил-Хилтон» весьма сложна – в этой пирамиде часть капитала принадлежит американской авиакомпании «Транс Уорлд Эйрлайнс», часть американской компании «Хилтон Интернешнл», еще одна доля – частному египетскому капиталу, и все остальное – египетскому правительству. Это довольно странное сотрудничество, но результаты оно дает хорошие. Так же действует и другая компания – «Шератон» с отелем «Сфинкс» на другой стороне реки, около моста аль-Галя*.

Кто же посетители этих роскошных гостиниц Каира? В основном туристы с двухнедельными путевками. Именно они заполняют большие отели, а также и более скромные. До войны богатые визитеры снимали комнаты в гостиницах на целый «сезон», но сейчас это не практикуется. В Каир регулярно прибывают люди из так называемого среднего класса – дипломаты, работники ООН, бизнесмены, финансисты, ученые и др. Они селятся в таких отелях, как «Нил-Хилтон», где царит атмосфера, привычная для зажиточных туристов и «транзитных» американско-европейских путешественников. По своему составу это уже не прежняя довоенная «светская» элита со страниц «Готского альманаха», которая держалась в блистательной изоляции и вела себя надменно и высокомерно. В те времена «светскими» считались английские колониальные отели вроде «Шепердс» и «Континентал-Савой».

* Аль-Галя (арабск.) – Эвакуация.

Сегодня старого «Шепердса» не существует, но тот, кто помнит довоенный «Континентал-Савой», с горечью взирает, как на его знаменитых террасах расположились лавочки с сувенирами для туристов. Почтенный пыльный двор отеля и его уютные сады превратили в дешевую ярмарку, и уже нельзя посидеть за чашкой чая в соломенных креслах просторных салонов по той простой причине, что салоны больше не существуют. Если вы захотите выпить чай в «Континентал-Савое», вам придется усесться где-нибудь в передней и терпеть бесконечные телевизионные передачи. Туристы, останавливающиеся сейчас в «Континентал-Савое», – это марокканцы, тунисцы или ливанцы, которые ненамного богаче рядового египетского эфенди*. Иногда сюда селят южноафриканцев или белых кенийцев, американских студентов или ирландских фабричных рабочих, и смешение столь различных людей время от времени вносит оживление в атмосферу старого отеля.

После 1952 года Каир стал пуританским городом, и это значительно охладило интерес к нему туристов. Их влекли сюда рассказы о пороках Каира, сексе и подозрительных ночных притонах. Во времена Фарука в городе было несколько сотен высоко- и низкопробных притонов, предлагавших разнулявшемуся посетителю все виды разврата и, как правило, один из вариантов знаменитого танца живота, который может быть или просто непристойным, или действительно экзотическим. Самая известная исполнительница танца живота в Каире Тахия Кариока славилась в годы второй мировой войны. Трудно сказать, сколько английских генералов, французских дипломатов, египетских пашей, арабских шейхов и проезжих королей мечтали заполучить Кариоку. Но она была не только изумительно красивой девушкой, но и умной. После революции 1952 года Тахия Кариока примкнула к левому движению и сошлась с одним из молодых офицеров, участвовавших в революции. Потом она стала талантливой киноактрисой. Ныне она выглядит полной матроной в очках и руководит эстрадной группой.

С уходом Тахии Кариоки завершилась эпоха развлечений в стиле турецких гаремов. После революции каирские исполнительницы танца живота – такие же красивые и чувственные девушки – обязаны подчиняться египетской моральной дисциплине. Ясно, что танец лишился былого налета сладострастия. Раньше танцовщица как бы переговаривалась с публикой на языке секса, теперь этого нет. Она еще соблазнительно изгибает талию, но в момент, когда появляются первые намеки на сексуальный экстаз, танец внезапно переходит в обычные джазовые движения, в которых нет и намека на сладострастие.

Танец стал нарочито приличным, и в Каире есть десятки казино и ночных клубов (особенно в больших отелях), где исполняется подчищенный вариант знаменитого танца. Даже почтенные египетские буржуа посещают эти клубы со своими женами, районы города, где про-

* Эмар эфенди – символическая кличка египтянина, принадлежащего к средним социальным слоям общества. (*Прим. ред.*)

цветал самый грязный разврат (вроде публичного дома Клот-бей, из окон которого австралийские солдаты выбрасывали пианино), сейчас превратились в бедные, но благопристойные кварталы небольших магазинов и кафе.

Проститутки исчезли с каирских улиц – по крайней мере, их незаметно. Но еще немало порока гнездится в каирских переулках, и нередко на вашем пути появляется прилично одетый эфенди, который берет вас под руку и шепотом предлагает «любые» развлечения. По-видимому, на таких улицах Садового города все еще существуют тайные публичные дома, потому что однажды меня остановила почтенная дама и задала какой-то серьезный вопрос, который на самом деле оказался довольно непристойным приглашением.

Почти полностью ликвидирован и другой спутник коррупции и бедности – нищенство. Кто-то когда-то сказал, что нищие были старейшими и самыми порядочными гражданами Каира. Но на самом деле нищенство всегда служило витриной несчастий и нищеты Каира. За последние сто лет туристы слышали в этом блистательном городе прежде всего слова: «Дай пиастр, мистер... полпиастра, леди...» Стоило туристу дать пиастр мальчику, девочке, ребенку, женщине или мужчине, как на него двигались в атаку, волна за волной, резервные силы нищих, поджидающих за углом.

Сначала революционное правительство просто собрало всех нищих и приказало им под угрозой наказания не появляться на улицах. На некоторых полицейские методы «убеждения» подействовали, но другие снова вышли на улицы и продолжали кланчить милостыню. По мере того как Египет медленно пробивал себе дорогу вперед, нищие в Каире исчезали. Попадались только случайные попрошайки, но после июньской войны 1967 года не осталось ни одного. Египтяне и европейцы все еще снисходительно дают деньги беднякам в мечетях, церквях и больницах или «чаевые» появляющимся неизвестно откуда мальчишкам, которые открывают для них дверь автомобиля. Но это совсем иное явление, в целом же у бедного человека появилось чувство собственного достоинства.

Тот факт, что в Каире еще много бедняков, заставляет задать и другой вопрос; а кто же богачи и что они делают со своим богатством? После социалистических реформ 1961 года* офицерство лишилось своих привилегий, и президент Насер стал больше опираться на гражданских деятелей правительства. Отдельные богатые офицеры-бизнесмены все еще существуют, но их влияние на правительственный механизм (не говоря уже о военном) падает с каждым днем. Насер и большинство его министров живут очень скромно, однако в период между 1961 и 1967 годами было еще немало людей, живших на доходы от капиталовложений, ренты, спекуляции (хотя она и была ограничена), от покупки дешевых товаров и продажи их по дорогой цене. До 1967 года оптовая торговля и строительство находились в руках част-

* Речь идет о первых республиканских декретах президента Насера, положивших начало курсу на национализацию. (Прим. ред.)

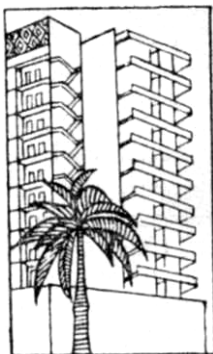
ников, и в 1966 году в одной из речей: президент Насер с гневом говорил, что оптовые торговцы и строительные подрядчики превращаются в «класс новых капиталистов». Оптовые торговцы, заявил он, зарабатывают иногда за один день до тысячи фунтов. Дело в том, что вкладывать капиталы в промышленность они не могли, и предприимчивые капиталисты искали дозволенных источников прибыли вроде оптовой торговли, наживая целые состояния. Богатыми были некоторые помещики, сохранившие 200 акров земли (это установленный государством максимум земельного владения)*. владельцы магазинов, гаражей или ночных клубов; не нуждались в деньгах и кинозвезды. К числу весьма богатых людей принадлежали известные певцы вроде Умм Кальсума и Абдель Вахаба. У этих артистов были накопления в иностранной валюте, и им разрешалось проводить полгода в Швейцарии. Но они настолько популярны в Египте и остальном арабском мире, что никто не возражал против предоставленных им льгот.

Поскольку Каир стал социалистическим городом, народ сейчас с подозрением относится к тем, кто кичится своими капиталами и богатством. В 1966 году еще строились большие частные виллы в Гелиополисе и по дороге к пирамидам. На улицах было много американских лимузинов, в театрах женщины щеголяли в норковых шубах, а в отелях устраивались богатые частные банкеты. Спортивный клуб в Гезире оставался убежищем привилегированной элиты. Его теннисные корты, бассейн для плавания и карточные столы подчеркивают изолированность этого уголка от остального города. Клуб стал своеобразной отдушиной для тех, у кого есть средства, чтобы пользоваться его услугами. Президент Насер не закрывал клуб, чтобы дать хоть какой-то выход недовольству старых правящих классов. Здесь, сидя рядом с бассейном, они могут ворчать и жаловаться сколько их душе угодно.

Были в Каире английские клубы и для представителей других зажиточных слоев. Спортивный клуб Гелиополиса считался клубом европейского среднего класса. Сейчас он стал убежищем египетского среднего класса. Таким образом, спортивными клубами, новыми квартирами и шикарными домами в европейском Каире пользуются зажиточные египтяне, находящиеся под влиянием европейского образа жизни. Старый европейский город остается привилегированной половиной Каира.

Другая половина по-прежнему бедна, грязна и ветха – узкие, перенаселенные, захлапленные переулки средневекового города. Он населен все теми же необразованными, но политически зрелыми людьми, которые в конечном итоге и должны унаследовать весь Каир. Как и

* В июле 1961 года установлен новый максимум землевладения – 100 федданов на человека. В 1962 году, выступая на Национальном конгрессе народных сил, президент Насер объявил, что 100 федданов отныне предельный максимум землевладения в ОАР на одну семью – отца, мать и троих детей. Следовательно, после того как этот максимум землевладения будет осуществлен повсеместно (к 1970 году), можно считать, что он будет равен 20 федданам на одного человека. (Прим. ред.).

богачи, бедняки находятся в состоянии нервного ожидания и, кажется, никак не могут распрощаться со своей нищетой и сменить ее на новую жизнь, которую они представляют себе еще очень туманно. Они продолжают жить в средневековой грязи, будто эта грязь сохранится навеки. Те процессы, которые определяют будущее Египта, не видны на этих старых улочках, и только очень внимательный наблюдатель может заметить, что, несмотря на всю ужасающую нищету средневековых районов, прошлое уже ушло безвозвратно, а за разваливающимся античным фасадом рождается новая жизнь.

Если пересечь Эзбекию и идти прямо по шарии аль-Муски, вы попадете на своеобразную двойную улицу, вдоль которой проходят трамвайные линии. Это шария эль-Халиг (Улица канала). Перешагнув через блестящие рельсы трамвая, вы вступите в средневековый Каир и, таким образом, окажетесь на другой стороне старого засыпанного канала, который когда-то был главной водной артерией старого города.

Углубившись в старые кварталы, вы заметите, что старина и отсталость наложили отпечаток на внешний облик города, его обычаи и даже хозяйство. Автобусы движутся по новым магистральям, в переулках гудят автомашины, неоновые рекламы освещают ларьки и большие магазины, мальчишки ездят на велосипедах и женщины одеты по-европейски. Но если вы попытаетесь вспомнить, что вы увидели во время прогулок по этому району Каира, эти проявления современной жизни ускользнут из вашей памяти. Сохранится лишь общее тягостное впечатление, что вы бродили по полусредневековому городу с полусредневековым населением.

Население здесь постоянно обновляется. В Каир в поисках работы непрерывно идут люди из деревень. Аграрная реформа 1952 года подорвала старую полуфеодальную систему землевладения, однако мановением волшебного жезла не уничтожишь сразу полуфеодальный характер экономики. Стране необходимо расширять производство. Когда в 1882 году англичане пришли в Египет, в стране было 9 миллионов жителей, а сейчас – 26 миллионов. С улучшением социальных условий сокращается детская смертность. К 1970 году в Египте, вероятно, будет 35 миллионов жителей. По данным выборочной переписи 1961 года, только 53 процента жителей Каира родились в нем. В 1966-1967 годах население Каира составляло свыше 4 миллионов. За двадцать лет до этого оно равнялось полутора миллионам, а некоторые районы Каира перенаселены так же, как самые густонаселенные города Индии. Изодня в день бедные кварталы пополняются новыми гражданами: или посланными богом, или прибывшими из деревни. Когда пробираешься по улочкам старого города, кажется, что каждый кишачий людьми дом дышит плодородием; грубая правда жизни опрокидывает европейские представления о воздержании и начинает пугать даже самих египтян.

Только здесь можно понять подлинный характер египтянина во всех его проявлениях. По ту сторону Эзбекию его не заметишь под

европейским костюмом и за блеском автомашины «мерседес». А здесь улицы шумят иначе. Это шум людей, а не транспорта. Женщина, продающая арбузные косточки, и мужчина, торгующий горячим рисом, заняты не просто коммерцией: каждое движение, слово, брань, конфликт и шутка содержат элементы интимных общественных отношений, ибо постоянное общение с людьми – это основа жизни египтянина. В просторных кварталах современной половины Каира уже невозможно подобное смешение человеческих судеб, но в старом городе в результате скученности и непрерывного обновления населения люди живут на глазах друг у друга, их повседневные интересы и страсти остаются общественным достоянием.

Многие считают, что такие тесные «коммунальные» отношения жителей средневекового города ненормальны и что из-за этого город остается невежественной, нищей, плодovitой деревней, которая неизбежно погибнет, как только ее жители получают образование и переселятся в другие районы. Но это неверно: если старый город и напоминает руины, его все же следует сохранить, и не только из-за памятников, но также из-за его бытовых традиций. Средневековому арабскому купцу, проделавшему долгий путь с караваном, хотелось найти место, где бы выпастись в жаркий день, где был бы склад для его товаров, шумный базар для их продажи и прохладная чистая мечеть, чтобы помолиться и поговорить о делах. Таким был и остается средневековый Каир, хотя купцы не идут больше караванами через пустыни, а караван-сарай давно закрылись. Сохранились только базары, где продают теперь не самые лучшие товары, как в былые времена, а самые неважные. Мальчишки-лоточники и лавочники базара Хан аль-Халиль обслуживают не богачей, а бедняков. Лавка старого оружейника торгует ныне второсортными шарикоподшипниками. Даже на базаре «Сагха» (золотых дел мастеров), где еще торгуют ценными металлами, лежит отпечаток упадка и нищеты. Наряду с настоящим золотом здесь часто продают и фальшивое.

Базары настоящих ремесленников – например, медников (Сук аль-Наххасин) или мастеров шатров – сохранились, но и они лишь жалкое подобие старинных базаров. Мальчишки, сидя на корточках у лавок медников, маленькими молотками «вколачивают мозги» в огромный медный котел. Недалеко от Баб аз-Зувейла шатерные мастера пропускают через швейные машины гектары брезента, готовя громадные шатры для различных празднеств в Каире. Эти ремесла – сущность старого города. Побывав на базарах «Сагха», Хан аль-Халиль и дешевой толкучке на шары аль-Муиза, пройдитесь по незаметным переулкам – здесь и гнездятся подлинники ремесленники и кустари старого города. За одну утреннюю прогулку я насчитал около сотни различных видов ремесел, в том числе производство гирь для весов и пробок для ванн из старых автомобильных шин. Мальчишки, усевшись на тротуарах, льют в песочных формах медные замки, жестянщики делают мусорные ящики из керосиновых бидонов, другие мастерят из ящиков из-под фруктов мышеловки и мебель, вяют из бумаги веревки, делают коврики из тряпья. Но это мелочь, так как здесь же производят кероси-

новые фонари, кальяны, запасные части для автомашин, батареи для фонарей, лопаты, небольшие телеги, кастрюли, колеса, обувь, книги, чемоданы, бутылочные пробки, краны и т. п. Если европеец – с его техническим навыком – побродит по здешним закоулкам, у него глаза полезут на лоб при виде того, на что способны неграмотные мужчина или мальчишка, сидящие на корточках в грязной подворотне.

Таков ремесленный рабочий класс Каира. Настоящий промышленный пролетарий, занятый в организованном труде индустриального государства, может быть, и живет здесь, но работает он на фабриках и заводах, расположенных где-нибудь в каирских пригородах. Поэтому средневековый Каир нельзя считать промышленным районом города. Это просто любопытный уголок неорганизованного производства и место обитания полуголодных людей. Нищета здесь напоминает океан, на просторе которого, как острова, разбросаны памятники романтической славы прошлого. Никакая романтика не может заслонить очевидный факт, что это прежде всего трущобы. Оторвитесь на момент от созерцания старинных улочек и взгляните на страшные ветхие дома: кое-где пять человек ютятся в крошечной комнатке, другие спят и едят под лестницей, живут в лачугах, сложенных из керсиновых бидонов на крыше, или валяются на балконах вместе с курами и козами. Каждый дом на этих улочках – кишаший людьми улей. Здесь не может быть речи о гигиене, почти каждый страдает той или иной болезнью. Люди не голодают, но почти никто не бывает сыт, у большинства есть только одна смена белья. Немногие взрослые умеют читать и писать.

В самых неожиданных местах на этих улицах можно все-таки обнаружить десяток начальных школ. До войны в Каире было 79 начальных школ, которые по традиции строились около фонтанов, как, например, у фонтана Абд ар-Рахман на Бейн аль-Касрейне. Большая часть «фонтанных» школ работает и сейчас, однако министерство просвещения, как только ему удастся получить подготовленных учителей, открывает новые школы. Всякая школа в старом городе удивляет, потому что среди этой анархии, нищеты и уличной торговли как-то забывается, что и здесь дети ходят в школу. Забываешь и о том, что в средневековом Каире находится одна из старейших духовных семинарий мира – аль-Азхар.

Сейчас аль-Азхар – мечеть, высшая религиозная школа и самый обыкновенный университет. Когда генерал Гаухар в 972 году закончил строительство аль-Азхара, это была мечеть. Несколько лет спустя халиф Муиз прибыл в свой новый город и, осмотрев остальную часть аль-Кахиры, сразу же направился в аль-Азхар на молитву. В 996 году халиф превратил мечеть в теологическую академию. С тех пор аль-Азхар остается ведущим мусульманским университетом, где изучают теологию и религиозное право. После 971 года аль-Азхар часто перестраивали, и от первоначального здания эпохи фатимидов осталась только центральная часть мечети и купол над ней. До появления англичан в Египте в 1882 году в университете было 7600 студентов и 230 преподавателей, но к 1912 году он имел 14 599 студентов и 587

преподавателей, а в 1967 году – 13 420 студентов и 428 преподавателей.

В те времена, когда в аль-Азхаре учился (начало 1900-х годов) талантливый слепой писатель Таха Хусейн, учителя занимались со своими классами у колонн большого «Ливана». Усевшись, поджав ноги, вокруг преподавателя (мударриса), студенты бесконечно повторяли слово за словом текст корана, изучали официально принятое толкование каждого слова и выслушивали доводы учителя в защиту его собственной интерпретации каждой «суры» (главы) корана. У подножия этих колонн студенты изучали в основном следующие предметы: исламское право, монотеистическое богословие, толкование законов, провозглашенных пророком, толкование корана, грамматику, морфологию, риторику и логику. Студенты могли также изучать арифметику, алгебру, поэзию и другие дисциплины.

В 1930 и 1936 годах королевским указом аль-Азхар был превращен в университет, но методы преподавания почти не изменились. Перемены принесла революция. К 1969 году у колонн мадрасы остались только два-три класса, причем треть студентов – слепые. Открытые классы теперь никто не принимает всерьез, даже как место изучения религиозных предметов. Большой частью их посещают малограмотные люди, которые после пяти-шести лет обучения знают наизусть коран и возвращаются в деревни грамотными, но по-прежнему необразованными сельскими шейхами. Именно поэтому так ненавидел азхарские методы обучения Таха Хусейн.

За мечетью расположен настоящий университет, где студенты проходят курс всех современных наук. Основные факультеты аль-Азхара – медицинский, сельскохозяйственный, инженерно-промышленный, а также теологический и ислама. Но все же жаль, что полностью отброшена классическая система, когда студенты сидели вокруг учителя, слушали его и вступали в дискуссии.

Несмотря на все нововведения, аль-Азхар упрямо остается религиозным бастионом старого города. Бедняки в длинных рубахах идут сюда как в храм – они снимают запыхавшиеся сандалии, моют ноги и склоняются в молитве на грязном дворе. По праздникам, когда над двором натягивают большие разноцветные текты, защищающие от солнца, городской шум не слышен, и кажется, что пустыня подкрадывается к высоким каменным стенам аль-Азхара. Как и сама мусульманская религия, корни аль-Азхара – в далеких аравийских пустынях.

Непреодолимая духовная близость к пустыне характерна для средневекового Каира. Многие глиняные здания напоминают бедуинские шатры, бедные египтяне одеваются так, будто они все еще находятся в пустыне, а не в большом современном городе. Когда видишь толпы таких «арабов» на улицах, невольно задумываешься над вопросом: а можно ли считать египтян «арабами»? Они говорят по-арабски, у них арабская культура – иначе и быть не могло, ведь арабы в течение тысячи лет внушали им свои идеи. Но в Египте так же мало чистых арабов, как, скажем, чистых британцев в Великобритании. Вспоминая длительную иностранную оккупацию Каира, ее смешение рас и народов,

начинаешь думать: может быть, каирцы вообще не принадлежат ни к какой определенной расе. Но это не так.

Правда, Каир всегда имел смешанное население; в нем было много арабов, турко-персов, турко-монголов, сирийцев, суданцев, армян, грузин, татар, африканцев, абиссинцев, турак, греков и всех мастей европейцев. Жили здесь потомки коренных египтян – копты, которые никогда не признавали смешанные браки. Подобное головокружительное смешение рас характерно больше всего для Каира. Иностранцы почти не проникали в массу крестьянства. Когда в Египет пришли первые арабы, крестьяне в деревнях были коренными и настоящими египтянами. В ранний период арабской миграции у египтян появились признаки арабской крови, ибо арабы смешивались с крестьянами и женились на египтянках. Но, кроме арабов, ни одни завоеватели не селились в деревнях. Они, как правило, занимали Каир, другие города и крупные поместья и всегда оставались правящим классом, администраторами и военачальниками. Поэтому именно старый правящий класс Египта и представляет собой наибольшее смешение национальностей: греческой, арабской, черкесской, турецкой, сирийской, персидской и европейской.

Этот процесс не конулся египетской бедноты в деревнях. Крестьянство в целом оставалось египто-арабским. Поскольку сейчас каирские улицы непрерывно поглощают все большее число пришельцев из деревень, население Каира в своей массе и представляет собой именно смесь египтян и арабов. Если даже большинство жителей называет себя арабами, это отнюдь не расовый признак. Быть арабом в Египте – то же самое, что быть американцем в Соединенных Штатах. Это национальный, культурный, общественный и религиозный признак, но не расовый. Культуру страны принято считать «арабской», но когда бродишь и толчешься в гуще этих беспокойных, общительных, веселых, любящих спорить урбанизированных крестьян, задаешь еще один вопрос: а знакомы ли они с «арабской» культурой?

На этот вопрос пока еще нет ответа. Каирцы живут в окружении арабского искусства, но что они знают о нем и имеет ли иностранец право знакомить их с этим искусством?

Иностранцы сделали многое, чтобы спасти сохранившиеся в старом городе памятники арабского искусства, но больше Египет не нуждается в услугах иностранцев. Арабское искусство сейчас находится в руках самих арабов, и им решать, что с ним делать. О деятельности египтян по защите своей культуры можно судить по истории самого музея и Комитета по охране исторических памятников.

В 1880 году египетское правительство хедива Тевфика начало собирать отвалившиеся куски и обломки каирских мечетей и памятников и складывать их в углу мечети аль-Хакима, чтобы они не попали в руки жадных европейских антикваров. Египет понес огромный ущерб от грабежа ценнейших произведений исламского искусства. Хуже всего, что грабители не только похищали отдельные предметы, которые можно было легко вывезти, но и уродовали замечательные мечети, стены и ворота. Во второй половине прошлого века иностранные

ценители искусства, вроде Франц-паши, Макса Герца, Стэнли Пула и Роджерс-бея, создали Комитет по охране арабских памятников, и хедив указом 1882 года признал его официальной организацией. В задачи комитета входила регистрация арабских памятников, их защита, регулярная реставрация. Комитет также решал, какие исторические произведения и обломки зданий следует сохранить в музеях. В 1890 году Макс Герц был назначен главным архитектурным советником комитета, и до сих пор, когда вы беседуете в Каире о судьбе исламских памятников, вам называют его имя, а также имя Кресвелла, который оставался членом комитета еще в 1969 году.

Комитет спас от гибели и реставрировал почти все великие памятники исламского искусства в Каире, в том числе мадрасы, мечети, исторические ворота и стены. Комитету обязан своим существованием и нынешний Музей исламского искусства. Герц составил первый каталог музея в 1895 году, а в 1903 году музей был переведен из мечети аль-Хакима в нынешнее здание на площади Баб аль-Хальк. Правительство хедива финансировало музей, но больше всего к нему проявляли интерес европейцы. Египтяне были назначены директорами и кураторами музея сравнительно недавно. После революции музей стал именоваться не Музеем арабского искусства, а Музеем исламского искусства, так как самые замечательные его экспонаты не являются с точки зрения этнографии арабскими.

Европейцы часто испытывают разочарование от посещения музея, так как исламское искусство, если его не изучать серьезно, кажется довольно однообразным. Здесь нет изображения человеческих форм, так как мусульманская религия запрещает иконопись и самолюбование. Это компенсировалось исключительным разнообразием геометрических и абстрактных рисунков, которые представляют собой величайшие образцы самого богатого в истории декоративного искусства. До XIV века еще появлялись «нелегальные» фигуры живых существ, и в музее есть резные изображения охотничьих и домашних сцен, напоминающих произведения греческого искусства. В остальном же это открытые орнаментом кафедры из мечетей, потолки, двери, а также тончайшей работы светильники и фонтаны. Представлен в музее и Фостат.

При внимательном изучении экспонатов можно проследить то влияние, которое оказывали греки и копты на арабов. Так, одни из лучших экспонатов – это фрагменты хрупких лепных украшений, которыми славился средневековый Каир. Трудно даже понять, как, какими методами, ценой каких усилий египетский ремесленник ухитрялся превращать простой алебастр в изумительные произведения искусства.

Многие экспонаты музея, найденные в трущобах старого города, имеют неегипетское происхождение. Они попали в Каир только потому, что он был богатейшим городом мира. Ярко раскрашенные испано-мавританские блюда, керамика из Трансокеании и персидские чаши – эту утонченную красоту и изящество еще предстоит понять и оценить египтянам.

Итак, что же делают сами египтяне, чтобы донести это искусство до своего народа? Как будут они продолжать работу Комитета по охране исторических памятников, который, несмотря на все усилия, коснулся лишь поверхности средневекового города? Во время моей последней беседы с профессором Кресвеллом он сказал, что для того, чтобы Комитет по охране арабских памятников действовал, его надо постоянно подталкивать. Из разговоров с египтянами ясно, что у них есть свои соображения, как охранять исторические памятники. Они уважают комитет и, конечно, воспользуются его услугами, но хотят применять совсем иные методы. Музей проделал сравнительно простую работу – он собрал, реставрировал и выставил исторические экспонаты. Что касается судьбы знаменитых исторических зданий, то египтяне хотят делать все сами. Они несколько подозрительно относятся к комитету, считая его пережитком эпохи «патронажа» европейцев, хотя сейчас почти все его члены египтяне. В прошлом комитет представлял собой замкнутую группу, которая не хотела, чтобы общественность интересовалась ее деятельностью. Новый Египет хочет, чтобы народ не только интересовался этой работой, но и активно в ней участвовал.

И все же официальный Египет не делает всего, что нужно для поощрения интереса к исламскому искусству. Нельзя сказать, чтобы он не уважал искусство. Нет, это уважение, сейчас иногда даже чрезмерное. В чем именно дело, сказать трудно. Возможно, не хватает денег. У ОАР нет тех огромных средств, которые нужны для реставрации прекрасных зданий средневекового города. Существует и религиозная проблема. Сами египетские ученые очень осторожно подходят к религиозным табу, а большинство каирских исторических зданий – это религиозные памятники. Характерно, что религиозные учреждения ислама сами никогда не прилагали никаких усилий для охраны своих памятников. Только министерство по делам вакуфов (буквально: по делам недвижимого имущества религиозных учреждений) кое-где могло реставрировать несколько мечетей.

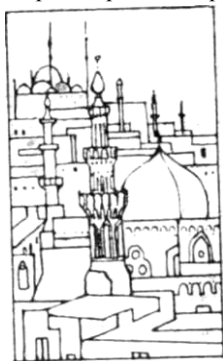
По иронии судьбы единственный великий памятник средневекового города, за которым следят и ухаживают все последние восемьсот лет, это крепость, всегда служившая оплотом угнетателей Каира, – цитадель. Она возвышается на выступе горы Мукаттам, словно чужеземец, не желающий иметь никакого дела с городом. Таковой она и мыслилась ее строителями. Это был военный замок завоевателя Саладина, а после него укрепленный форт всех оккупантов, в том числе Наполеона, Мухаммеда Али и англичан. От первоначального здания осталось немного, и все позднейшие пристройки к цитадели – это образец архитектурного каннибализма. Цитадель потеряла военное значение в начале XIX века после того, как Мухаммед Али установил артиллерийскую батарею на Габаль Гиюши, выше крепости, и заставил ее турецкий гарнизон капитулировать. С тех пор все, кто правил Каиром, пользовались цитаделью только как казармами.

Большая и самая интересная часть цитадели сейчас закрыта для публики. Можно осмотреть только внешние стены, мечеть Мухаммеда

Али, старый гарем, в двери которого в отчаянии стучались попавшие в западно мамлюки и просили у женщин убежища (сейчас здесь военный музей), и саладиновский колодец Иосифа глубиной в 280 футов (знаменитый колодец напоминает дыру, которую рыл герой Конан-Дойля профессор Чэлленджер, старавшийся проникнуть через земную кору и дотронуться до ее внутренней оболочки, причем Земля кричала от боли).

Как сказано выше, за цитаделью следят и ухаживают, но мечети и дворцы на ее территории находятся в печальном состоянии. Подчищали, ремонтировали, надстраивали главным образом казармы, в которых власти постоянно нуждались. Цитадель, пожалуй, величайший памятник Каира, его главный ориентир, без которого не мыслится город. Словно альпийская вершина Маттергорн, цитадель горделива и одинока. Ею лучше всего любоваться с высокого холма Габаль Гиюши. Отсюда она похожа на замысловатый замок, построенный детьми из песка на пляже: одни только зубчатые стены и башни.

Цитадель живет сама по себе, в изоляции от повседневной суеты города; она не пользуется симпатией каирцев и даже внушает им некоторый страх. Зато она всегда влекла к себе иностранцев и оккупантов. Возможно, такое различие в отношении египтян и иностранцев к цитадели имеет эстетические объяснения. Иностранцы любят красоту средневекового Каира как пришельцы и чужеземцы. А для египтян старый город – это родное гнездо, где проходит вся их жизнь, причем

жизнь настолько тяжела, что им некогда оценить красоту города, его искусство, понять его историю. Каирцам трудно любоваться старыми улочками и переулками, так как история средневекового города постоянно напоминает им о былом угнетении и страданиях. Чтобы снова открыть и оценить средневековый Каир, египтянам надо самим стать прочно на ноги. Люди живут здесь словно на историческом острове сокровищ, который становится все меньше по мере того, как вокруг разрастается новый город, захватывающий поля, пустыни и даже холмы Мукаттама.

В 1967 году Большой Каир напоминал Чикаго, каким его описал Теодор Драйзер. На окраинах города блоки высоких светло-серых домов, построенных из цемента Туры, открывали стеклянные лепестки окон лучам палящего солнца. На песчаных пустынях возникали новые поселки, появлялись первые трамваи. Линии метро сходились и перекрещивались в Гелиополисе, как на железнодорожном узле, а вдоль стен казармы Аббасии со стороны пустыни, в тени камедных деревьев, прокладывалась новая ветка железной дороги – от Каира к новому пригороду Насру, построенному между Аббасией и Гелиополисом. В будущем Наср займет весь район казарм Аббасии, а на востоке вторгнется в пределы пустыни.

Несколько лет назад между Гелиополисом и Алмазой находилась пустыня – сейчас она полностью застроена, и дома доходят уже до каирского аэропорта. Быстро застраиваются районы Докки, Эмбабы, Гизы и даже Мукаттам, которые совсем недавно можно было назвать «пустыми горизонтами» Каира. Они превращаются в новые жилые кварталы города. Поскольку вокруг Каира лежат неограниченные пустынные территории, нет сомнения, что через десять-двадцать лет площадь города увеличится по крайней мере в два раза по сравнению с тем, что было десять лет назад. Дело идет явно к этому.

Может создаться впечатление, что Каир забросил свой старый центр, но это неверно. Нет почти ни одного района центра, который не перестраивается. Правда, строительство пока еще идет главным образом в европейских кварталах. У берегов Нила возводятся четыре новые гостиницы, и начинается строительство на месте бывшего отеля «Шепердс» в Эзбекие. Вокруг Абдина в Сейиды Зейнаб, даже под носом у старой цитадели, растут этаж за этажом клетки холодных бетонных коробок будущих зданий. А если пройти по старому средневековому городу, можно оказаться в грязном узком переулке, который упирается в огромный новый многоэтажный дом. Расчищаются даже трущобы Вавилона (старого Каира), и у старой крепости правительство строит две новые больницы. Большой жилой комплекс создан в центре района Фостат - Аскар.

Пожалуй, единственным нетронутым большим районом Каира остался Арафа – город мертвых, к югу от цитадели. Но и от этого «неприкасаемого» старого кладбища отщипывают по краям небольшие

кусочки. Вокруг города и через него проложены кольцевые дороги. Сейчас вы можете проехать от пирамид до Гелиополиса через остров Рода, старый Каир (Вавилон), Айн ас-Сира, вдоль акведука, мимо цитадели, старых стен аль-Кахиры до Аббасии. Еще одна новая дорога идет вдоль реки на юг Маади. В Гизе появились туннели для автотранспорта, а от острова Рода до Каср ан-Нила ходит речной трамвай, который пыхтит на желтых водах Нила, словно дряхлый старик, поднимающийся в гору.

Самое значительное строительство в Каире – это мадинат ан-Наср, город внутри города, строящийся вокруг казарм Аббасии. Казармы еще стоят, но ан-Наср неизбежно их поглотит.

В ан-Насре строятся здания министерств и различных правительственных ведомств, здесь же расселятся люди, работающие в этих учреждениях. В 1969 году ан-Наср выглядел как скопище голых высоких жилых блоков и застекленных зданий, учреждений, которые ничем не защищены от беспощадных ветров и солнца пустыни. Но уже теперь этот район, доходящий до Гелиополиса, становится политическим центром Египта. Здесь Налоговое управление, Бюро переписи населения, министерство транспорта и Управление Национальной нефтяной компании. Словно для того, чтобы хоть немного оживить район, здесь построили новый, олимпийских размеров стадион и пыльный плац-парад. В Гелиополисе, через дорогу отсюда, находится здание Совета министров, а отель «Палас» передан в пользование Арабской лиге.

Сам Гелиополис тоже переживает трансформацию. На месте старого ипподрома – общественный парк с приятным и довольно невинным ночным клубом. К югу от каирского аэропорта построен новый ипподром. По крайней мере, три новых района выросли в Гелиополисе, причем один из них доходит до Айн аш-Шамса. Песчаные и еще неблагоустроенные улицы застроены небольшими жилыми домами, многоквартирными блоками и виллами, задние дворики которых упираются в пустыню.

В Каире строится больше церквей, чем в любом европейском городе, многие в Гелиополисе. Не все новые церкви коптские, есть и халдейские, марокитские, православные и католические. Внешне они не очень красивы, но по воскресеньям полны молящихся. Сам президент Насер являлся «шефом» новой мечети около его дома, на границе Гелиополиса.

Словно бабочка расправляет крылья Эмбаба на западном берегу Нила. Десять лет назад она была жалкой деревушкой. Сейчас здесь создан комплекс небольших домов, школ и магазинов. Местная община – это, по сути дела, кооператив архитекторов и учителей.

Кооперация играет все более важную роль в плане реконструкции Каира. До 1967 года строительство велось силами частных подрядчиков, хотя и с помощью государства. Если вы хотели построить здание для учреждений или жилой дом в Каире (с разрешения правительства), то государство предоставляло вам цемент по себестоимости. Однако, давая разрешение на строительство, правительство оставляло за собой

право в будущем устанавливать арендную плату и определять, какой дом вы можете построить в данном месте. До 1965 года такого строгого контроля не существовало и можно было строить даже без правительственной лицензии – государственные органы лишь утверждали выбор участка. Однако приходилось покупать цемент по рыночным ценам, которые были вдвое выше себестоимости. Цемент является государственной монополией, но до 1967 года правительство выбрасывало примерно треть продукции на рынок. Таким образом, до 1967-1968 годов около одной трети всех новых зданий в Каире строилось частными фирмами и без лицензий, почти без правительственного контроля.

Большинство многоквартирных жилых домов строилось на лучших участках города, так как у частных компаний были деньги, чтобы платить высокие цены за землю, которая до сих пор покупается и продается на открытом рынке. До введения новых правил в июле 1967 года частные строительные компании и спекулянты нередко «убеждали» государственных чиновников «сотрудничать» с ними и содействовать приобретению хороших участков. С другой стороны, система государственных лицензий на строительство принесла хорошие результаты, так как арендная плата за новые дома снизилась. И все же частные компании, владевшие новыми домами, ухитрялись наживаться на квартиросъемщиках, взимая так называемые «деньги за ключи», то есть за право на въезд в квартиру (обычно от 500 до 2 тысяч египетских фунтов). Делалось это нелегально, и в 1966 году каирские власти приняли новое положение. По нему всякий, кто уплатил «деньги за ключи», имел право потребовать их обратно, если только он мог представить двух свидетелей из своего же дома или иные доказательства. С 1967 года квартирная плата в Каире находится под более или менее строгим контролем государства и удерживается на сравнительно низком уровне.

Армия, государственные служащие и профсоюзы начали строить свои жилые дома в Каире, что также привело к снижению квартирной платы. Некоторые профсоюзы даже вкладывают средства в обычное коммерческое строительство. Так, новая гостиница «Бург» в Гезире построена профсоюзом учителей. Он занял под свою контору и клуб два верхних этажа, а остальную часть здания передал правительству под гостиницу.

Такое довольно странное смешение частного капитала, государственного контроля и кооперативной инициативы привело к строительному буму в 1960-х годах.

Развитие Каира во многом зависит от способности нынешнего правительства решить важные социальные проблемы. Перенаселение привело к всемерному поощрению контроля над рождаемостью. Большая семья считается у мусульман благодеянием, но эта же религия не запрещает противозачаточные средства. В более бедных районах города сейчас созданы женские комитеты, которые дают египтянкам советы, как пользоваться противозачаточными средствами. Ежедневно по телевидению показывают программу, посвященную проблеме конт-

роля над рождаемостью. Она начинается словами: «Первый ребенок – счастье, второй – ответственность, третий и четвертый – уже проблема».

Не только перенаселение затрудняет возрождение Каира. Если жители будут селиться в новых пригородах, возникнет серьезный вопрос с транспортом. Уже теперь в полдень каирские автобусы так переполнены, что пассажиры висят на подножках, как осы на своем гнезде. Я не раз наблюдал людей, которые вообще теряли физический контакт с автобусом – они или висели на плечах других пассажиров, или держались, Уцепившись ногами за чьи-нибудь ноги. Молодые девушки – машинистки и секретарши, – взглянув на такую людскую кашу, не решаются ехать в автобусе, а женщины постарше Даже и не глядят на него. Конечно, принимаются меры, пока еще явно недостаточные. Появились маршрутные такси с твердой ценой на билеты, и три-четыре пассажира в складчину могут доехать за скромную плату, скажем, до Гелиополиса. Введены скоростные автобусы, идущие без остановок до пригородов, и хотя билеты в них стоят дороже, чем в обычном автобусе, они немного облегчают «висячее безумие».

В целом каирская полуденная толкучка ничем не хуже, чем часы «пик» во многих современных городах, только здесь больше драмы, шума, спорта, соревнования, смеха и гораздо больше смертных случаев.

Остальные проблемы Каира мало чем отличаются от трудностей, переживаемых другими столицами мира. Иногда, стоя в центре новой площади и глядя на опаленные солнцем небоскребы, мечтаешь о каком-нибудь признаке, который напомнил бы тебе, что это Каир, а не Рим, не Париж и не Даллас. Есть, правда, одна черта, свойственная только Каиру, но ее не заметишь с тротуара.

На крышах Каира расположился третий город – не европейский и не средневековый. Это город современных «крыше-обитателей». Десятки тысяч людей живут на каирских крышах, и в те времена, когда можно было полетать над городом на небольшом самолете, сверху четко просматривалось два уровня жизни: один на земле, другой в воздухе.

Крыши средневекового города – это нечто вроде кроличьих садков для беднейшего населения, но и в европейских районах на крышах устроены целые «деревни», так как здесь размещены комнаты для прислуги и швейцаров, обслуживающих жильцов дома. Я видел на крыше дома через дорогу от отеля «Континентал-Савой» насесты с курицами, бамбуковый навес, под которым кто-то готовил на примусе, женщин, стиравших белье, голых ребятишек, козу и собаку.

Как правило, такие «трущобы» на крышах являются помещением для прислуги, но в старом городе они появились в результате перенаселения. Когда я вспоминаю рисунок замечательных висячих садов древнего Фостата, где, вероятно, можно было пройти весь город по «верху» так же, как по «низу», мне кажется, что эту уникальную черту Каира надо было бы использовать лучшим образом. В современном Каире на крышах мог бы продолжаться город, но в верхней его части

расположились бы дворы и террасы, красивые переходы, сады, фонтаны, балконы и уютные тенистые уголки. Висячие сады Фостата с их фруктовыми деревьями и цветами, которые орошались водой из сакия, приводимой в движение буйволом, были бы неуместны на крыше, скажем, банка «Миср», но климат и традиции жизни египтян позволяют создать что-то в этом стиле. Почему бы нет? Не такая уж это фантазия и причуда, поскольку необходимо всего лишь переделать и украсить то, что уже существует.

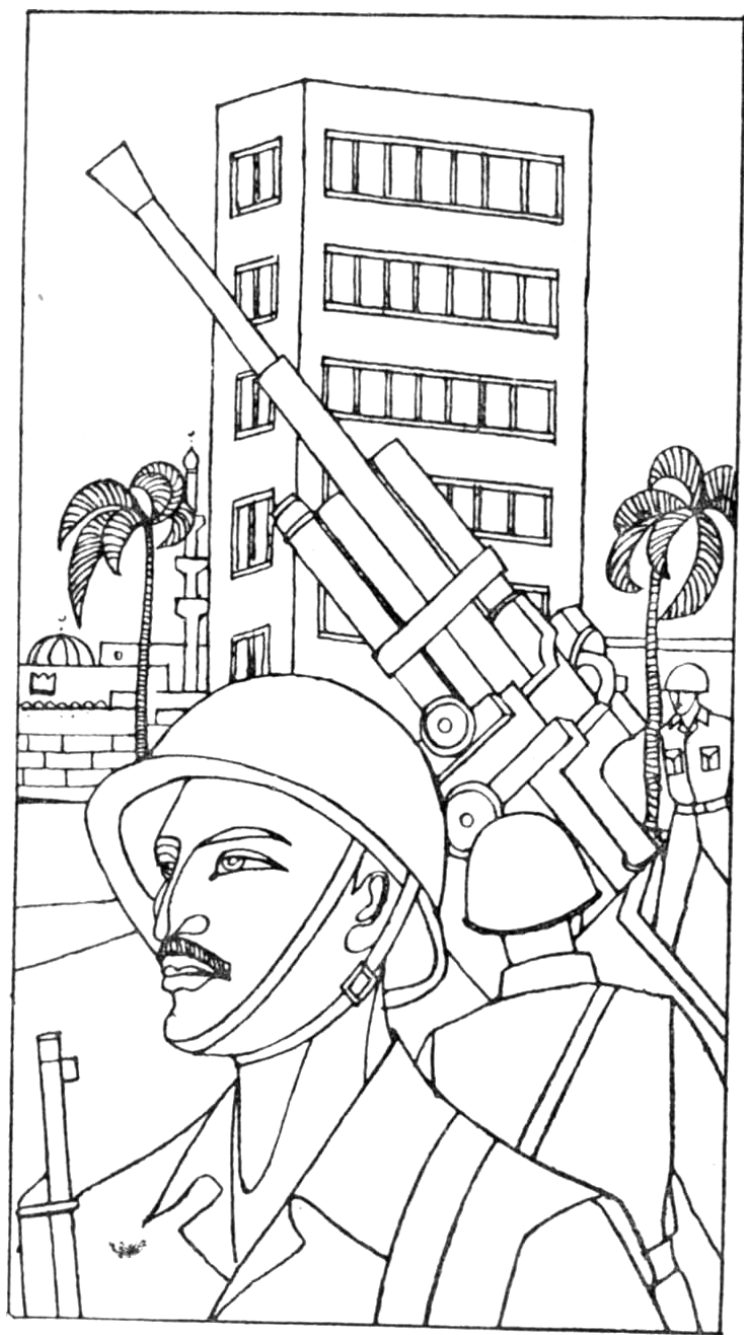
К сожалению, в настоящий момент у Каира много других первоочередных задач. Долгие годы ему придется решать самые будничные проблемы жилищного строительства, транспорта, рабочего дня, гигиены и т. п. И в конечном итоге новый город будет мало чем отличаться от других городов мира. Уже и сейчас в нем заметны признаки обезличенности, столь характерной для всех крупных городов.

Как ни странно, Каир – город детей, и не только потому, что их так много на его улицах, но и потому, что они его самые занятые и ответственные граждане. Все дети обязаны ходить в школу (хотя многие все еще не ходят). Считанные продолжают попрошайничать. Приняты строгие меры, запрещающие эксплуатацию детей. Но они работают, их можно увидеть в убогих прачечных старого города, где они чуть ли не сидят на огромных утюгах, разглаживая выстиранную рубашку; десятилетний мальчишка торжественно несет поднос с чашечками кофе из уличного кафе в соседний магазин; двенадцатилетний гениальный механик лежит под автомобилем и гаечным ключом копается в его внутренностях. Но чем строже становятся законы, тем быстрее вымирают эти «детские» профессии.

Столько меняется в Каире, что многие обыденные мелочи, которые раньше бы и не заметил, сейчас приобретают особый вкус: коршуны, например, лениво парящие в горячем воздухе над городом и выжидающие только момент, чтобы нырнуть за какими-нибудь отбросами или падалью; колокола английской церкви, громко звонящие в знойный египетский воскресный день; стальные жалюзи, наглухо закрывающие город в полдень.

Но, пожалуй, будет ошибкой искать особые черты этого растущего города в таких мелочах или в изменяющемся облике. В конце концов его подлинный дух и характер определяют люди, их мысли и чаяния. Поэтому если вообще намерен понять Каир, надо постараться понять его граждан.

22 *Нравы и обычаи*

публикованная в 1836 году книга Эдуарда Лейна «О нравах и обычаях современных египтян» была воспринята в Европе как своего рода откровение. И это не удивительно. Книга Лейна – правдивый и подробный рассказ о жизни египтян прошлого века. Под впечатлением его книги многие европейцы стали носить арабскую одежду (так делал и Лейн), выдавали себя за арабов (так поступал и Лейн) и даже принимали ислам (Лейн выдавал себя за мусульманина). «Отступничество» Лейна объясняется чисто научными соображениями, но его последователи, в том числе и Лоуренс Аравийский, превращались в «арабов» из иных, иногда весьма опасных побуждений.

Арабские племена принесли в Египет ислам и моральный кодекс пустыни, и через некоторое время старые предрассудки и суеверие фараоновских подданных переплелись с мусульманскими идеями. Подобная комбинация и определила характер современного египтянина. По своей природе он остается человеком феодального строя, хотя ненавидит феодализм и жаждет от него избавиться. Борьба против феодализма в современном Египте так далеко шагнула, что даже религия старается переключиться от средневековья к арабскому социализму. В 1962 году Гамаль Абдель Насер сказал в одной из речей, что ислам и социализм не противоречат друг другу и, собственно говоря, при исламе в средние века был впервые испробован социализм.

Тем не менее рядовой суеверный кайрец все еще верит в джиннов, считает, что они величайшие мошенники, появившиеся за две тысячи лет до Адама, что они не выносят соли, любят прятаться в погребках, за дверями, на перекрестках дорог, рыночных площадях, в ведрах, колодцах и в старой одежде.

Египтянин – если у него есть хоть немного здравого смысла, – входя в уборную или ванную, прежде всего спросит у живущего там джинна: «Можно войти?» Вряд ли какой-нибудь профессор физики сегодня верит в джиннов, но это ему не мешает украсить свою дочь синей бусиной – от дурного глаза. Суеверие всегда помогало бедному кайрцу сносить жизненные тяготы и несчастья, и поэтому любое философское учение, которое попытается занять место религии и суеверия, должно прежде всего убедить египтянина, что можно существовать и без них. Сегодняшний Египет усиленно ищет такую новую систему

морали, которая двигала бы народ вперед, не очень быстро и не очень медленно; которая не была бы слишком непримирима к укоренившимся предрассудкам, но и не капитулировала перед старыми обычаями и невежеством. Это удастся только в том случае, если она примет во внимание существующий характер египтянина.

Исключительную неорганизованность повседневной жизни каирцев считают типичной для арабов. На самом деле она не так страшна. Двое хорошо одетых мужчин кричат друг на друга, и впечатление такое, что рушится долголетняя дружба. Ничего подобного. Скорее всего они просто решают, кто к кому придет обедать. Если вас приглашают зайти и выпить чашку чая, вы должны вежливо отклонить приглашение, по крайней мере двадцать раз, прежде чем согласиться. Основа обычного диалога между египтянами – протесты. И хотя все это похоже на занимательную игру, полную остроумия, шутки и язвительности, может стать не по себе, если у тебя есть дело. Современным египтянам уже надоедает подобная бессмыслица, им хочется, чтобы отношения с друзьями были основаны на «да» или «нет», а также более простым способом решать деловые вопросы.

Сказанное выше не означает, что египтяне лицемерны. Почти все иностранцы, жившие долго в Египте, подтверждают, что египтяне честны (насколько их образ жизни позволяет), очень добры, миролюбивы и незлопамятны. С другой стороны, чувствительность к чужим страданиям принимает у них иногда комический оттенок. В 1956 году в Египте был официально установлен День матери. Десять лет спустя его пришлось переименовать в День семьи, так как, по мнению египтян, название День матери вызывало у сирот, потерявших мать, неприятные воспоминания.

Египтяне бессмысленно жестоки к животным. Можно увидеть на улице Каира, как хозяин беспощадно избивает осла, везущего тяжеленный груз кирпичей. Особенно расстраивались англичане. Одной из первых организаций, которую они создали в 1890-х годах, было Общество борьбы против жестокого обращения с животными. Но даже сегодня человек по сравнению с животными часто находится в худших условиях, и вздыхать об участи страдающего осла по меньшей мере безразлично. Даже тощие кошки и собаки Каира кажутся скорее жертвами общественных условий, а не просто неприязни к ним – это характерно для всех бедных крестьянских стран. Поэтому если уж говорить о страданиях, то лучше взглянуть на любого уличного мальчишку с глазами, покрытыми коростой и облепленными мухами.

Точно так же и грязь в Каире – явление общественное, а не природное. Египет не всегда был грязным. Древние египтяне фанатически следили за чистотой, одевались в белоснежные ткани и отказывались целовать греков (классических красавцев!) потому, что считали их нечистоплотными. Древний египтянин обмывал пальцы после каждого блюда, грек же вытирал губы и пальцы куском хлеба, а затем бросал его собакам – привычка, которую египтяне считали отвратительной. Во дворах всех больших мечетей Каира есть или фонтан, или водопроводный кран, и каждый мусульманин обязан совершить омовение пе-

ред молитвой. Принадлежащие к средним классам египтянки считали англичанок неряхами, ибо в вопросах личной гигиены они во многом уступали образованным каирским женщинам.

Подобное описание нравов и обычаев каирцев потребовало бы еще одной толстой книги вроде труда Эдуарда Лейна. Гораздо полезнее поговорить о моральных нормах нынешнего переходного периода, ибо египтянам необходимо понять, что они собой представляют – не в свете романтического прошлого, а в свете тех новых идей, с помощью которых они хотят строить будущее.

К сожалению, для большинства египтян характерно пагубное неверие в свои силы, иногда граничащее с трусостью. Даже не испытав силу своего характера, они, как правило, опускают руки. Таха Хусейн, литературный страж всего лучшего, что есть в характере рядового египтянина, хорошо понял смысл рокового самоуничтожения, свойственного народу, особенно когда он сравнивает себя с народами Запада. Таха Хусейн протестует против этого, указывая, что Египет с давних пор был связан со странами Средиземноморья, а через арабскую цивилизацию – с классической культурой Греции и Рима. Может быть, для Тахи Хусейна достаточно признания «европейского» характера египетской культуры, но сейчас дело совсем не в этом.

От трагического самоуничтожения Египет может спасти не классицизм, а современная европейская физика и заводской конвейер. Только техника способна укрепить мораль и покончить с униженностью. В индустриализованном Египте нельзя будет обращаться с женщинами как с вещами или вьючными полуживотными. За десять лет египетские женщины-работницы получили больше свободы, чем за предыдущие десять тысяч лет. Когда вы видите теперь на улицах Каира «крестьянскую» девушку в чистеньком платье, в цветном свитере, туфлях и чулках, вы понимаете, что дело не только в сброшенной чадре. В 1934 году в Египте лишь 235 тысяч девочек посещали школы, а в 1966 году их было 1 миллион 252 тысячи (37-40 процентов всех учащихся). Революция дала египетским женщинам право голоса, которого не имеют еще женщины Швейцарии (несомненно, важный шаг, который будет иметь большее значение со временем, когда определится у женщины ее новый моральный кодекс). Многие египетские женщины занимают важные посты. Есть среди них члены парламента, профессора, врачи, писательницы, юристы, художники, летчики и администраторы. Это новое явление, хотя и не совсем. В прошлом женщин не допускали к общественной жизни. Зато они были неограниченными властительницами в доме. Однако и до революции они боролись за участие в общественной деятельности. Египетские женщины хорошо помнят имена суфражисток Дориа Шафик, Ходы Шарави и Сезы ан-Набарави. Из египтянок всегда выходили хорошие летчицы, и после революции правительственную школу пилотов гражданской авиации в Эмбабе возглавляет летчица-капитан Азиза. Эти женщины принадлежат к старшему поколению, но их примеру следует и молодежь. Исключение представляет Дориа Шафик, которая после многих лет борьбы за освобождение женщин из гаремов стала «пред-

сказывать» поражение Египта в суэцком конфликте и призывать к ликвидации всех «диктаторов», имея в виду, конечно, Гамалю Абдель Насера. С тех пор ее вежливо игнорируют официальные круги.

Сильные женщины-одиночки еще не решают проблем египетских женщин и вопроса об их новом моральном кодексе, потому что даже в либеральных интеллигентных арабских семьях девушки по-прежнему находятся под строгим надзором, что, безусловно, тормозит их эмансипацию. Среди крестьян моральные табу не менее строгие, но, как пишет в своих романах Альберт Коссари, отношения между полами значительно проще, чем в кругах образованных горожан. В Каирском университете, где много студенток, поведение юношей и девушек на первый взгляд довольно свободное, но на самом деле их разделяет все та же старая пуританская мораль.

Конечно, парень и девушка могут обойти все запреты, нарушить существующие правила поведения и пойти на определенный риск, но в мусульманском Каире это было бы куда более серьезным шагом, чем, скажем, в Нью-Йорке или Лондоне. В Каире девушка не может снять себе небольшую комнату и жить самостоятельно. Моя знакомая, либерально настроенная египтянка, мать молоденькой студентки университета, начинающей расправлять свои крылышки, как-то в отчаянии сказала мне: «Если слишком многое запрещать, девушка пойдет туда, где он живет, и тогда, бог знает, что может случиться!»

Тем не менее она продолжает ограничивать свободу дочери. Она объяснила мне, что мужская психология в половом вопросе меняется куда медленнее, чем поведение современных девушек, и хотя она склонна доверять дочери, нет никакой гарантии, что молодой человек, выросший в атмосфере искусственных сексуальных ограничений, не «воспользуется случаем», если к тому будет возможность. От окончательной потери рассудка мою знакомую спасла сама девушка, которая призналась, что она была в гостях у юноши, но заверила мать: «Я не сделала и не сделаю ничего, что противоречило бы моим принципам или огорчило других».

По здешним понятиям, репутация девушки оказалась под угрозой, и беспокойство матери можно хорошо понять. В нашем западном обществе на такой случай не обратили бы никакого внимания.

У многих парней в Каире свое особое развлечение: нагло разглядывать всех проходящих женщин и отпускать по их адресу непристойные шуточки. Интересно, что и молодые женщины внимательно разглядывают мужчину, словно перед ними особое существо, которое манит их и влечет, но в то же время вызывает подозрительность и даже презрение. Такой пронизывающий взгляд каирской красавицы может больше взволновать мужчину, чем открытое предложение подобной женщины в Париже. По-видимому, каирская женщина забывает, что на ее лице уже нет чадры, которая прятала нос, рот и подбородок, но оставляла открытыми глаза, и они выражали любую страсть, безумные желания – все, что угодно. Чадра исчезла, но глаза египтянок по-прежнему готовы испепелить вас. Однако в целом мужчины свободны, а женщины нет.

Тот факт, что мужчинам многое дозволено, а женщины подчинены строгим моральным правилам, породил, к сожалению, распушенность среди кайрских подростков, иногда допускающих на улицах непристойности. Ни одна девушка в Каире не чувствует себя в безопасности от хулиганов, которые могут ущипнуть ее за бедро, грудь, руку или оскорбительно ткнуть пальцем. Девушке не остается ничего иного, как крикнуть Еслед распутнику «мугрим!» («бандит!» – *арабск. яз.*) или ударить сумочкой. Принятый в октябре 1966 года закон позволяет полиции брить наголо мужчину, оскорбившего женщину на улице. Закон имел некоторый успех, но такие явления могут исчезнуть только в результате изменения общественных отношений.

Брак в Египте, как правило, носит чисто формальный характер, и женщина остается в зависимом положении. По сей день жених и невеста не совершают брачной церемонии в мечети совместно. Жених подписывает контракт с семьей невесты, которая при этом даже не присутствует. Через неделю устраивается не церемония, а празднество, именуемое «вхождение», – когда жених приходит к невесте, чтобы начать совместную жизнь. Может быть, и впрямь не имеет значения, когда и как проходит брачная церемония, но поскольку она проводится в отсутствие женщины, в ней есть какой-то элемент купли-продажи.

На Западе часто задают вопрос, является ли мусульманский брак таким же священным, как христианский. Издавна европейцы со сладострастным ужасом взирали на полигамию мусульман, хотя она и не является чисто мусульманской привилегией. Иудейская религия не только разрешает мужчине (при некоторых обстоятельствах) иметь двух жен, но еще и двух наложниц. Несомненно, некоторые египетские евреи пользовались этой «приятной» привилегией наравне с мусульманами, но я знал только двух евреев, имевших по две жены. Как правило, у большинства евреев и мусульман одна жена и ни одной наложницы. Гаремы уже не существуют в Каире, а в деревнях их вообще никогда не было.

Правила развода также несправедливы по отношению к женщине. Чтобы развестись с женой, мусульманину согласно религиозным законам достаточно сказать ей: «Я развожусь с тобой». Жена может еще дважды прийти к мужу, но если и на третий раз он повторит те же слова, брак расторгнут.

Он вправе сразу трижды произнести фразу «я развожусь с тобой», и тогда развод окончателен и бесповоротен. При мусульманском бракосочетании приданое вносит мужчина, а не женщина, и в случае развода жена сохраняет часть денег и все личное имущество.

Многие думают, что мусульманка вообще не может развестись с мужем, но это не так – она имеет право требовать развода через суд, если докажет, что муж относился к ней жестоко и не проявлял заботы. Тогда она теряет всякое право на приданое.

Есть в мусульманских законах немало лазеек, которыми может воспользоваться женщина, а нынешнее гражданское право все больше защищает ее интересы. Несмотря на заповеди Мухаммеда, религия сейчас тоже не одобряет полигамию. Однако в брачных отношениях

налицо и другие элементы неравенства, которые еще не превратились в серьезную проблему, но когда-нибудь могут доставить много хлопот. Мусульманин волен жениться на христианке, еврейке или женщине иной религии, но их дети должны быть мусульманами. Мусульманка же может выйти замуж только за мусульманина, так как в противном случае ее детей будет воспитывать неверный, что недопустимо.

Районные суды Каира непрерывно разбирают семейные дела, и, поскольку свидетельские показания являются важнейшим фактором египетского судопроизводства, здесь всплывают скандальные, а иногда и трагические подробности. В прошлом веке англичане создали в Египте систему «туземных» судов, и в книге Дж. Кершоу с инструкциями для чиновников говорилось, что от египетского свидетеля можно добиться правды, только предоставив ему болтать сколько заблагорассудится. И действительно, во время разбора таких дел свидетели часами рассказывают в подробностях и с интимными деталями все, что произошло между поссорившимися супругами.

Статистика 1939 года показала, что 43 процента браков в Каире закончились разводом. К 1959 году цифры почти не изменились. В противовес Западу, где развод стараются облегчить, в Египте и государство и религия пытаются затруднить его. Религия, в частности, проповедует дисциплину и благоразумие, призывая супругов достичь примирения. Это, конечно, важный шаг к улучшению положения женщин, но в первую очередь он говорит о новых процессах в самой религии.

Как и все религии, ислам на протяжении ряда веков был Извращен до неузнаваемости, и, если его моральный кодекс 1000 или 2000 лет назад отвечал потребностям десятка кочевых племен пустыни, его никак нельзя признать приемлемым для современного индустриального общества.

Каирские мечети по пятницам переполнены, и молитвенные коврики расстилают не только на тротуаре, но и на проезжей части улицы. Громкоговорители на минаретах расширили диапазон действия религии. Не спасают запертые двери и окна в квартире, ибо даже через толстые стены просочатся заклинания имама или шейха, требующего от правверных подчиниться воле аллаха или пожинать плоды его гнева. Молодые люди молятся в нейлоновых носках, а богачи выходят из шикарных «мерседесов». Генералы, прибывшие в штабных-машинах, и бедняки в своих галабийях* стоят в одном ряду! в одной мечети и выполняют одни и те же обряды. Все «равны» перед богом – так учит коран.

Никто не знает, насколько религиозны руководители египетской революции. Президент Насер строго соблюдал всей формальности. Нет сомнения, что он был набожен, но есть все основания сомневаться в том, что он принимал те догмы, которые долго господствовали в Египте. Его толкование мусульманской религии, содержащееся в ре-

* Галабийя (*арабск.*) – длинная, до пят рубаха, народное одеяние мужчин-египтян. (*Прим. ред.*)

чах и печатных выступлениях, полностью противоречит традиционным исламским концепциям. Он совершенно очевидно выступал не против религии, а за ее реформу. Да ему бы и не удалось выступить против нее. И все же новый Египет должен будет преодолеть ужасный фатализм мусульманской морали, если он хочет; обеспечить прогресс своему народу. Потому что фатализм, некогда придававший мужество всепобеждающим солдатам ислама, затем превратился в свою противоположность, приведя народ к беспомощности и покорности.

Ликвидация этого состояния идет окольными путями. Так, согласно новому толкованию доктрины Мухаммед говорил, что человек должен делать добро и служить народу. Другое положение гласит, что, если перед вами возникает выбор – работа или молитва, должно работать. Бог поймет. Более того, ныне человеку разрешается самостоятельно мыслить. Ему говорят, что если после серьезных раздумий он поступает в соответствии со здравым смыслом, то нет основания бояться бога, так как именно бог дал ему разум. Эта концепция помогает рядовому египтянину пользоваться открывшимися перед ним возможностями, не отказываясь от своей веры в справедливость бога и учение Мухаммеда.

Проблемы религиозных догм касаются не только мусульман; крестьяне-копты не меньше фаталисты, чем их мусульманские братья. Большинство коптских крестьянок носили чадру и жили в атмосфере тех же строгих моральных ограничений. Даже коренные египетские евреи в Каире придерживались многих мусульманских правил. Еще совсем недавно моральные нормы и поведение приверженцев этих трех религий мало чем отличались. Значительные изменения произошли в жизни некоторых коптов и местных евреев, когда они сблизились духовно с европейскими христианами и евреями, приняли европейские обычаи. Но образ жизни бедного копта и бедного еврея в Каире оставался точно таким же, что и у бедного мусульманина.

О положении евреев в Каире надо сказать особо. Во время английской оккупации в Египте образовались две категории евреев: коренные евреи, в основном беднота, и иностранные евреи, которые приехали сюда как европейцы и не желали отождествлять себя с египтянами. К чему это привело, можно видеть из доклада о ближневосточных евреях, подготовленного С. Ландсхутом по заказу Американо-еврейского и Англо-еврейского комитета и опубликованного в 1950 году в лондонской «Джуиш кроникл». В докладе говорится, что «растущая ориентация большинства египетских евреев на Запад и сопровождающий ее переход многих евреев в иностранное подданство привели к их отчуждению от остального коренного населения страны».

В религиозном отношении евреи в Каире не испытывали никаких трудностей. Мусульманская и еврейская религии очень сходны, и они не раз объединялись против христиан. В целом евреи испытывали гораздо худшее отношение от христианской общины Каира, нежели от мусульманской.

После июльской революции в Египте приняты законы, запрещающие антисемитизм. В 1956 году после агрессии Англии, Франции,

Израиля Насер специально не высылал евреев, хотя выслал из страны англичан и французов. Если многие европейские евреи и покидали Каир (даже до 1952 года), в основном это было из-за ограничений, введенных для иностранных бизнесменов (об этом упоминается и в докладе Ландсхута). К евреям, уезжавшим после 1956 года, относились так же, как и к другим европейцам. Вообще же проявление антисемитизма до 1952 года было гораздо сильнее, чем после 1956 года. Во многих городах Европы антисемитские настроения (в отличие от антиизраильских) сегодня распространены раздо шире, чем в Каире.

До войны 1967 года в Египте (в основном в Каире) еще оставались 2600 евреев, и в канун июньской войны респондент лондонской «Таймс» Питер Хопкэрк навестил главного раввина Каира Бен Хаима Дуака. Он писал 5 июня в «Таймс», что в египетской армии есть еврейские солдаты, «хотя это многих удивит, но египтяне – и об этом неустанно говорят их руководители – стремятся уничтожить Израиль, а не евреев». Хопкэрк писал, что евреи являются «египетскими гражданами, со всеми их правами и обязанностями», и в каирском телефонном справочнике он нашел 26 Коганов. Ко он спросил главного раввина, имеют ли место в Каире антисемитизм или враждебность по отношению к евреям, тот ответил, что бывают отдельные случаи, какие могут произойти даже в Англии. «Правительство делает все, чтобы предупредить антисемитизм, – добавил раввин, – и виновные подвергаются наказанию». В июне 1967 года в ОАР (главным образом в Каире) было 26 действующих синагог.

Еврейская проблема никогда не носила в Египте расовой или религиозной окраски. Она скорее относится к внешнеполитическим проблемам. Можно было бы даже не упоминать о ней в этой книге, если бы коренные евреи Каира не играл такой значительной роли в жизни города. В докладе Ландсхута говорится: «Еврейская община в Египте существует уже 1900 лет». Но и до этого в Египте были евреи. Самое раннее упоминание о них содержится в египетских памятниках 1220 года до н. э. В своей книге «Путь исхода израильтян из Египта», написанной с симпатией к евреям, Альфред Лукас приводит любопытный факт, что «в древних египетских письменных памятниках нет никакого упоминания о приходе израильтян в Египет, об их пребывании или исходе из Египта...». Это очень важное утверждение, ибо древние египтяне были склонны записывать на своих дощечках все, что происходило в стране, и другие события того же периода освещены весьма подробно.

Во всяком случае в течение «1900 лет» пребывания евреев в Египте у них всегда была община в Каире – существует она и теперь. В 1966 году я зашел в большую синагогу на шарии Адли, остановился под аркой эпохи фараонов и наблюдал, как входят и выходят молящиеся. Никто на улице не обращал на них никакого внимания, а в поведении самих евреев ничего не свидетельствовало о том, что они вынуждены мочиться чуть ли не тайком. Многие каирские магазины, находящиеся сейчас во владении египтян или государства, сохранили свои прежние

еврейские названия. Но по вполне понятным причинам евреи больше не участвуют в управлении Каиром.

Коптское христианство же продолжает играть важную роль, поскольку в Египте насчитывается примерно три миллиона коптов. Крестьянин-копт сильнее страдал под гнетом копта-землевладельца, чем мусульманин, но копты из средних классов более эмансипированы по сравнению с мусульманами. Их религия так же нетерпима и фанатична, как ислам, но у христианства никогда не было тех эгалитарных принципов, которые привлекали бедноту к исламу. Коптской религии тоже угрожает неизбежный бунт молодежи. Образованные копты, правда, еще считают мусульман пришельцами в Египте, но по мере того как религия будет все меньше влиять на мораль общества, копты и мусульмане – в процессе созидания нового Египта – постепенно забудут о религиозных различиях.

Значение в повседневной жизни каирца (будь он мусульманин, копт или еврей) имеют не столько политические аспекты религии, сколько верность древним ритуалам. Они регулируют всю жизнь Каира: что делать при рождении человека, совершеннолетия, женитьбе или смерти. Так, например, тело умершего мусульманина можно вынести из дому только через кровь – поэтому надо убить хотя бы голубя. Когда тело унесено, мясо жертвенного животного отдают беднякам, и чем зажиточней родственники, тем богаче жертва. Некоторые евреи, придя домой после похорон, садятся на пол и едят вареные яйца, а восточные евреи остаются сидеть на полу семь Дней. Мусульмане все еще нанимают профессиональных плакальщиц. Хотя этот обычай и не очень жалуют, он продолжает существовать. Только послушав эти дикие вопли, можно понять, что такое «валум» – крик плакальщиц. Они рвут на себе волосы, бьют себя по лицу, доходят до иступления, а затем (если им платят по часам) получают заработанные деньги и спокойно отправляются восвояси.

Иногда на пыльном пустыре у каирской мечети Омара Макрама, недалеко от отеля «Нил-Хилтон», можно увидеть Цветной шатер, иллюминированный керосиновыми или электрическими лампочками. Красиво украшенный арабский шатер предназначен для официальных приемов. Внутри земляной пол устлан коврами, вокруг расставлены позолоченные стулья и столики с изящной инкрустацией. Этот шатер разбивают для поминок по влиятельным людям. Приглашенные – мужчины заходят в палатку, женщины остаются в доме – долго, как принято у египтян, жмут друг другу руки, стоят немного, потом садятся на позолоченные стулья, беседуют с друзьями, изысканным жестом прижимая пухлые руки с висящими на них янтарными четками, наконец вздыхают, поднимаются и уходя домой. Шатер почти постоянно там находится. Такие же шатры устанавливают и в других местах – иногда они служат для свадебных приемов. Траурные церемонии в Каире проходят непрерывно.

Все религии – католическая, протестантская, маронитская, халдейская, еврейская, греческая, коптская – имеют свои официальные цере-

монии, которые «растягивают смерть» на 7 или 14, а то и на 40 дней после похорон.

У коптов похоронные церемонии длятся 40 дней и именуются «арбаин». Я присутствовал на одной из таких церемония в Гелиополисе, но мои европейские нервы не выдержали. Есть что-то жестокое в тех страданиях, которые искусственно вызывает подобный организованный траур. Принятый ритуал предопределяет, что должен делать каждый участник церемонии. Вдову ведут в церковь, хотя она еле держится на ногах. Испуская раздирающие душу вопли, которые я предпочел бы никогда не слышать, она падает ниц перед портретом мужа, который установлен в церкви и убран черными лентами и цветами. Церковь неприглядна, ее стены увешаны уродливыми изображениями святых, и трагедия превращается в пошлый фарс. Похороны бедняка куда пристойнее: его друзья всегда торопятся доставить тело к могиле, похоронить его, немного сочувственно поплакать, а затем пойти домой ужинать.

Теперь понятно, почему один из самых больших районов Каира называется «городом мертвых». Он находится к югу от цитадели. В нем улицы и аллеи мавзолеев и гробниц, которые иногда достигают размеров небольшого дома. Недалеко от центра Каира есть другие кладбища, а знаменитые могилы халифов и мамлюков – неотъемлемая часть старого города. В определенные дни религиозных праздников мусульманские кладбища Каира оживают, как будто жизнь возвратилась в это царство теней. Родственники усопших поглощают специально приготовленные блюда прямо на могильных плитках, превращая это событие в праздник. Помимо кладбищ, всякое здание с куполом в Каире – это могила, иногда коллективная, для знаменитой семьи.

В 1966 году я совершенно случайно обнаружил в одном из таких семейных склепов могилу бывшего короля Фарука. Я стоял у мечети имама Шафии и позади нее заметил изящное здание, которое мне давно хотелось разглядеть внимательнее. Это Хош аль-Баша, где похоронены многие члены семейства Мухаммеда Али. Стены внутри мавзолея облицованы полированным мрамором, по нему вьется орнамент из золотых листьев и зеленых узоров, ничего общего не имеющий с исламом и определенно испытавший влияние французского романтизма. 20-30 могил возвышаются над полом, как и всякие мусульманские могилы, и напоминают печи деревенских пекарен. Могилы покрыты богатой резьбой и украшениями, кроме одной – принцессы Фатимы Дауд, внучки Мухаммеда Али. Принцесса отличалась благочестием и мятежным духом и потребовала, чтобы родственники похоронили ее в простом деревянном ящике. Теперь ее могила среди мраморных саркофагов похожа на нищего во дворце турецкого султана.

Самая знаменитая могила – Ибрагима, сына Мухаммеда Али и известного воина. Могилу подготовили для его отца, но поскольку Ибрагим умер раньше, его в ней и похоронили. Мне показалось, что кто-то совсем недавно сдвигал надгробные плиты у изголовья, а потом небрежно поставил их на место. Похоже, что могилу вскрывали. Но за-

чем? Я начал расспрашивать старого сторожа, который в конце концов разговорился.

– Примерно год назад, – сказал он, – в 2 часа 30 минут ночи пришли официальные лица с факелами и разрыли надгробие Ибрагима. Под ним обнаружили ступени, ведущие в подземную комнату. Затем они ушли и вернулись с телом короля Фарука. Его уложили рядом с Ибрагимом, который был его прапрапрадед... У Ибрагима, – добавил сторож с обычным для могильщиков уважением к мертвецам, – была очень большая голова. Череп его был огромен, – и он изобразил руками, насколько он был больше его сморщенной старческой головы, – но Фарука аллах не благословил такой головой.

Большинство египтян прекрасно знает, что Фарук похоронен где-то в Каире, но только несколькими официальными лицами известно, где именно.

Все остальные церемонии: рождение, совершеннолетие, свадьбы – празднуются в Каире с такой же восточной пышностью. На Западе, пожалуй, только еврейские семьи отмечают эти события столь же прилежно и горячо, как мусульмане и копты Каира. Слово «празднество» давно потеряло для нас былое значение, а у нас, англичан, осталось только один стоящий праздник – рождество. Но в Каире широко отмечают, по крайней мере, десяток праздников.

Самый значительный из них – маулид ан-Наби – день рождения пророка. Лет сто назад маулид праздновался на берегах озера Эзбекие, но поскольку озера больше нет, церемонии проходят на главных улицах старого города, украшенно: разноцветными фонариками и лампочками. Примерно пятьдесят лет назад главным аттракционом в день маулида были «зикры» – самобичевание дервишей, которые наносили себе тяжелые увечья и глотали живых змей. Это зрелище уже давно запрещено. Английский ученый А. Батлер, описывая одно из таких зикров в 1890-х годах, рассказал, как толстенный паша на арабском скакуне, подкованном стальными подковами: промчался по лежавшим на земле, словно сардины в банке дервишам. Многих он убил, других изувечил. По настоянию Батлера церемония (именуемая «досса») была прервана. Насе решительно разогнал дервишей, так как невежественные фанатики были для него весьма опасной компанией в таком городе, как Каир.

Если не считать запрещенного зикра, остальные народные развлечения в дни маулида в старом городе те же, что и раньше: фокусники, дрессированные обезьяны, кукольные спектакли для детей, чтение стихов. Дети могут за плату пользоваться качелями или сильно подержанными трехколесными велосипедами. Праздник маулид ан-Наби длится девять дней, и египтяне буквально объедаются сладостями. Дети уничтожают сахарные куколки, а взрослые поедают горы пирожков, пирожных и тортов, которые продаются в сотнях киосков, на лотках, в магазинах и прямо из горячих печей на улицах.

Как правило, все пирожки сделаны из слоеного теста, которое готовят в небольших лавчонках. Тесто раскатывают, оно становится тонким, как бумага, а затем пекарь ловким движением руки искусно

закручивает его прямо в воздухе. Тесто начиняют орехами или мясом, потом ставят в печь. Иногда пирожное делается в виде тонких хрупких нитей и называется «кунафа». Другое, по названию «дворцовый хлеб», – лепешка, пропитанная медом, поджаренная в масле и политая сверху ишта – жирными сливками, снятыми с молока буйволицы.

Если вы предпочитаете европейские сладости, их можно купить в магазинах вроде «Гроппи», «Лаппас» или «Л'Америкэн». Так или иначе Каир – это рай для сластен. В дни маулида я прокладывал себе путь через весь город, от одного киоска до другого, словно по реке из меда с сахарными берегами. Праздничные излишества сказываются на желудке, но в Каире приходится с этим мириться, потому что все равно не избежать праздничных столов, ломящихся под курами, макаронами, голубями, овощами, хлебом, кебабами, сиропами, фруктами, пирожными, орехами и т. д. и т. п.

Самая изнурительная мусульманская церемония – это не праздник, а пост в дни рамадана – месяца, когда бог вручил Мухаммеду коран. Рамадан начинается на закате последнего дня предыдущего месяца, когда пушка на цитадели, словно стартовый пистолет, объявит голодные гонки. После этого в течение тридцати дней в дневное время надо воздерживаться от еды и питья, запрещена половая жизнь, употребление парфюмерии и алкоголя. Мусульманин не имеет права есть до тех пор, пока он различает черную нитку от белой, тогда второй выстрел пушки оповещает, что на сегодня пост закончен и можно мчаться домой и предаваться любым излишествам.

От поста в дневное время освобождаются беременные женщины, больные и престарелые. Большинство каирских трудящихся не прикасается к пище от рассвета до сумерек в течение тридцати дней, и, поскольку этот праздник соблюдается египтянами, правительство еще не нашло лазейки, которая позволила бы прекратить пост. Рано или поздно придется принимать меры, хотя бы потому, что шофер каирского автобуса работает в дни рамадана в полуобморочном состоянии; то же относится к сталевару в Хелване или водителю бульдозера в Асуане. Религия уже идет на уступки работающим, но они продолжают поститься. Может быть, пост так усердно соблюдается, чтобы потом лучше насладиться ночными часами, когда каирские улицы заполнены шумными веселящимися толпами людей, покупающих и поглощающих горы сладостей, пищи и напитков. Однако к концу тридцати дней ночное веселье выдыхается, яркие лампы на лотках и в киосках тускнеют, и население с облегчением встречает конец рамадана.

Мусульмане и копты терпимо относятся к церемониям друг друга. У них даже есть один общий праздник. Это шам ан-Насим – первое дуновение ветерка, первый день весны. Он считается также первым днем хамсина, периода горячих южных ветров, которые несут в Каир густую пыль. Слово «хамсин» означает «пятьдесят», и пыльные ветры действительно дуют примерно пятьдесят дней. Когда дует хамсин, Каир живет словно под гнетущим желтым песчаным покрывалом, и если остановиться на мосту Каср ан-Нил и взглянуть на город, реку, сады, небоскребы, трамваи и автобусы, вспомнятся слова из песенки

битлов: «Не осталось ничего реального...») – именно так и выглядит город.

Праздник шам ан-Насим считается особенно веселым. Рядовая счастливая каирская семья, захватив корзину с провиантом, присоединяется к таким же счастливым семьям в садах у реки. В этот день молодежь обстреливает Каир небольшими гранатами, сделанными из камня и пороха, завернутых в бумагу и перевязанных бечевкой. Мальчишки носят гранаты в карманах и бросают их на тротуары под ноги прохожим; стрельба слышна день и ночь. Та же самая счастливая египетская семья, наверное, накануне заходила в специальный магазин, где продают подгнившую рыбу фессех, которую готовят на берегах озера Мензала около Порт-Саида. Египтяне едят этот гнилой деликатес круглый год, но он является обязательным в шам ан-Насим, и запах его слышен повсюду. Я видел когда-то карликовый кедр, посаженный в старую бочку от фессеха, и листья дерева распространяли не аромат кедра, а отвратительную вонь гниющего фессеха.

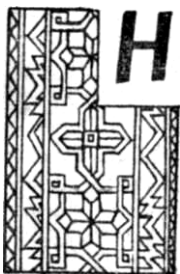
Каждый праздник или пост в Каире – удобный предлог для семейных сборищ. Как и все народы, жившие племенами, евреи и египтяне хранят традиции кланов. Поэтому когда братья и сестры, двоюродные и троюродные братья и сестры, жены двоюродных братьев, мужья троюродных сестер и просто друзья идут в Каире друг к другу в гости, это напоминает не обычный семейный визит, а кочевку племени в пустыне. Церемония встречи гостей тоже напоминает традиции аравийской пустыни, а не железобетонного города. После принятого в этих случаях обмена восточными любезностями гостям и хозяевам следовало бы усесться, поджав ноги, на ковер в шатре, а они вместо этого рассаживаются на европейских стульях с прямыми неудобными спинками в модернизированной квартире.

Из всех традиций и обычаев Каира тесные семейные узы – самое лучшее, что осталось от далекого и сложного прошлого. Избежать семейных связей не может никто, даже такой любитель изоляции, как интеллигент. На практике именно интеллигенция находится под сильным влиянием этого пережитка докапиталистической эпохи, хотя, конечно, и здесь кое-что начинает меняться.

Трудно предугадать, какова будет судьба традиционных норм поведения и обычаев в новом египетском обществе. Интеллигенция, как правило, выражает сегодня то, о чем завтра будет думать и спорить общество в целом, поэтому по ее поведению и следует судить о будущем. Та путаница, какую представляют нынешние общественные отношения в Египте, пошла прежде всего на пользу творческой интеллигенции. Перед ней открылся неограниченный простор для изучения замечательного человеческого материала, который представляет возрожденный народ. Сейчас, когда интеллигенция наконец сбросила ярмо духовной зависимости от Европы и ищет

собственные источники культуры, Каир постепенно снова превращается в центр интеллектуальной жизни, который может распространить свое влияние далеко за пределами ОАР и арабского мира.

ельзя сказать, чтобы до революции 1952 года египетские писатели, артисты и художники находились «где-то в подполье», но гнетущая обстановка в стране мешала свободной творческой деятельности. В тот январский день 1952 года, когда пылал Каир, интеллигенция в силу политических разногласий не смогла, принять активного участия в развивающихся событиях, не возглавила революцию. Это пришлось сделать молодым офицерам, в большинстве своем не принадлежавшим к интеллигенции, — некоторые из них были весьма ограниченными людьми, но полными решимости, дисциплинированными и воодушевленными идеей.

Далеко не вся каирская интеллигенция приветствовала армию в качестве нового хозяина и не все молодые офицеры симпатизировали интеллигенции.

После революции и вплоть до 1956 года молодые офицеры не выдвинули такую идеологию, которая привлекла бы к ним творческих работников. Образованная каирская молодежь продолжала с восхищением взирать на Запад. Накануне революции Альберт Коссари, один из наиболее даровитых молодых писателей Египта, все еще писал изысканные романы в стиле Даррела (причем на французском, а не на арабском языке) об усталых и безразличных к жизни египетских крестьянах и рабочих, у которых нет ни энергии, ни воли к избавлению. Такую же позицию занимали молодые интеллектуалы даже после революции.

Смертельный удар по таким настроениям нанесла суэцкая война 1956 года, заставившая египтян взглянуть на себя иными глазами. Поэты, писатели, художники и драматурги словно прозрели и примкнули к египетской революции. Но их положение было далеко не блестящим. Насер поощрял интеллигенцию, однако презрительное отношение правого крыла офицеров к «длинноволосым» создавало атмосферу нервозности и растерянности среди деятелей культуры.

Обстановка резко изменилась в 1962 году, когда Насер провозгласил социалистическую «Хартию»*. Он видел спасение Египта в бое-

* Речь идет о «Хартии социалистических действий», одобренной в июле 1962 года Конгрессом народных сил ОАР. Она стала программой экономического и политического развития страны по меньшей мере на ближайшее десятилетие. В «Хартии» провозглашена социалистическая ориентация ОАР. (Прим. ред.)

вом, народном, научном, антиимпериалистическом, индустриальном и насыщенном лозунгами социализме и нуждался в помощи интеллигенции, чтобы убедить в этом парод. В целом интеллигенция не только согласилась с ним, но и с радостью включилась в дело. В 1962-1963 годах Насер освободил из тюрем коммунистов, в основном видных представителей интеллигенции. Многие находились в тюрьме с момента революции, но из тюремных камер они зачастую поддерживали Насера, даже когда политическая полиция избивала их и пыталась за отказ отречься от идей коммунизма. Насер предложил им теперь принять политику Арабского социалистического союза, не отрекаясь от коммунизма. Поскольку у коммунистов не было возражений против «Хартии» 1962 года, они приняли эти условия. Выйдя на свободу, некоторые из них сразу же получили важные посты в области культуры в государственном аппарате.

Таким образом, в политическом отношении интеллигенция обнаруживала все большую связь с революцией. Внешнеполитические события также принуждали ее занять твердую позицию по многим вопросам, которые, как правило, вызвали у интеллигенции колебания и сомнения. В печати, театре, кино, литературе и по телевидению писатели и артисты начали объяснять народу, что египтяне не дураки и не рабы и что нация должна обладать достоинством, смелостью и ясной целью. Прислушиваясь к разговорам об общественной сознательности, даже почтенные представители среднего класса решались произносить вслух такие огнеопасные слова, как «социализм» и «революция». Всего несколько лет назад слово «социализм» произносили только шепотом, но теперь интеллигенция призвала людей заговорить по-иному.

Вероятно, многие нации еще не сумели решить проблемы равновесия между ответственностью и свободой интеллигенции! и Египет в этом отношении не исключение. Если взглянуть на тот по-восточному своеобразный окольный путь, по которому идут сейчас египтяне к своему будущему, то можно заметить в выборе направления определенную логику. Может быть, не всем интеллигентам нравится бремя ответственности, но так или иначе им придется к нему приспособиться. Египетская революция развязала могучие интеллектуальные силы, примером чего может служить каирская пресса.

Той прессы, которая на Западе именуется «свободной» (то есть находящейся в частной собственности), в Египте уже не существует. В 1960 году вся печать была передана в руки Арабского социалистического союза. Потеряв своих частных владельцев, каирские газеты перестали заниматься злословием и сплетнями (которые иногда были весьма забавны). Они стали орудием общественного воздействия. Некоторых это устраивало, но не всех. Известные еженедельники вроде «Роз аль-Юсеф» (названный по имени основательницы газеты), «Ахбар аль-Яум» и «Ахер Саа» стали намного лучше, отказавшись от легкомысленных сенсаций, хотя и поскущели.

Единственной газетой, принявшей эту социальную реформу всерьез, являлась «Аль-Ахрам», которую можно назвать каирской «Нью-Йорк таймс», «Таймс» или «Правдой». Лишь очень немногие газеты

мира содержат такой богатый материал для специалистов, желающих досконально узнать, что думают руководители государства. Редактор «Аль-Ахрам» Мухаммед Хасанейн Хейкал практически не только разьясняет официальную позицию президента, но пишет и о том, что волнует Насера, какие у него трудности, неприятности и что является полезным и обнадеживающим. Нередко результаты такого критического самоанализа «Аль-Ахрам» бывают из ряда вон выходящими.

Хейкал и сам часто присутствует на открытых собраниях местных отделений Арабского социалистического союза, где он умышленно вызывает острую и критическую дискуссию по политическим и идеологическим вопросам. Он буквально одержим желанием пробудить страсть к широким дискуссиям, в частности на страницах «Аль-Ахрам». Могут возразить, что в этом нет ничего нового, так как египетская пресса всегда любила споры. Но различие в том, что сейчас египетская печать преследует определенные социальные цели. Чета Лякутюр восхищалась другой каирской газетой, «Аль-Маса», за ее умное и серьезное участие в обсуждении проблем Египта. Но этот случай особый, ибо газету основал Халед Мохи эд-Дин, единственный марксист среди членов организации «Свободные офицеры».

Что всегда поражает в любом каирском газетном киоске – это обилие и разнообразие египетской печати. По официальным данным 1965 года, в Каире издавалось 9 арабских ежедневных газет, 44 арабских еженедельника, 22 двухнедельных журнала, 146 ежемесячных журналов и 51 журнал, выходящий от случая к случаю. До сих пор есть ежедневная газета на английском языке, 10 английских еженедельников и 5 ежемесячных журналов, иногда чисто пропагандистского характера. На французском языке издаются ежедневная газета и около 10 еженедельных и ежемесячных журналов; на греческом и армянском языках – по одной газете и журналу. В списке фигурируют ежедневные газеты на персидском, немецком и итальянском языках. До недавнего времени важнейшие литературные журналы Каира были ежемесячными. После 1962 года правительство решило, что крупным ежедневным газетам следует давать раз в неделю приложение по вопросам культуры, с тем чтобы проблемы искусства и литературы перестали быть достоянием только избранного читателя толстых журналов и проникли в каждую семью, где читают газету. Кое-кто из интеллигенции возражал против приложений к газетам, так как сократился тираж толстых литературных журналов. Но даже на Западе было бы бессмысленно возражать против толстенных воскресных приложений к европейским и американским газетам.

Поскольку именно литература сейчас старается завоевать широко читателя, подобная связь ее с прессой весьма желательна. В целом серьезные писатели приветствуют сотрудничество с печатью, так как оно помогает им найти более непосредственный путь к умам египтян. А с другой стороны, социальный реализм писателей и художников, выступающих в газетах, помогает прессе выполнять ее долг перед обществом. В современном Египте у интеллигенции нет желания обособиться от необразованного общества. Постороннему человеку может

показаться, что все это делается по приказу свыше, но тот, кто по-настоящему понимает Египет, как, например, та же чета Лякутюр, знает, что это неверно. Лякутюры считают, что новый египетский социальный реализм «достаточно отвечает требованиям современной египетской культуры и насущным интересам страны; он позволяет достичь некоторого синтеза борьбы за национальную независимость, социальных реформ и потребностей самого искусства».

Так, литература выступает бок о бок с Мухаммедом Хасанейном Хейкалом, редактором «Аль-Ахрам», и социальный реализм в литературе совпадает с идеями социалистической «Хартии» 1962 года.

В 1956 году Лякутюры упоминали в своей книге около десяти выдающихся египетских писателей, в том числе Абдель Рахмана Шаркахи, Нагиба Махфуза, Рушди Салиха, Тахи Хусейна и Тауфика аль-Хакима. Все они, за исключением одного (Тауфика аль-Хакима), могут быть названы социальными реалистами. Это, несомненно, лучшие писатели Египта, и по их творчеству можно проследить всю борьбу египетской литературы за свое существование в течение последних пятидесяти лет.

Помимо социальных факторов, одна из причин, почему лучшие египетские писатели никогда не имели достойного читателя, в том, что книжный рынок был забит макулатурой, дешевыми дрянными книжонками, которые публиковались в Египте и в сильной степени поглощали время и умы читателей. Я не ошибусь, если скажу, что около трети всех наименований книг, напечатанных в Египте до революции, – это жалкое подражание европейским и американским романам, иногда просто плагиаты, наскоро переведенные или «адаптированные» на арабский язык. Стоит присмотреться к уличным букинистам около садов Эзбекие, вы, несомненно, обнаружите интересные английские книги эпохи королевы Виктории, романы, вышедшие еще до 1914 года, а также множество медицинских книг, которые продают студенты после окончания университета. Но тут же вы утонете в сотнях арабских книжек «карманного» издания. Одни только рисунки на их обложках дают представление о «содержании». Достаточно заглянуть в книжку, чтобы понять (даже не зная арабского), что это грубое подражание французским полицейским романам или американским детективам. Как-то я нашел в подобном издании роман «Моби Дик», переложенный на диалоги в «хемингуэевском» стиле.

Подобная литература постепенно исчезает. В книжных магазинах (в центре города их, пожалуй, больше, чем нужно) можно найти серьезные переводы видных европейских и американских писателей, а также хороший выбор современных французских, итальянских, английских, американских и русских книг.

Старый город полон арабских книжных лавок, так как даже в самые мрачные годы Каир очень много издавал. В этих старых арабских книжных лавках свой отличительный запах и атмосфера, которые делают их непохожими на европейские магазины. Они ветхи и пыльны. В них царят ароматы пустыни. Книги на арабском языке чаще всего в

мягкой обложке. и если вы возьмете книгу, долго простоявшую на полке, ее бумага такая сухая и хрупкая, что легко ломается, когда вы перелистываете страницы.

Всего интереснее в арабской книжной лавке теперь – названия книг. Издается огромное количество книг, и почти в каждой из них тревога за будущее Египта. Вот здесь и видишь – в плоти и крови – социальный реализм, хотя для большинства иностранцев трудность представляет не столько содержание книги, сколько сложность формы, ибо писать реалистически на арабском языке исключительно трудно. В Египте фактически действуют три арабских языка: классический, современный и разговорный. В основном классический арабский – это язык литературы, современный – язык газет, кино и телевидения и разговорный – язык необразованных слоев населения, которым непонятен классический язык. Ничто так не отделяло народ от собственной культуры, как эта языковая пропасть. Таха Хусейн и Тауфик аль-Хаким пишут в основном на литературном языке, но они пытались найти точки соприкосновения с языком разговорным. Было бы нелепо, если, скажем, Нагиб Махфуз в замечательных романах из жизни простых и грубоватых обитателей старого города заставил бы водителей грузовиков разговаривать на литературном языке. Однако именно удивительная сила этого языка позволяет сохранить целостность любого произведения.

Труднее всего приходится поэтам, так как в арабской поэзии существует сложная, но неизбежная взаимозависимость грамматики, рифмы, размера и стиля. Арабский язык по своей природе очень поэтичен, но он подчинен строгим правилам. С ним нельзя обращаться так же вольно, как с английским, и писать на нем стихи в стиле просторечия. Поэтому современные египетские поэты и ломают головы над тем, как преодолеть эти условности. Кажется, при дворе одного из султанов XIII века поэтам разрешалось пользоваться только определенными дозволенными сравнениями: глаза, уши, губы, щеки, любовь, женщину можно было сравнивать с жемчугом, гранатами, газелями, розами или верблюдией. Обязательный список был длинный, но правила весьма строги. И хотя это лишь краткий эпизод в истории языка, арабская поэзия остается и поныне в тисках почти подобных условностей.

Современные поэты восстают против этих канонов хотя бы потому, что им хочется рассказывать о том, что происходит сейчас, и без лишних ухищрений просто объяснить, что роза – это роза. Некоторые молодые поэты стараются создать некий разговорный классицизм. В 1960-х годах многие молодые поэты вернулись к более примитивному доисламскому стилю, к языку, существовавшему до появления корана (который, кстати сказать, способствовал обогащению арабского языка). Своим учителем эти молодые и даже некоторые поэты старшего поколения считают Ахмеда Шауки, поэта и драматурга второй половины XIX века, который нарушил строгие законы рифмы и метра и применил весьма свободную форму рифмованной прозы для описания образов и чувств. Те, кто борется против влияния Шауки, обвиняют его

молодых последователей в копировании такого же «копировщика» до-исламской поэзии.

Поэзия сейчас процветает. В 1966 году одна из видных египетских поэтесс, Малика Абдель Азиз, которая опубликовала второе издание сборника своих стихов, говорила мне: «Мен удивляют небольшие тиражи поэтических сборников во Франции. Тысяча экземпляров считается в Париже вполне приличным тиражом. По-моему, это объясняется тем, что французы ни во что не верят и им не нужна поэзия, которая ничем не помогает людям».

Это звучит тенденциозно, но поэзия самой Малики очень женственна. Малика ищет в арабском языке возможности просто и непринужденно описать, скажем, ковер полевых цветов. В переводе это звучит примерно так:

Я склонилась над ними,
Мое сердце трепетало.
«Дорогие,
Как прекрасны вы,
Как чудесен блеск ваших щек,
Как волнует,
Как сладко головокружение от вашего пьянящего
аромата».

Я гляжу в их глаза,
Я пью росу с их ресниц,
Я нежно ласкаю их тонкие стебли,
Я спросила, как их зовут,
И с трепетом
Я услышала их шепот.
В их лепестках я нашла исповедь.
А вместе с ней мед, аромат и мелодии.

Лирика без строгих условностей чувствуется даже в переводе, но не дает представления о языковых проблемах. Египетские поэты еще немало выстрадают и поспорят, прежде чем найдут язык и стиль, со-звучный их миру, претерпевающему важные изменения.

Более заметных успехов достиг театр, который тоже переживал в 1960-х годах своего рода Ренессанс. Египетскому театру всего около ста лет, потому что театр в его европейской форме несвойствен арабской культуре. Профессор Гарвардского университета Х. Гибб пишет в предисловии к интересной книге д-ра Джекоба Ландау («Заметки об арабском театре и кино», изд. Пенсильванского университета, 1958), что истоки европейского театра – в Древней Греции, но это искусство не затронуло арабов. Поэтому у них не было настоящего театра, хотя и сохранились народные традиции пантомимы, теневых и кукольных спектаклей и буффонады. Нужно сказать, что в самой арабской поэзии есть много театрального. Но ни одна поэма не легла в основу какой-либо пьесы. Религия мешала развитию театрального искусства, но любовь арабов к эпической поэзии, к языковым эффектам, к замечательным народным поэтическим соревнованиям является своеобразным

самобытным театром. По стилю он отличался от европейского, но в нем было столько подлинного драматизма, что он подготовил почву для появления в Египте театра европейского типа.

Европейский театр появился в Каире в XIX веке, когда туда стали приезжать французские и итальянские труппы. Англичане так и не привезли в Каир серьезного английского драматического театра. Как мне удалось установить, первым английским театральным спектаклем в Египте между 1882 и 1900 годами был фарс, написанный армейским поручиком, что явилось целым событием для местного «общества». Но англичане не знали, что в это же время на задворках Каира они могли увидеть арабские инсценировки Расина, Мольера, Корнеля, Вольтера и даже Шекспира.

Обосновавшись в Каире, театр больше никогда не покидал города. За сто лет, как пишет д-р Ландау, у него появились свои традиции, свой стиль и такие замечательные драматурги, как Ахмед Шауки, Хасан аль-Мари и Махмуд Таймур. Сегодня ОАР, несомненно, обладает одним из величайших драматургов мира – Тауфик аль-Хакимом. Его драмы почти неизвестны на Западе, хотя он пишет свои умные философские и острые пьесы уже в течение тридцати лет. Они как нельзя лучше соответствуют нынешней страсти египтян к самоанализу. Как и Бернард Шоу, Тауфик аль-Хаким часто умышленно пользуется только черной и белой краской для заострения моральных проблем, но он правдиво отражает то, что происходит в умах его мыслящих соотечественников. Однако многие его пьесы рассчитаны на высокоинтеллектуального зрителя что вызывает у социальных реалистов неприязнь к драматургу. Тауфик аль-Хаким был по-настоящему признан в Египте только после 1952 года.

Несмотря на то, что творчество Тауфик аль-Хакима далеко от реализма, оно стало неотъемлемой частью другого – политического реализма, который господствует сейчас в египетском театре. После 1962 года почти все театры Каира ставят пьесы из повседневной жизни Египта, причем не только бытовые комедии и драмы, но и пьесы с социальным зарядом. Во многих из них противопоставляется положение народа до и после революции, а герой, как правило, революционер. Вскоре после 1956 года известный импресарио Юсеф Вахба по ставил несколько пьес об английской оккупации и борьбе египтян против оккупантов. Науман Ашур написал первые в современном Египте пьесы, дающие ясное представление о социальных конфликтах между старым и новым. Именно Ашу внес в театр социалистические идеи. В 1960-х годах то же делали уже десятки других драматургов.

В 1966-1967 годах в среде интеллигенции произвела сенсацию пьеса Юсефа Идрисса «Аль-Гафир» («Надсмотрщик»), которая осуждала издавна существующую в Египте (только ли в Египте?) привычку указывать другим, что надо делать, и в случае успеха самому пожинать лавры, а в случае неудачи винить ближнего. Наряду с возникновением подобного идейного театра в Каире появилось несколько ансамблей народной песни и пляски, которые как особый вид искусства до революции не существовали.

Понадобилась большая организационная работа, чтобы удовлетворить растущий интерес народа к театру и музыке. К 1967 году в Каире было восемь драматических театров, два народных ансамбля, две эстрадные труппы, симфонический оркестр, хоровой ансамбль, новый национальный (классический) балет, цирк и ансамбль песни и пляски. За первые три года после принятия социалистической «Хартии» число театральных представлений в Каире возросло втрое, а число зрителей в шесть раз. Все каирские театры либо принадлежат государству, либо субсидируются им. В 1967 году Каир был одним из немногих городов мира, где правительство превратило несколько больших кинотеатров в драматические театры, хотя одновременно появлялись и новые кинотеатры. Намечалось строительство здания для Национального балета, но война 1967 года помешала его осуществлению. Театр хотели строить в Гезире. Артистов балета обучали русские, и первая постановка балета «Бахчисарайский фонтан», которую я смотрел в маленьком деревянном здании оперы в 1966 году, была ничуть не хуже балетных спектаклей на Западе, скажем, 5-6-летней давности. В саду Эзбекие построен новый кукольный театр, где труппа способных артистов превратила традиционные народные теневые спектакли и кукольные представления в настоящее профессиональное искусство.

Влияние европейского театра на египетский очевидно, но по форме он совершенно самобытен. Более того, некоторые театральные формы, с которыми еще только экспериментируют в Европе, кажутся вполне естественными арабскому зрителю. Так, «авангардистская» техника, которую упорно внедряют в Европе и Америке, очень близка примитивным приемам народного искусства, где для подкрепления драматического действия широко используются песни и танцы. Такой прием давно существовал у арабов. Поэтому те формы театрального искусства, которые на Западе считают нереалистическими, вполне приемлемы для египтян, даже в рамках господствующих здесь условий.

Современные европейские драматурги очень популярны в Египте. После 1956 года египтяне ставили в театрах, передавали по радио и телевидению пьесы Теннесси Вильямса, Бекета, Осборна, Гарольда Пинтера, Вексера, Н. Симпсона, Раттигэна, Чехова, Горького, Артура Миллера, Ионеску, Дюрренматта, Брехта, О'Нила, О'Кейси и многих других менее известных драматургов, не считая классических греческих драм, которые прекрасно звучат в переводе на классический арабский язык.

В декабре 1966 года я присутствовал на репетиции арабской постановки Брехта «Добрый человек из Сезуана». Брехт не имел в виду буквального значения слов «добрый человек...», но в Египте эта пьеса о нищете и коррупции, хотя она и была поставлена в условной брехтовской манере, приобрела новое реалистическое звучание. С Брехтом у египтян произошли недоразумения, так как его жена Елена Вейгель настаивала, чтобы песни в пьесе исполнялись под европейскую музыку. Когда египтяне проделали такой эксперимент с «Кавказским меловым кругом», песни звучали так нелепо в арабской аудитории, что

спектакль пришлось снять, и совсем недавно Елена Вейгель согласилась, чтобы песни переложили на арабскую музыку.

Творческая интеллигенция нашла свое место в театре быстрее, чем в других областях искусства, потому что конфликт между содержанием и формой уже был частично решен. Художникам же, как и поэтам, приходится труднее. У арабов не было традиционной «живописи», во всяком случае такой, которая отвечала бы требованиям современности. Вся живопись Египта находится под влиянием различных европейских школ и течений последних шестидесяти лет, и ее даже трудно назвать египетской. До сих пор влияние исламского искусства на современное египетское искусство было незначительным. Как и историки, художники побаиваются религиозных табу, присущих исламскому искусству, они не любят его, так как помнят, что оно было всегда связано с ограничениями и подавлением свободы художника.

Но очень приятно, что молодые художники пытаются найти свой собственный путь в искусстве, хотя пока они его и не нашли. Египетские художники сегодня уже не могут избежать социальных проблем, но их подход к ним еще очень наивен. Со временем они либо должны будут создать свое собственное жизнеспособное искусство, либо писать те же картины, что можно увидеть в Париже, Риме, Лондоне и Нью-Йорке, а это равнозначно провалу. Сейчас трудно предугадать, что произойдет. Характерно, что художники использовали для своего ателье и клуба старый дом Синнари, где когда-то Наполеон разместил привезенных в Египет художников. Время от времени группы художников отправляются из этого дома на улицы Каира в поисках той истины, которую таит в себе город, но чаще всего они даже не знают, где ее искать. Однажды в воскресенье я присоединился к нескольким художникам, и мы направились в старый город к Бейн аль-Касрейну. Когда мы остановились у минарета мечети Калауна, кто-то произнес трагическим шепотом: «И он полон эмоций!»

Эти слова изрек официальный верховный жрец эстетики в египетском искусстве – аль-Арабли, невысокий худощавый человек. Он упорно защищает утонченные интеллектуальные вкусы, и с ним не всегда соглашаются каирские художники. Однако надо признать, что он с энтузиазмом поддерживает творчество других художников. Если бы в Египте создали пост цензора по вопросам искусства, его занял бы аль-Арабли. И хотя цензуры нет, общество ждет от художников произведений искусства, которые отвечали бы общественным и духовным интересам нового Египта.

Абстрактное искусство в Египте не отрицают, да и вообще здесь ничего не отрицают. Такого художника, как Ратеб Садек, никак нельзя назвать конформистом. То же самое относится к известному художнику из Булака Рифаату Ахмаду или Рамсесу Юнану, скромному копту. Его живопись не имеет ничего общего с реализмом.

Возможно, лучшим художником Египта сегодня является женщина – Газбия Сирри, у которой вполне заслуженная репутация за рубежом. Египтянам нравится, что она женщина и пишет чисто по-женски. Ее работы в какой-то мере соответствуют духу социальной революции.

Зарисовки Газбии Сирри из Нубии до того, как район был затоплен в связи со строительством плотины, сделаны совсем в не женской манере.

Некоторые критики утверждают, что египетскому искусству не хватает подлинно народных мотивов. Элементы народного искусства присутствуют в Египте повсюду, но художники еще не воспользовались ими. Например, в стране существует примитивное деревенское ткацкое искусство; очень популярна «стенная живопись» – рисунки деревенских художников на стенах хижин, иногда целые серии картин, рассказывающих, скажем, как хозяин дома совершил паломничество в Мекку. В Каире таких «картин» больше не найдешь. Последний раз я видел одну из них на стене лавки с сахарным тростником в Булаке, но и она уже почти стерлась и поблекла. Такие формы народного искусства не помогли современным художникам понять, что думает и чувствует их народ. Они все еще стараются преодолеть разрыв между VII и XX веками, когда ислам запрещал всякое изображение живых существ. Иконоборчество ислама на долгие годы отрезало Египту путь к развитию изобразительного искусства, которое ему сейчас так необходимо. К сожалению, египетские художники, пытаясь сейчас преодолеть многовековую пропасть, склонны возвращаться к самому началу. Они видят себя в фараоновских одеждах и античных тогах, и кажется, что богатая исламская культура для них вообще не существует.

Во всяком случае, живопись еще не стала серьезным орудием социальных преобразований, и художники продолжают бродить в потемках. Не просто обстоит дело и с такими видами искусства, как кино и телевидение. Еще в 1934 году Каир называли «Голливудом арабской кинематографии», которая развивалась неровно, но всегда была интересной и богатой. К 1946 году Египет выпускал ежегодно 70 фильмов. В 1960 году он занимал одиннадцатое место в мире по количеству фильмов, большинство которых снималось студией «Миср», расположенной около ирригационных каналов у пирамид. В Каире около 80 кинотеатров, и демонстрация всякого египетского фильма сопровождается весьма шумными «комментариями». В кинотеатрах победнее публика активно участвует в событиях на экране – она кричит, свистит, бросает реплики, отпускает непристойные шутки, а иногда и льет слезы, даже если показывают самую дешевую мелодраму. До 1956 года на производство фильмов не тратили больших средств, и по содержанию они были пустыми. Бытовые драмы или деревенские комедии никак не отражали подлинной жизни, а сценарии, как и книжная макулатура, были плагиатами западных драм и Голливудских фильмов. Ни один серьезный автор не писал для кино, и, несмотря на наличие замечательных режиссеров и первоклассных артистов, вроде Нагиба ар-Рэйхани или певицы Умм Каль-сум, у которых было множество поклонников и подражателей, кинематография старалась угодить вкусам массового потребителя.

В 1952 году известный египетский критик Мухаммед Мустафа посоветовал кинорецензентам для правильной оценки фильма задавать себе семь вопросов: 1) Какова тема фильма? 2) В чем его мораль?

3) Какую пользу он принесет зрителю? 4) Какова его развлекательная ценность? 5) Почему в нем мало новых мелодий? 6) Интересен ли сюжет фильма? 7) Почему нет песен?

Д-р Джекоб Ландау, цитируя эти вопросы в своей книге, утверждает, что в то время египетского зрителя интересовали только два последних вопроса: сюжет и песни. Но Ландау писал это до 1960 года, а с тех пор египетский зритель стал и сам руководствоваться семью пунктами Мустафы при оценке каждого нового фильма.

После 1960 года правительство создало комитет для «укрепления кинематографии» и ее финансовой поддержки, а также приступило к производству документальных фильмов. В Каире появился институт кинематографии, и правительство стало добиваться улучшения качества фильмов. Под «улучшением качества» имелось в виду производство реалистических фильмов с социальным содержанием. Это был важный шаг, но подлинные сдвиги начались с того момента, когда серьезные писатели, в частности Нагиб Махфуз, взялись за киносценарии. Результаты сказались немедленно, так как и критики и шумная публика горячо приняли новые фильмы. В 1960-х годах самым большим успехом уже пользовались не слезоточивые мелодрамы из жизни «высшего общества» или деревенские комедии, а хорошо написанные реалистические драмы о простых людях, скажем, из таких районов, как Хан аль-Халил.

Победа египетской кинематографии над дешевым старьем и возникновение нового самобытного стиля в кино были продиктованы самой жизнью. В итоге кино сейчас стоит неизмеримо выше египетского телевидения, которое появилось «словно по заказу» в разгар социальной революции. Талантливые творческие работники еще не проявляют к нему серьезного интереса. В 1960 году было два телевизионных канала, в 1967 году – три. Первый канал предназначен для популярных массовых передач, второй – для серьезных просветительных программ, третий – для французских и английских передач. В 1967 году в Каире было 174 588 телевизоров, причем почти все они египетского производства. Поскольку телевизионные зрители – это своего рода пленники, можно предположить, что каирцам преподносят насыщенные политические передачи. Но, как и в западных странах, первый канал занят спортом, легкими, развлекательными программами, бытовыми комедиями, документальными фильмами и довольно приличными передачами новостей, особенно после того, как они стали более объективными. Солидную долю программы составляют американские, французские, английские, итальянские, русские и чешские фильмы, потому что государство тратит большую часть средств на техническое оборудование телевидения, а не на оплату артистических талантов. Во всяком случае, египетское телевидение достигло определенного профессионального уровня.

Несмотря на нынешнее свое состояние, телевидение как сильнейшее средство пропаганды, несомненно, будет играть на Ближнем Востоке более важную роль, чем радио. Недалеко то время, когда араб в пустыне установит на седле верблюда транзисторный телевизор, а не

радиоприемник, с которым он сейчас не расстанется. Сейчас радио оказывает большое влияние на формирование его взглядов. Мощный политический голос Каира звучит по радио не только по всему арабскому миру, но и в Африке. Время от времени в лондонской «Таймс» появляются гневные письма читателей, требующих запретить (чуть ли не силой) передачи каирского радио или по крайней мере поставить их под контроль ООН. В 1962 году Чарлз Иссави (в книге «Египет в революции») писал, что каирское радио «не имеет равных себе в мире по вульгарности, озлобленности и пренебрежению к правде». Конечно, кому что нравится.

Приходится признать, что лет десять назад для каирского радио была и впрямь характерна нездоровая страсть к преувеличениям. До 1962 года оно находилось в руках правого крыла режима, которое пользовалось любыми гиперболами для защиты дела арабов. Глупость такой политики была очевидна, ибо справедливое дело арабов не нуждалось ни в преувеличениях, ни в обмане.

Социальная революция привела к некоторым изменениям в характере передач. Радиостанция «Голос арабов» продолжала свои атаки на Запад, но пользовалась теперь достоверными фактами и разумными аргументами. Станция научилась направлять острие материалов западной прессы против самого Запада.

В 1960-х годах каирское радио вело передачи на двадцати одном языке, не считая арабского. Наиболее важные передачи были направлены на Африку: 324 часа в месяц (1964-1965), то есть на сто часов больше, чем все передачи на ближневосточные страны. Это понятно, ибо Каир считает себя не только самым важным городом арабского мира, но и Африки. Почти каждое африканское революционное или объединительное движение имеет в Каире свой политический офис или представителя. Северная часть Африки в основном мусульманская, что очень важно для Каира. Алан Бэрнс в книге «История Нигерии» пишет, что в процессе соперничества проповедников различных религий, «спасавших» души африканцев, на каждого язычника, обращенного в христианство, приходилось десять человек, принявших ислам. Каирское радио, естественно, старается воспользоваться этим религиозным преимуществом. В радиопередачах на Африку главный упор делается на критику империализма и неоколониализма. Чуть ли не каждую неделю в Каире проходит какая-нибудь конференция африканцев, обсуждающих проблемы борьбы против империализма, и каирское радио доносит информацию об этих длительных дискуссиях до самого мыса Доброй Надежды. В Каире много африканских студентов, изучающих единственный язык, который широко распространен по всему континенту, – английский. Многие студенты передают по радио египетские идеи на английском языке для Кении, Замбии или Ганы, и, поскольку сейчас социальная революция и политическое освобождение – это «Песня песней» Каира, африканцы слушают его голос с неослабным вниманием.

Мы говорили о передачах каирского радио на другие страны, но из Каира доносится еще один, самый резкий и гневный, голос «Палестин-232

ской программы». До 1967 года это был голос миллионов палестинских беженцев, которые когда-то жили на территории нынешнего Израиля. По сути дела, это была почти автономная радиостанция, которой руководила Организация освобождения Палестины, утверждавшая, что Израиль не имеет права на существование как государство, так как он обманом и силой отнял у арабов всю территорию Палестины. «Палестинская программа» была намного радикальнее каирского «Голоса арабов» и постоянно призывала всех арабов идти войной против Израиля. Она предсказывала день, когда все израильтяне будут сброшены в море, а палестинские земли возвращены их подлинным хозяевам. Именно эти передачи палестинцев многие на Западе принимали за официальную позицию ОАР в отношении Израиля, хотя на самом деле существовали серьезные разногласия.

Было бы ошибкой полагать, что эти передачи привели к войне 1967 года. Конечно, нет. Но они способствовали распространению в Израиле и за его пределами убеждения, что у израильтян нет иного выхода, как первыми начать военное наступление, ибо в противном случае их уничтожат. Египтяне в отличие от палестинских беженцев понимали, что «сбросить в море» Израиль не так легко. Но к 1967 году они пришли к мысли, что Египет ничем не хуже Израиля и вполне готов встретиться с ним на равных.

Июньская война разбила эти иллюзии. Более того, она поставила под угрозу само существование прогрессивного режима в Каире, так как израильтяне ясно заявили, что, если арабы атакуют их позиции, захваченные в войне 1967 года, они нанесут мощный ответный удар. Каирцы поняли, что в новой войне их город может стать объектом нападения, и они снова живут в ожидании роковых событий, которые определяют судьбу города.

24 *Неизбежность судьбы*

рудно убедить кого-нибудь в Каире, что Израиль не был агрессором в войне 1967 года, в то время как в самом Израиле считают, что у их государства не было иного выхода, как первым нанести удар. Теперь уже покойный израильский премьер-министр Леви Эшкол и Моше Даян признали в той или иной мере, что Израиль ударил первым. Но смысл июньской войны сводится все к тем же извечным проблемам: право Израиля на существование вообще и диаметрально противоположные позиции Израиля и Египта в вопросе о будущем этого района.

События, приведшие к июньскому конфликту 1967 года, можно толковать по-разному, в зависимости от того, чью сторону вы занимаете. Египтяне утверждают, что Израиль в апреле 1967 года начал готовиться к нападению на Сирию, где незадолго до того в политической жизни произошел резкий поворот влево. 7 апреля 1967 года Израиль, якобы в ответ на пограничные инциденты, предпринял широкое наступление на Сирию силами авиации, танков и артиллерии. Израильский министр иностранных дел Аба Эбан призвал к усилению карательных операций против Сирии и предложил, чтобы Израиль нанес ей «решающий удар». 9 мая израильский кнессет предоставил правительству полномочия для военных операций против Сирии, израильские войска на сирийской границе были приведены в боевую готовность, и наконец Израиль объявил мобилизацию.

Весь арабский мир был уверен, что нападение Израиля неизбежно.

У Объединенной Арабской Республики с Сирией был договор о взаимной обороне, поэтому ОАР требовала, чтобы войска ООН, размещенные в ОАР вдоль синайской границы с Израилем, убрались с дороги*. В ответ на критику этого шага в странах Запада Насер напомнил,

* Решение правительства ОАР добиваться вывода войск ООН с египетской территории объяснялось, в частности, стремлением вернуться к положению, существовавшему до тройственной империалистической агрессии 1956 года. Тогда генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд добился согласия Египта на размещение «голубых касок». Израиль не согласился принять аналогичное предложение. Поэтому Египет, хотя именно он подвергся нападению, оказался дискриминированным.

что войска ООН на протяжении одиннадцати лет находились только на египетской стороне границы, и предложил, чтобы их перебросили через границу и держали на израильской стороне. Но Израиль отказался принять войска ООН.

Египтяне считали события на сирийской границе доказательством агрессивных намерений Израиля против арабских государств. Однако израильтяне рассматривали те же события как доказательство подготовки арабами нападения на Израиль. Они ссылались на продолжавшиеся налеты партизан «Аль-Фатха» с территории Сирии и Иордании и в качестве сильного довода приводили заявление Насера о том, что арабы намерены «уничтожить» государство Израиль.

Накануне войны английский депутат парламента Кристофер Мэйхью спросил Насера, что означают все разговоры о полном уничтожении Израиля. Насер, в свою очередь, спросил Мэйхью, не ставил ли он, будучи английским министром военно-морского флота, перед собой такую же задачу «уничтожения» потенциального противника в случае военных действий. Насер пояснил, что он тоже употребил слово «уничтожение» в военном смысле, а не в политическом, ибо говорил о вооруженных силах Израиля, а не о его народе. Но объяснение запоздало, так как именно эта фраза Насера – в большей мере, чем вся длительная резкая словесная перепалка между Израилем и арабами, – привела к тому, что подавляющее большинство на Западе, особенно интеллигенция, сочувствовало Израилю. Когда 5 июня Израиль начал наступление, на его стороне были симпатии почти всего населения Европы и Соединенных Штатов Америки, где считали, что Израиль постоянно угрожал нападение и что арабы (особенно президент Насер «лезли на рожон»), и теперь должны получить по заслугам**.

Военные действия были блестяще спланированы и осуществлены Израилем. Стратегический план был предельно прост: уничтожить арабские военно-воздушные силы прежде, чем самолеты смогут подняться в воздух. Израильтяне хорошо изучили уроки войны в пустыне. Они знали, что, как бы ни была хороша сухопутная армия, пустыня принадлежит авиации, у кого преимущества в воздухе. Поэтому когда израильская авиация 5 июня разбомбила все важнейшие арабские аэродромы, от Луксора в Египте до Хаббании в Ираке, она решила исход войны. Летая без отдыха и перерыва и уничтожая все следы араб-

В мае 1967 года правительство ОАР решило исправить положение. Оно обратилось через представителей ООН, чтобы «голубые каски» были бы размещены и на израильской территории. Правительство Израиля отказалось обсуждать это предложение. Тогда ОАР, законно стремясь ликвидировать дискриминацию, потребовала, чтобы войска ООН покинули ее территорию. Это законное и справедливое требование было выполнено. (*Прим. ред.*)

** Автор ссылается в данном случае на беседу Г. А. Насера с Кр. Мэйхью. Текст этой беседы был опубликован, видимо, только в английской печати.

Обычно, говоря о «кроважности» арабов, на Западе и в Израиле ссылаются на выступления Г. А. Насера на пресс-конференции перед египетскими и иностранными журналистами 28 мая 1967 года. В этом выступлении президент ОАР не упоминал об «уничтожении» государства Израиль. (*Прим. ред.*)

ских военно-воздушных сил, израильтяне добились успеха, о каком сами даже не мечтали.

Следующие четыре дня израильская армия использовала для победы на суше. Главным оружием Израиля опять был напалм, а бомбардировки египетских танков, транспорта и солдат в открытой пустыне позволили Израилю быстро закончить операции.

Пожалуй, самым решающим фактором, помимо победы израильской авиации, был еще один – израильская военная разведка. Израиль назначил наступление на 5 июня, потому что 3 или 4 июня израильтяне перехватили радиограмму генерального штаба в Каире командования египетскими войсками в Синайской пустыне, предупреждавшую, что на рассвете 5 июня туда придут генералы генерального штаба ОАР. Штабные генералы попали в воздушную ловушку, так как уже начались израильские налеты на аэродромы и им негде было приземлиться. В течение шести часов египетская армия не получала никаких приказов.

Египтяне сейчас убеждены, что все их военные радиограммы войскам в Синайской пустыне перехватывало американское разведывательное судно «Либерти» (которое стояло на якоре у берегов Египта и имело на борту английских военнослужазщих) и передавало их израильтянам. Израильтяне знали также все египетские военные коды и послали (с помощью «Либерти», как считают египтяне) на соответствующей длине волны ложные приказы всем египетским дивизиям в Синае. Это вызвало серьезное замешательство среди египтян, и некоторые подразделения армии, выполнив ложные приказы, оказались под открытым огнем противника.

Хотя в течение шести дней бомбы падали вокруг Каира, сам город не пострадал. За шесть дней войны каирцы вернулись к своему старому обычаю демонстрировать и шуметь на улицах. Они еще не знали, что потеряли весь военно-воздушный флот, и были уверены, что неудачи в Синайской пустыне носят временный характер, а в конечном итоге война будет ими выиграна. Лишь те, кто слушал Би-Би-Си и «Голос Америки», начали сомневаться. На второй день войны по Каиру разнесся слух, что египетские армии потерпели полное поражение в Синайской пустыне, но согласно другим слухам русские вот-вот вмешаются на политическом фронте, как они сделали это в 1956 году. Жизнь в Каире протекала так, будто война шла где-то очень далеко.

Кое-какие признаки военного времени появились на улицах города: мосты, почтовые конторы, министерства и наиболее важные здания загородили мешками с песком и кирпичными баррикадами. Отель «Нил-Хилтон» напоминал человека с наушниками из мешков с песком. Для полицейских сделали укрытия на случай воздушного налета, а железные жалюзи, за которыми обычно спали в летние жаркие часы, теперь вообще не поднимались. Лишь некоторые магазины и учреждения по-прежнему поднимали железные шторы. Можно было зайти к портному и заказать костюм или посидеть в мягкий теплый вечер в саду у «Троппи» за стаканом холодного лимонада. Но день за днем атмосфера становилась более гнетущей, люди нервничали и с тревогой

ожидали воздушных налетов. Многие уже понимали, что надвигается катастрофа.

Для Каира война окончилась не в день принятия ООН решения о прекращении огня, а в момент подачи в отставку президента Насера 9 июня. Каирицам настолько свойственно врожденное чувство ожидания драматических поворотов в их судьбе, что они не сомневались в неизбежности важных политических событий. Вероятно, все взрослые жители города слушали речь президента Насера 9 июня.

5 июня Израиль начал наступление. Насер обвинил Англию и Америку в прямом вмешательстве их самолетов и авианосцев в военные действия. Объяснив причины поражения Египта, Насер сказал, что он принимает на себя всю ответственность за случившееся, и добавил надломленным голосом: «Я решил отказаться, полностью и безоговорочно от всех официальных постов, от политической роли и вернуться в ряды народа, чтобы выполнять вместе с ним свой гражданский долг».

Он сказал, что передает пост президента вице-президенту Закария Мохи эд-Дину, и закончил речь словами, что отныне рабочий класс Египта должен возглавить руководство арабской революцией.

За рубежом так и не поняли того, что произошло в Каире после выступления Насера, но чуть ли не с момента окончания его речи на улицах города начали стихийно собираться группы людей. Хотя в эту ночь была воздушная тревога и казалось, что разверзлись небеса, тысячи горожан ходили по Каиру и выкрикивали: «Насер! Насер!» В это же время состоялось чрезвычайное заседание Национального собрания, которое отклонило отставку президента Насера. К рассвету в Каир начали стекаться тысячи людей из близлежащих деревень и городов, из Александрии и зоны канала. Они несли самодельные плакаты, призывавшие Насера изменить свое решение. К полудню народ до отказа заполнил все улицы и площади вокруг Национальной ассамблеи. Весь день Каир кипел и бурлил, тысячи египтян двигались в город непрерывным потоком – на грузовиках, автобусах, в такси и даже пешком. То, что выглядело концом деятельности Насера, в течение одних суток стало для него новым началом.

На Западе распространено мнение, что Насер умышленно подал в отставку, чтобы подготовить и инспирировать демонстрации, которые помогли бы укрепить его репутацию. Но нельзя забывать о двух важных факторах в этих событиях. Во-первых, Насер все чаще обращался за поддержкой к простому народу, и это стало такой характерной чертой всей жизни Египта, что народ совершенно искренне пришел ему на помощь. Во-вторых, Насер так откровенно рассказал народу о постигшем его тяжелом несчастье, что большинство египтян поверило каждому его слову, тогда как никому другому они не настроены были верить. Люди плакали на улицах Каира, и толпы ритмично скандировали имя Насера. Когда он поехал в Национальное собрание, чтобы снова вступить на пост президента, его автомашину окружили и долго не отпускали тысячи людей.

Этот энтузиазм и страсти походили на беспокойную рябь, волновавшую поверхность глубокого темного пруда, каким был в эти дни Каир. В глубине этого омута действовали правые элементы из армии и полиции, которые убеждали народ прекратить демонстрации и разойтись по домам, мотивируя это тем, что собираться большими толпами на улицах города «опасно». Но подлинная опасность была скорее политической, нежели военной. Снова всплывал уже давно нараставший конфликт между правым и левым крылом в Египте. Существовала группа правых офицеров армии, воздушного флота и разведки, которая хотела избавиться от Насера, отказаться от идей арабской революции и коренным образом изменить внешнюю политику ОАР, чтобы прийти к соглашению с Соединенными Штатами. Это полностью противоречило позиции президента Насера, и теперь, зная, что его поддерживает народ, он не только воспользовался демонстрациями для восстановления своего авторитета, но и немедленно очистил вооруженные силы от старших офицеров, виновных в том, что 5 июня ОАР застали врасплох. Он отстранил командующего военно-воздушными силами и трех его штабных офицеров. Уволил начальника военной разведки и начальника каирской военной тюрьмы. Впоследствии их арестовали и предали суду.

Политический конфликт на этом далеко не закончился. Весь июль и август Каир жил словно в тумане – его больше волновала собственная участь и судьба его руководителей, чем угроза со стороны израильтян, расположившихся на другом берегу Суэцкого канала. Все ожидали событий и понимали, что борьба за политическое руководство продолжается и группы офицеров, в том числе многие высшие чины генерального штаба, плетут интриги против Насера. В конце августа Насер должен был отправиться в Хартум для участия в конференции лидеров арабских стран по вопросу о положении на Ближнем Востоке, и Каир был убежден, что еще до его отъезда произойдут драматические события. Каирцы не ошиблись. 26 августа были арестованы пятьдесят офицеров и заключен под домашний арест фельдмаршал Абдель Хаким Амер.

Амер был ближайшим другом и соратником президента Насера еще с того времени, когда оба они служили офицерами в армии. Именно они создали ядро организации «Свободные офицеры». Они подготовили переворот 1952 года и с тех пор совместно трудились над строительством нового Египта. Когда Насер подал в отставку с поста президента, Амер тут же отказался от должности вице-президента и заместителя главнокомандующего. Народ просил Насера вернуться на пост президента, но никто не настаивал на возвращении Амера, которого не меньше, чем других военных руководителей, считали повинным в поражении ОАР. Формально Насер, как и президент Рузвельт в годы второй мировой войны, был главнокомандующим вооруженных сил, но фактически ими руководил Амер, который считал себя одним из руководителей революции. Когда после июньского поражения офицеры армии и воздушных сил начали подвергаться на улицах Каира

оскорблениям (им даже рекомендовалось ходить в штатской одежде), Амер почувствовал, что гнев народа направлен и против него.

Он никогда не был особенно популярен, и многие обвиняли его в злоупотреблении властью ради личного обогащения. Это весьма сомнительно, но верно другое, что правое крыло офицерства и бывшие помещики считали Амера «своим человеком». Многие офицеры, уволенные Насером, были близкими друзьями Амера и теперь не только рассчитывали на его поддержку, но даже прятались в его доме от военной полиции. Каирская вилла фельдмаршала превратилась в маленькую крепость, которую охраняли опальные офицеры и вооруженные слуги Амера, привезенные с фермы, принадлежавшей его братьям.

По-видимому, Насер хорошо знал, что происходит на вилле Амера. В конце августа он посетил Амера и объяснил ему, что ОАР находится в тяжелом положении и нуждается в совершенно новом подходе. Он предложил Амеру сотрудничать с ним, особенно в военных вопросах, хотя тот больше и не командовал армией. Амер отказался, потому что его заговор по захвату контроля над армией был почти готов. По замыслу Амера, он и некоторые уволенные офицеры должны были вылететь в зону канала, предъявить подложный приказ президента о назначении Амера командующим и взять в руки контроль над Восточным военным округом. Предполагалось, что после этого Амер по телефону предъявит президенту Насеру ультиматум с требованием восстановления фельдмаршала на прежних постах и отмены обвинений против уволенных офицеров. Если бы Насер отказался выполнить ультиматум, армии надлежало отстранить его от руководства государством. Затем группа Амера намеревалась свалить всю вину за стратегические ошибки ОАР на русских; осудив их за то, что они не вступили в войну на их стороне. Это был явный намек на то, что русские советники несли ответственность за стратегические планы ОАР. Это неверно, ибо именно Амер постоянно возражал против каких-либо советов и помощи русских при разработке стратегии.

Около виллы Амера в каирском районе Дакки расположен большой сад, и стоявший наготове на аэродроме в Эмбабе вертолет должен был приземлиться на цветочные клумбы в ночь на 27 августа, чтобы доставить Амера в зону канала. Насеру были известны подробности заговора. 26 августа он вызвал Амера, послав за ним на всякий случай вооруженный конвой. Снова в кабинете президента произошел горячий спор, во время которого присутствовал и их общий друг Закария Мохи эд-Дин. Насеру так и не удалось убедить Амера согласиться с новой политикой. Амер отказался от компромисса, и тогда Насер «с сожалением и печалью» (как писала «Аль-Ахрам») объявил ему, что он находится отныне под домашним арестом, что офицеры на его вилле уже арестованы, а его «охранники» разоружены и взяты под стражу. В ту ночь были арестованы пятьдесят человек.

Официально Каир узнал о событии только через неделю, 4 сентября. И когда «Аль-Ахрам» опубликовала подробности заговора, народ не выразил никакого сочувствия фельдмаршалу. В глазах народа Амер олицетворял армию, которая была не в почете, хотя, пожалуй, ее и

нельзя винить за то, что она осталась беззащитной во время бомбардировок израильской авиации. Большинство египтян считало вполне справедливым, что Амер, руководивший армией, должен был понести суровое наказание.

Оставался последний акт трагедии. 12 сентября во время допроса на его вилле Амер принял яд. Докторам удалось спасти его жизнь. Его перевели в другой дом в Гизе, где он постоянно находился под наблюдением двух военных врачей. 14 сентября он вышел в уборную и сорвал пластырь, который якобы прикрывал какую-то царапину, а на самом деле капсулу с ядом, которую Амер и проглотил. Когда врачи сообразили, в чем дело, его немедленно перевезли в больницу. Через три часа он скончался.

Есть что-то традиционное для Каира в этой драме двух людей, которые всю жизнь были близкими друзьями, вместе возглавляли могучие силы нового Египта и расстались врагами в момент опасности. Казалось, что один из них неизбежно должен был погибнуть. Однако нынешняя трагедия развивалась не совсем традиционно. Насер в течение многих лет пытался порвать с тем старым комитетом «Свободных офицеров», который осуществил революцию, и все больше опирался на поддержку социалистов и рабочего класса Египта.

Амер продолжал придерживаться тех же политических взглядов, что и в 1952 году. Он мирился с новыми политическими и социалистическими идеями Насера до тех пор, пока они не затрагивали армию и военно-воздушный флот. Социализм, по его мнению, годился для народных масс, но не для солдат, и действительно, до июня 1967 года вооруженные силы стояли в стороне от общественных перемен, потрясавших ОАР.

Никому не известно, как воспринял Насер известие о смерти Амера, но, по-видимому, в них обоих было что-то от Гамлета. Самоубийство фельдмаршала не повлияло на новый политический курс Насера, который должен коренным образом изменить социальную основу армии и ее роль в жизни страны. Помимо этого, Насер считал, что правительство обязано постоянно держать народ в курсе событий, рассказывать ему о своей деятельности, не скрывая ни хорошего, ни плохого. В этом Насеру помогает Мухаммед Хасанейн Хейкал, редактор «Аль-Ахрам», который с 20 августа 1967 года публикует по пятницам свои статьи в газете (их передают и по радио) с беспощадным анализом военных и политических проблем ОАР. В первых статьях он подробно и критически разбирал причины поражения ОАР, не пытаясь искать оправданий. Он правдиво и объективно обрисовал состояние вооруженных сил Израиля, методы их подготовки и уроки военных операций. Хейкал откровенно предлагал ОАР поучиться военному искусству у Израиля. Он признал превосходство израильской разведки, даже назвав ее лучшей в мире, и высоко оценил хорошо продуманную стратегию и научные методы, применяемые израильтянами в военном деле. Он писал, что вооруженные силы ОАР были готовы к войне и оснащены прекрасным оружием, но им не хватало той «стратегии неизбежности», которая придавала силы Израилю. Хейкал рассказал о

том, как остались без прикрытия египетские самолеты, о преступном пренебрежении к системе предупреждения.

У нас современный, высокообразованный враг, писал Хейкал, и нам не остается ничего иного, как тоже стать современными и образованными. Неделю за неделей он вскрывал слабости, неудачи, самообман не только в армии, но и в повседневной общественной жизни ОАР.

Наконец 17 ноября 1967 года Хейкал пояснил, что старое представление об армии как о каком-то обособленном организме не выдерживает критики и что армия будет бессильна, пока она не станет частью общества. «Армия, – писал он, как бы думая вслух, – любая армия – это кора, которой общество защищает себя, но кора не может жить, если ее не питают живые клетки тела».

Июньская война заставила каждого египтянина критически взглянуть на самого себя, и благодаря такому самокритическому настроению в Каире заметно возросла политическая сознательность рядовых граждан. 27 ноября 1967 года лондонская «Таймс» писала, что «после войны в Египте наблюдается элемент деловитости. Египтяне так сильно переживали свое поражение, что и теперь, если кто-либо пренебрегает своими служебными или общественными обязанностями, ему говорят: «Вот из-за этого мы и проиграли войну».

Такая замечательная реакция населения, которое всегда остро переживало политические события, но не привыкло к коллективной ответственности, была абсолютно новым явлением для Египта. 10 декабря 1967 года корреспондент лондонской «Санди таймс» Роул Нокс писал из Каира, что Арабский социалистический союз созывает собрания общественности для обсуждения положения в Египте. По его словам, многочисленные собрания в городах и деревнях проходили в обстановке откровенной и острой дискуссии и что союзу рекомендовано и впредь «поощрять критику и выяснять, как воспринимает ее народ, совершенно не привыкший к общественным обсуждениям таких проблем». Нокс сообщал также, что началась кампания по ознакомлению народа с деятельностью правительства. «Насер считает, что это лучшая для него гарантия против возможных интриг, – писал Нокс и добавил: – Египетский народ вправе знать обо всех ошибках и недостатках». Даже сама идея ознакомления народа с деятельностью правительства нова для Египта. Но обращение за советом к народу подчеркивало тот факт, что в ОАР еще не разрешены внутренние конфликты.

В экономическом отношении война не имела для ОАР каких-либо катастрофических последствий, хотя Суэцкий канал закрыт и в какой то мере пострадало народное хозяйство. Но война пагубно отразилась на темпах экономического развития, которым придают особое значение современные плановики. Проблему египетского платежного баланса удалось частично решить с помощью арабских стран, производящих нефть, которые согласились на хартумской конференции в августе 1967 года компенсировать в твердой валюте потери ОАР от закрытия Суэцкого канала. Самой сложной и теперь остается проблема

ма, которая беспокоит Египет уже двадцать лет: как обеспечить землей и работой быстро растущее население. В этом отношении ключом к спасению ОАР является Асуанская плотина.

После войны успех всех усилий египтян внутри страны зависит от внешнеполитической обстановки. В 1968 году жителей Каира волнует не столько проблема возвращения Синайского полуострова, сколько вопрос об отношениях с Израилем: признать его существование или нет, жить с ним рядом или снова готовиться к его разгрому. Израиль всегда считал, что для его безопасности необходимо, чтобы арабы признали факт его существования в этом районе.

В январе 1968 года был отстранен глава Палестинской организации освобождения Ахмад аш-Шукейри, и его преемник Яхья Хамуда говорил об Израиле: «Мы должны считаться с фактами и не требовать невозможного».

В 1968 году большинство политических обозревателей, занимающихся ближневосточными проблемами, считали, что президент Насер склоняется к политическому урегулированию с Израилем, но только через ООН. Израиль же упрямо твердит, что конфликт может быть решен лишь путем прямых переговоров между двумя странами. По мнению арабов, любые переговоры с Израилем были бы фактическим израильским диктатом, а с этим они никак не могут смириться, особенно после 5 июня. Арабы говорят, что Израиль создан Организацией Объединенных Наций, и поэтому в ее рамках и должна решаться проблема. Совершенно ясно, что решение проблем Ближнего Востока зависит не только от признания арабами Израиля. Большинство арабских стран продолжает рассматривать Израиль как орудие империализма, и было бы очень трудно доказать египтянам, что это не так.

После войны обе стороны начали пересматривать и свои военные концепции. Израилю и его западным союзникам дважды удалось первыми нанести удар по ОАР с воздуха, но вряд ли это удастся им и в третий раз. Египет чуть ли не на следующий день после прекращения огня приступил к интенсивной тренировке летчиков и изучению новых методов рассредоточения, ибо он убежден, что рано или поздно Израиль снова нанесет удар. Но больше всего беспокоит ОАР не приобретение Израилем новейшей военной техники, вплоть до самых мощных ракет, а возможность израильского нападения на Асуанскую плотину, которое на долгие годы задержало бы развитие ОАР. ОАР также убеждена, что Израиль создает свою ядерную бомбу и, несомненно, применит ее, если увидит, что противник не уступает ему в военном отношении.

По мнению ОАР, это доказал уже тот факт, что сама ОАР согласилась, чтобы ООН инспектировала его атомные установки, тогда как Израиль отказался от инспекции.

За пределами ОАР и остального арабского мира, особенно на Западе, никто не верит, что Израиль может применить ядерное оружие. Тем не менее вопрос об израильском ядерном оружии остается одним из тех стратегических факторов, которые определяют дальнейший ход всего конфликта на Ближнем Востоке. Таким образом, судьба Каира

как города, как столицы, как памятника египетской истории висит на волоске, ибо она зависит от таких неустойчивых факторов, как арабская революция и арабско-израильский конфликт.

Через несколько месяцев после войны Каир снова выглядел нормальным городом. Зажглись огни, посетители заполнили кафе, кино и театры, возвратились туристы (кроме американцев), и бойко торговали магазины. Но когда идешь по улице Каира и вдруг видишь египетскую девушку в военной форме, кажется, что хрупкий мир города вот-вот нарушит грохот артиллерийской стрельбы.

Несмотря на все его трудности, Каир остается городом революции. Он все еще служит источником тех беспокойных идей, которые взрывают устарелую политическую систему арабских стран. У арабов могут быть только два мнения о влиянии Каира на арабский мир: либо арабская революция не нужна – тогда нельзя оправдать того, что происходит сейчас в ОАР, либо же арабская революция желательна и неизбежна – тогда Каир идет по правильному пути. Вся сущность революции заключается в том, что не все арабы думают так, как думает Каир. Если бы все арабы мыслили одинаково, не было бы никакой проблемы. Июньская война действительно заставила арабские государства с различными и иногда враждебными друг другу общественными системами принять идею арабского единства. Но тот факт, что эту идею истолковывали по-разному и противоречиво, свидетельствует, что революция еще продолжается. Серьезный анализ настроений каирской интеллигенции, политических кругов и простого народа мог бы подтвердить, что даже после войны проблемы арабской революции волновали Каир больше, чем пребывание израильских солдат на берегах Суэцкого канала.

Сейчас решается судьба не только Каира-города, но и его замечательного исторического наследия и его надежд на лучшее будущее. Если, придет война и будет разрушен Каир, погибнет много людей – в этом самая главная опасность. Но можно ли забыть об исторических руинах, которые именовались когда-то Фостатом. Его не раз разрушали, его могут опять сровнять с землей, и об этом невозможно думать спокойно, ибо у Фостата, сказочного города шатров, тоже была душа. Хочется, чтобы и эти соображения были приняты во внимание при решении сегодняшнего конфликта, который снова грозит гибелью Каиру.

Всякий, кто сжился с Каиром, неизбежно ощущает его нервное дыхание, знает его неприспособленность, умение искренне веселиться. Нет надобности отдаваться этому городу, он сам открывает перед вами свою душу: побудьте час или два с мужчиной, женщиной или ребенком в Каире, и они расскажут вам всю свою жизнь, а тогда уж ваше дело – восхищаться ею или осуждать ее. Мужчины все еще ходят по улицам Каира, невинно держась за руки, и люди просят вас лишь об одном – не обижайтесь на шутки. Случайная встреча на улице может перерасти в диалектический спор, а спор – в трагедию. Чувства разгораются удивительно быстро, достигают опасного накала, но, пожалуй,

ни один город не смеется так заразительно и горячо не только над шуткой, но и над самим собой.

Нет мерки, с которой можно было бы подойти к Каиру, так как у него для себя своя собственная мерка. Можно просидеть всю ночь на вершине Мукаттама и наблюдать, как мягко опускается ночь на крыши домов и как поднимается за ветхими минаретами, словно прозрачный мыльный пузырь, новый день; но как бы ни был романтичен город,

нет ничего чудеснее звона колокольчиков маленького веселого ослика на улочках Каира, где когда-то их мелодию слышал Сен-Санс. Ослики вымирают, а современный город бьется, как летучая мышь, о сковывающую его стену пыльного неба и знойной пустыни. Он растет словно кактус, становится шумным, грубым, недоверчивым, деловитым и жадно впитывает дуновение четырех ветров судьбы. Жизнь в городе каждый день делает еще один шаг вперед, а Каир, как истинный египтянин, предлагает гостю свое сердце, а не разум. Но он прочно стоит на страже своего будущего, черты которого он только сейчас начал различать.

«Возьми меня снова в Каир!»

Как много написано про Каир! Писателями и журналистами, политиками и историками, археологами и просто путешественниками, побывавшими в этом изумительном городе. Но, пожалуй, книга Дж. Олдриджа о Каире, от которой вы только что оторвались, дорогой читатель, одна из самых ярких и, если хотите, значительных. Я прочитал ее, что называется, залпом. Когда-то точно так же я проглотил олдриджевского «Дипломата». «Каир» не роман, но читается с не меньшим азартом. Именно азартом, неповторимым стремлением узнать от писателя все до конца о великом городе на берегах Нила.

Трудно определить жанр «Каира». Да, это не роман, но и не сухая историческая хроника, подобно той, какую оставил нам Габарти о Египте прошлого века. «Каир» – увлекательная поэма об одном из интереснейших мест на земле, которое сейчас, как и многие сотни лет назад, люди называют Каиром.

Каир не просто город. Это целый сплав городов. Каир не кичлив. В 1969 году египтяне отметили его тысячелетие. В честь события выпущен роскошный фолиант, в котором собраны превосходные фотографии, дана сжатая канва истории столицы ОАР за десять веков. Дж. Олдридж не открывает новой Америки, когда пишет о том, что Каиру лет куда больше. Наверное, не меньше четырех тысяч!

Отчего такое пренебрежение к тщеславию? Наверное, оно в характере египтян. Может быть, они не хотели портить настроение Дамаску, как, впрочем, и Багдаду, за которыми на Ближнем Востоке давно числятся эпитеты «древнейших» и «старейших»?

Но давайте поставим тот же вопрос иначе. Может быть, египтяне тысячелетием Каира хотели прежде всего увековечить его как истинно арабский город? Сказать так весьма соблазнительно. Но ведь никто с таким тщанием, как египтяне, не бережет каирские сокровища, доставшиеся нынешнему городу от далеких, древних и самых древних нильских цивилизаций. Каждый, кто бывал в Каире хотя бы раз, в этом убеждался на всю жизнь.

Трудно представить себе египтян без Каира. Полтора десятка лет назад с моим коллегой – теперь очень известным журналистом – случилось нечто, о чем стоит рассказать. Он только что приехал в Египет и, естественно, плутал по улицам Александрии, ища дорогу в Каир. На его глазах, наверное, тоже не очень большой александрийский старожил искал дорогу в... Египет! Он говорил на арабском. И могло показаться, что разыгрывается то сам дорожное происшествие, когда голова «идет кругом».

Египтянин не ошибался. Он делал то, что делают миллионы его соотечественников – он называл Каир Египтом. Так принято в этой стране, в которой столица давно стала символом всей страны!

Мне пришлось прожить в Каире шесть лет кряду. Десятки я прилетал в него отовсюду – из Москвы и Найроби, Хартума и Асуана, Рабата и Аддис-Абебы. И каждый раз мне казалось, что я прилетаю в родной город. Каир привязчив и по-человечески дружелюбен. А чувствовать себя как дома удастся в нашем мире не везде!

Египтяне настороженно относятся к новым знакомым. Я не оговорился. Гостеприимство египтян, как и арабов вообще, не знает границ. Но одно дело, когда ты гость. И совсем другое, когда ты хочешь быть товарищем. Египтянин долго присматривается к тебе что называется, «со всех сторон». И, только убедившись, что ты не предашь его – в большом и малом, в житейском и политике, раскроет для тебя свое сердце. И никогда его перед тобой не закроет.

Так и Каир. Он простодушен и подозрителен. Перешагнуть через порог его души не так-то просто. И не правы те, кто считает, что достаточно произнести некую всесильную формулу: «Каир откройся» – и город у твоих ног! Надо еще доказать, что не хочешь ему зла.

Дж. Олдриджу удалось самое удивительное – он почувствовал душу Каира. Наверное, потому, что искренне его любит. Я далек от мысли, что Каир есть само совершенство. Совсем нет! Каир, как простой человек, полон черт очаровывающих так же, как и черт отталкивающих. Но очарования в нем все-таки больше!

Мне пришлось сесть за машинку, чтобы отстучать эту статью после того, как я только что снова летал в Каир. Признаюсь, на этот раз я вернулся с берегов Нила со смешанным чувством. Вот уже более трех лет продолжается израильская агрессия. В Каире же войны не чувствовалось, хотя фронт тогда был всего в ста тридцати километрах, если говорить о расстоянии, ну скажем, до Суэца. На моих глазах египетские юноши спорили о преимуществах советских реактивных самолетов МИГ перед «миражами» и «фантомами». Вечером каирские кинотеатры ломались от публики. Среди желавших попасть на модный американский фильм мелькали фуражки алжирских солдат, слышалась французская речь. Ночью на знаменитой улице Пирамид оглушали неоновыми огнями входы в грохотавшие музыкой ночные стереоклубы.

Днем на оживленных каирских перекрестках разносчики газет предлагали переведенную на арабский язык марксистскую литературу. В книжных магазинах можно было легко найти интересные вещи о Советском Союзе. По каирскому радио звучали передачи о нашей стране. На экранах каирского телевидения не

проходило дня без демонстрации советских фильмов. Никто из египтян не скрывает своих искренних симпатий к Советскому Союзу за ту огромную поддержку, которую он оказывает Объединенной Арабской Республике, всем арабам.

В том, что я только что воспроизвел, – мое новое открытие Каира. Дж. Олдридж, сам того не ведая, отлично показал, что Каир по-настоящему не защищал себя не десятилетиями, а веками! В Египет вторглись солдаты Наполеона (кстати, Дж. Олдридж напоминает о давно забытой истине: знаменитый гизский Сфинкс изуродовали отнюдь не французские солдаты – «варвары», что поспешили запечатлеть на гравюрах и даже полотнах теперь уже тоже забытые художники), а каирцы не спешили оборонять свой город. Они словно набирали силу для решающего удара. Но чего это стоило Каиру!

Когда-то нас учили, что исторические аналогии опасны. Рискуя впасть в ошибку, я все-таки попробую объяснить нынешнее состояние молодых каирцев все тем же летаргическим осмыслением существования происходящего в мире. Да и не только в мире, но даже на Ближнем Востоке.

Как-то на званом дипломатическом приеме мой собеседник, известный каирский адвокат, напомнил мне примечательную черту арабской жизни.

– Все, что происходит на берегах Нила, – говорил он, – могучим политическим эхом отзывается во всех арабских столицах. Обратного не происходит!

В июле 1952 года в Каире военные свергли короля и взяли всю полноту власти в стране в свои руки. Тогда произошло, казалось бы, необъяснимое: англичане, стоявшие в зоне Суэцкого канала, равнодушно наблюдали, как перегруженный чемоданами Фарук отплыл в Италию.

Ведь всему миру было ясно, что британская оккупация Египта, начавшаяся в 1882 году – о ней Дж. Олдридж повествует очень интересно, а временами просто захватывающе, – завершается.

И совсем не по милости Лондона. Английский посол в Каире безмолвствовал. Тот самый посол, который легко приводил к власти, так же легко свергал египетских хедивов и королевские правительства. Почему англичане молчаливо взирали на то, как гибнет их империя на Ближнем Востоке? Во всяком случае, военный переворот в Каире в ночь на 23 июля 1952 года стал своего рода прелюдией к этой гибели.

Ларчик открывался просто. Поверженного египетского монарха на александрийской пристани провожал американский посол Дж. Кэффери. После второй мировой войны на Ближнем Востоке появилась новая сила – США. Конечно же, американский империализм был ничем не лучше английского. По расчетам же молодых египетских офицеров, пришедших к власти в

ночь на 23 июля 1952 года, США могли сыграть роль противовеса, который можно было использовать против Англии.

Накануне переворота подполковник Али Сабри, возглавлявший разведку ВВС Египта, посетил военно-воздушного атташе посольства США в Каире подполковника Эванса и сообщил ему о предстоящем выступлении «Свободных офицеров». В существовавших тогда условиях этот ход, наверное, был оправданным. Вернее, ловким. США на первых порах сыграли роль столь необходимого противовеса. Англия не рискнула тогда использовать свои части в зоне Суэцкого канала.

Но едва только Египет попытался получить для своей армии современное американское оружие, как в Вашингтоне вспомнили Тройственную декларацию 1950 года, которая была отброшена после переворота в Каире. Ее подписали США, Англия и Франция. Три империалистические державы обязались проводить согласованную политику на Ближнем Востоке, особенно во всем, что связано с поставками оружия странам этого района. Американцы отказались поставить Египту требуемое оружие. Тот самый противовес, который, казалось, уже был в руках молодых египетских офицеров, ускользал и даже начал действовать заодно с англичанами. Те же, как и французы, не хотели оснащать армии арабских стран вообще какой-либо современной военной техникой.

Вспомним июль 1956 года. Государственный секретарь США Дж. Фостер Даллес решил «проучить» президента Насера за его слишком независимую политику. По мнению американских политиков, молодой египетский подполковник слишком активно выступал против Багдадского пакта, который сколачивали США. Дж. Фостер Даллес демонстративно отказал Египту в займе на строительство Асуанской плотины. В ответ Насер объявил о национализации Суэцкого канала. Это был удар уничтожающей силы по всей системе экономического и политического империалистического господства на Ближнем Востоке.

Что тогда делалось в Каире! Город ходил ходуном. Каирцы ненасытно испивали молодое вино свободы их древней страны и были счастливы. Им казалось, что борьба за подлинную независимость уже выиграна. Никто из них не подозревал, что она еще только начиналась. Но Каир так доверчив, и прежде всего к самому себе!

Пусть это не покажется парадоксом. Великий город на Ниле всегда был в центре событий европейских и мировых. Но Каир никогда не был центром этих событий. Всегда ему диктовали, а не он предписывал. Дж. Олдриджу впервые в мировой литературе о Каире удалось дать почувствовать это читателю. Давайте вернемся к XIX веку. Даже в эпоху Мухаммеда Али, когда Каир часто противопоставляли Константинополю (Стамбулу), правителем Египта был албанец. Только в ночь на 23 июля 1952 года, когда восставшие офицеры низвергли его потомка – короля Фа-

рука, иностранное господство в стране наконец рухнуло. Вдумайтесь в это, читатель. И попытайтесь дать ответ на такой вопрос: может ли любое государство всего за полтора десятилетия избавиться от тяжелейших пороков чужеземного господства?

Каир снова танцевал от неописуемой радости, когда услышал слова Насера о том, что Суэцкий канал принадлежит египтянам. То был порыв в неизвестное. Именно в неизвестное. Впереди Каир, как и весь Египет, ожидали суровые испытания.

На набережной Нила, что в Гарден-сити, долго тянется глухая стена, за которой укрылось английское посольство. Въезд в него с противоположной стороны. Когда в лучшие для Англии времена его превосходительство посол давал пышные приемы – а это было довольно давно! – раскрывались тяжелые чугунные ворота с вензелями хозяев Букингемского дворца. Сейчас на них большая буква Е. с римской цифрой II, что напоминает о королеве Елизавете Второй.

В Каире давно не оглядываются на английское посольство. Забыты напрочь времена, когда газоны посольства выходили прямо к Нилу – теперь там набережная и по ней снуют автомашины, и даже маленькие ослики торопятся в старый город. Но есть еще каирцы, которые не могут без трепета не только приходиться, но даже вспоминать о днях минувших, когда их приглашал к себе сам английский посол!

Скажите, что все это всего «только» анахронизм, неизбежный в такой стране, как Египет? Это так и не так. Англичан-правителей давно нет в Каире, но созданный ими клан прислужников-египтян, которые занимают роскошные виллы в Гелиополисе или том же Гарден-сити, а теперь получают государственные пенсии, стоя в очереди в банках по выплатным дням, остался. И они не только предаются благостным воспоминаниям, но и, внимательно наблюдая за тем, как трудно переживает ОАР израильскую агрессию и ее опасные последствия, с затаенным дыханием ждут провала существующего в стране прогрессивно-режима. И не только ждут, но и пытаются ускорить события. Чем? Ну хотя бы убийственным на первый взгляд рассуждением о том, что во времена Фарука война в Палестине продолжалась пять месяцев, а июньская война 1967 года всего шесть дней! Попробуйте спокойно отреагировать на столь злое и недобросовестное сравнение. Ничего не выйдет. Каждый египтянин хочет как можно скорее возвратить оккупируемые израильской армией земли и восстановить военное и политическое реноме своей страны.

И здесь мне кажется уместно вернуться к событиям, происшедшим в Каире вскоре после военного переворота в июле 1952 года. Город встретил выступление армии против короля Фарука восторженно. Но никто не знал ни подполковника Насера, ни генерала Нагиба, ни их окружения. Подавляющее большинство офицеров, пришедших к власти, были молоды. Насеру

тогда исполнилось всего 33 года. Все ожидали, что же офицеры собираются делать. Маневр с США удался. В 1954 году английские представители в Каире подписали соглашение об эвакуации британских солдат из зоны Суэцкого канала. Но маневр дал хотя и важный, но частный эффект. Он не разрешил и не мог разрешить коренных проблем Египта.

В 1955 году президент Насер предпринял шаг, «на смерть» испугавший Запад и прежде всего США. Отважный подполковник обратился за оружием к Советскому Союзу. Он получил его, что и переполнило чашу терпения Дж. Фостера Даллеса, посчитавшего такой курс слишком независимым. В сочетании с борьбой Насера против Багдадского пакта это уже было слишком. По крайней мере именно так рассуждали в Вашингтоне.

Американские политики заблуждались. Они не поняли вовремя, что на Ближнем Востоке появилась новая социальная сила – так называемые средние классы, которые практически возглавили борьбу за независимость. И не только за независимость, но и за выживание, а затем и самоутверждение. Каир стал Меккой этих сил. Насер – их знаменосцем. Наверное, в этом секрет того, что все происходящее в Каире теперь действительно немедленно отзывается политическим эхом в других арабских столицах.

Иначе рассуждали в Вашингтоне. Едва только египетские военны в Каире продемонстрировали свою приверженность той самой свободе, ради которой они выступили 23 июля 1952 года, американские политики решили «нажать», а в случае необходимости и сменить строптивых офицеров на послушных, но натолкнулись на непредвиденные препятствия. Самым главным из них, практически непреодолимым была неспособность понять суть египетской революции. Каир представлялся американским политикам почти Ар-Риадом, где они могли менять королей и их руками расправляться с неудобной оппозицией. В Саудовской Аравии такое проходило. Ведь эта арабская страна жила еще в феодализме, и в ней можно было опираться на услужливых монархов и шейхов. Египет же давно развивался по капиталистическому пути. Каирский универсальный магазин «Сикурель» торговал не только английскими и французскими товарами, но и египетскими. Причем товарами отличными, которые производились на египетских фабриках и заводах.

Следует также учесть весьма важный новый элемент обстановки на Ближнем Востоке. Я имею в виду создание государства Израиль. Каирцы, как и египтяне вообще, не фанатики-антисемиты, как их пытаются с некоторых пор изобразить в американской и западноевропейской печати. Евреи в Каире всегда жили спокойно. В городе постоянно функционируют синагоги. В Каире с 1948 года не произошло ни одного еврейского погрома, как их не было и раньше. На Хан аль-Халиле, знаменитом каирском

Золотом базаре, я не раз встречал египтян-евреев, которые весьма прибыльно занимаются торговлей и ремеслом.

Всякий, кто пытается утверждать, что Каир чуть ли не анти-семитский город, пытаются утвердить ложь. Нет людей более терпимых к религии и обычаям других, чем египтяне. Они могут сопротивляться вторжению в свою духовную жизнь, но никогда не попытаются делать то же самое со своими соседями. Как и Египет, его столица всегда стремится оставаться независимой. Всякую попытку ее ущемить – даже если это будет только казаться, – Каир встретит сопротивлением. В этом его достоинство и беда. Достоинство потому, что воздается каждому, кто умеет постоять за себя, тем более что постоять за себя жизненно необходимо. Беда потому, что не все, что кажется, есть сама жизнь. Но пока Каир в этом успевает разобраться, иногда происходит непоправимое.

Если хотите, в этом квинтэссенция философии многих народов «третьего мира», в том числе арабских. Слишком долго Египет оккупировали и жесточайшим образом обманывали и угнетали англичане, чтобы они им верили. Но ведь мир состоит не из одних только англичан! И сколько раз Каир обманывали пришельцы. В этом огромном городе настороженность часто перерастает в предубежденность, чем пользуются слишком многие – не только иностранцы, но и те египтяне, которых не устраивает происходящее в стране.

Есть в Каире на острове Замалек, рядом с «Гезира спортинг клуб», как этот известнейший на Ближнем Востоке спортивный клуб называют до сих пор на английский манер, небольшое здание. Вокруг него еще сохраняются посты военных моряков. В здании когда-то размещался Совет революционного командования. В нем проходили те самые бурные совещания руководителей «Свободных офицеров», на которых решались судьбы Египта. Проезжая мимо давно опустевшего Дома революции, как его называют о Каире, невольно задумываешься над судьбами тех, кто начинал египетскую революцию. Где они теперь?

Генерал Мухаммед Нагиб – «забытый герой» отнюдь не забытой революции – тихо доживает свой век, существуя как отставной военный на свою совсем не маленькую пенсию. Он не был подлинным руководителем переворота в ночь на 23 июля 1952 года. Генерала пригласили возглавить движение, к которому он не имел никакого отношения. Он был очень популярен в египетской армии.

Появление Мухаммеда Нагиба в роли «отца» «Свободных офицеров» было кстати. Его фигура привлекла к ним внимание и на первых порах обеспечила поддержку многих буржуа. Мухаммед Нагиб не оправдал надежд сторонников и радетелей буржуазно-демократического Египта. В 1954 году, когда генерал готовился к решительной схватке с Советом революционного командования за всеобщие парламентские выборы, которые на-

верняка привели бы к возрождению парламента и, конечно, старых политических партий, его отправили под либеральный домашний арест.

Теперь появление М. Нагиба в Каире, куда он редко выезжает на стареньком «кадиллаке», не производит никакого впечатления. Судьба к нему благосклонна: генерал здравствует, несмотря на свои преклонные годы. Он даже интересуется политикой, хотя и не привлекает внимания тех, кто ее делает на берегах Нила. Но во всякой благосклонности всегда есть доля недоброй иронии. Мухаммед Нагиб живет на каирской вилле Нахаса-паши, того самого лидера некогда всесильной партии Вафд, которую «Свободные офицеры» отстранили от власти в 1952 году.

Абдель Хаким Амер – маршал, до рокового для него июня 1967 года – опора египетской революции в армии. В момент переворота 1952 года был правой рукой Насера. Родители Амера – зажиточные крестьяне. Маршал был подлинным представителем египетских средних социальных слоев. Амер сделал много во имя того, чтобы его страна имела достойные вооруженные силы, которые смогли бы защищать ее границы. В 1959 году он ограничил всех египетских генералов, которые хотели иметь рядом западногерманских инструкторов. По приказу Амера этих генералов изгнали из вооруженных сил ОАР. Но маршалу явно не хватало понимания, казалось бы, простой истины – жизненной необходимости повышать технический уровень египетского солдата и офицера.

Амер окончил военную академию еще в 1938 году. Вместе с Насером начинал службу в небольшом городке Монкаде в Верхнем Египте. И им тогда казалось, что, посвятив свои жизни процветанию Египта, они никогда не разойдутся. Можно исписать десятки страниц о том, как неряшливо, не современно воспитывались египетские солдаты при Амере. Но ни в коем случае нельзя отрицать того, что именно Египет был первой страной, входившей в Британскую империю, которая нанесла ощутимое поражение метрополии. Я имею в виду не только вывод английских солдат из зоны канала в июне 1956 года, но и суэцкую войну. Об этом в Каире напоминает знаменитый мост аль-Гая. Ну, а что касается суэцкой войны, то Антони Иден, которому она стоила блестящей карьеры лидера партии британских консерваторов и поста премьер-министра, написал об этом не один том.

Каир отомстил Англии за столь пренебрежительное отношение к той самой силе, которая стала определять события на берегах Нила после военного переворота в июле 1952 года. Египет вырвал свою свободу из цепких рук английских колонизаторов ценой колоссальных жертв народа. Наверное, поэтому офицеры, начинавшие революцию 1952 года, становились так популярны. Амер воспользовался этой популярностью в ущерб инте-

ресам своей родины, которым он незадолго перед этим поклялся служить.

Средние социальные слои в ОАР обладают широчайшей гаммой революционных устремлений и возможностей. В 1952 году Амер ратовал за аграрную реформу, благодаря которой в стране впервые ограничивалось крупное землевладение. Реформа не коснулась его отца и родственников. Землю отбирали лишь у крупных помещиков, что не устраивало некоторых сослуживцев маршала. Среди них были выходцы из потомственных аристократов. Эти теряли землю и свои посты в армии. Молодые офицеры приобретали землю. Разумеется, в допустимых пределах. Наделы не превышали тот самый максимум, который был введен аграрной реформой.

Амер сделал все, чтобы повысить оклады офицерам. Ведь они почитались «отцами революции»! Когда же потребовалось укрепить молодую египетскую промышленность кадрами, верными президенту, то в нее пачками направлялись отставные полковники и генералы. Появились революционные офицеры в гражданских пиджаках. Они наводили дисциплину, а заодно погрязали в бизнесе, что медленно, но верно превращало их в элементарных дельцов. За ними тянулись генералы и офицеры, находившиеся на службе. В египетской армии образовывалась та самая «военная буржуазия», которая сыграла столь роковую роль в июне 1967 года.

Она широко использовала Амера, и он прекрасно это знал. Маршал медленно, но верно утрачивал те самые качества, которые позволяли ему в первые годы революции способствовать ее успеху. К 1962 году Амер превратился в оплот всего консервативного и антиреволюционного в египетской армии. Многие офицеры, остававшиеся на службе, практически основали известный клан, в который вошли очень влиятельные офицеры и генералы. Они стали открыто препятствовать осуществлению революционных реформ. Амер выступил против того, чтобы осуществлялся третий максимум крупного землевладения, провозглашенный Насером в мае 1962 года. Возглавляя перед июнем 1967 года Комитет по борьбе с остатками феодализма, он тормозил разоблачение крупных помещиков, которые нарушили закон об аграрной реформе. Бывшие генералы и полковники, действовавшие в промышленности, но не терявшие связи с Амером, вели дело к тому, чтобы свертывать революцию в египетской национальной экономике, что было проявлением самых настоящих контрреволюционных тенденций, порожденных неустойчивыми элементами все тех же средних классов.

Амер, как впечатляюще рассказал Дж. Олдридж, кончил печально. После июня 1967 года он приступил к сколачиванию военной группы, которая гоювила переворот-антипод тому, который он вместе с другими лидерами «Свободных офицеров» совершил в июле 1952 года. Потерпев неудачу, Амер покончил с

собой. Его бесславная смерть не на поле сражения, а в больничной палате, ставшей немой свидетельницей его последней тайны, не вызвала в Египте человеческой горечи. Амер убил не только самого себя. Вместе с ним сошли в могилу претензии довольно влиятельной группы военных, которые порвали с революцией и стали пособниками империализма и контрреволюции.

Гамаль Салем, полковник египетских ВВС. Вот уже более десяти лет его имя не упоминается ни в ОАР, ни за границей. Гамаль Салем всегда считался оплотом консерватизма в Совете революционного командования. Он выступал решительно против каких бы то ни было революционных преобразований в Египте, ибо считал, что все в нем вечно, как великий Нил. Гамаль Салем, как один из влиятельнейших членов Совета революционного командования, был практически против обращения за оружием к Советскому Союзу. Наверное, из-за этого его пути с Насером разошлись. Сказалось на его карьере и слабое здоровье. Гамаль Салем вскоре после переворота отошел от дел государства и армии. Он много ездил за границу, где лечился от своих тяжелых недугов. Несколько лет назад Гамаль Салем умер.

Салах Салем, армейский майор. Один из наиболее активных лидеров «Свободных офицеров». Он был министром национальной ориентации. Очень много занимался печатью и радио, направлял их выступления во всем, что было связано с революцией. Сразу после переворота 1952 года Салаха Салема называли тенью Насера.

Майор весьма активно занимался Суданом. Он даже предпринял довольно рискованную поездку на суданский юг, где пытался наладить контакт с представителями больших южносуданских племен. Будучи человеком очень непосредственным, Салах Салем решил, что лучшая форма контактов – приобщение к местным обычаям. Однажды он участвовал в ритуальных танцах одного из южных племен. Факт этот произвел сенсацию, попал в мировую печать. Салаха Салема стали называть «танцующим майором», унизительной кличкой, от которой он так никогда и не отделался.

После скандала с Насером по проблемам Судана Салах Салем разошелся с ним, и довольно надолго. Около трех лет майор находился в опале; начал было подвизаться в коммерции, но затем вернулся в печать. Но уж не в роли наставника, а главного редактора каирской газеты «Аль-Гумхурия». Эта работа не принесла ему ни славы, ни личного удовлетворения.

Разумеется, не появление Салаха Салема в печати ОАР увековечило его имя в истории египетской революции. Он сыграл весьма важную роль во всем, что связано с началом переговоров Египта с Советским Союзом о поставках оружия. Салах Салем начинал эти переговоры во время Бандунгской конференции и продолжал их в Каире до августа 1955 года. 2 сентября

Насер объявил о том, что Египет получит требуемое для него современное оружие из Советского Союза, чем вызвал небывалый политический переполох на Западе и прежде всего в США.

Салах Салем страдал неизлечимым недугом почек. Несколько лет назад Каир прощался с Салахом Салемом трогательно, как с достойным сыном ОАР, сделавшим так много для ее процветания,

Абдель Латиф аль-Богдади, подполковник египетских ВВС. Политическая судьба этого человека подобна замысловатой книге. Он знал небывалые взлеты и столь же захватывающие падения. В Совете революционного командования Абдель Латиф аль-Богдади представлял летчиков, которые в египетской армии всегда считались аристократами. Принадлежность к этому весьма влиятельному сословию обеспечивала допуск в высшее общество Египта. Выходцам из весьма зажиточных семей, чтобы служить в египетских ВВС, нужно было получать весьма солидный доход, они с самого начала не разделяли революционных порывов Насера и его ближайшего окружения. Их коробило даже от мысли, что «продавцы редиски и салата», как они именовали феллахов, будут заседать в египетском парламенте.

Абдель Латиф аль-Богдади полагал, что наилучший путь для Египта – союз с Западной Германией. Он представлял его как некую унию, охватывающую самые различные области жизни страны, включая и армию. Германские генералы и офицеры с его точки зрения были превосходными наставниками. Абдель Латиф аль-Богдади сопротивлялся как мог «советскому проникновению», особенно в вооруженные силы. Занимая самые различные посты, в том числе министра общественных работ, он поддерживал обширные связи с египетскими буржуа, которые перевозили его до небес как непревзойденного дельца и прекрасного политика.

Будучи председателем Национального собрания и вице-президентом ОАР, пост которого он занял после объединения Египта с Сирией, Абдель Латиф аль-Богдади всегда оставался самим собой. Его лебединой политической песней стала поездка в Западную Германию, где он набрал займов под высокие проценты и надавал много обещаний, чем привел в смущение даже своих сторонников. После того как на Национальном конгрессе народных сил была провозглашена социалистическая программа развития ОАР, Абдель Латиф аль-Богдади счел за благо подать в отставку. Одному из своих друзей он говорил, что устал настаивать на своем и поэтому уходит. Революция безжалостно раздавила его, но не до конца. Его дом в Гелиополисе еще навещают иностранные дипломаты и журналисты.

Закария Мохи эд-Дин, армейский подполковник. Его часто не без основания называют египетским Макиавелли. Трудно было понять, по крайней мере до июньской войны 1967 года, к чему стремится этот ловкий и очень скрытный человек. На лице Зака-

рия Мохи эд-Дина всегда застывшая непроницаемая маска. Подтянутый, собранный, всегда готовый к действию, он долго занимался внутренними делами ОАР. Закария Мохи эд-Дин занял пост министра внутренних дел Египта непосредственно после того, как им довольно недолго был сам Насер. Непроницаемый подполковник готовил аресты коммунистов в Египте в 1958-1959 годах.

В то памятное время мне пришлось беседовать с Закария Мохи эд-Дином. Подарив мне на память свою макиавеллиевскую улыбку, он заметил, что не может дать мне ответа на вопросы о том, каковы принципы внутренней политики ОАР.

– Мое дело, – заметил он, – безопасность на улицах! Только уличное движение. Ведь Каир такой сумасшедший город. Его все время лихорадит от невоспитанных шоферов такси.

Занимал Закария Мохи эд-Дин пост председателя высшего комитета ОАР по делам Асуанской плотины. Он показал себя на этом посту отличным администратором. Наверное, это привило ему вкус к самостоятельности, хотя его и считают только исполнителем. Когда ОАР проиграла «шестидневную войну», именно Закария Мохи эд-Дина назвали единственным кандидатом в новые президенты. Он не возражал и даже наговорил на магнитофонную пленку «тронную речь». Но она не была передана по каирскому радио. Мир так и не узнал, с чего же собирался начать новый глава египетского государства.

Позднее Закария Мохи эд-Дин довольно быстро определился. В качестве главы правительства он представил Насеру довольно откровенный проект решения всех внутриэкономических проблем. Суть проекта сводилась к тому, что необходимо поощрять частный сектор, получить новые займы, разумеется, у Запада, а все прорехи бюджета заткнуть за счет увеличения налогов на население.

В декабре 1968 года Насер сместил Закария Мохи эд-Дина со всех занимаемых им постов. Он насмерть стоял на своем проекте и не уступал ни на йоту. Закария Мохи эд-Дин прекрасно понимал, что за его спиной вся египетская контрреволюция. Это-то и было началом его конца.

Закария Мохи эд-Дин редко бывает в Каире. Он демонстративно живет в своей родной деревне, куда изредка наведываются его сторонники. Среди них не только архиправые, но и левые. Таков уж Закария Мохи эд-Дин. Он националист, которому не чужд и исламский восторг.

Халед Мохи эд-Дин, майор танковых войск. Его действия во время переворота в ночь на 23 июля 1952 года сыграли решающую роль в захвате Каира «Свободными офицерами». Халеда Мохи эд-Дина за его прогрессивные убеждения называют «красным майором». На Западе его часто именуют коммунистом. На самом деле Халед Мохи эд-Дин никогда не был членом ни

одной из коммунистических или марксистских групп, существовавших на берегах Нила.

Убеждения его всегда были очень прогрессивными, что серьезно пугало как его друзей, так и врагов, особенно последних. Влияние Халеда Мохи эд-Дина на все, что происходило в Совете революционного командования, было очень большим. В 1954 году он допустил серьезную ошибку – поддержал генерала Нагиба, ратовавшего за формальную демократию английского типа. Халед Мохи эд-Дин полагал в то время, что его главной задачей было не допустить ничьей личной диктатуры.

Ошибка стоила «красному майору» многого. Насер не забыл той поддержки, которую тот оказал генералу Нагибу. Вслед за изгнанием генерала со всех постов в государстве и армии настала очередь и Халеда Мохи эд-Дина. Ему предложили выехать из страны в Швейцарию. «Красному майору» присвоили ранг посланника и облекли подобием особой дипломатической миссии в Женеве.

Халед Мохи эд-Дин возвратился в Египет в 1956 году, после того как Египет был провозглашен республикой. Во время тройственной империалистической агрессии он редактировал специально созданную вечернюю каирскую газету «Аль-маса», к которой примкнули многие прогрессивные левые журналисты. Госдепартамент, направивший в 1957 году секретную ноту Насеру о так называемой «красной опасности» в Египте, требовал его немедленного смещения.

Халед Мохи эд-Дин по-прежнему влиятельная фигура в Каире. Он, как и прежде, «красный майор». Возглавляя Национальный совет мира ОАР, Халед Мохи эд-Дин продолжает то, что начал в июле 1952 года, – активно поддерживает прогрессивные меры правительства. В Национальном собрании Халед Мохи эд-Дин возглавляет специальный комитет по Асуанской плотине. За границей, куда он часто выезжает, «красный майор» активно защищает интересы своего народа.

Халед Мохи эд-Дин большой друг Советского Союза. Он много раз бывал в Москве, участвовал в самых различных кампаниях против империализма и неокOLONиализма. В апреле 1970 года, в канун 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, Халед Мохи эд-Дин стал лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

28 сентября 1970 года скоропостижно умер президент Насер. Многим на Западе казалось тогда, что столь печальное событие в конце концов обернется для Египта и египтян, для всех каирцев, поддержавших своего президента в тяжелые дни июня 1967 года, самой настоящей катастрофой, свертыванием революции. Той самой революции, начало которой положило выступление «Свободных офицеров» в ночь на 23 июля 1952 года.

Каир встретил печальную новость стойко, как подобает этому городу. Он ответил не только скорбью, но сплочением всех

своих подлинно революционных сил, непоколебимым стремлением укреплять дружбу с Советским Союзом. Это было крушением тех самых надежд империалистического Запада, о которых я упомянул выше. Продолжается не только борьба за ликвидацию опаснейших последствий израильской агрессии. Продолжается египетская революция. Клятву верности идеям президента Насера, великому делу, которому он отдал свою жизнь, дал его преемник Анвар Садат. Он вместе с умершим президентом начинал непримиримую борьбу за честь и подлинную независимость Египта. И именно Каир стал тем полем сражений, которые египетские патриоты выиграли.

Я неспроста приоткрыл завесу времени над судьбами многих из тех, кто начал и кто продолжает египетскую национально-освободительную революцию. Какие они?

На этот вопрос, наверное, точнее других ответит Каир. В мае 1963 года, возвращаясь из Аддис-Абебы, где проходила первая встреча глав африканских независимых государств, мне пришлось слышать нечто поразительное. Мой сосед-габонец, глядя на вечерний Каир, удивился и признался, что он никогда не был в этом городе.

– Почему?

– В Каир приезжать небезопасно. Ведь этот город – красная столица Африки. Насер – коммунист!

Приходилось мне слышать и нечто противоположное. Кое-кто называет Каир чуть ли не оплотом национализма и реакции. Каждый, кто прочтет эти строчки, найдет в них то, что ему по душе. Мне же представляется, что Каир вместе с египетской национально-освободительной революцией нам очень близок, становится с годами ближе и дружественнее.

Каир слишком часто поет и танцует. Это у него в крови. Одна из очень популярных песен остается в сердцах тех, кто в те годы жил на берегах Нила:

«Возьми меня снова в Каир!..»

У каждого из нас – своя родина, свои любимые города. Они ближе всего на свете. Но кто хоть раз побывал в Каире, о котором так захватывающе написал Дж. Олдридж, его не забудет никогда.

Игорь БЕЛЯЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
1. Фундамент.....	11
2. Династический Каир	14
3. Гелиополис.....	20
4. Вавилон	27
5. Фостат.....	32
6. Фостат – Миср	37
7. Аль–Кахира.....	44
8. Каир Саладина	58
9. Каир при османских турках.....	84
10. Наполеоновский Каир.....	97
11. Каир Мухаммеда Али.....	111
12. Европеизированный Каир.....	126
13. Каир лорда Кромера.....	139
14. Революционный Каир	148
15. Конец оккупации	157
16. Египетский Каир.....	171
17. Борьба за существование, 1952–1956	172
18. Рост национального самосознания, 1956–1962.....	178
19. Европейское наследие.....	185
20. Средневековый город сегодня.....	193
21. Новый город.....	201
22. Нравы и обычаи	207
23. Каирская интеллигенция.....	221
24. Неизбежность судьбы	234
«Возьми меня снова в Каир!» Игорь Беляев	245

Олдридж Джеймс

КАИР. БИОГРАФИЯ ГОРОДА. Пер. с англ. В. Орестов. М., «Молодая гвардия», 1970.

304 с, с илл. (Ровесник).

И(Англ.)

Редактор **Л. Антипина**
Худож. редактор **Н. Печникова**

Художник **Г. Пондопуло**
Техн. редактор **М. Сольшко**

Корректоры **Н. Павлова, Г. Василёва**

Сдано в набор 18/VI 1970 г. Подписано к печати 24/XI 1970 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 9,5 (усл. 15,961+8 вкл.
Уч.-изд. л. 19,1. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 18 к. Т. П. 1970 г.,
№ 167. Закс- 1015.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Суцевская, 21.

